

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ

СОЧИНЕНИЙ

А. С. ПУШКИНА.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ПОЭМЫ, СКАЗКИ,
ПѢСНИ ЗАПАДНЫХЪ СЛАВЯНЪ.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ, КНИГОПРОДАВЦА

Я. А. ИСАКОВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1869.

Въ типографіи Гогенфельдена и К^о.
(Вас. Остр., 3 л., № 44).

ПОЭМЫ, СКАЗКИ, ПѢСНИ ЗАПАДНЫХЪ СЛАВЯНЪ.

І. РУСЛАНЪ и ЛЮДИЛА.

(1817.—1820).

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Для васъ, души моей царицы,
Красавицы, для васъ однихъ
Временъ минувшихъ небылицъ,
Въ часы досуговъ золотыхъ,
Подъ шопоть старины болтливой
Рукою вѣрной я писалъ;
Примите-жъ вы мой трудъ игривой!
Ни чьихъ не требуя похвалъ,
Счастливъ ужъ я надеждой сладкой,
Что дѣва съ трепетомъ любви
Посмотритъ, можетъ быть, украдкой
На пѣсни грѣшныя мои.

ПРОЛОГЪ.

У лукоморья дубъ зеленый,
Златая цѣпь на дубѣ томъ:
И днемъ и ночью котъ ученый
Все ходитъ по цѣпи кругомъ;
Идетъ направо — пѣснь заводитъ,
Налѣво — сказку говоритъ.

Тамъ чудеса: тамъ лѣшій бродитъ,
Русалка на вѣтвяхъ сидитъ;
Тамъ на невѣдомыхъ дорожкахъ

Слѣды невиданныхъ звѣрей;
Избушка тамъ на курьихъ ножкахъ
Стоить безъ оконъ, безъ дверей;
Тамъ лѣсъ и долъ видѣній полны;
Тамъ о зарѣ прихлынутъ волны
На брегъ песчаный и пустой,
И тридцать витязей прекрасныхъ
Чредой изъ водъ выходятъ ясныхъ
И съ ними дядька ихъ морской;
Тамъ королевичъ мимоходомъ
Плѣняетъ грознаго царя;
Тамъ въ облакахъ передъ народомъ
Черезъ лѣса, черезъ моря
Колдунъ несетъ богатыря;
Въ темницѣ тамъ царевна тужить,
А бурый волкъ ей вѣрно служить;
Тамъ ступа съ бабою ягой
Идетъ-бредетъ сама собой;
Тамъ царь Кощей надъ златомъ чахнетъ;
Тамъ русскій духъ.... тамъ Русью пахнетъ!
И тамъ я былъ, и медъ я пилъ,
У моря видѣлъ дубъ зеленый,
Подъ нимъ сидѣлъ; и котъ ученый
Свои мнѣ сказки говорилъ.
Одну я помню — сказку эту
Повѣдаю теперь я свѣту....

1828

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданья старины глубокой.

Въ толпѣ могучихъ сыновей,
Съ друзьями, въ грядницѣ высокой

Владиміръ-солнце пировалъ:
Меньшую дочь онъ выдавалъ
За князя храбраго Руслана,
И медъ изъ тяжкаго стакана
За ихъ здоровье выпивалъ.
Не скоро ѣли предки наши,
Не скоро двигались кругомъ
Ковши, серебряныя чаши
Съ кипящимъ пивомъ и виномъ.
Они веселье въ сердце лили,
Шипѣла пѣна по краямъ,
Ихъ важно чашнички носили
И низко кланялись гостямъ.
Слилися рѣчи въ шумъ невнятный;
Жужжитъ гостей веселый кругъ;
Но вдругъ раздался гласъ пріятный
И звонкихъ гуслей бѣглый звукъ.
Всѣ смолкли, слушаютъ Баяна:
И славить сладостный пѣвецъ
Людмилу-прелестъ и Руслана
И Лелемъ свитый имъ вѣнецъ.

Но страстью пылкой утомленный,
Не ѣсть, не пьетъ Русланъ влюбленный,
На друга милаго глядитъ,
Вздыхаетъ, сердится, горитъ,
И, щипля усь отъ нетерпѣнья,
Считаетъ каждыя мгновенья.
Въ уныньи, съ пасмурнымъ челою,
За шумнымъ, свадебнымъ столомъ
Сидятъ три витязя младые;
Безмолвны, за ковшемъ пустымъ,
Забыли кубки круговые
И брашны непріятны имъ;
Не слышатъ вѣщаго Баяна,

Потушили смущенный взглядъ —
То три соперника Руслана;
Въ душѣ несчастные таятъ
Любви и ненависти ядъ.
Одинъ — Рогдай, воитель смѣлый,
Мечемъ раздвинувшій предѣлы
Богатыхъ кіевскихъ полей;
Другой — Фарлафъ, крикунъ надменный,
Въ пирахъ ни кѣмъ не побѣжденный,
Но воинъ скромный средь мечей;
Послѣдній, полный страстной думы,
Младой хазарскій ханъ Ратмиръ..
Всѣ трое блѣдны и угрюмы,
И пиръ веселый имъ не въ пиръ.

Вотъ конченъ онъ, встаютъ рядами,
Смѣшались шумными толпами,
И всѣ глядятъ на молодыхъ:
Невѣста очи опустила,
Какъ-будто сердцемъ приуныла,
И свѣтель радостный женихъ.
Но тѣнь объемлетъ всю природу,
Ужъ близко къ полночи глухой;
Всѣ, задремавъ отъ мѣду,
Съ поклономъ убрались домой.
Женихъ въ восторгѣ, въ упоеньи:
Ласкаетъ онъ въ воображеньи
Стыдливой дѣвы красоту;
Но съ тайнымъ, грустнымъ умиленьемъ
Великій князь благословеньемъ
Даруетъ юную чету.

И вотъ невѣсту молодую
Ведутъ на брачную постель;
Огни погасли.... и ночную

Лампаду зажигаетъ Лель.
Свершились милыя надежды!
Любви готовятся дары;
Падутъ ревнивыя одежды
На цареградскіе ковры....
Вы слышите-ль влюбленный шопотъ,
И поцѣлуевъ сладкій звукъ,
И прерывающійся ропотъ
Послѣдней робости?... Супругъ
Восторги чувствуетъ заранѣ —
И вотъ они настали.... Вдругъ
Громъ грянулъ, свѣтъ блеснулъ въ туманѣ,
Лампада гаснетъ, дымъ бѣжитъ,
Кругомъ все смерклося, все дрожитъ,
И замерла душа въ Русланѣ....
Все смолкло. Въ грозной тишинѣ
Раздался дважды голосъ странной,
И кто-то въ дымной глубинѣ
Взвился чернѣе мглы туманной....
И снова теремъ пустъ и тихъ.
Встаетъ испуганный женихъ;
Съ лица катится потъ остылой;
Трепеща, холодною рукою
Онъ вопрошаетъ мракъ нѣмой....
О горе, нѣтъ подруги милой!
Хватаетъ воздухъ онъ пустой —
Любимы нѣтъ во тьмѣ густой,
Похищена безвѣстной силою!

Ахъ, если мученикъ любви
Страдаетъ страстью безнадежно,
Хоть грустно жить, друзья мои,
Однако жить еще возможно.
Но послѣ долгихъ, долгихъ лѣтъ
Обнять влюбленную подругу,

Желаній, слезъ, тоски предметъ, —
И вдругъ минутную супругу
На вѣкъ утратить... О друзья,
Конечно лучше-бъ умеръ я!

Однако живъ Русланъ несчастной.
Но что сказалъ великій князь?
Сраженный вдругъ молвой ужасной,
На зятя гнѣвомъ распалясь,
Его и дворъ онъ созываетъ:
«Гдѣ, гдѣ Людмила?» вопрошаетъ
Съ ужаснымъ, пламеннымъ челомъ.
Русланъ не слышитъ. — «Дѣти, други!
Я помню прежнія заслуги:
О, сжаьтесь вы надъ старпкомъ!
Скажите, кто изъ васъ согласенъ
Скакать за дочерью моею?
Чей подвигъ будетъ не напрасенъ,
Тому — терзайся, плачь, злодѣй!
Не могъ сберечь жены своей! —
Тому я дамъ ее въ супруги
Съ полцарствомъ прадѣдовъ моихъ.
Кто-жъ вызовется, дѣти, други?...»
— Я! молвилъ горестный женихъ.
«Я! я!» воскликнули съ Рогдаемъ
Фарлафъ и радостный Ратмиръ:
«Сейчасъ коней своихъ сѣдлаемъ,
Мы рады весь изѣздить міръ,
Отецъ нашъ, не продлимъ разлуки;
Не бойся, ѣдемъ за княжной!»
И съ благодарностью нѣмой
Въ слезахъ къ нимъ простираетъ руки
Старикъ, измученный тоской.

Всѣ четверо выходятъ вмѣстѣ.
Русланъ унынемъ какъ убить;

Мысль о потерянной невѣстѣ
Его терзаетъ и мертвитъ.
Садятся на коней ретивыхъ;
Вдоль береговъ Днѣпра счастливыхъ
Летятъ въ клубящейся пыли;
Уже скрываются вдали,
Ужъ всадниковъ не видно болѣ....
Но долго все еще глядитъ
Великій Князь въ пустое поле,
И думой имъ во слѣдъ летитъ.

Русланъ томился молчаливо,
И мысль и память потерявъ;
Черезъ плечо глядя спѣсиво
И важно подбочась, Фарлафъ
Надувшись ѣхалъ за Русланомъ.
Онъ говоритъ: «Насилу я
На волю вырвался, друзья!
Ну, скоро-ль встрѣчусь съ великаномъ?
Ужъ то-то крови будетъ течь,
Ужъ то-то жертвъ любви ревнивой!...
Повеселись, мой вѣрный мечъ,
Повеселись, мой конь ретивой!»

Хазарскій ханъ, въ умѣ своемъ
Уже Людмилу обнимая,
Едва не пляшетъ надъ сѣдломъ;
Въ немъ кровь играетъ молодая,
Огня надежды полонъ взоръ;
То скачетъ онъ во весь опоръ,
То дразнить бѣгуна лихаго,
Кружить, подьѣмлетъ на дыбы,
Иль дерзко мчитъ на холмы снова.

Рогдай угрюмъ, молчить — ни слова....
Страшась невѣдомой судьбы

И мучась ревностью напрасной,
Всѣхъ больше безпокоенъ онъ,
И часто взоръ его ужасной
На князя мрачно устремленъ.

Соперники одной дорогой
Всѣ вмѣстѣ ѣдутъ цѣлый день.
Днѣпра сталъ темень брегъ отлогой;
Съ востока льется ночи тѣнь;
Туманы надъ Днѣпромъ глубокимъ;
Пора конямъ ихъ отдохнуть.
Вотъ подъ горой путемъ широкимъ
Широкій пересѣкъся путь.
«Разъѣдемся, пора!» сказали.
«Безвѣстной ввѣримся судьбѣ.»
И каждый конь, не чуя стали,
По волѣ путь избралъ себѣ.

Что дѣлалась, Русланъ несчастный,
Одинъ въ пустынной тишинѣ?
Людмилу, свадьбы день ужасный,
Все, мнится, видѣлъ ты во снѣ!
На брови мѣдный шлемъ надвинувъ,
Изъ мощныхъ рукъ узду покинувъ,
Ты шагомъ ѣдешь межъ полей,
И медленно въ душѣ твоей
Надежда гибнетъ, гаснетъ вѣра....

Но вдругъ предъ витяземъ пещера,
Въ пещерѣ свѣтъ. Онъ прямо къ ней
Идетъ подъ дремлющія своды,
Ровесники самой природы.
Вошелъ съ уныньемъ, что-же зрить?
Въ пещерѣ старецъ: ясный видъ,
Спокойный взоръ, брада сѣдая;

Лампада передъ нимъ горитъ;
За древней книгой онъ сидитъ,
Ее внимательно читая.
«Добро пожаловать, мой сынъ!»
Сказалъ съ улыбкой онъ Руслану:
«Ужъ двадцать лѣтъ я здѣсь одинъ
Во мракѣ старой жизни вяну;
Но наконецъ дождался дня,
Давно предвидѣннаго мною.
Мы вмѣстѣ сведены судьбою;
Садись и выслушай меня.
Русланъ, лишился ты Людмилы;
Твой твердый духъ теряетъ силы;
Но зла промчится быстрый мигъ:
На-время рокъ тебя постигъ.
Съ надеждой, вѣрою веселой
Иди на все, не унывай;
Впередъ! мечемъ и грудью смѣлой
Свой путь на полночь пробивай.

«Узнай, Русланъ — твой оскорбитель
Волшебникъ, страшный Черноморъ,
Красавицъ давній похититель,
Полнощныхъ обладатель горъ.
Еще ни чей въ его обитель
Не проникалъ донынѣ взоръ;
Но ты, злыхъ козней истребитель,
Въ нее ты вступишь, и злодѣй
Погибнетъ отъ руки твоей!
Тебѣ сказать не должно болѣ.
Судьба твоихъ грядущихъ дней,
Мой сынъ, въ твоей отнынѣ волѣ.»

Нашъ витязь старцу палъ къ ногамъ,
И въ радости лобзаетъ руку.

Свѣтълетъ мѣръ его очамъ,
И сердце позабыло муку.
Вновь ожилъ онъ, и вдругъ опять
На вспыхнувшемъ лицѣ кручина....
«Ясна тоски твоей причина,
Но грусть не трудно разогнать,»
Сказалъ старикъ: «тебѣ ужасна
Любовь сѣдаго колдуна;
Спокойся, знай — она напрасна,
И юной дѣвѣ не страшна.
Онъ звѣзды сводить съ небосклона,
Онъ свистнетъ — задрожитъ луна;
Но противъ времени закона
Его наука не сильна.
Ревнивый, трепетный хранитель
Замковъ безжалостныхъ дверей,
Онъ только нѣмощный мучитель
Прелестной плѣнницы своей:
Вокругъ нея онъ молча бродитъ,
Клянеть жестокий жребій свой....
Но, добрый витязь, день проходить,
А нуженъ для тебя покой.»

Русланъ на мягкій мохъ ложится
Предъ умирающимъ огнемъ;
Онъ ищетъ позабыться сномъ,
Вздыхаетъ, медленно вертится....
Напрасно! Витязь наконецъ:
«Не спится что-то, мой отецъ!
Что дѣлать! боленъ я душою,
И сонъ не въ сонъ, какъ тошно жить!
Позволь мнѣ сердце освѣжить
Твоей бесѣдою святою.
Прости мнѣ дерзостный вопросъ,
Откройся: кто ты, благодатный,

Судьбы наперсникъ непонятный,
Въ пустыню кто тебя занесъ?»

Вздохнувъ съ улыбкою печальной,
Старикъ въ отвѣтъ: «Любезный сынъ,
Ужъ я забылъ отчизны дальней
Угрюмый край. Природный Финъ,
Въ долинахъ, намъ однимъ извѣстныхъ,
Гоняя стадо селъ окрестныхъ,
Въ безпечной юности я зналъ
Однѣ дремучія дубравы,
Ручьи, пещеры нашихъ скалъ,
Да дикой бѣдности забавы.
Но жить въ отрадной тишинѣ
Дано не долго было мнѣ.

Тогда близъ нашего селенья,
Какъ милый цвѣтъ уединенья,
Жила Наина. Межъ подругъ
Она гремѣла красотою.
Однажды утренней порою
Свои стада на темный лугъ
Я гналъ, волынку надувая;
Передо мной шумѣлъ потокъ.
Одна, красавица младая
На берегу плела вѣнокъ.
Меня влекла моя судьбина...
Ахъ, витязь, то была Наина!
Я къ ней — и пламень роковой
За дерзкій взоръ мнѣ былъ наградою,
И я любовь узналъ душой
Съ ея небесною отрадою,
Съ ея мучительной тоскою!

Умчалась года половина;
Я съ трепетомъ открылся ей,

Сказалъ: люблю тебя, Наина!
Но робкой горести моей
Наина съ гордостью внимала,
Лишь прелести свои любя,
И равнодушно отвѣчала:
Пастухъ, я не люблю тебя!

И все мнѣ дико, мрачно стало:
Родная куща, тѣнь дубровъ,
Веселы игры пастуховъ —
Ничто тоски не утѣшало.
Въ уныныи сердце сохло, вяло;
И наконецъ задумалъ я
Оставить финскія поля,
Морей новѣрныя пучины
Съ дружиной братской переплыть,
И бранной славой заслужить
Вниманье гордое Наины.
Я вызвалъ смѣлыхъ рыбаковъ
Искать опасностей и злата.
Впервыя тихій край отцовъ
Услышалъ бранный звукъ булата
И шумъ немирныхъ челноковъ.
Я вдаль уплылъ, надежды полный,
Съ толпой безстрашныхъ земляковъ;
Мы десять лѣтъ снѣга и волны
Багрили кровію враговъ.
Молва неслась: цари чужбины
Страшились дерзости моей,
Ихъ горделивыя дружины
Бѣжали сѣверныхъ мечей.
Мы весело, мы грозно бились,
Дѣлили дани и дары,
И съ побѣжденными садились
За дружелюбные пиры.

Но сердце, полное Наиной,
 Подъ шумомъ битвы и нирова
 Томилось тайною кручиной,
 Искало финскихъ береговъ.
 Пора домой, сказалъ я, други!
 Повѣсимъ праздныя кольчуги
 Подъ сѣнью хижины родной.
 Сказалъ — и весла зашумѣли;
 И, страхъ оставя за собой,
 Въ заливъ отчизны дорогой
 Мы съ гордой радостью влетѣли.

Сбылись давнишнія мечты,
 Сбылися пылкія желанья!
 Минута сладкаго свиданья,
 И для меня блеснула ты!
 Къ ногамъ красавицы надменной
 Принесъ я мечъ окровавленной,
 Кораллы, злато и жемчугъ;
 Предъ нею страстью упоенный,
 Безмолвнымъ роемъ окруженный
 Ея завистливыхъ подругъ,
 Стоялъ я плѣнникомъ послушнымъ;
 Но дѣва скрылась отъ меня,
 Примолвъ съ видомъ равнодушнымъ:
 Герой, я не люблю тебя!

Къ чему рассказывать, мой сынъ,
 Чего пересказать ~~нѣтъ~~ ^{нѣтъ} ~~смысла~~ ^{смысла}?
 Ахъ, и теперь ~~одинокъ~~ ^{одинокъ}, ~~одинокъ~~ ^{одинокъ}!
 Душой уснувъ, въ дверяхъ могилы,
 Я помню горестъ, и порой,
 Какъ о минувшемъ мысль родится,
 По бородѣ моей сѣдой
 Слеза тяжелая катится.

Но слушай: въ родинѣ моей,
Между пустынныхъ рыбаей
Наука дивная таится.
Подъ кровомъ вѣчной тишины,
Среди лѣсовъ, въ глуши далекой
Живутъ сѣдые колдуны;
Къ предметамъ мудрости высокой
Всѣ мысли ихъ устремлены;
Все слышать голосъ ихъ ужасный,
Что было и что будетъ вновь,
И грозной волѣ ихъ подвластны
И гробъ, и самая любовь.

И я, любви искатель жадной,
Рѣшился въ грусти безотрадной
Наину чарами привлечь,
И въ гордомъ сердцѣ дѣвы холодной
Любовь волшебствами зажечь.
Спѣшилъ въ объятія свободы,
Въ уединенный мракъ лѣсовъ;
И тамъ, въ ученьи колдуновъ,
Провелъ невидимые годы.
Насталъ давно желанный мигъ,
И тайну страшную природы
Я свѣтлой мыслию постигъ:
Узналъ я силу заклинаньямъ;
Вѣнецъ любви, вѣнецъ желаньямъ!
Теперь, Наина, ты моя!
Побѣда наша, думалъ я.
Но въ самомъ дѣлѣ, побѣдитель
Былъ рокъ, упорный мой гонитель.

Въ мечтахъ надежды молодой,
Въ восторгѣ пылкаго желанья,
Творю поспѣшно заклинанья,

Зову духовъ — и въ тѣмъ лѣсной
 Стрѣла промчалась громовая,
 Волшебный вихорь поднялъ вой,
 Земля вздрогнула подъ ногой....
 И вдругъ сидитъ передо мной,
 Глазами впалыми сверкая,
 Старушка дряхлая, сѣдая,
 Съ горбомъ, съ трясучей головой —
 Печальной ветхости картина.
 Ахъ, витязь, то была Наина!
 Я ужаснулся и молчалъ,
 Глазами страшный призракъ мѣрилъ,
 Въ сомнѣннхъ все еще не вѣрилъ,
 И вдругъ заплакалъ, закричалъ:
 Возможно-ль! ахъ, Наина, ты-ли!
 Наина, гдѣ твоя краса?
 Скажи, уже-ли небеса
 Тебя такъ страшно измѣнили?
 Скажи, давно-ль, оставя свѣтъ,
 Разстался я съ душой и съ милой?
 Давно-ли?... «Ровно сорокъ лѣтъ!»
 Былъ дѣвы роковой отвѣтъ:
 «Сегодня семьдесятъ мнѣ было.
 Что дѣлать!» мнѣ пищитъ она,
 Толпою годы пролетѣли,
 Прошла моя, твоя весна —
 Мы оба постарѣть успѣли.
 Но, другъ, послушай: не бѣда
 Невѣрной молодости ~~утрата~~
 Конечно, я теперь сѣда,
 Немножко, можетъ-быть, горбата,
 Не то, что встарину была,
 Не такъ жива, не такъ мила,
 За то (прибавила колдунья)
 Открою тайну: я колдунья!»

И было въ самомъ дѣлѣ такъ.
Нѣмой, недвижный передъ нею,
Я совершенный былъ дуракъ
Со всей премудростью моею.

Но вотъ ужасно: колдовство
Вполнѣ свершилось по несчастью.
Мое сѣдое божество
Ко мнѣ пылало новой страстью.
Скрививъ улыбкой страшный ротъ,
Могильнымъ голосомъ, уродъ
Бормочетъ мнѣ любви признанье.
Вообрази мое страданье!
Я трепеталъ потупя взоръ;
Она сквозь кашель продолжала
Тяжелый, страстный разговоръ:
«Такъ, сердце, я теперь узнала;
Я вижу, вѣрный другъ, оно
Для нѣжной страсти рождено;
Проснулись чувства, я сгараю,
Томлюсь желаньями любви....
Прійди въ объятія мои...
О, милый, милый, умираю!...»

И между-тѣмъ она, Русланъ,
Мигала томными глазами,
И между-тѣмъ за мой кафтанъ
Держалась тощими руками;
И между-тѣмъ я обмиралъ,
Отъ ужаса зажмури очи;
И вдругъ терпѣть не стало мочи,
Я съ крикомъ вырвался, бѣжалъ,
Она во слѣдъ: «О недостойный!
Ты возмутилъ мой вѣкъ спокойный,
Невинной дѣвы ясны дни!

Добился ты любви Наины,
И презираешь — вотъ мужчины!
Измѣной дышутъ всѣ они!
Увы, сама себя вини;
Онъ обольстилъ меня, несчастной!
Я отдалась любви страстной....
Измѣнникъ! извергъ! О позоръ!
Но трепещи, дѣвичій воръ!»

Такъ мы разстались. Съ этихъ поръ
Живу въ своемъ уединеньѣ
Съ разочарованной душой;
И въ мірѣ старцу утѣшенье
Природа, мудрость и покой.
Уже зоветъ меня могила,
Но чувства прежнія свои
Еще старушка не забыла,
И пламя позднѣе любви
Съ досады въ злобу превратила.
Душою черной зло любя,
Колдунья старая, конечно,
Возненавидитъ и тебя,
Но горе на землѣ не вѣчно!»

Нашъ витязь съ жадностью внималъ
Разказы старца; ясны очи
Дремотой легкой не смыкалъ,
И тихаго полета нѣчи
Въ глубокой думѣ не слышалъ.
Но день блистаетъ лучезарный....
Со вздохомъ витязь благодарный
Объемлетъ старца-колдуна;
Душа надеждою полна;
Выходитъ вонъ. Ногами стиснулъ
Русланъ заржавшаго коня;

Въ сѣдлѣ оправился, прпсвиственулъ:
«Отецъ мой, не оставь меня!»
И скачетъ по пустому лугу.
Сѣдой мудрецъ младому другу
Кричитъ во слѣдъ: «Счастливый путь!
Прости, люби свою супругу,
Совѣтовъ старца не забудь!»

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

Соперники въ искусствѣ брани,
Не знайте мпра межъ собой;
Несите мрачной славѣ дани,
И упивайтесь враждой!
Пусть міръ предъ вами цепенѣтъ,
Никто о васъ не пожалѣтъ,
Никто не помѣшаетъ вамъ.
Соперники другаго рода,
Вы, рыцари Парнасскихъ горъ,
Старайтесь не смѣшить народа
Нескромнымъ шумомъ вашихъ ссоръ,
Бранитесь, только осторожно.
Но вы, соперники въ любви,
Живите дружно, если можно.
Повѣрьте мнѣ, друзья мои:
Кому судьбою непремѣнной
Дѣвичье сердце суждено,
Тотъ будетъ милъ на зло вселенной;
Сердиться глупо и грѣшно.

Когда Рогдай неукротимый,
Глухимъ предчувствіемъ томимый,
Оставя спутниковъ своихъ,
Пустился въ край уединенный,

И ѣхалъ межъ пустынь лѣсныхъ,
 Въ глубоку думу погруженный, —
 Злой духъ тревожилъ и смущалъ
 Его тоскующую душу,
 И витязь пасмурный шепталъ:
 «Убью!... преграды всѣ разрушу....
 Русланъ!... узнаешь ты меня....
 Теперь-то дѣвица поплачетъ...»
 И вдругъ, поворотивъ коня,
 Во весь опоръ назадъ онъ скачетъ.

Въ то время доблестный Фарлафъ,
 Все утро сладко продрѣмавъ,
 Укрывшись отъ лучей полдневныхъ,
 У ручейка, наединѣ,
 Для подкрѣпленія силъ душевныхъ,
 Обѣдалъ въ мирной тишинѣ, —
 Какъ вдругъ онъ видитъ, кто-то въ полѣ,
 Какъ буря, мчится на конѣ;
 И, времени не тратя болѣ,
 Фарлафъ, покпнувъ свой обѣдъ,
 Копье, кольчугу, шлемъ, перчатки,
 Вскочилъ въ сѣдло, и безъ оглядки
 Летитъ — а тотъ за нимъ во слѣдъ:
 «Остановись, бѣглець безчестный!»
 Кричитъ Фарлафу неизвѣстный,
 «Презрѣнный, дай себя догнать,
 Дай голову съ тебя сорвать!»
 Фарлафъ, узнавши гонимца Рогдая,
 Со страха скорчась, обитравъ,
 И, вѣрной смерти ожидая,
 Коня еще быстрее гналъ.
 Такъ точно заяцъ торопливый,
 Прижавши уши, боязливо,
 По кочкамъ, полемъ, сквозь лѣса

Скачками мчится ото пса.
На мѣстѣ славнаго побѣга,
Весной растопленнаго снѣга,
Потоки мутные текли
И рыли влажну грудь земли.
Ко рву примчался конь ретивой
Взмахнулъ хвостомъ и бѣлой гривой,
Бразды стальные закусилъ
И черезъ ровъ перескочилъ;
Но робкій всадникъ вверхъ ногами
Свалился тяжело въ грязный ровъ,
Земли не взвидѣлъ съ небесами,
И смерть принять ужъ былъ готовъ.
Рогдай къ оврагу подлетаетъ,
Жестокій мечъ ужъ зансенъ.
«Погибни, трусъ! умри!» вѣщаетъ....
Вдругъ узнаетъ Фарлафа онъ;
Глядитъ, и руки опустились;
Досада, изумленье, гнѣвъ
Въ его чертахъ изобразились;
Скрипя зубами, онѣмѣвъ,
Герой, съ поникшею главою
Скорѣй отъѣхавъ ото рва,
Бѣсился.... но едва-едва
Самъ не смѣялся надъ собою.

Тогда онъ встрѣтилъ подъ горой
Старушечку чуть-чуть живую,
Горбатую, совсѣмъ сѣдую.
Она дорожною клюкой
Ему на сѣверъ указала:
«Ты тамъ найдешь его», сказала.
Рогдай весельемъ закипѣлъ
И къ вѣрной смерти полетѣлъ.

А нашъ Фарлафъ? Во рву остался,
 Дохнуть не смѣя, про себя
 Онъ, лежа, думалъ: живъ-ли я?
 Куда соперникъ злой дѣвался?
 Вдругъ слышитъ прямо надъ собой
 Старухи голосъ гробовой:
 «Встань, молодецъ, все тихо въ полѣ;
 Ты никого не встрѣтишь болѣ;
 Я привела тебѣ коня;
 Вставай, послушайся меня.»

Смущенный витязъ поневолѣ
 Ползкомъ оставилъ грязный ровъ;
 Окрестность робко озирая,
 Вздохнулъ и молвилъ оживая:
 «Ну, слава Богу, я здоровъ!» —

«Повѣрь!» старуха продолжала:
 «Людмилу мудрено сыскать;
 Она далеко забѣжала,
 Не намъ съ тобой ее достать.
 Опасно развѣзжать по свѣту;
 Ты, право, будешь самъ не радъ.
 Послѣдуй моему совѣту,
 Ступай тихохонько назадъ.
 Подъ Киевомъ, въ уединенъѣ,
 Въ своемъ наследственномъ селенъѣ
 Останься лучше бѣды заботъ:
 Отъ насъ Людмила не уйдетъ!»

Сказавъ, исчезла. Въ нетерпѣнъѣ
 Благоразумный нашъ герой
 Тотчасъ отправился домой,
 Сердечно позабывъ о славѣ,
 И даже о княжнѣ молодой;

И шумъ малѣйшій по дубравѣ,
Полетъ снѣжицы, ропотъ водъ
Его бросали въ жаръ и въ потъ.

Межъ-тѣмъ Русланъ далеко мчится
Въ глуши лѣсовъ, въ глуши полей
Привычной душою стремится
Къ Людмилѣ, радости своей,
И говорить: «Найду-ли друга?
Гдѣ ты, души моей супруга?
Увижу-ль я твой свѣтлый взоръ,
Услышу-ль нѣжный разговоръ?
Иль суждено, чтобъ чародѣя
Ты вѣчной плѣнницей была,
И, скорбной дѣвою старѣя,
Въ темницѣ мрачной отцвѣла?
Или соперникъ дерзновенный
Прійдетъ?... Нѣтъ, нѣтъ, мой другъ безцѣнный,
Еще при мнѣ мой вѣрный мечъ,
Еще глава не пала съ плечъ.»

Однажды, темною порою,
По камнямъ, берегомъ крутымъ
Нашъ витязъ ѣхалъ надъ рѣкою.
Все утихало. Вдругъ за нимъ
Стрѣлы мгновенное жужжанье,
Кольчуги звонъ, и крикъ, и ржанье,
И топотъ по полю глухой.
«Стой!» грянулъ голосъ громовой.
Онъ оглянулся — въ полѣ чистомъ,
Поднявъ копьё, летитъ со свистомъ
Свирѣпый всадникъ — и грозой,
Помчался князь ему на встрѣчу.
«Ага! догналъ тебя! стой!»
Кричитъ наѣздникъ удалой:

«Готовься, другъ, на смертну сѣчу;
Теперь ложись средь здѣшнихъ мѣстъ,
А тамъ ищи своихъ невѣстъ.»
Русланъ вспылалъ, вздрогнулъ отъ гнѣва;
Онъ узнать сей буйный гласъ....

Друзья мои, а наша дѣва?
Оставимъ витязей на часъ,
О нихъ опять я вспомню вскорѣ.
А то давно пора-бы мнѣ
Подумать о молодой княжнѣ
И объ ужасномъ Черноморѣ.

Моей причудливой мечты
Наперсникъ иногда нескромной,
Я рассказалъ, какъ ночью темной
Людмила нѣжной красоты
Отъ воспаленнаго Руслана
Сокрылись вдругъ среди тумана.
Несчастная! Когда злодѣй,
Рукою мощною своею
Тебя сорвавъ съ постели брачной,
Взвился какъ вихорь къ облакамъ
Сквозь тяжкій дымъ и воздухъ мрачный,
И вдругъ умчалъ къ своимъ горамъ —
Ты чувствъ и памяти лишилась,
И въ страшномъ замкѣ колдуня,
Безмолвна, трепетна, блѣдна,
Въ одно мгновеніе сошлась.

Съ порога хижины моей
Такъ видѣлъ я, средь лѣтнихъ дней,
Когда за курицей трусливой,
Султанъ курятника спѣсивой,
Пѣтухъ мой, по двору бѣжалъ,

И сладострастными крылами
Уже подругу обнималъ;
Надъ ними хитрыми жругами
Цыплятъ селенья старый воръ,
Пріявъ губительныя мѣры,
Носился, плавалъ коршунъ сѣрый,
И палъ какъ молнія на дворъ.
Взвился, летить. Въ когтяхъ ужасныхъ,
Во тьму разсѣлинъ безопасныхъ
Уносить бѣдную, злодѣй.
Напрасно горестью своей
И хладнымъ страхомъ пораженный,
Зоветь любовницу пѣтухъ....
Онъ видитъ лишь летучій пухъ,
Летучимъ вѣтромъ зансенный.

До утра юная княжна
Лежала, тягостнымъ забвеньемъ,
Какъ-будто страннымъ сновидѣньемъ
Объята; наконецъ она
Очнулась, пламеннымъ волненъемъ
И смутнымъ ужасомъ полна;
Душой летить за наслажденьемъ,
Кого-то ищетъ съ упоеньемъ:
Гдѣ-жъ милый, шепчетъ, гдѣ супругъ!
Зоветь, и помертвѣла вдругъ.
Глядитъ съ боязнію вокругъ....
Людмила, гдѣ твоя свѣтлица?
Ложитъ несчастная дѣвица
Среди подушекъ пуховыхъ,
Подъ гордой сѣнью балдахина;
Завѣсы, пышная перина
Въ кистяхъ, въ узорахъ дорогихъ;
Повсюду ткани парчевыя;
Играютъ яхонты, какъ жаръ;

Кругомъ курильницы златыя
Подъемяютъ ароматный паръ;
Довольно.... благо мнѣ не надо
Описывать волшебный домъ:
Уже давно Шехеразада
Меня предупредила въ томъ.
По свѣтлый теремъ не отрада
Когда не видимъ друга въ немъ!

Три дѣвы красоты чудесной,
Въ одеждѣ легкой и прелестной
Княжнѣ явились, подошли,
И поклонились до земли.
Тогда неслышными шагами
Одна поближе подошла,
Княжнѣ воздушными перстами
Златую косу заплела
Съ искусствомъ, въ наши дни не новымъ,
И обвила вѣнцомъ перловымъ
Окружность блѣднаго чела.
За нею, скромно взоръ склоняя,
Потомъ приблизилась другая —
Лазурный, пышный сарафанъ
Одѣлъ Людмилы стройный станъ;
Покрылись кудри золотыя,
И грудь, и плечи молодыя
Фатой, прозрачной какъ туманъ.
Покровъ ~~завылый~~ лобзаетъ
Красы, ~~достоинныя~~ небесъ,
И обувь легкая ~~сжимаетъ~~
Двѣ ножки, чудо изъ чудесъ!
Княжнѣ послѣдняя дѣвица
Жемчужный поясъ подастъ.
Межъ-тѣмъ незримая пѣвица
Веселы пѣсни ей поетъ.

Увы, ни камни, ожерелья,
Ни сарафалъ, ни перловъ рядъ,
Ни пѣсни лести и веселья
Ея души не веселятъ;
Напрасно зеркало рисуетъ
Ея красы, ея нарядъ —
Потупя неподвижный взглядъ,
Она молчитъ, она тоскуетъ.

Тѣ, кои, правду возлюбя,
На темномъ сердца днѣ читали,
Конечно, знаютъ про себя,
Что если женщина въ печали,
Сквозь слезъ, украдкой какъ-нибудь,
На зло привычекъ и разсудку
Забудетъ въ зеркало взглянуть —
То грустно ей ужъ не на шутку.

Но вотъ Людмила вновь одна.
Не зная что начать, она
Къ окну рѣшетчату подходитъ,
И взоръ ея печально бродитъ
Въ пространствѣ пасмурной дали.
Все мертво. Снѣжныя равнины
Коврами яркими легли;
Стоять угрюмыхъ горъ вершины
Въ однообразной бѣлизнѣ
И дремлютъ въ вѣчной тишинѣ;
Кругомъ не видно дымной кровли,
Не видно путника въ снѣгахъ,
И звонкій рогъ веселой ловли
Въ пустынныхъ не трубить горахъ;
Лишь изрѣдка съ унылымъ свѣтомъ
Бунтуетъ вихоръ въ полѣ чистомъ,
И на краю сѣдыхъ небесъ
Качаетъ обнаженный лѣсъ.

Въ слезахъ отчаянья, Людмила
Отъ ужаса лице закрыла.
Увы, что ждетъ ее теперь?
Бѣжитъ въ серебрянную дверь,
Она съ музыкой отворилась,
И наша дѣва очутилась
Въ саду. Плѣнительный предѣлъ!
Прекраснѣ садовъ Армиды,
И тѣхъ, которыми владѣлъ
Царь Соломонъ, иль князь Тавриды.
Предъ нею зыблются, шумятъ
Великолѣпныя дубровы;
Алеи пальмъ и лѣсъ лавровый,
И благовонныхъ миртовъ рядъ,
И кедровъ гордыя вершины,
И золотыя апельсины
Зерцаломъ водъ отражены;
Пригорки, рощи и долины
Весны огнемъ оживлены;
Съ прохладой вѣется вѣтеръ майскій
Средь очарованныхъ полей,
И свищетъ соловей Китайскій
Во мракъ трепетныхъ вѣтвей;
Летятъ алмазные фонтаны
Съ веселымъ шумомъ къ облакамъ;
Подъ ними бѣсшутъ истуканы,
И, мнится, живы; Фидій самъ,
Потомецъ Феба и Паллады,
Любуясь ими, наконецъ
Свой очарованный рѣзецъ
Изъ рукъ-бы выронилъ съ досады.
Дробясь о мраморны преграды,
Жемчужной, огненной дугой
Валится, плещутъ водопады;
И ручейки въ тѣни лѣсной

Чуть вьются сонною волной.
Пріютъ покоя и пролады,
Сквозь вѣчну зелень здѣсь и тамъ
Мелькають свѣтлыя бесѣдки;
Повсюду розъ живыя вѣтки
Цвѣтутъ и дышутъ по тропамъ.
Но безутѣшная Людмила
Идетъ, идетъ и не глядитъ;
Волшебства роскошь ей постыла,
Ей грустенъ нѣги свѣтлый видъ;
Куда, сама не зная, бродитъ,
Волшебный садъ кругомъ обходитъ,
Свободу горькимъ давъ слезамъ,
И взоры мрачныя возводитъ
Къ неумолимымъ небесамъ.
Вдругъ освѣтился взоръ прекрасный;
Къ устамъ она прижала перстъ;
Казалось, умыселъ ужасный
Рождался... Страшный путь отверзтъ:
Высокій мостикъ надъ потокомъ
Предъ ней виситъ на двухъ скалахъ;
Въ уныньи тяжкомъ и глубокомъ
Она подходитъ, и въ слезахъ
На воды шумныя взглянула,
Ударила, рыдая, въ грудь,
Въ волнахъ рѣшилась утонуть,—
Однако въ воды не прыгнула
И далѣ продолжала путь.

Моя прекрасная Людмила,
По солнцу бѣгая съ утра,
Устала, слезы осушила,
Въ душѣ подумала: пора!
На травку сѣла, оглянулась,
И вдругъ надъ нею сѣнь шатра,

Шумя, съ прохладой развернулася;
 Обѣдъ роскошный передъ ней;
 Приборъ изъ яркаго кристалла;
 И въ тишинѣ изъ-за вѣтвей
 Незрима арфа заиграла.
 Дивится плѣнная княжна;
 Но втайнѣ думаетъ она:
 «Вдали отъ милаго, въ неволѣ,
 Зачѣмъ мнѣ жить на свѣтѣ болѣ?
 О ты, чья гибельная страсть
 Меня терзаетъ и лелѣетъ,
 Мнѣ не страшна злодѣя власть:
 Людмила умереть умѣетъ!
 Не нужно мнѣ твоихъ шатровъ,
 Ни скучныхъ пѣсень, ни пировъ —
 Не стану ѣсть, не буду слушать,
 Умру среди твоихъ садовъ!»
 Подумала—и стала кушать.

Княжна встаетъ, и вмигъ шатеръ,
 И пышной роскоши приборъ,
 И звуки арфы... все пропало;
 По-прежнему все тихо стало;
 Людмила вновь одна въ садахъ
 Скитается изъ рощи въ рощи;
 Межъ-тѣмъ въ лазурныхъ небесахъ
 Плыветъ луна, царица ночи;
 Находитъ мгла ее съ вѣсѣхъ сторонъ
 И тихо на холмахъ почила;
 Княжну невольно влещетъ сонъ;
 И вдругъ невѣдомая сила
 Нѣжнѣй, чѣмъ вешнѣй вѣтерокъ,
 Ее на воздухъ поднимаетъ,
 Несетъ по воздуху въ чертогъ,
 И осторожно опускаетъ,

Сквозь епѣямъ вечернихъ розъ,
На ложе грусти, ложе слезъ.
Три дѣвы вмигъ опять явились
И вокругъ нея засуетились,
Чтобъ на ночь пышный снять уборъ;
Но ихъ унылый, смутный взоръ,
И принужденное молчанье
Являли втайнѣ. состраданье
И немощный судьбамъ укоръ.
Но поспѣвшимъ: рукой ихъ нѣжной
Раздѣта сонная княжна;
Прелестна прелестью небрежной,
Въ одной сорочкѣ бѣлоснѣжной
Ложится почивать она.
Со вздохомъ дѣвы поклонились,
Скорѣй какъ можно удалились,
И тихо притворили дверь.
Что-жъ наша плѣнница теперь?
Дрожить какъ листъ, дохнуть не смѣетъ;
Хладѣютъ перси, взоръ темнѣетъ;
Мгновенный сонъ отъ глазъ бѣжитъ;
Не спитъ, удвоила вниманье,
Недвижно въ темноту глядитъ....
Все мрачно, мертвое молчанье!
Только сердца слышитъ трепетанье....
И мнится.... шепчетъ тишина;
Идутъ—идутъ къ ея постелѣ;
Въ подушки прячется княжна,
И вдругъ.... о страхъ!... и въ самомъ дѣлѣ
Раздался шумъ; озарена
Мгновеннымъ блескомъ тьма ночная,
Мгновенно дверь отворена....
Безмолвно, гордо выступая,
Нагими саблями сверкая,
Араповъ длинный рядъ идетъ

Попарно, чинно, сколь возможно,
 И на подушкахъ осторожно
 Съдую бороду несетъ;
 И входитъ съ важною за нею,
 Подъявъ величественно шею,
 Горбатый карликъ изъ дверей.
 Его-то головъ обритой,
 Высокимъ колпакомъ покрытой,
 Принадлежала борода.
 Ужъ онъ приблизился; тогда
 Княжна съ постели соскочила,
 Съдаго карлу за колпакъ
 Рукою быстрой ухватила,
 Дрожащій занесла кулакъ,
 И въ страхъ завизжала такъ,
 Что всѣхъ араповъ оглушила.
 Трепеща, скорчился бѣднякъ,
 Княжны испуганной блѣднѣе;
 Зажавши уши поскорѣе,
 Хотѣлъ бѣжать, но въ бородѣ
 Запутался, упалъ и бьется;
 Встаетъ, упалъ; въ такой бѣдѣ
 Араповъ черный рой мятется;
 Шумать, толкаются, бѣгутъ,
 Хватаютъ кодуна въ охапку,
 И вонъ распутывать несутъ,
 Оставя у Людмилы шапку.

Но что-то добрый витязь нашъ?
 Вы помните-ль неожидану встрѣчу?
 Берн свой быстрый карандашъ,
 Рисуй, Орловскій, ночь и свѣчу!
 При свѣтѣ трепетномъ луны
 Сразились витязи; жестоко
 Сердца ихъ гнѣвомъ стѣснены;

Ужъ копыя брошены далеко,
Уже мечи раздроблены,
Кольчуги кровію покрыты;
Щиты трещатъ, въ куски разбиты....
Они схватились на коняхъ;
Взрывая къ небу черный прахъ,
Подъ ними борзые кони бьются;
Борцы, недвижно сплетены,
Другъ друга стиснувъ, остаются,
Какъ-бы къ сѣдлу пригвождены:
Ихъ члены злобой сведены,
Переплелись и костенѣютъ;
По жиламъ быстрый огонь бѣжитъ,
На вражьей груди грудь дрожитъ—
И вотъ колеблются, слабѣютъ —
Кому-то пасть.... Вдругъ витязь мой,
Вскипѣвъ, желѣзною рукой
Съ сѣдла наѣздника срываетъ,
Подъемлетъ, держитъ надъ собой —
И въ волны съ берега бросаетъ.
«Погибни!» грозно восклицаетъ;
«Умри, завистникъ злобный мой!»

Ты догадался, мой читатель,
Съ кѣмъ бился доблестный Русланъ:
То былъ кровавыхъ битвъ искатель,
Рогдай, надежда кіевлянъ,
Людмилы мрачный обожатель.
Онъ вдоль днѣпровскихъ береговъ
Искалъ соперника слѣдовъ,
Нашелъ, достигъ—но прежняя сила
Питомцу битвы измѣнила,
И Руси древній удалецъ
Въ пустынь свой нашелъ конецъ.
И слышно было, что Рогдай

Тѣхъ водъ русалка молодая
 На хладны перси приняла,
 И, жадно витязя лобзая,
 На дно со смѣхомъ увлекла.
 И долго послѣ, ночью темной,
 Бродя близъ тихихъ береговъ,
 Богатыря призракъ огромной
 Пугаль пустынныхъ рыбаковъ.

ПѢСНЬ ТРЕТЬЯ.

Напрасно вы въ тѣни таились
 Для мирныхъ, счастливыхъ друзей,
 Стихи мои! вы не сокрылись
 Отъ гнѣвныхъ зависти очей.
 Ужъ бѣдный критикъ ей въ услугу
 Вопросъ мнѣ сдѣлалъ роковой:
 Зачѣмъ Русланову подругу,
 Какъ-бы на смѣхъ ея супругу,
 Зову и дѣвой и княжной?
 Ты видишь, добрый мой читатель,
 Тутъ злобы черную печать!
 Скажи, Зоиль, скажи, предатель,
 Ну какъ и что мнѣ отвѣчать?
 Краснѣй, несчастный, Богъ съ тобою!
 Краснѣй, я спорить не хочу;
 Довольный тѣмъ, что правъ душою,
 Въ смиренной протестѣ молчу.
 Но ты поймешь меня, Елимена,
 Потупишь томные глаза,
 Ты, жертва скучнаго Гимена....
 Я вижу: тайная слеза
 Падетъ на стихъ мой, сердцу внятный;
 Ты покраснѣла, взоръ погасъ;

Вздыхнула молча.... вздохъ понятный!
Ревнивецъ, бойся — близокъ часъ!
Амуръ съ досадой своеюравной
Вступили въ смѣлый заговоръ,
И для главы твоей безславной
Готовъ ужъ мстительный уборъ.

Ужъ утро хладное сіяло
На темени полнощныхъ горъ;
Но въ дивномъ замкѣ все молчало.
Въ досадѣ скрытой Черноморъ,
Безъ шапки, въ утреннемъ халатѣ,
Зѣвалъ сердито на кровати;
Вокругъ браны его сѣдой
Рабы толпились молчаливы,
И нѣжно гребень костяной
Расчесывалъ ея извивы.
Межъ-тѣмъ, для пользы и красы,
На безконечные усы
Лились восточны ароматы,
И кудри хитрые вились;
Какъ вдругъ, откуда ни возьмись,
Въ окно влетаетъ змій крылатый:
Гремя желѣзной чешуей,
Онъ въ кольца быстрыя согнулся,
И вдругъ Наиной обернулся
Предъ изумленною толпой.
«Привѣтствую тебя, сказала,
Собратъ, издавна чтимый мной!
Досель я Черномора знала
Одною громкою молвой;
Но тайный рокъ соединяетъ
Теперь насъ общею враждой;
Тебѣ опасность угрожаетъ,
Нависла туча надъ тобой;

И голосъ оскорбленной чести
 Меня къ отмщенію зоветъ.»

Со взоромъ, полнымъ хитрой лести,
 Ей карла руку подаетъ,
 Вѣщая: «Дивная Наина!
 Мнѣ драгоцѣненъ твой союзъ.
 Мы посрамимъ коварство Фина;
 Но мрачныхъ козней не боюсь:
 Противникъ слабый мнѣ не страшень;
 Узнай чудесный жребій мой:
 Сей благодатной бородой
 Не даромъ Черкоморъ украшень.
 Доколь власовъ ея сѣдыхъ
 Враждебный мечъ не перерубить,
 Никто изъ витязей лихихъ,
 Никто изъ смертныхъ не погубить
 Малѣйшихъ замысловъ моихъ;
 Моею будетъ вѣкъ Людмила,
 Русланъ-же гробу обреченъ!»
 И мрачно вѣдьма повторила:
 «Погибнетъ онъ! погибнетъ онъ!»
 Потомъ три раза прошипѣла,
 Три раза топнула ногой,
 И чернымъ змѣемъ улетѣла.

Блистая въ ризѣ парчевой,
 Колдунъ, колдуншей ободранной,
 Развеселись, ~~развеселись~~ вновь
 Нести къ ногамъ дѣвицы плѣнной
 Усы, покорность и любовь.
 Разряженъ карликъ бородатый,
 Опять идетъ въ ея палаты;
 Проходитъ длинный комнать рядъ:
 Княжны въ нихъ нѣтъ. Онъ далѣ, въ садъ,

Въ лавровый лѣсъ, къ рѣшеткѣ сада,
Вдоль озера, вокругъ водопада,
Подъ мостики, въ бесѣдки.... нѣтъ!
Княжна ушла, пропалъ и слѣдъ!
Кто выразить его смущенье,
И ревъ, и трепетъ изступленья!
Съ досады дня не взвидѣлъ онъ.
Раздался карлы дикій стонъ:
«Сюда, невольники, бѣгите
Сюда, надѣюсь я на васъ!
Сейчасъ Людмилу мнѣ сыщите!
Скорѣе, слышите-ль? сейчасъ!
Не то—шутите вы со мною—
Всѣхъ удавлю васъ бородою!»

Читатель, расскажу-ль тебѣ,
Куда красавица дѣвалась?
Всю ночь она своей судьбѣ
Въ слезахъ дивилась и— смѣялась.
Ее пугала борода;
Но Черноморъ ужъ былъ извѣстенъ,
И былъ смѣшонъ, а никогда
Со смѣхомъ ужасъ несовмѣстенъ.
На встрѣчу утреннимъ лучамъ
Постель оставила Людмила,
И взоръ невольный обратила
Къ высокимъ, чистымъ зеркаламъ;
Невольно кудри золотые
Съ лилейныхъ плечъ приподняла;
Невольно волосы густые
Рукой небрежной заплела;
Свои вчерашніе наряды
Нечаянно въ углу нашла,
Вздохнувъ одѣлась, и съ досады
Тихонько плакать начала.

Однако съ вѣрнаго стекла,
Вздыхая, не сводила взора.
И дѣвицѣ пришло на умъ,
Въ волненіи своенравныхъ думъ,
Примѣрить шапку Черномора.
Все тихо, никого здѣсь нѣтъ,
Никто на дѣвушку не взглянетъ....
А дѣвушкѣ въ семнадцать лѣтъ
Какая шапка не пристанетъ!
Рядиться никогда не лѣнь!
Людмила шапкой завертѣла;
На брови, прямо, на бекрень,
И задомъ напередъ надѣла,
И что-жъ? О чудо старыхъ дней!
Людмила въ зеркалѣ пропала;
Перевернула—передъ дней
Людмила прежняя предстала;
Назадъ надѣла— снова нѣтъ;
Сняла—и въ зеркалѣ! «Прекрасно!
Добро, колдунъ, добро, мой свѣтъ!
Теперь мнѣ здѣсь ужъ безопасно,
Теперь избавлюсь отъ хлопотъ!»
И шапку стараго злодѣя,
Княжна, отъ радости краснѣя,
Надѣла задомъ напередъ.

Но возвратимся-же къ герою.
Не стыдно-ль ~~заниматься~~ намъ
Такъ долго ~~шапкой~~, бороною,
Руслана поруча судьбамъ?
Свершивъ съ Рогдаемъ бой жестокий,
Проѣхалъ онъ дремучій лѣсъ;
Предъ нимъ открылся долъ шпрокій
При блескѣ утреннихъ небесъ.
Трепещетъ витязъ поневолѣ:

Онъ видитъ старой битвы поле.
Вдали все пусто; здѣсь и тамъ
Желтѣютъ кости; по холмамъ
Разбросаны колчаны, латы;
Гдѣ збруя, гдѣ заржавый щитъ;
Въ костяхъ руки здѣсь мечъ лежитъ;
Травой обросъ тамъ шлемъ косматый
И старый черепъ тлѣетъ въ немъ;
Богатыря тамъ оставъ цѣлый
Съ его поверженнымъ конемъ
Лежитъ недвижный; копья, стрѣлы
Въ сырую землю вонзены,
И мирный плющъ ихъ обвиваетъ....
Ничто безмолвной тишины
Пустыни сей не возмущаетъ,
И солнце съ ясной вышины
Долину смерти озаряетъ.

Со вздохомъ витязь вокругъ себя
Взираетъ грустными очами.
«О поле, поле, кто тебя
Усѣялъ мертвыми костями?
Чей борзый конь тебя топталъ
Въ послѣдній часъ кровавой битвы?
Кто на тебѣ со славой палъ?
Чьи небо слышало молитвы?
Зачѣмъ-же, поле, смолкло ты
И поросло травой забвенья?...
Временъ отъ вѣчной темноты,
Быть можетъ, нѣтъ и мнѣ спасенья!
Быть можетъ, на холмѣ нѣмомъ
Поставятъ тихій гробъ Руслановъ,
И струны громкія Баяновъ
Не будутъ говорить о немъ!»

Но вскорѣ вспомнилъ витязь мой,
Что добрый мечъ герою нуженъ
И даже панцырь; а герой
Съ послѣдней битвы безоруженъ.
Обходить поле онъ вокругъ;
Въ кустахъ, среди костей забвенныхъ,
Въ громадѣ тлѣющихъ кольчугъ,
Мечей и шлемовъ раздробленныхъ
Себѣ доспѣховъ ищетъ онъ.
Проснулись гуль и степь нѣмая,
Поднялся въ полѣ трескъ и звонъ;
Онъ поднималъ щитъ, не выбирая,
Нашелъ и шлемъ, и звонкій рогъ,
Но лишь меча сыскать не могъ.
Долину брани объѣзжая,
Онъ видитъ множество мечей,
Но всѣ легки, да слишкомъ малы,
А князь красавецъ былъ не вялый,
Не то, что витязь нашихъ дней.
Чтобъ чѣмъ-нибудь играть отъ скуки,
Копье стальное взялъ онъ въ руки,
Кольчугу онъ надѣлъ на грудь,
И далѣе пустился въ путь.

Ужъ поблѣднѣлъ закатъ румяный
Надъ усыпленною землею;
Дымятся синіе туманы
И всходитъ мѣсяцъ золотой;
Померкла степь. Тропою темной
Задумчивъ ѣдетъ нашъ Русланъ,
И видитъ: сквозь ночной туманъ
Вдали чернѣетъ холмъ огромной,
И что-то страшное храпитъ.
Онъ ближе къ холму, ближе — слышитъ,
Чудесный холмъ какъ-будто дышитъ.

Русланъ внимаетъ и глядитъ
Безтрепетно, съ покойнымъ духомъ;
Но, шевеля пугливымъ ухомъ,
Конь упирается, дрожитъ,
Трясаетъ упрямой головою,
И грива дыбомъ поднялась.
Вдругъ холмъ безоблачной луною
Въ туманѣ блѣдно озарясь,
Яснѣетъ. Смотритъ храбрый князь
И чудо видитъ предъ собою.
Найду-ли краски и слова?
Предъ нимъ живая голова,
Огромны очи сномъ объаты,
Храпитъ, качая шлемъ пернатый,
И перья въ темной высотѣ,
Какъ тѣни ходятъ, развѣваясь.
Въ своей ужасной красотѣ
Надъ мрачной степью возвышаясь,
Безмолвіемъ окружена,
Пустыни сторожъ безымянной,
Руслану предстоить она
Громадой грозной и туманной.
Въ недоумѣньи хочетъ онъ
Таинственный разрушить сонъ.
Вблизи осматривая диво,
Объѣхалъ голову кругомъ,
И ставъ предъ носомъ молчаливо,
Щекотитъ ноздри копіемъ,
И, сморщась, голова зѣвнула,
Глаза открыла и чихнула....
Поднялся вихорь, степь дрогнула,
Взвилася пыль; съ рѣсеницъ, съ усовъ,
Съ бровей слетѣла стая совъ;
Пропулись рощи молчаливы,
Чихнуло эхо — конь ретивый

Заржалъ, запрыгалъ, отлетѣлъ,
Едва самъ витязь усидѣлъ;
И велѣдъ раздался голосъ шумный:
«Куда ты, витязь неразумный?
Ступай назадъ, я не шучу,
Какъ разъ нахала проглочу!»
Русланъ съ презрѣньемъ оглянулся,
Браздами удержалъ коня,
И съ гордымъ видомъ усмѣхнулся.
«Чего ты хочешь отъ меня?»
Нахмурясь голова вскричала:
«Вотъ гостя мѣъ судьба послала!
Послушай, убирайся прочь!
Я спать хочу, теперь ужъ ночь,
Прощай!» — Но витязь знаменитой,
Услыша грубыя слова,
Воскликнулъ съ важностью сердитой:
«Молчи, пустая голова!
Слыхалъ я истину бывало:
Хоть лобъ широкъ, да мозгу мало!
Я ѣду, ѣду, не свищу,
А какъ наѣду, не спущу!»

Тогда отъ ярости нѣмѣя,
Стѣсненной злобой пламенѣя,
Надулась голова; какъ жаръ,
Кровавыя очи засверкали;
Напѣнясь губы задрожали;
Изъ устъ, ушей ~~пошелъ~~ ^{пошелъ} паръ;
И вдругъ она что было ночи,
На встрѣчу князю стала дуть;
Напрасно конь, зажмура очи,
Склонивъ главу, натужа грудь,
Сквозь вихорь, дождь и сумракъ ночи
Невѣрный продолжаетъ путь;

Объятый страхомъ, ослѣпленный,
Онъ мчится вновь изнеможенный
Далече въ полѣ отдохнуть.
Вновь обратиться витязь хочетъ —
Вновь отраженъ, надежды нѣтъ!
А голова ему во слѣдъ,
Какъ сумасшедшая, хохочетъ,
Гремитъ: «Ай, витязь! ай, герой!
Куда ты? Тише, тише, стой!
Эй, витязь, шею сломишь даромъ;
Не трусь, наѣздникъ, и меня
Порадуй хоть однимъ ударомъ,
Пока не заморилъ коня.»
И между-тѣмъ она героя
Дразнила страшнымъ языкомъ.
Русланъ досаду въ сердцѣ кроя,
Грозитъ ей молча копьемъ,
Трясетъ его рукой свободной,
И, задрожавъ, булатъ холодной
Вонзился въ дерзостный языкъ.
И кровь изъ бѣшеннаго зѣва
Рѣкою побѣжала въ мигъ.
Отъ удивленья, боли, гнѣва,
Въ минуту дерзости лишаась,
На князя голова глядѣла,
Желѣзо грызла и блѣднѣла. —
Въ спокойномъ духѣ горячась,
Такъ иногда средь нашей сцены
Плохой питомецъ Мельпомены,
Внезапнымъ свистомъ оглушенъ,
Ужъ ничего не видитъ онъ,
Блѣднѣетъ, ролю забываетъ,
Дрожитъ, поникнувъ головой,
И заикаясь умолкаетъ
Передъ насмѣшливой толпой. —

Счастливымъ пользуясь мгновеньемъ,
Къ объятой головѣ смущеньемъ,
Какъ ястребъ, богатырь летитъ
Съ поднятой, грозною десницей,
И въ щеку тяжелой рукавицей
Съ размаха голову разить.
И степь ударомъ огласилась;
Кругомъ росистая трава
Кровавой пѣной обагрилась,
И, зашатавшись, голова
Перевернулась, покатилась,
И шлемъ чугунный застучалъ.
Тогда на мѣстѣ опустѣломъ
Мечъ богатырскій засверкалъ.
Нашъ витязь въ трепетѣ веселомъ
Его схватилъ, и къ головѣ
По окровавленной травѣ
Бѣжитъ съ намѣреньемъ жестокимъ —
Ей носъ и уши обрубить;
Уже Русланъ готовъ разить,
Уже взмахнулъ мечемъ широкимъ —
Вдругъ, изумленный, внемлетъ онъ
Главы молящей жалкій стонъ....
И тихо мечъ онъ опускаетъ;
Въ немъ гнѣвъ свирѣпый умираетъ,
И мщенье бурное падетъ
Въ душѣ, моленьемъ усмиреной;
Такъ на долинѣ таежъ ждѣтъ,
Лучемъ полудня пораженной.

«Ты вразумилъ меня, герой!»
Со вздохомъ голова сказала:
Твоя десница доказала,
Что я виновенъ предъ тобой.
Отнынѣ я тебѣ послушенъ;

Но, витязь, будь великодушень!
Достойнъ плача жребій мой.
И я былъ витязь удалой!
Въ кровавыхъ битвахъ супостата
Себѣ я равнаго не зрѣлъ;
Счастливъ, когда-бы не имѣлъ
Соперникомъ меньшаго брата!
Коварный, злобный Черноморъ,
Ты, ты всѣхъ бѣдъ моихъ виною!
Семейства нашего позоръ,
Рожденный карлой, съ бородою,
Мой дивный ростъ отъ юныхъ дней
Не могъ онъ безъ досады видѣть,
И сталъ за то въ душѣ своей
Меня, жестокий, ненавидѣть.
Я былъ всегда немного простъ,
Хотя высокъ; а сей несчастной,
Имѣя самый глупый ростъ,
Умень какъ бѣсъ — и золь ужасно.
Притомъ-же знай: къ моей бѣдѣ,
Въ его чудесной бородѣ
Таится сила роковая,
И, все на свѣтѣ презирая,
Доколѣ борода цѣла —
Измѣнникъ не страшится зла.
Вотъ онъ однажды съ видомъ дружбы,
— Послушай, хитро мнѣ сказалъ,
Не откажись отъ важной службы:
Я въ черныхъ книгахъ отыскалъ,
Что за восточными горами,
На тихихъ моря берегахъ,
Въ глухомъ подвалѣ, подъ замками
Хранится мечъ — и что-же? страхъ!
Я разобралъ во тьмѣ волшебной,
Что волею судьбы враждебной,

Сей мечъ извѣстенъ будетъ намъ;
Что насъ обоихъ онъ погубить:
Мнѣ бороду мою отрубить,
Тебѣ главу; суди-же самъ,
Сколь важно намъ пріобрѣтенье
Сего созданья злыхъ духовъ! —
— Ну, что-же? гдѣ тутъ затрудненье,
Сказалъ я карлѣ, я готовъ;
Иду, хоть за предѣлы свѣта. —
И сосну на плечо взвалилъ,
А на другое, для совѣта
Злодѣя брата посадилъ;
Пустился въ дальнюю дорогу;
Шагалъ, шагаль и, слава Богу,
Какъ-бы пророчеству на зло,
Все счастливо сначала шло.
За отдаленными горами
Нашли мы роковой подвалъ;
Я разметалъ его руками,
И потаенный мечъ досталъ.
Но нѣтъ! судьба того хотѣла:
Межъ нами ссора закипѣла —
И было, признаюсь, о чемъ.
Вопросъ: кому владѣть мечемъ?
Я спорилъ, карла горячился;
Брались долго; наконецъ
Уловку выдумалъ хитрецъ,
Притихъ и будто-бы смягчился.
— Оставимъ бесполезный споръ,
Сказалъ мнѣ важно Черноморъ:
Мы тѣмъ союзъ нашъ обезславимъ;
Разсудокъ въ мирѣ жить велить;
Судьбѣ рѣшить мы предоставимъ,
Кому сей мечъ принадлежить.
Къ землѣ приникнемъ ухомъ оба

(Чего не выдумасть злоба!)
И кто услышитъ первый звонъ,
Тотъ и владѣй мечемъ до гроба. —
Сказалъ и легъ на землю онъ.
Я съ-дуру также растянуся;
Лежу, не слышу ничего,
(Смѣлая: обману его!
Но самъ жестоко обманулся!...
Злодѣй въ глубокой тишинѣ,
Привставъ, на ципочкахъ ко мнѣ
Подкрался сзади, размахнулся,
Какъ вихорь свистнулъ острый мечъ,
И прежде, чѣмъ я оглянулся,
Ужъ голова слетѣла съ плечъ —
И сверхъестественная сила
Въ ней жизни духъ остановила.
Мой оставъ терніемъ обросъ;
Вдали, въ странѣ, людьми забвенной,
Истлѣлъ мой прахъ непогребенной;
Но злобный карла перенесъ
Меня въ сей край уединенной,
Гдѣ вѣчно долженъ былъ стеречь
Тобой сегодня взятый мечъ.
О витязь, ты хранимъ судьбою!
Возьми его, и Богъ съ тобою!
Быть можетъ, на своемъ пути
Ты карлу-чародѣя встрѣтишь —
Ахъ, если ты его замѣтишь,
Коварству, злобѣ отомсти!
И наконецъ я счастливъ буду,
Спокойно міръ оставлю сей,
И въ благодарности моей
Твою пощечину забуду.»

ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Я каждый день, возставъ отъ сна,
Благодарю сердечно Бога
За то, что въ наши времена
Волшебниковъ не такъ ужъ много.
Къ тому-же — честь и слава имъ!
Женитьбы наши безопасны....
Ихъ замыслы не такъ ужасны
Мужьямъ, дѣвицамъ молодымъ.
Но есть волшебники другіе,
Которыхъ ненавижу я:
Улыбка, очи голубые,
И голосъ милый — о друзья!
Не вѣрьте имъ, они лукавы!
Страпитесь, подражая мнѣ,
Ихъ упокительной отравы,
И почивайте въ тишинѣ.

Поэзіи чудесный геній,
Пѣвецъ таинственныхъ видѣній,
Любви, мечтаній и чертей,
Могилъ и рая вѣрный житель,
И музы вѣтренной моей
Наперсникъ, пѣстунъ и хранитель!
Прости мнѣ, сѣверный Орфей,
Что въ повѣсти моей забавной
Теперь во слѣдъ тебѣ лечу,
И лиру музы своснравной
Во лжи прелестной обличу.

Друзья мои, вы все слышали,
Какъ бѣсу въ древни дни, злодѣй

Предалъ сперва себя съ печали,
А тамъ и души дочерей;
Какъ послѣ щедрымъ подаяньемъ,
Молитвой, вѣрой и постомъ,
И неспритворнымъ покаяньемъ
Снискалъ заступника въ святомъ;
Какъ умеръ онъ, и какъ заснули
Его двѣнадцать дочерей —
И насъ плѣнили, ужаснули
Картины тайныхъ сихъ ночей,
Сии чудесныя видѣнья,
Сей мрачный бѣсъ, сей Божій гнѣвъ,
Живыя грѣшника мученья,
И прелестъ испорченныхъ дѣвъ.
Мы съ ними плакали, бродили
Вокругъ зубчатыхъ замка стѣнъ,
И сердцемъ тронутымъ любили
Ихъ тихій сонъ, ихъ тихій плѣнъ,
Душой Вадима призывали,
И пробужденъ зрѣли ихъ,
И часто инокинъ святыхъ
На гробъ отцовскій провожали...
И что-жъ, возможно-ль?... намъ содгали!
Но правду возвѣщу-ли я?...

Младой Ратмиръ направля къ югу
Нетерпѣливый бѣгъ коня,
Ужъ думалъ предъ закатомъ дня
Нагнать Русланову супругу.
Но день багряный вечерѣлъ;
Напрасно витязъ предъ собою
Въ туманы дальніе смотрѣлъ:
Все было пусто надъ рѣкою.
Зари послѣдній лучъ горѣлъ
Надъ ярко-позлащеннымъ боромъ.

Нашъ витязь мимо черныхъ скалъ
Тихонько проѣзжалъ, и взоромъ
Ночлега межъ деревъ искалъ.
Онъ на долину выѣзжаетъ,
И видить: замокъ на скалахъ
Зубчаты стѣны возвышаетъ;
Чернѣютъ башни на углахъ,
И дѣва по стѣнѣ высокой,
Какъ въ морѣ лебедь одинокой,
Идетъ, зарей освѣщена;
И дѣвы пѣснь едва слышна
Долины въ тишинѣ глубокой.

«Ложится въ полѣ мракъ ночной;
Отъ волнъ поднялся вѣтеръ хладный.
Ужъ поздно, путникъ молодой!
Укройся въ теремъ нашъ отрадный!

«Здѣсь ночью нѣга и покой,
А днемъ и шумъ и пированье.
Прійди на дружное призванье,
Прійди, о путникъ молодой!

«У насъ найдешь красавицъ рой;
Ихъ нѣжны рѣчи и лобзанье.
Прійди на тайное призванье,
Прійди, о путникъ молодой!

«Тебѣ мы съ утренней зарей
Наполнимъ кубокъ на прощанье.
Прійди на мирное призванье,
Прійди, о путникъ молодой!

«Ложится въ полѣ мракъ ночной;
Отъ волнъ поднялся вѣтеръ хладный.

Ужъ поздно, путникъ молодой!
Укройся въ теремъ нашъ отрадный!»

Она манить, она постъ,
И юный ханъ ужъ подъ стѣною;
Его встрѣчаютъ у воротъ
Дѣвицы красныя толпою;
При шумѣ ласковыхъ рѣчей
Онъ окруженъ; съ него не сводятъ
Онѣ плѣнительныхъ очей;
Двѣ дѣвицы коня уводятъ.
Въ чертоги входитъ ханъ молодой,
За нимъ отшельницъ милыхъ рой;
Одна сплещетъ плечъ крылатый,
Другая кованыя латы,
Та мечъ беретъ, та пыльный щитъ;
Одежда нѣги замѣнитъ
Железные доспѣхи брани.
Но прежде юношѣ ведутъ
Къ великолѣпной русской бани.
Ужъ волны дымныя текутъ
Въ ся серебряныя чаны,
И брызжутъ хладныя фонтаны;
Разостланъ роскошью коверъ —
На немъ усталый ханъ ложится;
Прозрачный паръ надъ нимъ клубится.
Потупя нѣги полный взоръ,
Прелестныя, полунагія,
Въ заботѣ нѣжной и нѣмой,
Вкругъ хана дѣвы молодыя
Тѣнятся рѣзвою толпой.
Надъ рыцаремъ иная машетъ
Вѣтвями молодыхъ березъ,
И жаръ отъ нихъ душистый пахнетъ;
Другая сокомъ вѣшнихъ розъ

Усталы члены прохлаждаетъ,
И въ ароматахъ потопляеть
Темнокудрявые власы.
Восторгомъ витязь упоенной
Уже забылъ Людмилы плѣнной
Недавно милыя красы;
Томится сладостнымъ желаньемъ;
Бродящій взоръ его блещетъ,
И, полный страстнымъ ожиданьемъ,
Онъ таетъ сердцемъ, онъ горитъ!

Но вотъ выходитъ онъ изъ бани
Одѣтый въ бархатныя ткани.
Въ кругу прелестныхъ дѣвъ, Ратмиръ
Садится за богатый пиръ.
Я не Омеръ: въ стихахъ высокихъ
Онъ можетъ воспѣвать одинъ
Обѣды греческихъ дружинъ,
И звонъ, и пѣну чашъ глубокихъ.
Милѣе по слѣдамъ Парни
Мнѣ славить лирою небрежной
И наготу въ ночной тѣни,
И поцѣлуй любви нѣжной!
Луною замокъ озаренъ;
Я вижу теремъ отдаленный,
Гдѣ витязь томный, воспаленный
Вкушаетъ одинокій сонъ;
Его чело, его ланиты
Мгновеннымъ пламенемъ горять;
Его уста полуоткрыты
Лобзанье тайное манять;
Онъ страстно, медленно вздыхаетъ,
Онъ видитъ ихъ — и въ пылкомъ снѣ
Покровы къ сердцу прижимаетъ.
Но вотъ въ глубокой тишинѣ

Дверь отворилась; полъ ревнивой
Скрипитъ подъ ножкой торопливой,
И при серебряной лунѣ
Мелькнула дѣва. Сны крылаты
Сокройтесь, отлетите прочь!
Проснись — твоя настала ночь!
Проснись — дорогъ мигъ утраты!...
Она подходитъ, онъ лежитъ,
И въ сладострастной нѣгѣ дремлетъ;
Покровъ его съ одра скользитъ,
И жаркій пухъ чело объемлетъ.
Въ молчаньи дѣва передъ нимъ
Стоитъ недвижна, бездыханна,
Какъ лицемѣрная Діана
Предъ милымъ пастыремъ своимъ;
И вотъ она, на ложе хана
Колѣномъ опершись однимъ,
Вздохнувъ, лице къ нему склоняетъ
Съ томленьемъ, съ трепетомъ живымъ,
И сонъ счастливца прерываетъ
Лобзаньемъ страстнымъ и пѣвымъ....

Но други, дѣвственная лира
Умолкла подъ моею рукой,
Слабѣетъ робкій голосъ мой —
Оставимъ юнаго Ратмира;
Не смѣю пѣсней продолжать:
Русланъ насъ долженъ занимать,
Русланъ, сей витязь безпримѣрный,
Въ душѣ герой, любовникъ вѣрный.

Упорнымъ боемъ утомленъ,
Подъ богатырской головою
Онъ сладостный вкушаетъ сонъ.
Но вотъ ужъ раннюю зарею

Сіяетъ тихій небосклонъ;
Все ясно; утра лучъ игривый
Главы косматый лобъ златить,
Русланъ всгаетъ и конь ретивый
Ужъ впитязя стрѣлою мчитъ.

И дни бѣгутъ; желтѣютъ нивы;
Съ деревъ спадаетъ дрихлый листъ;
Въ лѣсахъ осенній вѣтра свистъ
Пѣвицъ пернатыхъ заглушаетъ;
Тяжелый, пасмурный туманъ
Нагіе холмы обвиваетъ;
Зима приблизилась — Русланъ
Свой путь отважно продолжаетъ
На дальный сѣверъ; съ каждымъ днемъ
Преграды новыя встрѣчаетъ:
То бѣется онъ съ богатыремъ,
То съ вѣдьмою, то съ великаномъ,
То лунной ночью видитъ онъ,
Какъ-будто сквозь волшебный сонъ,
Окружены сѣдымъ туманомъ,
Русалки тихо на вѣтвяхъ
Качаясь, витязя младова
Съ улыбкой хитрой на устахъ
Манятъ, не говоря ни слова...
Но тайнымъ промысломъ хранимъ,
Безстрашный витязъ невредимъ;
Въ его душѣ желанье дремлетъ;
Онъ ихъ не видитъ, имъ не внемлетъ —
Одна Людмила всюду съ нимъ.

Но между-тѣмъ, ни кѣмъ не зрима,
Отъ нападеній колдуна
Волшебной шапкою хранима,
Что дѣлаетъ моя княжна,

Моя прекрасная Людмила?
Она, безмолвна и уныла,
Одна гуляетъ по садамъ,
О другѣ мыслить и вздыхаетъ,
Иль волю давъ своимъ мечтамъ,
Къ родимымъ кievскимъ полямъ
Въ забвеньи сердца улетаетъ,
Отца и братьевъ обнимаетъ,
Подружекъ видитъ молодыхъ
И старыхъ мамушекъ своихъ —
Забыты плѣнь и разлученье!
Но вскорѣ бѣдная княжна
Свое теряетъ заблужденье,
И вновь уныла и одна.
Рабы влюбленного злодѣя,
И день и ночь, сидѣть не смѣя,
Межъ-тѣмъ, по замку, по садамъ
Прелестной плѣнницы искали,
Метались, громко призывали,
Однако все по пустякамъ.
Людмила ими забавлялась:
Въ волшебныхъ рощахъ иногда
Безъ шапки вдругъ она являлась,
И кликала: сюда, сюда!
И всѣ бросались къ ней толпою,
Но въ сторону — не зрима вдругъ —
Она неслышною стопою
Отъ хищныхъ убѣгала рукъ.
Вездѣ всечасно замѣчали
Ея минутные слѣды:
То позлащенные плоды
На шумныхъ вѣтвяхъ исчезали,
То капли ключевой воды
На дугъ измятый упадали:
Тогда навѣрно въ замкѣ знали,

Что пьетъ иль кушаетъ княжна.
На вѣтвяхъ кедра иль березы
Скрываясь по почамъ, она
Минутнаго искала сна —
Но только проливала слезы,
Звала супруга и покой,
Томила грустью и зѣвотой,
И рѣдко-рѣдко предъ зарей
Склонясь ко древу головой,
Дремала тонкою дремотой;
Едва рѣдѣла ночи мгла,
Людмила къ водопаду шла
Умыться холодною струей:
Самъ карла утренней порою
Однажды видѣлъ изъ палатъ,
Какъ подъ невидимой рукою
Плескалъ и брызгалъ водопадъ.
Съ своею обыкновенною тоскою
До новой ночи, здѣсь и тамъ,
Она бродила по садамъ;
Нерѣдко подъ вечеръ слышали
Ея пріятный голосокъ;
Нерѣдко въ рощахъ поднимали
Иль ею брошенный вѣнокъ,
Или клочки персидской шали,
Или заплаканный платокъ.

Жестокой страстью увлеченный,
Досадою, злобой ослѣпленный,
Колдунъ рѣшился наконецъ
Поймать Людмилу непременно.
Такъ Лемпоса хромой кузнецъ,
Пріявъ супружескій вѣнецъ
Изъ рукъ прелестной Цитеры,
Раскинулъ съѣсть ея красамъ,

Открывъ насмѣшливымъ богамъ
Киприды нѣжныя затѣи....

Скучая, бѣдная княжна
Въ прохладѣ мраморной бесѣдки
Сидѣла тихо близъ окна,
И сквозь колеблемыя вѣтки
Смотрѣла на цвѣтушій лугъ.
Вдругъ слышитъ кличутъ: «Милый другъ!»
И видитъ вѣрнаго Руслана,
Его черты, походка, станъ;
Но блѣдеи онъ, въ очахъ туманъ,
И на бедрѣ живая рана —
Въ ней сердце дрогнуло. «Русланъ!
Русланъ!... онъ точно!» И стрѣлою
Къ супругу плѣнница летитъ,
Въ слезахъ, трепеща, говоритъ:
«Ты здѣсь.... ты раненъ.... что съ тобою?»
Уже достигла, обняла...
О ужасъ.... призракъ исчезаетъ!
Княжна въ сѣтихъ; съ ея чела
На землю шапка упадаетъ.
Хладѣя, слышитъ грозный крикъ:
«Она моя!» и въ тотъ-же мигъ
Зреть колдуна передъ очами.
Раздался дѣвы жалкій стонъ,
Падетъ безъ чувствъ — и дивный сонъ
Объялъ несчастную крылами.

Что будетъ съ бѣдною княжной!
О страшный видъ: волшебникъ хплый
Ласкаетъ дерзостной рукой
Младя прелести Людмилы!
Уже-ли счастливъ будетъ онъ?
Чу.... вдругъ раздался рога звонъ,

И кто-то карлу вызываетъ.
Въ смятеніи, блѣдный чародѣй
На дѣву шапку надѣваетъ;
Трубятъ опять; звучнѣй, звучнѣй!
И онъ летитъ къ безвѣстной встрѣчѣ,
Закинувъ бороду за плечи.

ПѢСНЬ ПЯТАЯ.

Ахъ, какъ мила моя княжна!
Мнѣ нравъ ея всего дороже:
Она чувствительна, скромна,
Любви супружеской вѣрна,
Немного вѣтрена.... такъ что-же?
Еще милѣе тѣмъ она.
Всечасно прелестію новой
Умѣетъ насъ она плѣнить;
Скажите, можно-ли сравнить
Ее съ Дельфирою суровой?
Одной — судьба послала даръ
Обворожать сердца и взоры,
Ея улыбка, разговоры
Во мнѣ любви рождаютъ жаръ.
А та — подъ юпкою гусаръ,
Лишь дайте ей усы да шпоры!
Блаженъ, кого подъ вечерокъ
Въ уединенный уголокъ
Моя Людмила поджидаетъ
И другомъ сердца назоветъ!
Но, вѣрьте мнѣ, блаженъ и тотъ,
Кто отъ Дельфиры убѣгаетъ
И даже съ нею незнакомъ.
Да впрочемъ дѣло не о томъ,
Но кто трубилъ? Кто чародѣя

Па сѣчу грозну вызываль?
Кто колдуна перепугалъ?
Русланъ. Онъ, местию пламенѣя,
Достигъ обители злодѣя.
Ужъ витязь подъ горой стоитъ,
Призывный рогъ какъ буря востъ,
Нетерпѣливый конь кипить,
И снѣгъ копытомъ мощнымъ роетъ.
Князь карлу ждетъ. Внезапно онъ
По племю крѣпкому, стальному
Рукой незримой пораженъ;
Ударъ упалъ подобно грому;
Русланъ подьѣмлетъ смутный взоръ,
И видитъ — прямо надъ главою,
Съ подъятой, страшной булавою
Летаетъ карла Черноморъ.
Щитомъ покрывшись, онъ нагнулся,
Мечемъ потрясъ и замахнулся,
Но тотъ взвился подъ облака,
На мигъ исчезъ — и свысока
Шумя летитъ на князя снова.
Проворный витязь отлетѣлъ,
И въ снѣгъ съ размаха роковаго
Колдунъ упалъ да тамъ и сѣлъ;
Русланъ, не говоря ни слова,
Съ коня долой, къ нему спѣшитъ,
Поймалъ, за бороду хватаетъ;
Волшебникъ силится, крихтитъ,
И вдругъ съ Русланомъ улетаетъ....
Ретивый конь во слѣдъ глядитъ;
Уже колдунъ подъ облаками,
На бородѣ герой виситъ.
Летятъ надъ мрачными лѣсами,
Летятъ надъ дикими горами,
Летятъ надъ бездною морской;

Отъ напряженья костенѣя,
Русланъ за бороду злодѣя
Упорной держится рукой.
Межъ-тѣмъ, на воздухъ слабѣя
И сплѣ русской изумясь,
Волшебникъ гордому Руслану
Коварно молвить: «Слушай, князь!
Тебѣ вредить я перестану;
Младое мужество любя,
Забуду все, прошу тебѣ,
Спущусь — но только съ уговоромъ....»
— «Молчи, коварный чародѣй!»
Прервалъ нашъ витязь: «съ Черноморомъ,
Съ мучителемъ жены своей,
Русланъ не знаетъ договора!
(Сей грозный мечъ накажетъ вора,
Лети хоть до ночной звѣзды,
А быть тебѣ безъ бороды!»
Боязнь объемлетъ Черномора;
Въ досадѣ, въ горести нѣмой,
Напрасно длинной бородой.
Усталый карла потрясаетъ:
Русланъ ея не выпускаетъ
И щиплетъ волосы порой.
Два дня колдунъ героя носить,
На третій онъ пощады проситъ:
(О рыцарь, сжался надо мной;
Едва дышу; нѣтъ мочи болѣ;
(Оставь мнѣ жизнь, въ твоей я волѣ;
(«кажи — спущусь, куда велишь....»
(Тенерь ты нашъ; ага, дрожишь!
(«миришь, покорствуй русской силѣ!
Неси меня къ моему Людмилѣ.»

Смиренно внемлетъ Черноморь;
Домой онъ съ витяземъ пустился,
Летитъ — и мигомъ очутился
Среди своихъ ужасныхъ горъ.
Тогда Русланъ одной рукою
Взялъ мечъ сраженной головы,
И, бороду схвативъ другою,
Отсѣкъ ее, какъ горсть травы.
«Знай нашихъ!» молвилъ онъ жестоко,
«Что, хищникъ, гдѣ твоя краса?
Гдѣ сила?» и на шлемъ высокой
Сѣдые вяжетъ волосы;
Свистя, зоветъ коня лихаго;
Веселый конь летитъ и ржетъ;
Нашъ витязь карлу чуть живаго
Въ котомку за сѣдло кладетъ,
А самъ, боясь мгновенья траты,
Спѣшитъ на верхъ горы крутой,
Достигъ, и съ радостной душой
Летитъ въ волшебныя палаты.
Вдали завидя шлемъ брадатый,
Залогъ побѣды роковой,
Предъ нимъ араповъ чудный рой,
Толпы невольницъ боязливыхъ,
Какъ призраки, со всѣхъ сторонъ
Бѣгутъ — и скрылись. Ходитъ онъ
Одинъ средь храминъ горделивыхъ,
Супругу милую зоветъ —
Лишь эхо сводовъ молчаливыхъ
Руслану голосъ подаетъ;
Въ волненьи чувствъ нетерпѣливыхъ
Онъ отворяетъ двери въ садъ —
Идетъ, идетъ — и не находитъ;
Кругомъ смущенный взоръ обводитъ —
Все мертво: рощицы молчатъ,

Бесѣдки пусты; на стремнинахъ,
Вдоль береговъ ручья, въ долинахъ,
Нигдѣ Людмилы слѣду нѣтъ,
И ухо ничего не внемлетъ.
Внезапный князя хладъ объемлетъ,
Въ очахъ его темнѣетъ свѣтъ,
Въ умѣ возникли мрачны думы....
«Быть можетъ, горестъ.... плѣнъ угрюмый....
Минута.... волны....» въ сихъ мечтахъ
Онъ погруженъ. Съ нѣмой тоскою
Поникнулъ витязь головою,
Его томитъ невольный страхъ;
Недвижимъ онъ, какъ мертвый камень;
Мрачится разумъ; дикій пламень
И ядъ отчаянной любви
Уже текутъ въ его крови.
Казалось, тѣнь княжны прекрасной
Коснулась трепетнымъ устамъ....
И вдругъ, неистовый, ужасной,
Стремится витязь по садамъ;
Людмилу съ воплемъ призываетъ,
Съ холмовъ утесы отрываеъ,
Все рушить, все крушить мечемъ —
Бесѣдки, рощи упадаютъ,
Древа, мосты въ волнахъ ныряютъ,
Степь обнажается кругомъ!
Далеко гулы повторяютъ
И ревъ, и трескъ, и шумъ, и громъ;
Повсюду мечъ звенитъ и свищетъ,
Прелестный край опустошенъ —
Безумный витязь жертвы ищетъ,
Съ размаха вправо, влѣво онъ
Пустынный воздухъ разсѣкаетъ....
И вдругъ — несчастный ударъ
Съ княжны невидимой сбиваетъ

Прощальный Черномора даръ....
Волшебства вмигъ исчезла сила:
Въ сѣтяхъ открылася Людмила!
Не вѣри самъ своимъ очамъ,
Нежданнмъ счастьемъ упоенной,
Нашъ витязъ падаетъ къ ногамъ
Подруги вѣрной, незабвенной,
Цѣлуетъ руки, сѣти рветъ,
Любви восторга слезы льетъ.
Зоветъ ее — но дѣва дремлетъ.
Сомкнуты очи и уста,
И сладострастная мечта
Младую грудь ея подымлетъ.
Русланъ съ нею не сводитъ глазъ,
Его терзаетъ вновь кручина....
Но вдругъ знакомый слышитъ гласъ,
Гласъ добродѣтельнаго Фиона:

«Мужайся, князь! Въ обратный путь
Ступай со спящею Людмилой;
Наполни сердце новой силой,
Любви и чести вѣренъ будь;
Небесный громъ на злобу грянетъ,
И воцарится тишина —
И въ свѣтломъ Кіевѣ княжна
Передъ Владиміромъ возстанетъ
Отъ очарованнаго сна.»

Русланъ, симъ гласомъ оживленной,
Беретъ въ объятія жену,
И тихо съ пошей драгоцѣнной
Онъ оставляетъ вышину,
И сходитъ въ доли уединенной.

Въ молчаньи, съ карлой за сѣдломъ,
Поѣхалъ онъ своимъ путемъ;

Въ его рукахъ лежитъ Людмила,
 Свѣжа, какъ вешняя заря,
 И на плечо богатыря
 Лицо спокойное склонила.
 Власами, свитыми въ кольцо,
 Пустынный вѣтерокъ играетъ;
 Какъ часто грудь ея вздыхаетъ!
 Какъ часто тихое лицо
 Мгновенной розою пылаетъ!
 Любовь и тайная мечта
 Руслановъ образъ ей приносятъ,
 И съ томнымъ шопотомъ уста
 Супруга имя произносятъ....
 Въ забвеньи сладкомъ ловить онъ
 Ея волшебное дыханье,
 Улыбку, слезы, нѣжный стонъ
 И сонныхъ персей волнованье....

Межъ-тѣмъ по доламъ, по горамъ,
 И въ бѣлый день, и по ночамъ,
 Нашъ витязь ѣдетъ непрестанно.
 Еще далеки предѣлы желанной,
 А дѣва спитъ. Но юный князь,
 Бесплоднымъ пламенемъ томясь,
 Уже-ль, страдалецъ постоянной,
 Супругу только сторожилъ,
 И въ цѣломудренномъ мечтаньи,
 Смиривъ нескромное желанье,
 Свое блаженство находитъ?
 Монахъ, который сохранилъ
 Потомству вѣрное преданье
 О славномъ витязѣ моемъ,
 Насъ увѣряетъ смѣло въ томъ.
 И вѣрю я: безъ раздѣленья
 Унылы, грубы наслажденья,

Мы прямо счастливы вдвоемъ.
Пастушки! Сонъ княжны прелестной
Не походилъ на ваши сны,
Порой томительной весны,
На муравъ, въ тѣни древесной.
Я помню маленькій лужокъ
Среди березовой дубравы,
Я помню темный вечерокъ,
Я помню Лиды сонъ лукавый....
Ахъ! первый поцѣлуй любви
Дрожащій, легкій, торопливой
Не разогналъ, друзья мои,
Ея дремоты терпѣливой....
Но полно, я болтаю вздоръ!
Къ чему любви воспоминанье?
Ея утѣха и страданье
Забыты мною съ давнихъ поръ;
Теперь влекутъ мое вниманье
Княжна, Русланъ и Черноморъ.

Предъ ними стелется равнина,
Гдѣ ели изрѣдка возшли;
И грознаго холма вдали
Чернѣетъ круглая вершина
Небесъ на яркой синевѣ.
Русланъ глядитъ — и догадался,
Что подѣзжаетъ къ головѣ.
Быстрѣе борзый конь помчался;
Ужъ видно чудо изъ чудесъ;
Она глядитъ недвижнымъ окомъ;
Власы ея какъ черный лѣсъ,
Поросшій на челѣ высокомъ;
Ланпты жизни лишены;
Свинцовой блѣдностью покрыты,
Уста 'огромныя открыты,

Огромны зубы стѣснены....
Надъ полумертвой головою
Послѣдній день ужъ тяготѣлъ.
Къ ней храбрый витязъ прилетѣлъ
Съ Людмилой, съ карлой за спиною.
Онъ крикнулъ: «Здравствуй, голова!
Я здѣсь! Наказанъ твой измѣнникъ!
Гляди: вотъ онъ, злодѣй нашъ — плѣнникъ!»
И князя гордые слова
Ее внезапно оживили,
На мигъ въ ней чувство разбудили,
Очнулась будто ото сна,
Взглянула, страшно застонала....
Узнала витязя она,
И брата съ ужасомъ узнала.
Надулись ноздри; на щекахъ
Багровый огонь еще родился,
И въ умирающихъ глазахъ
Послѣдній гнѣвъ изобразился.
Въ смятеніи, въ бѣшенствѣ нѣмомъ
Она зубами скрежетала,
И брату хладнымъ языкомъ
Укоръ невнятный лепетала....
Уже ея въ тотъ самый часъ
Кончалось долгое страданье:
Чела мгновенный пламень гасъ,
Слабѣло тяжкое дыханье,
Огромный закатился взоръ,
И вскорѣ князь и Черноморъ
Узрѣли смерти содроганье....
Она почила вѣчнымъ сномъ.
Въ молчаніи витязъ удалился.
Дрожащій карликъ за сѣдломъ
Не смѣлъ дышать, не шевелился,

И черно книжнымъ языкомъ
Усердно демонамъ молился.

На склонѣ темныхъ береговъ
Какой-то рѣчки безъимянной,
Въ прохладномъ сумракѣ лѣсовъ,
Стоялъ поникшей хаты кровъ,
Густыми соснами вѣнчанной.
Въ теченіи медленномъ рѣка
Вблизи плетень изъ тростника
Волною сонной омывала,
И вокругъ него едва журчала
При легкомъ шумѣ вѣтерка.
Долина въ сихъ мѣстахъ таилась
Уединенна и темна;
И тамъ, казалось, тишина
Съ начала міра воцарилась.
Русланъ остановилъ коня.
Все было тихо, безмятежно;
Отъ разсвѣтающаго дня
Долина съ рощею прибрежной
Сквозь утренній сіяла дымъ.
Русланъ на дугъ жену слагаетъ,
Садится близъ нея, вздыхаетъ
Съ уныньемъ сладкимъ и нѣмымъ;
И вдругъ онъ видитъ предъ собою
Смиранный парусъ челнока,
И слышитъ пѣсню рыбака
Надъ тихоструйною рѣкою.
Раскинувъ неводъ по волнамъ,
Рыбакъ, на весла наклоненной,
Плыветъ къ лѣсистымъ берегамъ,
Къ порогу хижины смиренной.
И видитъ добрый князь Русланъ:
Челнокъ ко берегу приплываетъ;

Изъ темной хаты выбѣгаетъ
Младая дѣва; стройный станъ,
Власы небрежно распущенны,
Улыбка, тихій взоръ очей,
И грудь, и плечи обнаженны,
Все мило, все плѣняетъ въ ней.
И вотъ они, обнявъ другъ друга,
Садятся у прохладныхъ водъ,
И часъ безпечнаго досуга
Для нихъ съ любовью настаетъ.
Но въ изумлени молчаливомъ
Кого-же въ рыбака счастливомъ
Нашъ юный витязъ узнаетъ?
Хазарскій ханъ, избранный славой,
Ратмиръ, въ любви, въ войнѣ кровавой
Его соперникъ молодой,
Ратмиръ, въ пустынѣ безмятежной
Людмилу, славу позабылъ,
И имъ на вѣки измѣнилъ
Въ объятіяхъ подруги нѣжной.

Герой приблизился, и вмигъ
Отшельникъ узнаетъ Руслана,
Встаетъ, летитъ. Раздался крикъ....
И обнялъ князь младаго хана.
«Что вижу я! спросилъ герой,
Зачѣмъ ты здѣсь? зачѣмъ оставилъ
Тревоги жизни боевой,
И мечъ, который ты прославилъ?»
— «Мой другъ, отвѣтствовалъ рыбакъ,
Душѣ наскучилъ бранной славы
Пустой и гибельный призракъ.
Повѣрь, невинныя забавы,
Любовь и мирныя дубравы
Милѣ сердцу во сто кратъ.

Теперь, утративъ жажду брани,
Престалъ платить безумству дани,
И, вѣрнымъ счастьемъ богатъ,
Я все забылъ, товарищъ милый,
Все, даже прелести Людмилы.» —
«Любезный ханъ, я очень радъ!»
Сказалъ Русланъ: «она со мною.»
— «Возможно-ли, какой судьбою?
Что слышу? Русская княжна....
Она съ тобою, гдѣ-жъ она?
Позволь.... но нѣтъ, боюсь измѣны;
Моя подруга мнѣ мила;
Моей счастливой перемѣны
Она виновницей была;
Она мнѣ жизнь, она мнѣ радость!
Она мнѣ возвратила вновь
Мою утраченную младость,
И миръ, и чистую любовь.
Напрасно счастье мнѣ сулили
Уста волшебницъ молодыхъ;
Двѣнадцать дѣвъ меня любили,
Я для ней покинулъ ихъ;
Оставилъ теремъ ихъ веселый,
Въ тѣни хранительныхъ дубровъ;
Сложилъ и мечъ, и шлемъ тяжелый,
Забылъ и славу, и враговъ.
Отшельникъ мирный и безвѣстный,
Остался въ счастливой глуши,
Съ тобой, другъ милый, другъ прелестный,
Съ тобою, свѣтъ моей души!» —

Пастушка милая внимала
Друзей открытый разговоръ,
И, устремивъ на хана взоръ,
И улыбалась, и вздыхала.

Рыбакъ и витязь на берегахъ
До темной ночи просидѣли
Съ душой и сердцемъ на устахъ.
Часы невидимо летѣли.
Чернѣетъ лѣсъ, темна гора;
Встаетъ луна — все тихо стало;
Герою въ путь давно пора.
Накинувъ тихо покрывало
На дѣву спящую, Русланъ
Идетъ и на коня садится;
Задумчиво безмолвный ханъ
Душей во слѣдъ ему стремится,
Руслану счастья, побѣдъ,
И славы, и любви желаетъ....
И думы гордыхъ, юныхъ лѣтъ
Невольной грустью оживляетъ.

Зачѣмъ судьбой не суждено
Моей непостоянной лирѣ
Геройство воспѣвать одно,
И съ нимъ (незнаемымъ въ мірѣ)
Любовь и дружбу старыхъ лѣтъ?
Печальной истины поэтъ,
Зачѣмъ я долженъ для потомства
Порокъ и злобу обнажать,
И тайны козни вѣроломства
Въ правдивыхъ дѣвятихъ обличать?

Княжны искатель недостойный,
Охоту къ славѣ потерявъ,
Никѣмъ незнаемый, Фарлафъ
Въ пустынь дальной и стокойной
Скрывался и Нанны ждалъ.
И часъ торжественный насталъ.
Къ нему волшебница явилась,

Вѣщая: «Знаешь-ли меня?
Ступай за мной, сѣдлай коня!»
И вѣдьма кошкой обратилась.
Осѣдланъ конь; она пустилась
Тропами мрачными дубравъ,
За нею слѣдуетъ Фарлафъ.

Долина тихая дремала,
Въ ночной одѣтая туманъ,
Луна во мглѣ перебѣгала
Изъ тучи въ тучу, и курганъ
Мгновеннымъ блескомъ озаряла.
Подъ нимъ въ безмолвіи Русланъ
Сидѣлъ съ обычною тоскою
Предъ усыпленною княжною;
Глубоку думу думалъ онъ,
Мечты летѣли за мечтами,
И непримѣтно вѣялъ сонъ
Надъ нимъ холодными крылами.
На дѣву смутными очами
Въ дремотѣ томной онъ взглянулъ,
И, утомленною главою
Склонясь къ ногамъ ея, заснулъ.

И снится вѣщій сонъ герою:
Онъ видитъ, будто-бы княжна
Надъ страшной бездны глубиною
Стоитъ недвижна и блѣдна....
И вдругъ Людмила исчезаетъ,
Стоитъ одинъ надъ бездною онъ....
Знакомый гласъ, призывный стонъ
Изъ тихой бездны вылетаетъ....
Русланъ стремится за женой;
Стремглавъ летитъ во тѣмъ глубокой....
И видитъ вдругъ передъ собой:

Владиміръ, въ гриднищѣ высокой,
Въ кругу сѣдыхъ богатырей,
Между двѣнадцатю сынами,
Съ толпою названныхъ гостей,
Сидитъ за бранными столами.
И также гнѣвенъ старый князь,
Какъ въ день ужасный разставанья;
И всѣ сидятъ не шевелясь,
Не смѣя перервать молчанья.
Утихъ веселый шумъ гостей,
Не ходитъ чаша круговая....
И видитъ онъ, среди гостей,
Въ бою сраженнаго Рогдая:
Убитый, какъ живой, сидитъ;
Изъ опѣннаго стакана
Онъ, веселъ, пьетъ и не глядитъ
На изумленнаго Руслана.
Князь видитъ и младаго хана,
Друзей и недруговъ.... и вдругъ
Раздался гуслей бѣглый звукъ
И голосъ вѣщаго Баяна,
Пѣвца героевъ и забавъ.
Вступастъ въ гридницу Фарлазъ,
Ведетъ онъ за руку Людмилу;
Но старецъ, съ мѣста не привставъ,
Молчитъ, склонивъ главу унылу,
Князья, бояре — всѣ молчатъ,
Душевные движенія кроя.
И все исчезло — смертный холодъ
Объемлетъ спящаго героя.
Въ дремоту тяжко погруженъ,
Онъ льетъ мучительныя слезы,
Въ волненьи мыслить: «это сонъ!»
Томится, но зловѣщей грезы,
Увы, прервать не въ силахъ онъ!

Луна чуть свѣтитъ надъ горою;
Объяты рощи темнотою;
Долина въ мертвой тишинѣ....
Измѣнникъ ѣдетъ на конѣ.

Предъ нимъ открылася поляна,
Онъ видитъ сумрачный курганъ;
У ногъ Людмилы спитъ Русланъ,
И ходитъ конь кругомъ кургана.
Фарлафъ съ боязнію глядитъ;
Въ туманѣ вѣдьма исчезаетъ;
Въ немъ сердце замерло, дрожитъ,
Изъ хладныхъ рукъ узду роняетъ,
Тихонько обнажаетъ мечъ,
Готовясь витязя безъ боя
Съ размаха на двое разсѣчь....
Къ нему подъѣхалъ. Конь героя,
Врага почуя, закипѣлъ,
Заржалъ и топнулъ. Знакъ напрасный!
Русланъ не внимлетъ — сонъ ужасный,
Какъ грузъ, надъ нимъ отяготѣлъ!...
Измѣнникъ, вѣдьмой ободренный,
Герою въ грудь рукой презрѣнной,
Вонзаетъ трижды хладну сталь....
И мчится боязливо въ даль
Съ своей добычей драгоцѣнной.

Всю ночь безчувственный Русланъ
Лежалъ во мракѣ подъ горою.
Часы летѣли. Кровь рѣкою
Текла изъ воспаленныхъ ранъ.
Поутру взоръ открывъ туманной,
Пуская тяжкій, слабый, стоишь,
Съ усильемъ приподнялся онъ,

Взглянулъ, поникъ главою бранной —
И палъ недвижный, бездыханной.

ПѢСНЬ ШЕСТАЯ.

Ты мнѣ велишь, о другъ мой нѣжной,
На лирѣ легкой и небрежной
Старинны были напѣвать,
И музѣ вѣрной посвящать
Часы безцѣннаго досуга....
Ты знаешь, милая подруга:
Поссорясь съ вѣтренной молвой,
Твой другъ, блаженствомъ упоенный,
Забылъ и трудъ уединенный,
И звуки лиры дорогой.
Отъ гармонической забавы
Я, нѣгой упоенъ, отвыкъ....
Дышу тобой — и гордой славы
Невнятенъ мнѣ призывный кликъ!
Меня покинулъ тайный геній
И вымысловъ и сладкихъ думъ;
Любовь и жажда наслажденій
Однѣ преслѣдуютъ мой умъ.
Но ты велишь, но ты любила
Разказы прежніе мои,
Преданья славы и любви;
Мой богатырь, моя Людмила,
Владиміръ, вѣдьма, Черноморъ,
И Фина вѣрныхъ печали
Твое мечтанье занимали;
Ты, слушая мой легкій вздоръ,
Съ улыбкой иногда дремала,
Но иногда свой нѣжный взоръ
Нѣжные на пѣвца бросала....

Рѣшусь — влюбленный говорунъ —
Касаюсь вновь лѣнивыхъ струнъ;
Сажусь у ногъ твоихъ, и снова
Брянчу про витязя младава.

Но что сказалъ я? Гдѣ Русланъ?
Лежитъ онъ мертвый въ чистомъ полѣ;
Ужъ кровь его не льется болѣ,
Надъ нимъ летаетъ жадный вранъ;
Безгласенъ рогъ, недвижны латы,
Не шевелится шлемъ косматый!

Вокругъ Руслана ходитъ конь,
Поникнувъ гордой головою,
Въ его глазахъ исчезъ огонь,
Не машетъ гривой золотою,
Не тѣшится, не скачетъ онъ
И ждетъ когда Русланъ воспрянетъ....
Но князя крѣпокъ хладный сонъ,
И долго щитъ его не грянетъ!

А Черноморъ? Онъ за сѣдломъ,
Въ котомкѣ вѣдьмою забытый,
Еще не знаетъ ни о чемъ.
Усталый, сонный и сердитый,
Княжну героя моего
Бранилъ отъ скуки молчаливо.
Не слыша долго ничего,
Волшебникъ выглянулъ — о диво!
Онъ видитъ, богатырь убитъ,
Въ крови потопленный лежитъ;
Людмилы нѣтъ, все пусто въ полѣ;
Злодѣй отъ радости дрожитъ
И мнитъ: свершилось, я на волѣ!
Но старый карла былъ не правъ.

Межъ-тѣмъ, Наиной осыненный
 Съ Людмилой, тихо усыпленной,
 Стремится къ Кіеву Фарлафъ,
 Летитъ, надежды, страха полный;
 Предъ нимъ уже днѣпровеки волны
 Въ знакомыхъ пажитяхъ шумятъ;
 Ужъ видитъ златоверхій градъ;
 Уже Фарлафъ по граду мчится,
 И шумъ на стогнахъ возстаетъ;
 Въ волненьи радостномъ народъ
 Валитъ за всадникомъ, тѣснится;
 Бѣгутъ обрадовать отца —
 И вотъ измѣнникъ у крыльца.

Влача въ душѣ печали бремя,
 Владиміръ-солнышко въ то время
 Въ высокомъ теремѣ своемъ
 Сидѣлъ, томясь привычной думой.
 Бояре, витязи кругомъ
 Сидѣли съ важностью угрюмой.
 Вдругъ внемлетъ онъ передъ крыльцомъ
 Волненье, крики, шумъ чудесный,
 Дверь отворплась — передъ нимъ
 Явился воинъ неизвѣстный;
 Всѣ встали съ шопотомъ глухимъ,
 И вдругъ смутились, зашумѣли:
 «Людмила здѣсь! Фарлафъ!... Ужели?»
 Въ лицѣ печальномъ измѣняется,
 Встаетъ со стула старый князь,
 Спѣшитъ тяжелыми шагами
 Къ несчастной дочери своей,
 Подходить, отчими руками
 Онъ хочетъ прикоснуться къ ней,
 Но дѣва милая не внемлетъ,
 И очарованная дремлетъ

Въ рукахъ убійцы. Всѣ глядятъ
На князя въ смутномъ ожиданьи;
И старецъ безпокойный взгляды
Вперилъ на витязя въ молчаньи.
Но хитро, перстѣ къ устамъ прижавъ,
«Людмила спитъ!» сказалъ Фарлафъ,
«Я такъ нашелъ ее недавно
Въ пустынныхъ муромскихъ лѣсахъ
У злаго лѣшаго въ рукахъ;
Тамъ совершилось дѣло славно,
Три дня мы билися; луна
Надъ боемъ трижды подымалась;
Онъ палъ, а юная княжна
Мнѣ въ руки сонною досталась;
И кто прерветъ сей дивный сонъ!
Когда настанетъ пробужденье?
Не знаю — скрытъ судьбы законъ!
А намъ надежда и терпѣнье
Однѣ остались въ утѣшенъе.»

И вскорѣ съ вѣстью роковой
Молва по граду полетѣла;
Народа пестрою толпой
Градская площадь закипѣла;
Печальный теремъ всѣмъ открытъ;
Толпа волнуется, валить
Туда, гдѣ на одрѣ високомъ,
На одѣялѣ парчевомъ
Княжна лежитъ во снѣ глубокомъ;
Князья и витязи кругомъ
Стоять унылы; гласы трубы,
Рога, тимпаны, гусли, бубны
Гремятъ надъ нею. Старый князь,
Тоской тяжелой изнурясь,
Къ ногамъ Людмилы сѣдинами

Приникъ съ безмолвными слезами;
И блѣдный близъ него Фарлафъ
Въ нѣмомъ раскаяннѣ, въ досадѣ,
Трепещетъ, дерзость потерявъ.

Настала ночь. Никто во градѣ
Очей безсонныхъ не смыкалъ;
Шума, тѣснились всѣ другъ къ другу;
О чудѣ всякій толковалъ;
Младой супругъ свою супругу
Въ свѣтлицѣ скромной забывалъ.
Но только свѣтъ луны двурогой
Исчезъ предъ утренней зарей,
Весь Кіевъ новою тревогой
Смутился. Клики, шумъ и вой
Возникли всюду. Кіевляне
Толпятся на стѣнѣ градской....
И видятъ: въ утреннемъ туманѣ
Шатры бѣлѣютъ за рѣкой
Щиты какъ зарево блистаютъ,
Въ поляхъ наѣздники мелькаютъ,
Вдали подъемя черный прахъ
Идутъ походныя телѣги,
Костры пылаютъ на холмахъ —
Бѣда, возстали печенѣги!
Но въ это время вѣщій Финъ,
Духовъ могучій властелинъ,
Въ своей пустынѣ безмятежной,
Съ спокойнымъ сердцемъ ожидать,
Чтобъ день судьбины неизбѣжной,
Давно предвидѣнный, возсталъ.

Въ нѣмой глуши степей горячихъ,
За дальней цѣпью дикихъ горъ,
Жилища вѣтровъ, бурь гремящихъ,

Куда и вѣдѣмы смѣлый взоръ
Проникнуть въ поздній часъ боится,
Должна чудная таится,
И той долины два ключа:
Одинъ течетъ волной живою,
По камнямъ весело журча;
Тотъ льется *мертвою* водою.
Кругомъ все тихо, вѣтры спятъ,
Прохлада вешняя не вѣетъ,
Столѣтні сосны не шумятъ,
Не выются птицы; лань не смѣетъ
Въ жаръ лѣтній пить изъ тайныхъ водъ;
Чета духовъ съ начала міра,
Безмолвная на лонѣ мира,
Дремучій берегъ стережетъ....
Съ двумя кувшинами пустыми
Предсталъ отшельникъ передъ ними.
Прервали духи дивный сонъ
И удалились страха полны.
Склонившись, погружаетъ онъ
Сосуды въ дѣвственныя волны.
Наполнилъ, въ воздухъ пропалъ,
И очутился въ два мгновенья
Въ долину, гдѣ Русланъ лежалъ
Въ крови, безгласный, безъ движенья;
И сталъ надъ рыцаремъ старикъ,
И вспрыснулъ мертвою водою—
И раны засіяли вмигъ,
И трупъ чудесной красотою
Процвѣлъ; тогда водой живою
Героя старецъ окропилъ,
И бодрый, полный новыхъ силъ,
Трепеща жизнью молодою
Встаетъ Русланъ, на ясный день
Очами жадными взираетъ;

Какъ безобразный сонъ, какъ тѣнь,
Предъ нимъ минувшее мелькаетъ.
Но гдѣ Людмила? Онъ одинъ!
Въ немъ сердце вспыхнувъ замираетъ.
Вдругъ витязь вспрыгнулъ. Вѣщій Финъ
Его зоветъ и обнимаетъ:
«Судьба свершилась, о мой сынъ!
Тебя блаженство ожидаетъ;
Тебя зоветъ кровавый пиръ,
Твой грозный мечъ бѣдою грянетъ;
На Кіевъ снидетъ кроткій миръ,
И тамъ она тебѣ предстанетъ.
Возьми заветное кольцо,
Коснися имъ чела Людмилы,
И тайныхъ чаръ исчезнутъ силы;
Враговъ смутитъ твое лицо;
Настанетъ миръ, погибнетъ злоба.
Достойны счастья будьте оба.
Прости на долго, витязь мой!
Дай руку.... тамъ, за дверью гроба —
Не прежде — свидимся съ тобой!»
Сказалъ, исчезнулъ. Упоенный
Восторгомъ пылкимъ и нѣмымъ,
Русланъ, для жизни пробужденный,
Подъемлетъ руки вслѣдъ за нимъ....
Но ничего не слышно болѣ!
Русланъ одинъ въ пустынномъ полѣ!
Запрыгавъ, съ карлой за сѣдломъ,
Руслановъ конь нетерпѣливой
Бѣжитъ и ржетъ, махая гривой;
Ужъ князь готовъ, ужъ онъ верхомъ,
Ужъ онъ летитъ живой и здравый,
Черезъ поля, черезъ дубравы!

Но между-тѣмъ какой позоръ
Являетъ Кіевъ осажденный!
Тамъ, устремивъ на нивы взоръ,
Народъ, унынѣемъ пораженный,
Стоить на башняхъ и стѣнахъ
И въ страхѣ ждетъ небесной казни;
Стенанья робкія въ домахъ,
На стогнахъ тишина боязни.
Одинъ, близъ дочери своей,
Владиміръ въ горестной молитвѣ;
И храбрый сонмъ богатырей
Съ дружиной вѣрною князей
Готовится къ кровавой битвѣ.

И день насталъ. Толпы враговъ
Съ зарею двинулись съ холмовъ.
Неукротимыя дружины,
Волнуясь, хлынули съ равнины
И потекли къ стѣнѣ градской;
Во градъ трубы загремѣли,
Бойцы сомкнулись, полетѣли
На встрѣчу рати удалой,
Сошлись — и заварился бой.
Почуя смерть, разыграли кони,
Пошли стучать мечи о брони,
Со свистомъ туча стрѣлъ взвилась —
Равнина кровью залилась;
Стремглавъ наѣзники помчались;
Дружины конныя смѣшались;
Сомкнутой, дружною стѣной,
Тамъ рубится со строемъ строй,
Со всадникомъ тамъ пѣшій бьется;
Тамъ конь испуганный несется;
Тамъ русскій палъ, тамъ печенѣгъ,
Тамъ клики битвы, тамъ побѣгъ;

Тотъ опрокинутъ булавою,
Тотъ легкой пораженъ стрѣлою;
Другой, придавленный щитомъ,
Растоптанъ бѣшеннымъ копомъ....
И длился бой до темной ночи,
Ни врагъ, ни нашъ не одолѣлъ!
За горами кровавыхъ тѣлъ
Бойцы сомкнули томны очи,
И крѣпокъ былъ ихъ бранный сонъ;
Лишь изрѣдка на полѣ битвы
Былъ слышенъ падшихъ скорбный стонъ,
И русскихъ витязей молитвы.

Блѣднѣла утренняя тѣнь,
Волна серебрилася въ потокъ,
Сомнительный рождался день
На отуманенномъ востокѣ.
Яснѣли холмы и лѣса,
И просыпались небеса.
Еще въ бездѣйственномъ покоѣ
Дремало поле боевое;
Вдругъ сонъ прервался: вражій станъ
Съ тревогой шумною воспрянулъ,
Внезапный крикъ сражоній грянулъ;
Смутилось сердце киевлянъ;
Бѣгутъ нестройными толпами
И видятъ: въ полѣ, межъ врагами,
Блестая въ латахъ, какъ въ огнѣ,
Чудесный воинъ на конѣ,
Грозой несется, копитъ, рубитъ,
Въ ревущій рогъ, летая, трубитъ....
То былъ Русланъ. Какъ Божій громъ
Нашъ витязь палъ на басурмана;
Онъ рыщетъ съ карлой за сѣдломъ
Среди испуганнаго стана.

Гдѣ ни просвищеть грозный мечъ,
Гдѣ конь сердитый ни промчится,
Вездѣ главы слетають съ плечъ,
И съ воплемъ строй на строй валится;
Въ одно мгновенье бранный лугъ
Покрываетъ холмами тѣлъ кровавыхъ,
Живыхъ, раздавленныхъ, безглавыхъ,
Громадой копій, стрѣлъ, кольчугъ.
На трубный звукъ, на голосъ боя
Дружины конныя славянъ
Помчались по слѣдамъ героя,
Сразились.... гибли, басурманъ!
Объемлетъ ужасъ печенѣговъ.
Питомцы бурные набѣговъ
Зовутъ разсѣянныхъ коней;
Противиться не смѣютъ болѣ,
И съ дикимъ воплемъ въ пыльномъ полѣ
Бѣгутъ отъ кіевскихъ мечей,
Обречены на жертву аду;
Ихъ сонмы русскій мечъ казнитъ.
Ликуетъ Кіевъ.... Но по граду
Могучій богатырь летитъ,
Въ десницѣ держитъ мечъ побѣдной;
Копье сіяетъ какъ звѣзда;
Струится кровь съ кольчуги мѣдной;
На шлемѣ вьется борода.
Летитъ, надеждой окриленный,
По стогнамъ шумнымъ въ княжій домъ.
Народъ, восторгомъ упоенный,
Толпился съ кликами кругомъ,
И князя радость оживила.
Въ безмолвный теремъ входитъ онъ,
Гдѣ дремлетъ чуднымъ сномъ Людмила;
Владиміръ, въ думу погруженъ,
У ногъ ея стоялъ унылый.

Онъ былъ одинъ. Его друзей
Война влекла въ поля кровавы.
Но съ нимъ Фарлафъ, чуждаясь славы,
Вдали отъ вражескихъ мечей,
Въ душѣ презрѣвъ тревоги стана,
Стоялъ на стражѣ у дверей.
Едва злодѣй узналъ Руслана,
Въ немъ кровь остыла, взоръ погасъ,
Въ устахъ открытыхъ замеръ гласъ,
И палъ безъ чувствъ онъ на колѣна....
Достойной казни ждетъ познѣна!
Но, помня тайный даръ кольца,
Русланъ летитъ къ Людмилѣ спящей,
Ея спокойнаго лица
Касается рукой дрожащей....
И чудо — юная княжна,
Вздохнувъ, открыла свѣтлы очи!
Казалось, будто-бы она
Дивилася столь долгой ночи;
Казалось, что какой-то сонъ
Ее томилъ мечтой неясной
И вдругъ узнала — это онъ!
И князь въ объятіяхъ прекрасной!
Воскреснувъ пламенной душой,
Русланъ не видитъ, не внимаетъ,
И старецъ въ радости нѣмой,
Рыдая милыхъ обнимаетъ.

Чѣмъ кончу длинный мой рассказъ?
Ты угадаешь, другъ мой милой!
Неправый старца гнѣвъ погасъ;
Фарлафъ предъ нимъ и предъ Людмилой
У ногъ Руслана объявилъ
Свой стыдъ и мрачное злодѣйство;
Счастливый князь ему простилъ;

Лишенный силы чародѣйства,
Былъ принятъ карла во дворецъ;
И, бѣдствій празднуя конецъ,
Владиміръ въ гридницѣ высокой
Запировалъ въ семьѣ своей.

Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданья старины глубокой!

Э П И Л О Г Ъ.

Такъ міра житель равнодушной,
На лонѣ праздной тишины,
Я славилъ лирою послушной
Преданья темной старины.
Я пѣлъ — и забывалъ обиды
Слѣпаго счастья и враговъ,
Измѣны вѣтренной Дориды,
И сплетни шумныя глупцовъ.
На крыльяхъ вымысла носимой,
Ужъ улеталъ за край земной;
И между-тѣмъ грозы незримой
Сбиралась туча надо мной!
Я погибалъ.... Святой хранитель
Первоначальныхъ, бурныхъ дней,
О дружба, нѣжный утѣшитель
Болѣзненной души моей!
Ты умолила непогоду,
Ты сердцу возвратила миръ;
Ты сохранила мнѣ свободу,
Кипящей младости кумиръ!
Забытый свѣтомъ и молвою,
Далече отъ береговъ Невы,

Теперь я вижу предъ собою
Кавказа гордыя главы.
Надъ ихъ вершинами крутыми,
На скатѣ каменныхъ стремнинъ,
Питаюсь чувствами нѣмыми
И чудной прелестью картинъ
Природы дикой и угрюмой.
Душа, какъ прежде, каждый часъ
Полна томительною думой —
Но огонь поэзіи погасъ.
Ищу напрасно впечатлѣній!
Она прошла, пора стиховъ,
Пора любви, веселыхъ сновъ,
Пора сердечныхъ вдохновеній!
Восторговъ кроткій день протекъ —
И скрылась отъ меня на вѣкъ
Богиня тихихъ пѣснопѣній....

26 Іюня 1820. Кавказъ.

II. КАВКАЗСКИЙ ПЛЕННИКЪ.

(1821).

ПОСВЯЩЕНІЕ

Н. П. РАЕВСКОМУ.

Прими съ улыбкою, мой другъ,
Свободной музы приношенье:
Тебѣ я посвятилъ пустынной лиры пѣнье
И вдохновенный свой досугъ.
Когда мнѣ бѣдствія грозили
Я при тебѣ еще спокойство находилъ,
Я сердцемъ отдыхалъ: другъ друга мы любили,
И бури падо мной свирѣпость утомили,
Я въ мирной пристани боговъ благословилъ.
Во дни печальные разлуки
Мои задумчивые звуки
Напоминали мнѣ Кавказъ,
Гдѣ пасмурный Бешту пустынный величавый,
Ауловъ и полей властитель пятиглавый,
Былъ новъ для меня Парнасъ.
Забуду-ли кремнистыя вершины,
Гремучіе ключи, увядшія равнины,
Пустыни знойныя, края, гдѣ ты со мной
Дѣлилъ души младыя впечатлѣнья;
Гдѣ рыскаетъ въ горахъ воинственный разбой,
И дикій геній вдохновенья
Таится въ тишинѣ глухой!
Ты здѣсь найдешь воспоминанья,

Быть можетъ, милыхъ сердцу дней,
Противорѣчія страстей,
Мечты знакомыя, знакомыя страданья,
И тайный гласъ души моей.

Мы въ жизни разны шли: въ объятіяхъ покоя
Едва-едва расцвѣлъ, и вѣлѣдъ отца-героя,
Въ поля кровавыя, подъ тучи вражьи стрѣлъ,
Младенецъ избранный, ты гордо полетѣлъ;
Отечество тебя ласкало съ умиленіемъ,
Какъ жертву милую, надежды вѣрный цвѣтъ.
Я рано скорбь узналъ, узналъ людей и свѣтъ....

Но сердце укрѣпивъ терпѣніемъ,
Я ждалъ безпечно лучшихъ дней,
И счастье моихъ друзей
Мнѣ было сладкимъ утѣшеніемъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Въ аулѣ, на своихъ порогахъ,
Черкесы праздные сидятъ.
Сыны Кавказа говорятъ
О бранныхъ, гибельныхъ тревогахъ,
О красотѣ своихъ коней,
О наслажденіяхъ дикой нѣги;
Вспоминаютъ прежнихъ дней
Неотразимые набѣги,
Обманы хитрыхъ уаженей
Удары шашекъ ихъ жестокихъ,
И мѣткость неизбѣжныхъ стрѣлъ,
И пепелъ раззоренныхъ селъ,
И ласки плѣнницъ черноокихъ.

Текутъ бесѣды въ тишинѣ;
Луна плыветъ въ ночномъ туманѣ,

И вдругъ предъ нами на конѣ
Черкесъ. Онъ быстро на арканѣ
Младаго плѣнника влачилъ
Вотъ русскій! хищникъ возопилъ.
Аулъ на крикъ его сбѣжался
Ожесточенною толпой;
Но плѣнникъ хладный и нѣмой,
Съ обезображенной главой,
Какъ трупъ недвижимъ оставался.
Лица враговъ не видѣлъ онъ,
Угрозъ и крпковъ онъ не слышитъ;
Надъ нимъ летаетъ смертный сонъ
И холодомъ тлетворнымъ дышитъ.

И долго плѣнникъ молодой
Лежалъ въ забвеніи тяжеломъ.
Ужъ полдень надъ его главой
Пылалъ въ сіяніи веселомъ;
И жизни духъ проснулся въ немъ,
Невнятный стонъ въ устахъ раздался;
Согрѣтый солнечнымъ лучемъ,
Несчастный тихо приподнялся;
Кругомъ обводитъ слабый взоръ....
И видитъ: неприступныхъ горъ
Надъ нимъ воздвигнулась громада,
Гнѣздо разбойничьихъ племенъ,
Черкесской вольности ограда.
Вспомнилъ юноша свой плѣнъ,
Какъ сна ужаснаго тревоги,
И слышитъ, загремѣли вдругъ
Его закованныя ноги....
Все, все сказалъ ужасный звукъ!
Затмѣлась передъ нимъ природа.
Прости, священная свобода!
Онъ рабъ.

За саклями лежитъ
Онъ у колючаго забора.
Черкесы въ полѣ, нѣтъ надзора,
Въ пустомъ аулѣ все молчитъ.
Предъ нимъ пустынный равнины
Лежатъ зеленой пеленой;
Тамъ холмовъ тянутся грядою
Однообразныя вершины;
Межъ нихъ уединенный путь
Вдали теряется угрюмой....
И плѣнника младаго грудь
Тяжелой взволновалась душой....

Въ Россію дальній путь ведетъ,
Въ страну, гдѣ пламенную младость
Онъ гордо началъ, безъ заботъ,
Гдѣ первую позналъ онъ радость,
Гдѣ много милаго любилъ,
Гдѣ обнялъ грозное страданье,
Гдѣ бурной жизнью погубилъ
Надежду, радость и желанье,
И лучшихъ дней воспоминанье
Въ увядшемъ сердцѣ заключилъ.

Людей и свѣтъ извѣдалъ онъ,
И зналъ невѣрной жизни цѣну.
Въ сердцахъ друзей нашедъ измѣну,
Въ мечтахъ любви безумный сонъ!
Наскучивъ жертвой быть привычной
Давно презрѣнной суеты,
И непріязни двуязычной,
И простодушной клеветы, —
Отступникъ свѣта, другъ природы,
Покинулъ онъ родной предѣлъ,

И въ край далекій полетѣлъ
Съ веселымъ признакомъ свободы.

Свершилось!... Цѣлью упованья
Не зреть онъ въ мірѣ ничего.
И вы, послѣднія мечтанья,
И вы сокрылись отъ него!...
Онъ рабъ. Склоняся главою на камень,
Онъ ждетъ, чтобъ съ сумрачной зарей
Погасъ печальной жизни пламень,
И жаждетъ сѣни гробовой.

Ужъ меркнетъ солнце за горами;
Вдали раздался шумный гулъ,
Съ полей народъ идетъ въ аулъ,
Сверкая свѣтлыми косами.
Пришли, въ домахъ зажглись огни,
И постепенно шумъ нестройной
Умолкнулъ. Все въ ночной тѣни
Объято нѣгою спокойной.
Вдали сверкаетъ горный ключъ,
Сбѣгая съ каменной стремнины;
Одѣлись пеленою тучъ
Кавказа спяція вершины....
Но кто, въ сіяніи луны,
Среди глубокой тишины
Идетъ, украдкою ступая?
Очнулся русскій. Передъ нимъ,
Съ привѣтомъ нѣжнымъ и нѣмымъ,
Стоитъ черкешенка молодая.
На дѣву молча смотритъ онъ,
И мыслить: это живой сонъ,
Усталыхъ чувствъ игра пустая....
Луною чуть озарена,
Съ улыбкой жалости отрадной,

Колѣна преклонивъ, она
Къ его устамъ кумысъ прохладной
Подноситъ тихою рукой.
Но онъ забылъ сосудъ цѣлебный,
Онъ ловитъ жадною душой
Пріятной рѣчи звукъ волшебный
И взоры дѣвы молодой.
Онъ чуждыхъ словъ не понимаетъ....
Но взоръ умильный, жаръ ланить,
Но голосъ нѣжный говоритъ
Живи — и плѣнникъ оживаетъ!
И онъ, собравъ остатокъ силъ,
Велѣнью милому покорной,
Привсталъ, и чашей благотворной
Томленье жажды утолилъ.
Потомъ на камень вновь склонился
Отягощенною главой,
Но все къ черкешенгѣ молодой
Угасшій взоръ его стремился.
И долго, долго передъ нимъ
Она задумчива сидѣла,
Какъ-бы участіемъ нѣмымъ
Утѣшить плѣнника хотѣла;
Уста невольно каждый часъ
Съ начатой рѣчью открывались,
Она вздыхала, и не разъ
Слезами очи наполнялись.

За днями дни прошли какъ тѣнь.
Въ горахъ, окованный, у стада
Проводитъ плѣнникъ каждый день.
Пещеры темная прохлада
Его скрываетъ въ лѣтній зной.
Когда-же рогъ луны сребристой
Блеснетъ за мрачною горой,

Черкешенка, тропой тѣнистой,
Приносить плѣннику вино,
Кумысъ и ульевъ сотъ душистой,
И бѣлоснѣжное пшено;
Съ нимъ тайный ужинъ раздѣляеть,
На немъ покоить нѣжный взоръ,
Съ неясной рѣчию сливается.
Очей и знаковъ разговоръ;
Поетъ ему и пѣсни горь,
И пѣсни Грузіи счастливой,
И памяти нетерпливой
Передаеть языкъ чужой.
Впервые дѣвственной душой
Она любила, знала счастье;
Но русскій жизни молодой
Давно утратилъ сладострастье:
Не могъ онъ сердцемъ отвѣчать
Любви младенческой, открытой —
Быть можетъ, сонъ любви забытой
Боялся онъ вспоминать.

Не вдругъ увянуть наша младость,
Не вдругъ восторги бросить насъ,
И неожиданную радость
Еще обнимемъ мы не разъ.
Но вы, живыя впечатлѣнья,
Первоначальная любовь,
О, первый пламень упоенья,
Не прилетаете вы вновь!

Казалось, плѣнникъ безнадежный
Къ унылой жизни привыкалъ;
Тоску неволи, жаръ мятежный,
Въ душѣ глубоко онъ скрывалъ.
Влачась межъ угрюмыхъ скалъ,

Въ часть ранней утренней прохлады,
Вперялъ онъ неподвижный взоръ
На отдаленныя громады
Сѣдыхъ, румяныхъ, синихъ горъ.
Великолѣпныя картины!
Престолы вѣчные снѣговъ!
Очамъ казались ихъ вершины
Недвижной цѣпью облаковъ.
И въ ихъ кругу колоссъ двуглавый,
Въ вѣнцѣ блистая ледяномъ,
Эльбрусъ огромный, величавый,
Бѣлѣлъ на небѣ голубомъ.
Когда, съ глухимъ сливаясь гуломъ,
Предтеча бури, громъ гремѣлъ,
Какъ часто плѣнникъ предъ ауломъ
Недвижимъ на горѣ сидѣлъ!
У ногъ его дымились тучи,
Въ степи извивался прахъ летучій;
Уже пріюта между скалъ
Елець испуганный искалъ;
Орлы съ утесовъ подымались
И въ небесахъ перекликались;
Шумъ табуновъ, мычанье стадъ
Ужъ гласомъ бури заглушались....
И вдругъ на доли дождь и градъ
Изъ тучъ сквозь молній извергались;
Волнами роя крутизны,
Сдвигая камни вѣковые,
Текли потоки дождевые —
А плѣнникъ, съ гордой высины,
Одинъ, за тучей громовою,
Возврата солнечнаго ждалъ,
Недосыгаемый грозою,
И бури немощному вою
Съ какой-то радостью внималъ.

Но европейца все вниманье
Народъ сей чудный привлекалъ.
Межъ горцевъ плѣнникъ наблюдалъ
Ихъ вѣру, нравы, воспитанье,
Любилъ ихъ жизни простоту,
Гостепріимство, жажду брани,
Движеній вольныхъ быстроту,
И легкость ногъ и силу длани;
Смотрѣлъ по цѣлымъ онъ часамъ,
Какъ иногда черкесъ проворной,
Широкой степью, по горамъ,
Въ косматой шапкѣ, въ буркѣ черной,
Къ лукъ склоняся, на стремяна
Ногою стройной опираясь,
Леталъ по волъ скакуна,
Къ войнѣ заранѣ приучаясь.
Онъ любовался красотой
Одежды бранной и простой:
Черкесъ оружіемъ обвѣшенъ,
Онъ имъ гордится, имъ утѣшенъ.
На немъ броня, пишаль, колчанъ,
Кубанскій лукъ, кинжалъ, арканъ,
И шашка, вѣчная подруга
Его трудовъ, его досуга.
Ничто его не тяготитъ,
Ничто не брякнетъ: пѣшій, конный —
Все тотъ-же онъ, все тотъ-же видъ
Непобѣдимый, непреклонный,
Гроза безпечныхъ казаковъ.
Его богатство — конь ретивый,
Питомецъ горскихъ табуновъ,
Товарищъ вѣрный, терпѣливый.
Въ пещерѣ иль въ травѣ глухой
Коварный хищникъ съ нимъ тантсся,
И вдругъ, внезапною стрѣлой,

Завидя путника, стремится;
 Въ одно мгновеніе вѣрный бой
 Рѣшить ударъ его могучій,
 И странника въ ущелья горъ
 Уже влечетъ арканъ летучій.
 Стремится копь во весь опоръ,
 Исполненъ огненной отваги,
 Все путь ему — болото, боръ,
 Кусты, утесы и овраги;
 Кровавый слѣдъ за нимъ бѣжитъ,
 Въ пустынь топотъ раздается;
 Свдой потокъ предъ нимъ шумитъ —
 Онъ въ глубь кипящую несется,
 И путникъ, брошенный ко дну,
 Глотаетъ мутную волну,
 Изнемогая смерти проситъ
 И зритъ се передъ собой....
 Но мощный конь — его стрѣлой
 На берегъ пѣнистый выноситъ.

Иль ухвативъ рогатый пень,
 Въ рѣку низверженный грозою,
 Когда на холмахъ пеленою
 Лежитъ безлунной ночи тѣнь,
 Черкесъ на корни вѣковые,
 На вѣтви вѣшаетъ кругомъ
 Свои доспѣхи боевые,
 Щитъ, бурку, панцырь и шлемъ,
 Колчанъ и лукъ — и въ быстрѣ волны
 За нимъ бросается потомъ,
 Неутомимый и безмолвный.
 Глухая ночь. Рѣка реветъ,
 Могучій токъ его несетъ
 Вдоль береговъ уединенныхъ,
 Гдѣ на курганахъ возвышенныхъ,

Склонясь на копья, казаки
Глядятъ на темный бѣгъ рѣки —
И мимо ихъ, во мглѣ чернѣя,
Плыветъ оружіе злодѣя....
О чемъ ты думаешь, казакъ?
Вспоминаешь прежни битвы,
На смертномъ полѣ свой бивакъ,
Полковъ хвалебныя молитвы,
И родину?... Коварный сонъ!
Простите, вольныя станицы,
И домъ отцовъ, и тихій Донъ,
Война и красныя дѣвицы!
Къ брегамъ причалилъ тайный врагъ,
Стрѣла выходитъ изъ колчана,
Взвилась — и падаетъ казакъ
Съ окровавленнаго кургана. —
Когда-же съ мирною семьей
Черкесъ въ отеческомъ жилищѣ
Сидитъ ненастною порой,
И тлѣютъ угли въ пепелищѣ;
И спрянувъ съ вѣрнаго коня,
Въ горахъ пустынныхъ запоздалый,
Къ нему войдетъ пришлецъ усталый
И робко сядетъ у огня —
Тогда хозяинъ благосклонной
Съ привѣтомъ, ласково, встаетъ,
И гостю въ чашѣ благовонной
Чихирь отрадный подаетъ.
Подъ влажной буркой, въ саклѣ дымной,
Вкушаетъ путникъ мирный сонъ,
И утромъ оставляетъ онъ
Ночлега кровъ гостепріимной.

Бывало въ свѣтлый Баиранъ
Сберутся юноши толпою;

Игра смѣняется игрою:
То полный разобравъ колчанъ,
Они крылатыми стрѣлами
Пронзають въ облакахъ орловъ;
То съ высоты крутыхъ холмовъ,
Нетерпѣливыми рядами
При данномъ знакѣ вдругъ надуть,
Какъ лани землю поражаютъ,
Равнину пылью покрываютъ
И съ дружнымъ топотомъ бѣгутъ.

Но скученъ миръ однообразной
Сердцамъ, рожденнымъ для войны,
И часто игры воли праздной
Игрой жестокой смущены.
Нерѣдко шашки грозно блещутъ
Въ безумной рѣзвости пировъ,
И въ прахъ летятъ главы рабовъ,
И въ радости младенцы плещутъ.

Но русскій равнодушно зрѣлъ
Сии кровавыя забавы.
Любилъ онъ прежде игры славы,
И жаждой гибели горѣлъ.
Невольникъ чести безпощадной,
Вблизи видалъ онъ свой конецъ,
На поединкахъ твердый, холодной,
Встрѣчая гибельный свинецъ.
Быть можетъ, въ думу погруженный,
Онъ время то воспоминалъ,
Когда друзьями окруженный,
Онъ съ ними шумно пировалъ....
Жалѣлъ-ли онъ о дняхъ минувшихъ,
О дняхъ надежду обманувшихъ,
Иль любопытный, созерцалъ

Суровой простоты забавы,
И дикаго народа нравы
Въ семь вѣрномъ зеркалѣ читалъ. —
Таплъ въ молчаньи онъ глубокомъ
Движенья сердца своего,
И на челѣ его высокомъ
Не пзмѣнялось ничего.
Безпечной смѣлости его
Черкесы грозные дивились,
Щадили вѣкъ его молодой.
И шепотомъ между собой
Своей добычею гордились.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Ты ихъ узнала, дѣва горъ,
Восторги сердца, жизни сладость
Твой огненный, невинный взоръ
Высказывалъ любовь и радость!
Когда твой другъ во тьмѣ ночной
Тебя лобзалъ нѣмымъ лобзаньемъ,
Старая нѣгой и желаньемъ,
Ты забывала міръ земной,
Ты говорила: плѣнникъ милый,
Развссели свой взоръ унылый,
Склонись главою ко мнѣ на грудь,
Свободу, родину забудь.
Скрываться рада я въ пустынь
Съ тобою, царь души моей!
Люби меня, никто донинѣ
Не цѣловалъ моихъ очей;
Къ моей постелѣ одинокой
Черкесъ молодой и черноокой
Не крался въ тишинѣ ночной;

Слыву я дѣвою жестокой,
 Неумолимой красотой.
 Я знаю жребій мнѣ готовый:
 Меня отецъ и братъ суровый.
 Немилому продать хотятъ
 Въ чужой аулъ цѣною злата:
 Но умолю отца и брата,
 Не то — пайду кинжалъ иль ядъ!...
 Непостижимой, чудной силой
 Къ тебѣ я вся привлечена,
 Люблю тебя, невольникъ милой,
 Душа тобой упоена....

Но онъ съ безмолвнымъ сожалѣньемъ
 На дѣву страстную взиралъ,
 И полный тяжкимъ размышленьемъ
 Словамъ любви ея внималъ.
 Онъ забывался, въ немъ тѣснились
 Воспоминанья прошлыхъ дней,
 И даже слезы изъ очей
 Однажды градомъ покатились.
 Лежала въ сердцѣ какъ свинецъ
 Тоска любви безъ упованья;
 Предъ юной дѣвой наконецъ
 Онъ изліялъ свои страданья.
 «Забудь меня: твоей любви,
 Твоихъ восторговъ я не стою;
 Безцѣнныхъ дней ~~не~~ братъ со мною,
 Другаго юношу зови.
 Его любовь тебѣ замѣнитъ
 Моей души печальный хладъ;
 Онъ будетъ вѣренъ, онъ оцѣнитъ
 Твою красу, твой милый взглядъ,
 И жаръ младенческихъ лобзаній,
 И нѣжность пламенныхъ рѣчей;

Безъ упоенья, безъ желаній
Я вяну жертвою страстей.
Ты видишь слѣдъ любви несчастной,
Душевной бури слѣдъ ужасной;
Оставь меня, но пожалѣй
О скорбной участи моей!
Несчастный другъ, зачѣмъ не прежде
Явилась ты къ моимъ очамъ,
Въ тѣ дни, какъ вѣрилъ я надеждѣ
И упоительнымъ мечтамъ!
Но поздно, умеръ я для счастья,
Надежды призракъ улетѣлъ;
Твой другъ отвыкъ отъ сладострастья,
Для нѣжныхъ чувствъ окаменѣлъ....»

Какъ тяжко мертвыми устами
Живымъ лобзаньямъ отвѣчать,
И очи, полныя слезами,
Улыбкой холодною встрѣчать!
Узмучась ревностью напрасной,
Уснувъ безчувственной душой,
Въ объятіяхъ подруги страстной,
Какъ тяжко мыслить о другой!...

«Когда такъ медленно, такъ нѣжно,
Ты пьешь лобзанія мои,
И для тебя часы любви
Проходятъ быстро, безмятежно;
Снѣдая слезы въ тишинѣ,
Тогда разсѣянный, унылый,
Передъ собою, какъ во снѣ,
Я вижу образъ вѣчно милый,
Его зову, къ нему стремлюсь,
Молчу, не вижу, не внимаю,
Тебѣ въ забвеньи предаюсь

И тайный призракъ обнимаю,
О немъ въ пустынь слезы лью;
Повсюду онъ со мною бродитъ,
И мрачную тоску наводитъ
На душу сирую мою.

«Оставь-же мнѣ мои желѣзы,
Уединенныя мечты,
Воспоминанья, грусть и слезы —
Ихъ раздѣлить не можешь ты.
Ты сердца слышала признанье;
Прости!... дай руку на прощанье.
Не долго женскую любовь
Печалить хладная разлука —
Пройдетъ любовь, настанетъ сугуба,
Красавица полюбитъ вновь.»

Раскрывъ уста, безъ слезъ рыдая,
Сидѣла дѣва молодая.
Туманный, неподвижный взоръ
Безмолвный выражалъ укоръ.
Блѣдна какъ тѣнь, она дрожала;
Въ рукахъ любовника лежала
Ея холодная рука,
И наконецъ любви тоска
Въ печальной рѣчи излилася.

«Ахъ, русскій, русскій, для чего,
Не зная сердца твоего,
Тебѣ на вѣкъ я предалася!
Не долго на груди твоей
Въ забвеньи дѣва отдыхала,
Немного радостныхъ ночей
Судьба на долю ей послала!
Прійдутъ-ли вновь когда-нибудь?

Уже-ль на вѣкъ погибла радость!
 Ты могъ-бы, плѣнникъ, обмануть
 Мою неопытную младость,
 Хотя-бъ изъ жалости одной
 Молчаньемъ, ласкою притворной,
 Я усаждала-бъ жребій твой
 Заботой нѣжной и покорной;
 Я стерегла-бъ минуты сна,
 Покой тоскующаго друга;
 Ты не хотѣлъ.... но кто-жъ она,
 Твоя прекрасная подруга!
 Ты любишь, русскій, ты любишь!...
 Понятны мнѣ твои страданья....
 Прости-жъ и ты мои рыданья,
 Не смѣйся горестямъ моимъ!»

Умолкла. Слезы и стонанья
 Стѣснили бѣдной дѣвы грудь.
 Уста безъ словъ роптали пѣни.
 Безъ чувствъ, обнявъ его колѣни,
 Она едва могладохнуть.
 И плѣнникъ, тихою рукою
 Поднявъ несчастную, сказалъ:
 «Не плачь, и я гонимъ судьбою,
 И муки сердца испыталъ.
 Нѣтъ, я не зналъ любви взаимной,
 Любилъ одинъ, страдалъ одинъ,
 И гасну я какъ пламень дымной,
 Забытый средь пустыхъ долинъ.
 Умру вдали бреговъ желанныхъ,
 Мнѣ будетъ гробомъ эта степь;
 Здѣсь, на костяхъ моихъ изгнанныхъ
 Заржавитъ тягостная цѣпь....»

Свѣтила почти затмѣвались;
 Въ дали прозрачной означались

Громады свѣтлоснѣжныхъ горъ;
Главу склонивъ, потупя взоръ,
Они въ безмолвіи расталсъ.

Унылый плѣнникъ съ этихъ поръ
Одинъ окрестъ аула бродить.
Заря на знойный небосклонъ
За днями новы дни возводитъ;
За ночью ночь во слѣдъ уходитъ;
Вотще свободы жаждетъ онъ.
Мелькнетъ-ли серна межъ кустами,
Проскачетъ-ли во мглѣ сайгакъ,
Онъ вспыхнувъ, загремѣтъ цѣпами,
Онъ ждетъ, не крадется-ль казакъ,
Ночной ауловъ раззоритель,
Рабовъ отважный пзбавитель.
Зоветъ.... но все кругомъ молчитъ;
Лишь волны плещутся бушуя,
И человѣка звѣрь почуя.
Въ пустыню темную бѣжитъ.
Однажды слышитъ русскій плѣнный,
Въ горахъ раздася кликъ военный:
«Въ табунъ, въ табунъ!» Бѣгутъ, шумятъ;
Уздечки мѣдныя гремятъ,
Чернѣютъ бурки, блещутъ брони,
Кипятъ осѣдланые кои;
Къ набѣгу весь аулъ готовъ.
И дикіе питомцы брани
Рѣкою хлынули съ холмовъ,
И скачутъ по брегамъ Кубани
Сбирать насильственные данн.

Утихъ аулъ, на солнцѣ спятъ
У саклей псы сторожевые.
Младенцы смуглые, нагіе,

Въ свободной рѣзвости шумятъ;
 Ихъ прадѣды въ кругу сидятъ,
 Изъ трубокъ дымъ, вѣясь, синѣетъ.
 Они беломовно юныхъ дѣвъ
 Знакомый слушаютъ припѣвъ —
 И старцевъ сердце молодѣетъ.

ЧЕРКЕССКАЯ ПѢСНЯ.

1.

«Въ рѣкѣ бѣжитъ гремучій валъ;
 Въ горахъ безмолвіе ночное;
 Казакъ усталый задремалъ,
 Склонясь на копіе стальное.
 Не спи казакъ, во тьмѣ ночной
 Чеченецъ ходитъ за рѣкой.

2.

«Казакъ плыветъ на челнокѣ,
 Влача по дну рѣчному сѣти;
 Казакъ, утонешь ты въ рѣкѣ,
 Какъ тонутъ маленькія дѣти
 Купаясь жаркою порой;
 Чеченецъ ходитъ за рѣкой.

3.

«На берегу завѣтныхъ водъ
 Цвѣтутъ богатая станицы;
 Веселый пляшетъ хороводъ;
 Бѣгите, русскія пѣвицы,
 Спѣшите, красныя, домой —
 Чеченецъ ходитъ за рѣкой.»

Такъ плѣли дѣвы. Сѣвъ на брегѣ,
 Мечтаетъ русскій о побѣгѣ;
 Но цѣпь невольника тяжка,
 Быстра глубокая рѣка....
 Межъ-тѣмъ, померкнувъ, степь уснула,
 Вершины скалъ омрачены.
 По бѣлымъ хижинамъ аула
 Мелькаетъ блѣдный свѣтъ луны;
 Елени дремлютъ надъ водами,
 Умолкнулъ поздній крикъ орловъ,
 И глухо вторится горами
 Далекій топотъ табуновъ.

Тогда кого-то слышно стало....
 Мелькнуло дѣвы покрывало,
 И вотъ — печальна и блѣдна,
 Къ нему приблизилась она.
 Уста прекрасной ищутъ рѣчи,
 Глаза исполнены тоской,
 И черной падаютъ волной
 Ея власы на грудь и плечи.
 Въ одной рукѣ блеститъ пила,
 Въ другой кинжалъ ея булатный:
 Казалось, будто дѣва пла
 На тайный бой, на подвигъ ратный.

На плѣнника возведши взоръ,
 «Бѣги», сказала дѣва горъ:
 «Нигдѣ черкесъ тебя не встрѣтитъ.
 Спѣши, не трать ночныхъ часовъ;
 Возьми кинжалъ — твоихъ слѣдовъ
 Никто во мракѣ не замѣтитъ.»

Пилу дрожащей взявъ рукой,
 Къ его ногамъ она склонилась —

Визжитъ желѣзо подѣ пилой,
Слеза невольная скатилась....
И цѣпь распалась и гремитъ. —
«Ты воленъ, дѣва говорить,
«Бѣги!» Но взглядъ ея безумный
Любви порывъ изобразилъ.
Она страдала. Вѣтеръ шумный,
Свистя покровъ ея клубилъ.
«О другъ мой!» русскій возопилъ:
«Я твой на вѣкъ, я твой до гроба.
Ужасный край оставимъ оба,
Бѣги со мной....» — Нѣтъ, русскій, нѣтъ!
Она исчезла, жизни сладость —
Я знала все, я знала радость,
И все прошло, пропалъ и слѣдъ.
Возможно-ль, ты любилъ другую!...
Найди ее, люби ее,
О чемъ-же я еще тоскую,
О чемъ уныніе мое?...
Прости! Любви благословенья
Съ тобою будутъ каждый часъ.
Прости — забудь мои мученья,
Дай руку мнѣ.... въ послѣдній разъ. —

Къ черкешенкѣ простеръ онъ руки,
Воскресшимъ сердцемъ къ ней летѣлъ,
И долгій поцѣлуй разлуки
Союзъ любви запечатлѣлъ.
Рука съ рукой, упынья полны,
Сошли ко берегу въ тишинѣ —
И русскій въ шумной глубинѣ
Уже плыветъ и пѣнитъ волны,
Уже противныхъ скалъ достигъ,
Уже хватается за нихъ....
Вдругъ волны глухо зашумѣли,

И слышенъ отдаленный стонъ....
 На дикій берегъ выходитъ онъ,
 Глядитъ назадъ.... брега ясны
 И опѣненные бѣлы,
 Но нѣтъ черкешенки молодой
 Ни у береговъ, ни подъ горой....
 Все мертво.... на берегахъ уснувшихъ
 Лишь вѣтра слышенъ легкій звукъ,
 И при лунѣ въ водахъ плеснувшихъ
 Струныстый исчезаетъ кругъ.

Все понялъ онъ. Прощальнымъ взоромъ
 Объемлетъ онъ въ послѣдній разъ,
 Пустой аулъ съ его заборомъ,
 Поля, гдѣ плѣнный стадо пасъ,
 Стремнины, гдѣ влачилъ оковы,
 Ручей, гдѣ въ полдень отдыхалъ,
 Когда въ горахъ черкесъ суровый
 Свободы пѣсню запѣвалъ.
 Рѣдѣлъ на небѣ мракъ глубокой,
 Ложился день на темный долъ,
 Взошла заря. Тропой далекой
 Освобожденный плѣнникъ шелъ,
 И передъ нимъ уже въ туманахъ
 Сверкали русскіе штыки,
 И окликались на курганахъ
 Сторожевые казаки.

Э П И Л О Г ъ.

Такъ муза, легкій другъ мечты.
 Къ предѣламъ Азіи летала,
 И для вѣпка себѣ срывала

Кавказа дикіе цвѣты.
Ее плѣнялъ нарядъ суровой
Племень, возросшихъ на войнѣ,
И часто въ сей одеждѣ новой
Волшебница являлась мнѣ;
Вокругъ ауловъ опустѣлыхъ
Одна бродила по скаламъ,
И къ пѣснямъ дѣвъ осиротѣлыхъ
Она прислушивалась тамъ;
Любила бранныя станицы,
Тревоги смѣлыхъ казаковъ,
Курганы, тихія гробницы,
И шумъ, и ржанье табуновъ,
Богиня пѣсенъ и разсказа,
Воспоминанія полна;
Быть можетъ, повторить она
Преданья грознаго Кавказа;
Разскажетъ повѣсть дальнихъ странъ,
Мстислава древній поединокъ,
Измѣны, гибель россіянъ
На лонѣ мстительныхъ грузинокъ.
И воспою тотъ славный часъ,
Когда, почуя бой кровавый,
На негодующій Кавказъ
Подъялся нашъ орелъ двуглавый;
Когда на Терекъ сѣдомъ
Впервые грянулъ битвы громъ
И грохотъ русскихъ барабановъ,
И въ сѣчѣ, съ дерзостнымъ челомъ,
Явился пылкій Циціановъ.
Тебя я воспою, герой,
О Котляревскій, бичъ Кавказа!
Куда ни мчался ты грозой —
Твой ходъ, какъ черная зараза,
Губилъ, ничтожилъ племена....

Ты днесъ покинулъ саблю мести,
Тебя не радуетъ война;
Скучая миромъ, въ язвахъ чести,
Вкушаешь праздный ты покой
И тишину домашнихъ доловъ....
Но се — Востокъ подъемлетъ вой!....
Поникни снѣжною главой,
Смирись, Кавказъ — идетъ Ермоловъ!

И смолкнулъ ярый крикъ войны:
Все русскому мечу подвластно.
Кавказа гордые сыны,
Сражались, гибли вы ужасно;
Но не спасла васъ ваша кровь,
Ни очарованныя брони,
Ни горы, ни лихіе кони,
Ни дикой вольности любовь!
Подобно племени Батыя,
Измѣнить прадѣдамъ Кавказъ,
Забудеть алчной брани гласъ,
Оставить стрѣлы боевыя.
Къ ущельямъ, гдѣ гнѣздились вы,
Подѣдетъ путникъ безъ боязни,
И возвѣстятъ о вашей казни
Преданья темныя молвы.

III. БАХЧИСАРАЙСКИЙ ФОНТАНЪ.

(1822).

Гирей сидѣлъ, потупя взоръ,
Янтарь въ устахъ его дымился;
Безмолвно раболѣпный дворъ
Вкругъ хапа грознаго тѣснился.
Все было тихо во дворцѣ;
Благоговѣя всѣ читали
Примѣты гнѣва и печали
На сумрачномъ его лицѣ.
Но повелитель горделивой
Махнулъ рукой нетерпѣливой —
И всѣ, склонившись, идутъ вонъ.

Одинъ въ своихъ чертогахъ онъ.
Свободный грудь его вздыхаетъ,
Живѣе строгое чело
Волненья сердца выражаетъ:
Такъ бурны тучи отражаетъ
Залива зыбкое стекло.
Что движетъ гордою душою?
Какою мыслью занять онъ?
На Русь-ли вновь идетъ войною,
Несетъ-ли Польшѣ свой законъ,
Горитъ-ли мѣстю кровавой,
Открылъ-ли въ войскѣ заговоръ,
Страшится-ли народовъ горъ,
Иль кознѣй Генуи лукавой?

Нѣтъ, онъ скучаетъ бранной славой.
Устала грозная рука,
Война отъ мыслей далека.

Уже-ль въ его гаремъ измѣна
Стезей преступною вошла,
И дочь неволи, нѣгъ и плѣна
Гяуру сердце отдала?

Нѣтъ, жены робкія Гирея,
Ни думать, ни желать не смѣя,
Цвѣтутъ въ унылой тишинѣ;
Подъ стражей бдительной и холодной,
На лонѣ скуки безотрадной,
Измѣнъ не вѣдаютъ онѣ;
Въ тѣни хранительной темницы
Утаены ихъ красоты:
Такъ аравійскіе цвѣты
Живутъ за стеклами теплицы,
Для нихъ унылой чередой
Дни, мѣсяцы, лѣта проходятъ,
И непримѣтно за собой
И младость, и любовь уводятъ.
Однообразенъ каждый день,
И медленно часовъ теченье:
Въ гаремѣ жизнью править лѣнь,
Мелькаетъ рѣдко наслажденье.
Младяя жены, какъ-нибудь
Желая сердце обмануть,
Мѣняютъ пышные уборы,
Заводятъ игры, разговоры,
Или, при шумѣ водъ живыхъ,
Надъ ихъ прозрачными струями,
Въ прохладѣ яворовъ густыхъ,
Гуляютъ легкими роями.

Межъ ними ходитъ злой евнухъ,
И убѣгать его напрасно:
Его ревнивый взоръ и слухъ
За всѣми слѣдуетъ всечасно.
Его стараньемъ заведенъ
Порядокъ вѣчный. Воля хана
Ему единственный законъ;
Святую заповѣдь Корана
Не строже наблюдаетъ онъ.
Его душа любви не просить;
Какъ истуканъ, онъ переноситъ
Насмѣшки, ненависть, укоръ,
Обиды шалости нескромной,
Презрѣнье, просьбы, робкій взоръ,
И тихій вздохъ, и ропотъ томной.
Ему извѣстенъ женскій нравъ,
Онъ испыталъ сколь онъ лукавъ
И на свободѣ и въ неволѣ:
Взоръ нѣжный, слезъ упрекъ нѣмой
Невластны надъ его душой,
Онъ имъ уже не вѣритъ болѣ.

Раскинувъ легкіе власы,
Какъ идутъ плѣнницы младыя
Купаться въ жаркіе часы,
И лются волны ключевыя
На ихъ волшебныя красы,
Забавъ ихъ сторожъ неотлучный,
Онъ тутъ, онъ видитъ равнодушный
Престестницъ обнаженный рой;
Онъ по гарему въ тѣмъ ночной
Неслышными шагами бродитъ;
Ступая тихо по коврамъ,
Къ послушнымъ крадется дверямъ,
Отъ ложа къ ложу переходитъ

Въ заботѣ вѣчной; ханскихъ женъ
Роскошный наблюдаетъ сонъ,
Ночной подслушиваетъ лепетъ,
Дыханье, вздохъ, малѣйшій трепетъ,
Все жадно примѣчаетъ онъ,
И горе той, чей шепотъ сонный
Чужое имя призывалъ,
Или подругѣ благосклонной
Порочны мысли довѣрялъ!

Что-жъ полонъ грусти умъ Гирея?
Чубукъ въ рукахъ его потухъ.
Недвижимъ и дохнуть не смѣя,
У двери знака ждетъ евнухъ.
Встаетъ задумчивый властитель.
Предъ нимъ дверь настежь. Молча, онъ
Идетъ въ завѣтную обитель
Еще недавно милыхъ женъ.

Безпечно ожидая хана,
Вокругъ игриваго фонтана,
На шелковыхъ коврахъ, онъ
Толпою рѣзвою сидѣли
И съ дѣтской радостью глядѣли,
Какъ рыба въ ясной глубинѣ
На мраморномъ ходила днѣ.
Нарочно къ ней на дно, инныя
Роняли серьги золотыя.
Кругомъ невольницы, межъ-тѣмъ,
Шербетъ носили ароматной,
И пѣсню звонкой и пріятной
Вдругъ огласили весь гаремъ.

ТАТАРСКАЯ ПѢСНЯ.

1.

«Дарустъ небо человѣку
Замѣну слезъ и частыхъ бѣдъ.
Блаженъ факиръ, узрѣвшій Мекку
На старости печальныхъ лѣтъ.

2.

«Блаженъ, кто славный берегъ Дуная
Своею смертью освятить —
Къ нему на встрѣчу дѣва рая
Съ улыбкой страстной полетить.

3.

«Но тотъ блаженный, о Зарема,
Кто миръ и нѣгу возлюбя,
Какъ розу, въ тишинѣ гарема
Лелѣеть, милая, тебя!».

Онѣ поютъ. Но гдѣ Зарема,
Звѣзда любви, краса гарема!
Увы, печальна и блѣдна,
Похвалъ не слушаетъ она;
Какъ пальма, смятая грозою,
Поникла юной головою;
Ничто, ничто не мило ей:
Зарему разлюбилъ Гирей.

Онѣ измѣнили!... Но кто съ тобою,
Грузинка, равенъ красотою!

Вокругъ лилейнаго чела
Ты косу дважды обвила;
Твои плѣнительные очи
Ясныѣ дня, черныѣ ночи.
Чей голосъ выразитъ сильнѣй
Порыва пламенныхъ желаній?
Чей страстный поцѣлуй живѣй
Твоихъ язвительныхъ лобзаній?
Какъ сердце, полное тобой,
Забьется для красоты чужой?
Но равнодушный и жестокий,
Гирей презрѣлъ твои красы,
И ночи хладные часы
Проводитъ мрачный, одинокий
Съ тѣхъ поръ, какъ Польская княжна
Въ его гаремъ заключена.

Недавно юная Марія
Узрѣла небеса чужія;
Недавно милою красой
Она цвѣла въ странѣ родной.
Свѣдой отецъ гордился ею
И звалъ отрадою своею.
Для старика была законъ
Ея младенческая воля.
Одну заботу вѣдалъ онъ,
Чтобъ дочери любимой доля
Была, какъ вешній день, ясна,
Чтобъ и минутныя печали
Ея души не помрачали;
Чтобъ даже замужемъ она
Воспоминала съ умилениемъ
Дѣвпчье время, дни забавъ,
Мелькнувшихъ легкимъ сновидѣньемъ.
Все въ ней плѣняло: тихій нравъ,

Движенія стройныя, живыя,
И очи темно-голубыя.
Природы милые дары
Она искусствомъ украшала;
Она домашніе пиры
Волшебной арфой оживляла;
Толпы вельможъ и богачей
Руки Маріиной искали,
И много юношей по ней
Въ страданьѣ тайномъ изнывали.
Но въ тишинѣ души своей
Она любви еще не знала,
И независимый досугъ
Въ отцовскомъ замкѣ межъ подругъ
Однѣмъ забавамъ посвящала.

Давно-ль? И что-же! Тьмы татаръ
На Польшу хлынули рѣкою:
Не съ столь ужасной быстротою
По жатвѣ стелется пожаръ.
Обезображенный войною.
Цвѣтущій край осиротѣлъ;
Исчезли мирныя забавы;
Уныли села и дубравы,
И пышный замокъ опустѣлъ.
Тиха Маріина свѣтлица....
Въ домовой церкви, гдѣ кругомъ
Почіють мощи хладнымъ сномъ,
Съ короной, съ княжескимъ гербомъ,
Воздвиглась новая гробница....
Отецъ въ могилѣ, дочь въ плѣну.
Скупой наслѣдникъ въ замкѣ правитъ,
И тягостнымъ ярмомъ безславитъ
Опустошенную страну.

Увы! Дворецъ Бахчисарая
Скрываетъ юную княжну:
Въ неволѣ тихой увядая,
Марія плачетъ и груститъ.
Гирей несчастную шадить:
Бя унынье, слезы, стоны,
Тревожатъ хана краткій сонъ,
И для нея смягчаетъ онъ
Гарема строгіе законы.
Угрюмый сторожъ ханскихъ женъ
Ни днемъ, ни ночью къ ней не входитъ,
Рукой заботливой не онъ
На ложе сна ея возводитъ;
Не смѣетъ устремиться къ ней
Обидный взоръ его очей;
Она въ купальнѣ потаенной
Одна съ невольницей своей;
Самъ ханъ боится дѣвы плѣнной
Печальной возмущать покой;
Гарема въ дальнемъ отдѣленѣ
Позволено ей жить одной,
И, мнится, въ томъ уединенѣ
Сокрылся нѣкто неземной....
Тамъ день и ночь горитъ лампада
Предъ ликомъ Дѣвы Пресвятой —
Души тоскующей отрада,
Тамъ упованье въ тишинѣ
Съ смиренной Вѣрой обитаетъ,
И сердцу все напоминаетъ
О близкой, лучшей сторонѣ....
Тамъ дѣва слезы проливаетъ
Вдали завистливыхъ подругъ;
И между-тѣмъ, какъ все вокругъ
Въ безумной нѣгѣ утопаетъ,
Святыню строгую скрываетъ

Спасенный чудомъ уголокъ.
Такъ сердце, жертва заблуждений,
Среди порочныхъ упоеній,
Хранить одинъ святой залогъ,
Одно божественное чувство....

.

Настала ночь; покрылись тѣнью
Тавриды сладостной поля;
Вдали подъ тихой лавровъ сѣнью
Я слышу пѣнье соловья.
За хоромъ звѣздъ луна восходитъ;
Она съ безоблачныхъ небесъ
На доли, на холмы, на лѣсъ
Сіянье томное наводитъ.
Покрыты бѣлой пеленой,
Какъ тѣни легкія, мелькая,
По улицамъ Бахчисарая,
Изъ дома въ домъ, одна къ другой,
Простыхъ татаръ спѣшатъ супруги
Дѣлать вечерніе досуги.
Дворецъ утихъ; уснулъ гаремъ,
Объятый нѣгой безмятежной;
Не прерывается ни чѣмъ
Спокойство ночи. Стражъ надежной,
Дозоромъ обошелъ евнухъ.
Теперь онъ спитъ, но страхъ прилежной
Тревожить въ немъ и спящій духъ.
Измѣнъ всечасныхъ ожиданье
Покоя не даетъ ему.
То чей-то шорохъ, то шептанье,
То крики чудятся ему;
Обманутый невѣрнымъ слухомъ,
Онъ пробуждается, дрожить,
Напуганнымъ приникнувъ ухомъ....

Но все кругомъ его молчить;
Одни фонтаны сладкозвучны
Изъ мраморной темницы бьютъ,
И съ милой розой неразлучны
Во мракѣ соловьи поютъ;
Евнухъ еще имъ долго внемлетъ,
И снова сонъ его объемлетъ....

Какъ милы темныя красы
Ночей роскошнаго востока!
Какъ сладко льются ихъ часы
Для обожателей пророка!
Какая нѣга въ ихъ домахъ,
Въ очаровательныхъ садахъ,
Въ тиши гаремовъ безопасныхъ,
Гдѣ подъ вліяніемъ луны
Все полно тайнъ и тишины
И вдохновеній сладострастныхъ!

Всѣ жены спятъ. Не спитъ одна.
Едва дыша, встаетъ она,
Идетъ; рукою торопливой
Открыла дверь; во тьмѣ ночной
Ступаетъ легкою ногой....
Въ дремотѣ чуткой и пугливой
Предъ ней лежитъ евнухъ сѣдой.
Ахъ, сердце въ немъ неумолимо:
Обманчивъ сна его покой!...
Какъ духъ, она проходитъ мимо.

Предъ нею дверь; съ недоумѣньемъ
Ея дрожащая рука
Коснулась вѣрнаго замка....
Вошла, взираетъ съ изумленьемъ....
И тайный страхъ въ нее проникъ.

Лампады свѣтъ уединенный,
Кивотъ, печалью озаренный,
Пречистой Дѣвы кроткій ликъ,
И крестъ, любви символъ священный....
Грузинка, все въ душѣ твоей
Родное что-то пробудило,
Все звуками забытыхъ дней
Невнятно вдругъ заговорило.
Предъ ней покоплась княжна,
И жаромъ дѣвственнаго сна
Ея ланиты оживлялись,
И, слезъ являя свѣжій слѣдъ,
Улыбкой томной озарялись.
Такъ озаряетъ лунный свѣтъ
Дождемъ отягощенный цвѣтъ;
Спорхнувшій съ неба, сынъ Эдема,
Казалось, ангелъ почивалъ,
И сонный слезы проливалъ
О бѣдной плѣнницѣ гарема....
Увы, Зарема, что съ тобой!
Стѣснилась грудь ея тоской,
Невольно клонятся колѣни,
И молитъ: «сжался надо мной,
Не отвергай моихъ моленій!...»
Ея слова, движенье, стонъ
Прервали дѣвы тихій сонъ.
Княжна со страхомъ предъ собою
Младую незнакомку зрить;
Въ смятенѣ, трепетной рукою
Ее подъемля, говоритъ:
«Кто ты?... одна порой ночью,
Зачѣмъ ты здѣсь?» — «Я шла къ тебѣ:
Спаси меня, въ моей судьбѣ
Одна надежда мнѣ осталась....
Я долго счастьемъ наслаждалась,

Была безпечнѣй день отъ дня....
 И тѣнь блаженства миновалась!
 Я гибну. Выслушай меня.

«Родилась я не здѣсь, далеко,
 Далеко.... но минувшихъ дней
 Предметы въ памяти моей
 Донынѣ врѣзаны глубоко.
 Я помню горы въ небесахъ,
 Потоки жаркіе въ горахъ,
 Непроходимыя дубравы,
 Другой законъ, другіе нравы;
 Но почему, какой судьбой
 Я край оставила родной,
 Не знаю; помню только море,
 И человѣка въ вышинѣ
 Надъ парусами....

Страхъ и горе

Донынѣ чужды были мнѣ;
 Я въ безмятежной тишинѣ,
 Въ тѣни гарема разцвѣтала,
 И первыхъ опытовъ любви
 Послушнымъ сердцемъ ожидала.
 Желанья тайныя мои
 Сбылись. Гирей для мирной нѣги
 Войну кровавую презрѣлъ,
 Пресѣкъ ужасныя набѣги,
 И свой гаремъ опять узрѣлъ.
 Предъ хана, въ смутномъ ожиданьи
 Предстали мы. Онъ свѣтлый взоръ
 Остановилъ на мнѣ въ молчаньи,
 Позвалъ меня.... и съ этихъ поръ
 Мы въ непрерывномъ упоеньи
 Дышали счастьемъ, и ни разъ
 Ни клевета, ни подозрѣнье,

Ни злобной ревности мученье,
Ни скука не смущали насъ.
Марія, ты предъ нимъ явилась....
Увы, съ тѣхъ поръ его душа .
Преступной думой омрачилась!
Гирей, измѣною дыша,
Моихъ не слушаетъ укоровъ:
Ему докученъ сердца стонъ;
Ни прежнихъ чувствъ, ни разговоръ
Со мною не находитъ онъ.
Ты преступленью не причастна,
Я знаю, не твоя вина....
И такъ послушай — я прекрасна,
Во всемъ гаремъ ты одна
Могла-бъ еще мнѣ быть опасна;
Но я для страсти рождена,
Но ты любить, какъ я, не можешь,
Зачѣмъ-же холодной красотой
Ты сердце слабое тревожишь?
Оставь Гирея мнѣ, онъ мой,
На мнѣ горять его лобзанья;
Онъ клятвы страшныя мнѣ далъ,
Давно всѣ думы, всѣ желанья,
Гирей съ моими сочеталъ;
Меня убьетъ его измѣна....
Я плачу!... Видишь, я колѣна
Теперь склоняю предъ тобой,
Молю, винить тебя не смѣя,
Отдай мнѣ радость и покой,
Отдай мнѣ прежняго Гирея....
Не возражай мнѣ ничего,
Онъ мой, онъ ослѣпленъ тобою.
Презрѣньемъ, просьбою, тоскою,
Чѣмъ хочешь, отврати его;
Клянись.... (хоть я для алкорана,

Между невольницами хана,
Забыла вѣру прежнихъ дней,
Но вѣра матери моей
Была твоя), клянись мнѣ ею
Зарему возвратить Гирею....
Но слушай: если я должна
Тебѣ.... Кинжаломъ я владѣю,
Я близъ Кавказа рождена!»

Сказавъ, исчезла вдругъ. За нею
Не смѣетъ слѣдовать княжна.
Невинной дѣвѣ непонятенъ
Языкъ мучительныхъ страстей,
Но голосъ ихъ ей смутно внятенъ,
Онъ страненъ, онъ ужасенъ ей!
Какія слезы и моленья
Ее спасутъ отъ посягательства!
Что ждетъ ее? Уже-ли ей
Остатокъ горькихъ, юныхъ дней
Провести наложницей презрѣнной?
О Боже! если-бы Гирей,
Въ ея темницѣ отдаленной
Забылъ несчастную на вѣкъ,
Или кончиной ускоренной
Унылы дни ея пресѣкъ,
Съ какою-бъ радостью Марія
Оставила печальный свѣтъ!
Мгновенья жизни дорогія
Давно прошли, давно ихъ нѣтъ!
Что дѣлать ей въ пустынь мѣра?
Ужъ ей пора, Марію ждутъ,
И въ небеса на лоно мира
Родной улыбкою зовутъ.

Промчались дни, Маріи нѣтъ.
Мгновенно сирота почилъ,

Она давно желанный свѣтъ,
Какъ новый ангелъ озарила,
Но что-же въ гробъ ея свело?
Тоска-ль неволи безнадежной,
Болѣзнь, или другое зло.
Кто знаетъ? Нѣтъ Маріи нѣжной!...
Дворецъ угрюмый опустѣлъ;
Его Гирей опять оставилъ;
Съ толпой татаръ въ чужой предѣлъ
Онъ злой набѣгъ опять направилъ;
Онъ снова въ буряхъ боевыхъ
Несется мрачный, кровавадный;
Но въ сердцѣ хана чувствъ иныхъ
Таится пламень безотрадный.
Онъ часто въ сѣчахъ роковыхъ
Подъемлетъ саблю, и съ размаха
Недвижимъ остается вдругъ,
Глядитъ съ безуміемъ вокругъ,
Блѣднѣетъ, будто полный страха,
И что-то шепчетъ, и порой
Горючи слезы льетъ рѣкой.

Забутый, преданный презрѣнью,
Гаремъ не зрѣть его лица;
Тамъ обреченныя мученью,
Подъ стражей хладнаго скопца
Старѣютъ жены. Между ими
Давно грузинки нѣтъ, она
Гарема стражами нѣмыми
Въ пучину водъ опущена.
Въ ту ночь, какъ умерла княжна,
Свершилось и ея страданье.
Какая-бъ ни была вина,
Ужасно было наказанье!...

Опустошивъ огнемъ войны
Кавказу близкія страны
И села мирныя Россіи,
Въ Тавриду возвратился ханъ,
И, въ память горестной Маріи,
Воздвигнулъ мраморный фонтанъ
Въ углу дворца уединенный.
Надъ нимъ крестомъ осынена
Магометанская луна
(Символъ, конечно, дерзновенный,
Незнанья жалкая вина).
Есть надписи, ѣдкими годами
Еще не сгладилась она.
За чуждыми ея чертами
Журчитъ во мраморѣ вода
И каплетъ хладными слезами,
Не умолкая никогда.
Такъ плачетъ мать во дни печали
О сынѣ, падшемъ на войнѣ.
Младя дѣвы въ той странѣ
Преданье старины узнали,
И мрачный памятникъ онѣ
Фонтаномъ слезъ именovali.

Покинуть сѣверъ наконецъ,
Пиры на долго забывая,
Я посѣтилъ Бахчисарая
Въ забвеньи дремлющій дворецъ;
Среди безмолвныхъ переходовъ,
Бродилъ я тамъ, гдѣ бичъ народовъ,
Татаринъ буйный пировалъ.
И послѣ ужасовъ набѣга
Въ роскошной лѣнѣ утопалъ.
Еще понынѣ дышетъ нѣга
Въ пустыхъ покояхъ и садахъ;

Играють воды, рдѣють розы,
И вьются виноградны лозы,
И злато блещетъ на стѣнахъ.
Я видѣлъ ветхія рѣшетки,
За коими, въ своей веснѣ,
Янтарны разбирая четки,
Вздыхали жены въ тишинѣ.
Я видѣлъ ханское кладбище,
Владыкъ послѣднее жилище,
Сии надгробныя столбы,
Вѣчанныя мраморной чалмою;
Казалось мнѣ, завѣтъ судьбы
Гласили внятною молвою.
Гдѣ скрылись ханы, гдѣ гаремъ!
Кругомъ все тихо, все уныло,
Все измѣнилось!... Но не тѣмъ
Въ то время сердце полно было:
Дыханье розъ, фонтановъ шумъ
Влекли къ невольному забвенью,
Невольно предавался умъ
Непзѣяснимому волненью,
И по дворцу летучей тѣнью
Мелькала дѣва предо мной!...

Чью тѣнь, о други, видѣлъ я?
Скажите мнѣ, чей образъ нѣжный
Тогда преслѣдовалъ меня
Неотразимый, неизбѣжный?
Маріи-ль чистая душа
Являлась мнѣ, или Зарема
Носилась, ревностью дыша,
Средь опустѣлаго гарема?

Я помню столь-же милый взглядъ
И красоту еще земную....

Всѣ думы сердца къ ней летятъ;
Объ ней въ изгнаніи тоскую....
Безумецъ! Полно, перестань,
Не растравляй тоски напрасной!
Мятежнымъ снамъ любви несчастной
Заплачена тобою дань —
Опомнись! Долго-ль узникъ томной
Тебѣ оковы лобызать,
И въ свѣтѣ лирою нескромной
Свое безумство разглашать?

Поклонникъ музъ, поклонникъ мира,
Забывъ и славу, и любовь,
О, скоро васъ увижу вновь,
Брега веселые Салгира!
Приду на склонъ приморскихъ горъ,
Воспоминаній тайныхъ полный,
И вновь таврическія волны
Обрадуютъ мой жадный взоръ.
Волшебный край, очей отрада!
Все живо тамъ: холмы, лѣса,
Янтарь и яхонтъ винограда,
Долинъ пріютная краса,
И струй, и тополей прохлада —
Все чувство путника манитъ,
Когда, въ часъ утра безмятежной,
Въ горахъ, дорогою прибрежной,
Привычный конь его бѣжитъ;
И зеленѣющая влага
Предъ нимъ и блещетъ и шумитъ
Вокругъ утесовъ Аю-дага....

IV. БРАТЯ РАЗБОЙНИКИ.

(1822).

Не стая вороновъ слеталась
На груди тлѣющихъ костей,
За Волгой, ночью, вкругъ огней
Удалыхъ шайка собиралась.
Какая смѣсь одеждъ и лицъ,
Племень, нарѣчій, состояній!
Изъ хатъ, изъ келій, изъ темницъ
Они стеклися для стяжаній!
Здѣсь цѣль одна для всѣхъ сердець —
Живуть безъ власти, безъ закона.
Межъ ними зрится и бѣглець
Съ береговъ воинственнаго Дона,
И въ черныхъ локонахъ еврей,
И дикіе сыны степей,
Калмыкъ, башкирецъ безобразной,
И рыжій финъ, и съ лѣпью праздною
Вездѣ кочующій цыганъ.
Опасность, кровь, развратъ, обманъ
Суть узы страшнаго семейства;
Тотъ ихъ, кто съ каменной душой
Прошелъ всѣ степени злодѣйства;
Кто рѣжетъ холодною рукой
Вдовицу съ бѣдной сиротой,
Кому смѣшно дѣтей стenanье,
Кто не прощаетъ, не щадить,
Кого убійство веселитъ,
Какъ юношу любви свиданье.

Затихло все, теперь луна
Свой блѣдный свѣтъ на нихъ наводитъ,
И чарка пѣннаго вина
Изъ рукъ въ другія переходитъ.
Простерты на землѣ сырой
Иные чутко засыпаютъ:
И сны зловѣщіе летаютъ
Надъ ихъ преступной головой.
Другимъ рассказы сокращаютъ
Угрюмой ночи праздный часъ;
Умолкли всѣ — ихъ занимаетъ
Пришельца новаго рассказъ,
И все вокругъ его внимаетъ.

«Насъ было двое: братъ и я.
Росли мы вмѣстѣ; нашу младость
Вскормила чуждая семья.
Намъ, дѣтямъ, жизнь была не въ радость:
Уже мы знали нужды гласъ,
Сносили горькое презрѣнье,
И рано волновало насъ
Жестокой зависти мученье.
Не оставалось у сиротъ
Ни бѣдной хижинки, ни поля;
Мы жили въ горѣ, средь заботъ.
Наскучила намъ эта доля,
И согласились межъ собой
Мы жребій испытать иной:
Въ товарищи себѣ мы взяли
Булатный ножъ, да темну ночь;
Забыли робость и печали,
А совѣсть отогнали прочь.

«Ахъ, юность, юность удалая!
Житѣ въ то время было намъ,

Когда погибель презирая,
Мы все дѣлили поцѣламъ.
Бывало, только мѣсяцъ ясный
Взойдетъ и станетъ средь небесъ,
Изъ подземелія мы въ лѣсъ
Идемъ на промыселъ опасный.
За деревомъ сидимъ и ждемъ:
Идетъ-ли позднею дорогой
Богатый жидъ, иль попъ убогой —
Все наше, все себѣ беремъ!
Зимой, бывало, въ ночь глухую
Заложимъ тройку удалую,
Поемъ и свищемъ, и стрѣлой
Летимъ надъ снѣжной глубиной.
Кто не боялся нашей встрѣчи?
Завидѣли въ харчевнѣ свѣчи —
Туда! къ воротамъ, п стучимъ,
Хозяйку громко вызываемъ,
Вошли — все даромъ: пьемъ, ѣдимъ,
И красныхъ дѣвушекъ ласкаемъ!

«И что-жъ? попались молодцы;
Недолго братья пировали:
Поймали насъ — и кузнецы
Насъ другъ ко другу приковали,
И стража отвела въ острогъ.
Я старше былъ пятью годами,
И вынести больше брата могъ.
Въ цѣпяхъ, за дѣшными стѣнами
Я уцѣлѣлъ — онъ изнемогъ.
Съ трудомъ дыша, томимъ тоскою,
Въ забвеньи, жаркой головою
Склоняясь къ моему плечу,
Онъ умиралъ, твердя всечасно:
«Мнѣ душно здѣсь.... я въ лѣсъ хочу....

Воды, воды!...» Но я напрасно
Страдальцу воду подавалъ:
Онъ снова жаждою томился,
И градомъ потъ по немъ катился.
Въ немъ кровь и мысли волновалъ
Жаръ ядовитаго недуга;
Ужъ онъ меня не узнавалъ,
И поминутно призывалъ
Къ себѣ товарища и друга.
Онъ говорилъ: «Гдѣ скрылся ты?
Куда свой тайный путь направилъ?
Зачѣмъ, мой братъ, меня оставилъ
Средь этой смрадной темноты?
Не онъ-ли самъ отъ мирныхъ пашень
Меня въ дремучій лѣсъ сманилъ,
И ночью тамъ, могущъ и страшень,
Убіиству первый научилъ?
Теперь онъ безъ меня на волѣ,
Одинъ гуляетъ въ чистомъ полѣ,
Тяжелымъ машетъ кистенемъ,
И позабылъ въ завидной долѣ
Онъ о товарищѣ своемъ!...»
То снова разгорались въ немъ
Докучной совѣсти мученья:
Предъ нимъ толпились привидѣнья.
Грозя перстомъ издалика —
Всѣхъ чаще образъ старика,
Давно зарѣзаннаго нами
Ему на мысли приходилъ;
Больной, зажавъ глаза руками,
За старца такъ меня молилъ:
«Братъ! Сжался надъ его слезами!
Не рѣжь его на старость лѣтъ....
Мнѣ дряхлый крикъ его ужасенъ....
Пусти его — онъ не опасенъ —

Въ немъ крови капли теплой нѣтъ....
Не смѣйся, братъ, надъ сѣдинами,
Не мучь его.... авось мольбами
Смягчить за насъ онъ Божій гнѣвъ!...»
Я слушалъ, ужасъ одолѣвъ,
Хотѣлъ унять больнаго слезы
И удалить пустыя грезы.
Онъ видѣлъ пляски мертвецовъ,
Въ тюрьму пришедшихъ изъ лѣсовъ;
То слышалъ ихъ ужасный шепотъ
То вдругъ погони близкій топотъ,
И дико взглядъ его сверкалъ,
Стояли волосы горою,
И весь, какъ листъ, онъ трепеталъ.
То мнилъ ужъ видѣть предъ собою
На площадяхъ толпы людей,
И страшный ходъ до мѣста казни,
И кнутъ, и грозныхъ палачей....
Безъ чувствъ, исполненный боязни,
Братъ упadalъ ко мнѣ на грудь.
Такъ проводилъ я дни и ночи,
Не могъ минуты отдохнуть,
И сна не знали наши очи.

«Но молодость свое взяла:
Вновь силы брата возвратились;
Болѣзнь ужасная прошла,
И съ нею грезы удалились.
Воскресли мы. Тогда ~~сильный~~
Взяла тоска по прежней долѣ;
Душа рвалась къ лѣсамъ и къ волѣ,
Алкала воздуха полей.
Намъ тошень былъ и мракъ темницы,
И сквозь рѣшетки свѣтъ денницы,

И стражи кликъ, и звонъ цѣпей,
И легкій шумъ залетной птицы.

«По улицамъ однажды мы,
Въ цѣпяхъ, для городской тюрьмы
Сбирали вмѣстѣ подаянье,
И согласились въ тишинѣ
Исполнить давнее желанье.
Рѣка шумѣла въ сторонѣ,
Мы къ ней — и съ береговъ высокихъ
Бухъ! — поплыли въ водахъ глубокихъ.
Цѣпями общими гремимъ,
Бьемъ волны дружными ногами,
Песчаный видимъ островокъ,
И разсѣкая быстрый токъ,
Туда стремимся. Вслѣдъ за нами
Кричатъ: «Лови! лови! уйдутъ!»
Два стража издали плывутъ,
Но ужъ на островъ мы ступаемъ,
Оковы камнемъ разбиваемъ,
Другъ съ друга рвемъ клочки одеждъ,
Отягощенные водою....
Погоню видимъ за собою,
Но смѣло, полные надеждъ,
Сидимъ и ждемъ. Одинъ ужъ тонетъ,
То захлебнется, то застонетъ —
И какъ свинецъ пошелъ ко дну.
Другой проплылъ ужъ глубину,
Съ ружьемъ въ рукахъ, онъ въ бродъ упрямо,
Не внемля крику моему,
Идетъ, но въ голову ему
Два камня полетѣли прямо —
И хлынула на волны кровь;
Онъ утонулъ — мы въ воду вновь.
За нами гнаться не посмѣли,

Мы береговъ достичь успѣли
И въ лѣсъ ушли. Но бѣдный братъ....
И трудъ, и волнъ осенній хладъ
Недавнихъ силъ его лишили:
Опять недугъ его сломилъ,
И злыя грезы посѣтили.
Три дня больной не говорилъ
И не смыкалъ очей дремотой;
Въ четвертый, грустною заботой,
Казалось, онъ исполненъ былъ;
Позвалъ меня, пожалъ мнѣ руку,
Потухшій взоръ изобразилъ
Одолѣвающую муку;
Рука задрогла, онъ вздохнулъ,
И на груди моей уснулъ!

«Надъ хладнымъ тѣломъ я остался,
Три ночи съ нимъ не разставался,
Все ждалъ, очнется-ли мертвецъ.
И горько плакалъ. Наконецъ
Взялъ заступъ, грѣшную молитву
Надъ братней ямой совершилъ,
И тѣло въ землю схоронилъ....
Потомъ на прежнюю ловитву
Пошелъ одинъ.... Но прежнихъ лѣтъ
Ужъ не дождусь — ихъ нѣтъ, какъ нѣтъ!
Пыры, веселые ночлеги,
И наши буйные набѣги —
Могила брата все взяла!
Влачусь угрюмый, одинокой;
Окаменѣлъ мой духъ жестокой,
И въ сердца жалость умерла.
Но иногда щажу морщины —
Мнѣ страшно рѣзать старика,
На беззащитныя сѣдины

Не подымается рука.
Я помню, какъ въ тюрьмѣ жестокой
Больной, въ цѣпяхъ, лишенный силъ,
Безъ памяти, въ тоскѣ глубокой
За старца братъ меня молилъ.»

Умолкъ и буйной головою
Разбойникъ въ горести поникъ,
И слезъ горючею рѣкою
Свирѣпый оросился ликъ.
Смѣясь, товарищи сказали:
«Ты плачешь! полно, брось печали,
Зачѣмъ о мертвыхъ вспоминать?
Мы живы: станемъ пировать,
Ну, подчивай сосѣдъ сосѣда!»
И кружка вновь пошла кругомъ;
На мигъ утихшая бесѣда
Вновь оживляется виномъ;
У всякаго своя есть повѣсть;
Всякъ хвалить мѣткій свой кистень.
Шумъ, крикъ. Въ ихъ сердцахъ дремлетъ совѣсть,
Она проснется въ черный день.

V. ОГРЫВКИ.

I. изъ новгородской повѣсти: «вадимъ».

(1822).

I.

Сводъ неба мракомъ обложился;
Въ волнахъ Варяжскихъ лунный лучъ
Сверкая межъ вечернихъ тучъ,
Столбомъ неровнымъ отразился.
Качаясь, лебедь на волнѣ
Заснулъ, и все кругомъ почило....
Но вотъ по темной глубинѣ
Стремится бѣлое вѣтрило,
И блещетъ пѣна при лунѣ;
Летитъ испуганная птица,
Услыша близкій шумъ весла.
Чей это парусъ? Чья десница
Его во мракѣ напрягла?

Ихъ двос. На весло нагбенный,
Одинъ, смиренный житель волнъ,
Гребетъ и къ югу правитъ челнъ;
Другой, какъ волхвомъ пораженный,
Стоитъ недвижимъ, на брега
Глаза вперивъ, не молвитъ слова,
И черезъ челнъ его нога
Перешагнуть уже готова.
Плывутъ....

«Прпчаливай старикъ!

Къ утесу правъ» — и въ волны вмигъ
Прыгнулъ плавецъ нетерпѣливой,
И береговъ уже достигъ.
Межъ-тѣмъ, рукой неторопливой
Другой вѣтрило опустивъ,
Свой челнъ къ утесу пригоняетъ,
Къ подошвамъ двухъ союзныхъ ивъ
Уломъ, надежнымъ укрѣпляетъ,
И всходитъ медленной стопой
На берегъ дикій и крутой.
Кремень звучитъ, и пламя вскорѣ
Далеко освѣтило море.
Суровый край! Громады скалъ
На берегу стоятъ угрюмомъ,
Объ нихъ мятежный бьется валъ,
И пѣна плещетъ; сосны съ шумомъ
Качаютъ старыя главы
Надъ зыбкой пеленой пучины;
Кругомъ ни цвѣта, ни травы,
Песокъ да мохъ; скалы, стремнины,
Вездѣ хранятъ клеймо громовъ
И слѣдъ потоковъ истощенныхъ,
И тлѣютъ кости — пиръ волковъ,
Въ разсѣлинахъ окровавленныхъ.
Къ огню заботливый старикъ
Простеръ нѣмѣющія руки.
Примѣты долготѣнной муки:
Огбенныя кости, тонкій лѣсъ,
На коемъ время углубило
Свои послѣдніе слѣды,
Одежда, обувь — все являло
Въ немъ дикость, нужду и труды.
Но кто-же тотъ? Блится младость
Въ его лицѣ; какъ вѣшній цвѣтъ

Прекрасенъ онъ; но мнится, радость
Его не знала съ дѣтскихъ лѣтъ;
Въ глазахъ потупленныхъ кручина;
На немъ одежда славянина,
И на бедрѣ славянскій мечъ.
Славянъ вотъ очи голубые,
Вотъ ихъ и волосы золотые,
Волнами падшіе до плечъ....
Косматымъ рубищемъ одѣтый,
Огнемъ живительнымъ согрѣтый,
Старикъ забылся крѣпкимъ сномъ.
Но юноша, на перси руки
Задумчиво сложивъ крестомъ,
Сидитъ съ нахмуреннымъ челомъ....
Проходитъ ночь, огонь погасъ,
Остылъ и пепелъ; вотъ пучина
Бѣлѣетъ; близокъ утра часъ;
Нисходитъ сонъ на славянина.

Видалъ онъ дальнія страны,
По сушѣ, по морю носился,
Во дни былые, дни войны,
На западѣ, на югѣ бился,
Дѣля добычу и труды
Съ суровымъ племенемъ Одена,
И передъ нимъ враговъ ряды
Бѣжали, какъ морская пѣна,
Въ часъ бури, къ чернымъ берегамъ.
Внималъ онъ радостнымъ хваламъ
И арфамъ скальдовъ изступленныхъ,
Въ жилищѣ сильныхъ пировалъ,
И очи дѣвъ иноплеменныхъ
Красою чуждой привлекалъ.
Но сладкій сонъ не переноситъ
Теперь героя въ край чужой,

Въ поля, гдѣ мчится бурный бой,
Гдѣ мечъ главы героевъ косить;
Не видитъ онъ знакомыхъ скалъ
Кириаландіи печальной,
Ни Албіона, гдѣ искалъ
Кровавыхъ сѣчъ и славы дальной;
Ему не снится шумъ валовъ;
Онъ позабылъ морскія битвы,
И пламя яркое костровъ,
И трубный звукъ, и лай ловитвы;
Другія грезы и мечты
Волнуютъ сердце славянина:
Предъ нимъ славянская дружина,
Онъ узнаетъ ся щиты,
Онъ снова простираетъ руки
Товарищамъ минувшихъ лѣтъ,
Забытымъ въ долги дни разлуки,
Которыхъ ужъ и въ мирѣ нѣтъ....
Межъ-тѣмъ привычныя заботы,
Средь усладительной дремоты,
Тревожатъ душу старика:
Во снѣ онъ парусъ развиваетъ,
Плыветъ по волѣ вѣтерна;
Его тихонько увлекаетъ
Къ заливу свѣтлая рѣка,
И рыба сонная впадаетъ
Въ тяжелый жеводъ старика;
Все тихо: море почиваетъ;
Но туча виснетъ: дальній громъ
Надъ звучной бездною грохочетъ,
И вотъ пучина надъ челномъ
Кипитъ, подъемлется, клокочетъ;
Напрасно къ вѣрнымъ берегамъ
Несчастный возвратиться хочетъ —
Челнокъ трещитъ и — пополамъ!

Рыбакъ идетъ на дно морское....
И пробудясь, трепещетъ онъ,
Глядитъ окрестъ — брега въ покоѣ;
На полусвѣтлый небосклонъ
Восходитъ утро золотое;
Съ деревъ, съ утесистыхъ вершинъ,
На встрѣчу радостной денницы,
Щебеча полетѣли птицы,
И разсвѣло....

II.

Онъ видитъ Новгородъ великой,
Знакомый теремъ съ давнихъ поръ;
Но тынъ обросъ крапивою дикою,
Обвиты окна павиликой,
Въ травѣ заглохъ широкой дворъ.
Онъ быстро храминъ опустѣлыхъ
Проходитъ молчаливый рядъ:
Все мертво.... нѣтъ гостей веселыхъ,
Застольны чаши не гремятъ....
И вотъ веселая свѣтлица.
Въ немъ сердце бьется: здѣсь или нѣтъ
Любовь очей, душа-дѣвица?
Цвѣтетъ-ли здѣсь мой милый цвѣтъ?
Найду-ль ее?... И съ этимъ словомъ
Онъ входитъ.... Что-же? Страшный видъ —
Въ постелѣ холодной, подъ покровомъ
Дѣвица мертвая лежитъ!...
Въ немъ замеръ духъ и взволновался.
Покровъ приподнимаетъ онъ,
Глядитъ, и слабый стонъ
Сквозь тяжкій сонъ его раздался.
Она, она! ея черты!...
На персяхъ рану обнажаетъ;

Она погибла! восклицаетъ,
Кто могъ?... И слышитъ голосъ: Ты!...

III.

Вадимъ.

Ты видѣлъ Новгородъ, ты слышалъ гласъ народа:
Скажи, Рогдай, жива-ль славянская свобода?
Иль князя чуждаго покорные рабы
Рѣшились оправдать гоненіе судьбы?

Рогдай.

Вадимъ! Надежда есть. Народъ нетерпѣливый,
Старинной вольности питомецъ горделивый,
Досадуя влачить позорный свой яремъ.
Какъ иноземный гость, невѣдомый ни кѣмъ,
Являлся я въ домахъ, на стогнахъ и на вѣчѣ;
Къ пришельцамъ ненависть я зрѣлъ на каждой встрѣчѣ.
Уныніе вездѣ: торговли шумъ утихъ,
Умы встревожены — и пламя тлѣетъ въ нихъ.
Младые граждане кипятъ и негодуютъ.
Вадимъ! они тебя съ надеждой именуютъ....

Вадимъ.

Безумные! Давно-ль они въ глазахъ моихъ
Встрѣчали съ торжествомъ властителей чужихъ,
И вольныя главы подъ иго преклоняли?
Теперь зовутъ меня, а завтра, можетъ, вновь....
Невѣрна ихъ вражда, невѣрна ихъ любовь....

VI. ЦЫГАНЫ.

(1824).

Цыганы шумною толпой
По Бессарабіи кочуютъ.
Они сегодня надъ рѣкой
Въ шатрахъ изодранныхъ ночуютъ.
Какъ вольность веселѣ ихъ ночлегъ
И мирный сонъ подъ небесами.
Между колесами телѣгъ,
Полузаѣвшанныхъ коврами,
Горитъ огонь; семья кругомъ
Готовитъ ужинъ; въ чистомъ полѣ
Пасутся кони; за шатромъ
Ручной медвѣдь лежитъ на волѣ.
Все живо посреди степей:
Заботы мирныя семей,
Готовыхъ съ утромъ въ путь недалній,
И пѣсни женъ, и крикъ дѣтей,
И звонъ походной наковальни.
Но вотъ на таборъ кочевой
Нисходитъ сонное молчанье,
И слышно въ тишинѣ степной
Лишь лай собакъ, да коней ржанье.
Огни вездѣ погашены,
Спокойно все, луна сіяетъ
Одна съ небесной вышины
И тихій таборъ озаряетъ.
Въ шатрѣ одномъ старикъ не спитъ;
Онъ передъ углями сидитъ,

Согрѣтый ихъ послѣднимъ жаромъ,
И въ поле дальнее глядитъ,
Ночнымъ подернутое паромъ.
Его молоденькая дочь
Пошла гулять въ пустынномъ полѣ.
Она привыкла къ рѣзвой волѣ,
Она придетъ; но вотъ ужъ ночь,
И скоро мѣсяцъ ужъ покинеть
Небесъ далекихъ облака,
Земфиры нѣтъ, какъ нѣтъ, и стынеть
Убогій ужинъ старика.

Но вотъ она идетъ. За нею слѣдомъ
По степи юноша спѣшитъ;
Цыгану вовсе онъ невѣдомъ.
«Отецъ мой, дѣва говоритъ,
Веду я гостя, за курганомъ
Его въ пустынь я нашла
И въ таборъ на ночь зазвала.
Онъ хочетъ быть, какъ мы, цыганомъ;
Его преслѣдуетъ законъ,
Но я ему подругой буду.
Его зовутъ Алеко, онъ
Готовъ идти за мною всюду.»

СТАРИКЪ.

Я радъ. Останься до утра
Подъ сѣнью нашего шатра,
Или пробудь у насъ и долѣ,
Какъ ты захочешь. Я готовъ
Съ тобой дѣлить и хлѣбъ, и кровь.
Будь нашъ, привыкни къ нашей долѣ,
Бродящей бѣдности и волѣ;
А завтра съ утренней зарей

Въ одной телѣгѣ мы поѣдемъ;
Примись за промыселъ любой:
Желѣзо куй, иль тѣсни пой,
И села обходи съ медвѣдемъ.

Алеко.

Я остаюсь.

Земфира.

Онъ будетъ мой!
Кто-жъ отъ меня его отгонитъ?
Но поздно.... мѣсяцъ молодой
Зашелъ, поля покрыты мглой,
И сонъ меня невольно клонитъ....

Свѣтло. Старикъ, тихонько бродитъ
Вокругъ безмолвнаго шатра.
«Вставай, Земфира, солнце всходитъ;
Проснись, мой гость, пора, пора!
Оставьте, дѣти, ложе нѣги.»
И съ шумомъ высыпалъ народъ;
Шатры разобраны; телѣги
Готовы двинуться въ походъ;
Все вмѣстѣ тронулось — и вогъ
Толпа валитъ въ пустыхъ равнинахъ.
Ослы въ перекидныхъ корзинахъ
Дѣтей играющихъ несутъ,
Мужья и братья, жены, дѣвы,
И старъ и младъ во слѣдъ идутъ;
Крикъ, шумъ, цыганскіе припѣвы,
Медвѣдя ревъ, его цѣпей
Нетерпѣливое бряцанье,
Лохмотьевъ яркихъ пестрота,
Дѣтей и старцевъ нагота,

Собака и лай и завыванье,
Волюнки говоръ, скрипъ телѣгъ,
Все скучно, дико, все нестройно,
Но все такъ живо, непокойно,
Такъ чуждо мертвыхъ нашихъ нѣгъ,
Такъ чуждо этой жизни праздной,
Какъ пѣснь рабовъ однообразной.

Уныло юноша глядѣлъ
На опустѣлую равнину,
И грусти тайную причину
Истолковать себѣ не смѣлъ.
Съ нимъ черноокая Земфира.
Теперь онъ вольный житель міра,
И солнце весело надъ нимъ
Полуденной красою блещетъ;
Что-жъ сердце юноши трепещетъ,
Какой заботой онъ томимъ?

Птичка Божія не знаетъ
Ни заботы, ни труда;
Хлопотливо не свиваетъ
Долговѣчнаго гнѣзда;
Въ долгу ночь на вѣткѣ дремлетъ,
Солнце красное взойдетъ —
Птичка гласу Бога внимлетъ,
Встреппенется и поетъ.
За весной, красой природы,
Лѣто знойное пройдетъ —
И туманъ, и непогоды
Осень поздняя несетъ:
Людямъ скучно, людямъ горе —
Птичка — въ дальнія страны,
Въ теплый край, за синее море
Улетаетъ до весны.

Подобно птичкѣ беззаботной,
И онъ, изгнанникъ перелетной,
Гнѣзда надежнаго не зналъ
И ни къ чему не привыкалъ.
Ему вездѣ была дорога,
Вездѣ была ночлега сѣнь;
Проснувшись поутру, свой день
Онъ отдавалъ на волю Бога,
И жизни не могла тревога
Смутить его сердечну дѣль.
Его порой волшебной славы
Манила дальняя звѣзда,
Нежданно роскошь и забавы
Къ нему являлись иногда;
Надъ одинокой головою
И громъ нерѣдко грохоталъ;
Но онъ безпечно подъ грозою,
И въ ведро ясноо дремалъ,
И жилъ, не признавая власти
Судьбы коварной и слѣпой;
Но, Боже, какъ играли страсти
Его послушною душой!
Съ какимъ волненіемъ кипѣли
Въ его измученной груди!
Давно-ль, на долго-ль усмирѣли?
Онъ проснется, погоди.

Земфира.

Скажи, мой другъ, ты не жалѣешь
О томъ, что бросилъ навсегда?

Алеко.

Что-жъ бросаю я?

Земфира.

Ты разумѣешь:
Людей отчизны, города.

Алеко.

О чемъ жалѣть? Когда-бъ ты знала,
Когда-бы ты воображала
Неволю душныхъ городовъ!
Тамъ люди въ кучахъ, за оградой
Не дышатъ утренней прохладой,
Ни вешнимъ запахомъ луговъ;
Любви стыдятся, мысли гонять,
Торгуютъ волею своей,
Главы предъ идолами клонять
И просить денегъ да цѣпей.
Что бросилъ я? Измѣнъ волненье,
Предразсужденій приговоръ,
Толпы безумное гоненье
Или блистательный позоръ.

Земфира.

Но тамъ огромныя палаты,
Тамъ разноцвѣтные ковры,
Тамъ игры, шумные пиры,
Уборы дѣвъ тамъ такъ богаты!

Алеко.

Что шумъ веселій городскихъ —
Гдѣ нѣтъ любви, тамъ нѣтъ веселій;
А дѣвы.... Какъ ты лучше ихъ
И безъ нарядовъ дорогихъ,
Безъ жемчуговъ, безъ ожерелій!
Не измѣнись мой нѣжный другъ!

А я.... одно мое желанье —
Съ тобой дѣлать любовь, досугъ,
И добровольное изгнанье.

СТАРИКЪ.

Ты любишь насъ, хоть и рождень
Среди богатаго народа,
Но не всегда мила свобода
Тому, кто къ нѣгѣ приучень.
Межъ нами есть одно преданье:
Царемъ когда-то сосланъ былъ
Полудня житель къ намъ въ изгнанье.
(Я прежде зналъ, но позабылъ
Ему мудреное прозванье).
Онъ былъ уже лѣтами старъ,
Но младъ и живъ душой незлобной;
Имѣлъ онъ пѣсенъ дивный даръ
И голосъ, шуму водъ подобной.
И полюбили всѣ его,
И жилъ онъ на берегахъ Дуная,
Не обижая никого,
Людей рассказами плѣняя.
Не разумѣлъ онъ ничего,
И слабъ, и робокъ былъ, какъ дѣти;
Чужіе люди за него
Звѣрей и рыбъ ловили въ сѣти.
Какъ мерзла быстрая рѣка,
И зимни вихри бушевали —
Пушистой кожей покрывали
Они святаго старика;
Но онъ къ заботамъ жизни бѣдной
Привыкнуть никогда не могъ;
Скитался онъ изсохшій, блѣдной.
Онъ говорилъ, что гнѣвный Богъ

Его каралъ за преступленье,
Онъ ждалъ: придетъ-ли избавленья,
И все несчастный тосковалъ,
Бродя по берегамъ Дуная,
Да горьки слезы проливалъ,
Свой дальній градъ воспоминая.
И завѣщалъ онъ, упряя,
Чтобы на югъ перенесли
Его тоскующія кости,
И смертью чуждой сей земли
Не успокоенные гости.

АЛЕКО.

Такъ вотъ судьба твоихъ сыновъ,
О Римъ, о громкая держава!
Пѣвецъ любви, пѣвецъ боговъ,
Скажи мнѣ, что такая слава?
Могильный гулъ; хвалебный гласъ,
Изъ рода въ роды звукъ бѣгущій.
Или подъ сѣнью дымной кущи
Цыгана дикаго разсказъ?

Прошло два лѣта. Также бродить
Цыганы мирною толпой;
Вездѣ, по-прежнему, находятъ
Гостепріимство и покой.
Презрѣвъ оковы просвѣщенья,
Алеко воленъ, какъ они;
Онъ безъ заботъ и сожалѣнья
Ведетъ кочующіе дни.
Все тотъ-же онъ, семья все та-же;
Онъ прежнихъ лѣтъ не помни даже
Къ бытѣ цыганскому привыкъ;

Онъ любить ихъ ночлеговъ сѣни,
 И упоенье вѣчной лѣни,
 И бѣдный, звучный ихъ языкъ.
 Медвѣдь, бѣглець родной берлоги,
 Косматый гость его шатра,
 Въ селеньяхъ, вдоль степной дороги,
 Близъ молдаванскаго двора
 Передъ толпою осторожной
 И тяжело пляшетъ и реветъ,
 И цѣпь докучную грызетъ.
 На посохъ опершись дорожной,
 Старикъ лѣниво въ бубны бьетъ,
 Алеко съ пѣнsemъ звѣря водить,
 Земфира поселянъ обходить,
 И дань ихъ вольную беретъ;
 Настанетъ ночь, они всѣ трое
 Варятъ нежатое пшено;
 Старикъ уснулъ — и все въ покое....
 Въ шатрѣ и тихо и темно.

Старикъ на вешнемъ солнцѣ грѣетъ
 Ужъ остывающую кровь;
 У люльки дочь поетъ любовь.
 Алеко внемлетъ и блѣднѣетъ.

ЗЕМФИРА.

Старый мужъ, грозный мужъ,
 Рѣжь меня, жги меня —
 Я тверда, не боюсь
 Ни ножа, ни огня.

Ненавижу тебя,
 Презираю тебя,

Я другаго люблю,
Умираю любя!

Алеко.

Молчи. Мнѣ пѣнье надоѣло,
дикихъ пѣсенъ не люблю.

Земфира.

Не любишь? мнѣ какое дѣло!
Я пѣсеню для себя пою.

Рѣжь меня, жги меня,
Не скажу ничего;
Старый мужъ, грозный мужъ,
Не узнаешь его.

Онъ свѣжѣе весны,
Жарче лѣтняго дня;
Какъ онъ молодъ и смѣлъ!
Какъ онъ любить меня!

Какъ ласкала его
Я въ ночной тишинѣ!
Какъ смѣялись тогда
Мы твоей сѣдинѣ!

Алеко.

Молчи, Земфира, я доволенъ....

Земфира.

Такъ понялъ пѣсеню ты мою?

Алеко.

Земфира!...

ЗЕМФИРА.

Ты сердиться воленъ,
Я пѣсню про тебя пою.

(Уходитъ и поетъ: «Старый мужъ», и проч.)

СТАРИКЪ.

Такъ, помню, помню: пѣсня эта
Во время наше сложена;
Уже давно въ забаву свѣта
Поется межъ людей она.
Кочуя на степяхъ Кагула,
Ее, бывало, въ зимню ночь
Моя пѣвала Мариула,
Передъ огнемъ качая дочь.
Въ умѣ моемъ минувши лѣта
Часъ отъ часу темнѣй, темнѣй;
Но заронила пѣсня эта
Глубоко въ памяти моей.

Все тихо, ночь. Луной украшенъ
Лазурный юга небосклонъ.
Старикъ Земфирой пробужденъ:
«О, мой отецъ! Алеко страшенъ,
Послушай, сквозъ тяжелый сонъ
И стонетъ, и рыдаетъ онъ.»

СТАРИКЪ.

Не тронь его, храни молчанье.
Слыхалъ я русское преданье:
Теперь, полуночной порой,
У спящаго тѣснить дыханье
Домашній духъ, передъ зарей
Уходитъ онъ. Сиди со мной

ЗЕМФИРА.

Отецъ мой, шепчетъ онъ: Земфира!

СТАРИКЪ.

Тебя онъ ищетъ и во снѣ —
Ты для него дороже міра.

ЗЕМФИРА.

Его любовь постыла мнѣ.
Мнѣ скучно, сердце воли просить,
Ужъ я.... Но тише, слышишь, онъ
Другое имя произноситъ?

СТАРИКЪ.

Чье имя?

ЗЕМФИРА.

Слышишь — хриплый стонъ,
И скрежетъ ярый!... Какъ ужасно!
Я разбужу его.

СТАРИКЪ.

Напрасно,
Ночнаго духа не гони,
Уйдетъ и самъ.

ЗЕМФИРА.

Онъ повернулся,
Привсталъ, зоветъ меня; вроснулся.
Иду къ нему. — Прощай, усни.

АЛЕКО.

Гдѣ ты была?

Земфира.

Съ отцемъ сидѣла.

Какой-то духъ тебя томилъ,
Во снѣ душа твоя терпѣла
Мученья. Ты меня страшилъ:
Ты сонный скрежеталъ зубами,
И звалъ меня.

Алеко.

Мнѣ снилась ты.

Я видѣлъ, будто между нами....
Я видѣлъ страшныя мечты.

Земфира.

Не вѣрь лукавымъ сновидѣньямъ.

Алеко.

Ахъ, я не вѣрю ничему,
Ни снамъ, ни сладкимъ увѣреньямъ,
Ни даже сердцу твоему!

Старикъ.

О чемъ, безумецъ молодой,
О чемъ вздыхаешь ты всечасно?
Здѣсь люди вольны, небо ясно,
И жены славятся красой.
Не плачь, тоска тебя погубитъ.

Алеко.

Отецъ! она меня не любитъ.

Старикъ.

Утѣшься, другъ, она дитя.
Твое унынье безразсудно:

Ты любишь горестно и трудно,
 А сердце женское шутя.
 Взгляни: подъ отдаленнымъ сводомъ
 Гуляетъ вольная луна,
 На всю природу мимоходомъ
 Равно сіянье льетъ она;
 Заглянетъ въ облако любое,
 Его такъ пышно озарить,
 И вотъ ужъ перешла въ другое,
 И то не долго посѣтитъ.
 Кто мѣсто въ небѣ ей укажетъ,
 Примолвя: тамъ остановись!
 Кто сердцу юной дѣвы скажетъ:
 Люби одно, не измѣнись!
 Утѣшься!...

Алеко.

Какъ она любила!
 Какъ пѣжно преклонясь ко мнѣ,
 Она въ пустынной тишинѣ
 Часы ночные проводила!
 Веселья дѣтскаго полна,
 Какъ часто мплымъ лепетаньемъ,
 Иль упоительнымъ лобзаньемъ
 Мою задумчивость она
 Въ минуту разогнать умѣла!
 И что-жь? Земфира не вѣрна!
 Моя Земфира охладѣла.

Старикъ.

Послушай, расскажу тебѣ
 Я повѣсть о самомъ себѣ.
 Давно, давно, когда Дунаю
 Не угрожалъ еще москаль

(Вотъ видишь, я припоминаю,
Алеко, старую печаль) —
Тогда боялись мы Султана,
А правилъ буджакомъ Паша
Съ высокихъ башенъ Акермана.
Я молодъ былъ, моя душа
Въ то время радостно кипѣла
И ни одна въ кудряхъ моихъ
Еще сѣдинка не бѣлѣла.
Между красавицъ молодыхъ
Одна была.... и долго ею
Какъ солнцемъ любовался я,
И наконецъ назвалъ мою.

Ахъ, быстро молодость моя
Звѣздой падучею мелькнула!
Но ты, пора любви, минула
Еще быстрѣе! только годъ
Меня любила Мариула.

Однажды, близъ Кагульскихъ водъ
Мы чуждый таборъ повстрѣчали;
Цыганы тѣ, свои шатры
Разбивъ близъ нашихъ, у горы,
Двѣ ночи вмѣстѣ ночевали.
Они ушли на третью ночь,
И, брося маленькую дочь,
Ушла за ними Мариула.
Я мирно спалъ; заря блеснула;
Проснулся я — подруги нѣтъ!
Ищу, зову — пропалъ и слѣдъ.
Тоскуя, плакала Земфира,
И я заплакалъ!... Съ этихъ поръ
Постыли мнѣ всѣ дѣвы міра;
Межъ ими никогда мой взоръ

Не выбиралъ себѣ подруги,
И одинокіе досуги
Уже ни съ кѣмъ я не дѣлилъ.

Алеко.

Да какъ-же ты не поспѣшилъ
Тотчасъ во слѣдъ неблагодарной,
И хищнику, и ей коварной
Кинжала въ сердце не вонзилъ?

Старикъ.

Къ чему? вольнѣе птицы младость.
Кто въ силахъ удержать любовь?
Чредою всѣмъ дается радость:
Что было, то не будетъ вновь!

Алеко.

Я не таковъ. Нѣтъ, я не спора
Отъ правъ моихъ не откажусь;
Или хотъ мщеньемъ наслажусь.
О, нѣтъ! когда-бъ надъ бездной моря
Нашелъ я спящаго врага,
Клянусь, и тутъ моя нога
Не пощадила-бы злодѣя:
Я въ волны моря, не блѣднѣя,
И беззащитнаго-бъ толкнулъ;
Внезапный ужасъ пробужденья
Свирѣпымъ смѣхомъ упрекнулъ,
И долго мнѣ его паденья,
Смѣшонъ и сладокъ былъ-бы гуль.

Молодой цыганъ.

Еще одно, одно лобзанье!

ЗЕМФИРА.

Пора: мой мужъ ревнивъ и золъ.

ЦЫГАНЬ.

Одно.... но долъ — на прощанье!

ЗЕМФИРА.

Прощай, покаместъ не пришелъ.

ЦЫГАНЬ.

Скажи — когда-жъ опять свиданье?

ЗЕМФИРА.

Сегодня, какъ зайдетъ луна,
Тамъ, за курганомъ надъ могилой....

ЦЫГАНЬ.

Обманетъ! не придетъ она.

ЗЕМФИРА.

Бѣги — вотъ онъ! Приду, мой милый.

Алеко спитъ. Въ его умѣ
Видѣнье смутное играетъ;
Онъ, съ крикомъ пробудясь во тьмѣ,
Ревниво руку простираетъ:
Но оробѣлая рука
Покровы хладные хватаетъ —
Его подруга далека....
Онъ съ трепетомъ привсталъ и внешлетъ —
Все тихо! Страхъ его объемлетъ,
Но немъ текутъ и жаръ, и хладъ;

Встасть онъ, изъ шатра выходитъ,
Вокругъ тѣлѣтъ ужасенъ бродить.
Спокойно все, поля молчатъ,
Темно; луна зашла въ туманы;
Чуть брежжетъ звѣздъ невѣрный свѣтъ,
Что по росѣ примѣтный слѣдъ
Ведетъ за дальніе курганы;
Нетерпѣливо онъ идетъ,
Куда зловѣщій слѣдъ ведетъ.
Могила на краю дороги
Вдали бѣлѣетъ передъ нимъ,
Туда слабѣющія ноги
Влачить, предчувствіемъ томимъ;
Дрожатъ уста, дрожатъ колѣни....
Идетъ.... и вдругъ.... нѣ это сонъ?
Вдругъ видитъ близкія двѣ тѣни,
И близкій шепотъ слышитъ онъ
Надъ обезславленной могилой.

Первый голосъ.

Пора!...

Второй голосъ.

Постой!

Первый голосъ.

Пора, мой милый.

Второй голосъ.

Нѣтъ, нѣтъ! постой, дождемся дня.

Первый голосъ.

Ужъ поздно.

Второй голосъ.

Какъ ты робко любишь.

Минуту!

Первый голосъ.

Ты меня погубишь.

Второй голосъ.

Минуту!

Первый голосъ.

Если безъ меня

Проснется мужъ....

Алеко.

Проснулся я.

Буда вы? Не спѣшите оба —

Вамъ хорошо и здѣсь, у гроба.

Земфира.

Мой другъ, бѣги, бѣги!

Алеко.

Постой!

Буда, красавецъ молодой?

Лежи!

(Вонзаетъ въ него ножъ).

Земфира.

Алеко!

Цыганъ.

Умираю!

ЗЕМФИРА.

Алеко, ты убьешь его!
Взгляни: ты весь обрызганъ кровью!
О, что ты сдѣлалъ?

АЛЕКО.

Ничего.

Теперь дыши его любовью....

ЗЕМФИРА.

Нѣтъ, полно не боюсь тебя,
Твои угрозы презираю,
Твое убійство проклинаю.

АЛЕКО.

Умри-жъ и ты! *(Поражаетъ ее).*

ЗЕМФИРА.

Умру любя!

Востокъ денницей озаренный
Сіялъ. Алеко за холмомъ,
Съ ножемъ въ рукахъ, окровавленный
Сидѣлъ на камнѣ гробовомъ.
Два трупа передъ нимъ лежали;
Убійца страшенъ былъ лицомъ;
Цыганы робко окружали
Его встревоженной толпой;
Могилу въ сторонѣ конали,
Шли жены скорбной чередой
И въ очи мертвыхъ цѣловали.
Старикъ отецъ одинъ сидѣлъ,

И на погибшую глядѣлъ
Въ нѣмомъ бездѣйствіи печали;
Подняли трупы, понесли,
И въ лоно хладное земли
Чисту младую положили
Алско издали смотрѣлъ
На всс. Когда-же ихъ зарыли
Послѣдней горстію земной,
Онъ молча, медленно склонился,
И съ камня на траву свалился.

Тогда старикъ, приближась, рскъ:
«Оставь насъ, гордый человѣкъ!
Мы дики, нѣтъ у насъ законовъ,
Мы не терзаемъ, не казимъ,
Не нужно крови намъ и стоновъ;
Но жить съ убійцей не хотимъ.
Ты не рожденъ для дикой доли,
Ты для себя лишь хочешь воли;
Ужасенъ намъ твой будетъ гласъ:
Мы робки и добры душою,
Ты золъ и смѣлъ — оставь-же насъ,
Прости, да будетъ миръ съ тобою!»

Сказалъ, и шумною толпою
Поднялся таборъ кочевой
Съ долины страшнаго почлега,
И скоро все въ дали степной
Сокрылось. Лишь одна телѣга,
Убогимъ крытая ковромъ,
Стояла въ полѣ роковомъ.
Такъ иногда передъ зимою,
Туманной утренней порою,
Когда подѣмлется съ полей
Станица позднихъ журавлей

И съ крикомъ вдаль на югъ несется.
Пронзенный гибельнымъ свинцомъ,
Одинъ печально остается,
Повиснувъ раненымъ крыломъ.
Настала ночь; въ тѣлѣ темной
Огня никто не разложилъ,
Никто подъ крышею подъемной
До утра сномъ не опочилъ.

Э П И Л О Г Ъ.

Волшебной силой пѣснопѣнья
Въ туманной памяти моей
Такъ оживляются видѣнья
То свѣтлыхъ, то печальныхъ днѣй.
Въ странѣ, гдѣ долго, долго брани
Ужасный гулъ не умолкалъ,
Гдѣ повелительныя грани
Стамбулу русскій указалъ,
Гдѣ старый нашъ орелъ двуглавой
Еще шумитъ минувшей славой,
Встрѣчалъ я посреди степей,
Надъ рубежами древнихъ становъ,
Тѣлѣги мирныя цыгановъ,
Смиренной вольности дѣтей.

Но счастья нѣтъ и между вами,
Природы бѣдные сыны!
И подъ издранными шатрами
Живутъ мучительные сны!
И ваши сѣни кочевыя
Въ пустыняхъ не спаслись отъ бѣды,
И всюду страсти роковыя,
И отъ судьбы защиты нѣтъ!

VII. ГРАФЪ НУЛИНЪ.

(1825).

Пора, пора! рога трубятъ;
Псари въ охотничьихъ уборахъ
Чѣмъ свѣтъ ужъ на коняхъ сидятъ;
Борзые прыгаютъ на сворахъ.
Выходитъ баринъ на крыльцо,
Все, подбочась, обозрѣваетъ;
Его довольное лицо
Пріятной важностью сіяетъ.
Чекмень, затянутый на немъ,
Турецкій ножъ за кушакомъ,
За пазухой во фляжкѣ ромъ,
И рогъ на бронзовой цѣпочкѣ.
Въ ночномъ чепцѣ, въ одномъ платочкѣ,
Глазами сонными жена
Сердито смотритъ изъ окна
На сборъ, на псарную тревогу.
Вотъ мужу подвели коня,
Онъ холку хватъ, и въ стремя ногу,
Кричитъ женѣ: «Не жди меня!»
И выѣзжаетъ на дорогу.

Въ послѣднихъ числахъ Сентября
(Презрѣнной прозой говоря)
Въ деревнѣ скучно, грязь, ненастье,
Осенній вѣтеръ, мелкій снѣгъ,
Да вой волковъ. Но то-то счастье

Охотнику! Не зная нѣгъ,
Въ отъѣзжемъ полѣ онъ гарцуетъ,
Вездѣ находитъ свой ночлегъ,
Бранится, мокнетъ и пируетъ .
Опустошительный набѣгъ.

А что-же дѣлаетъ супруга,
Одна въ отсутствіи супруга?
Занятій мало-ль есть у ней?
Грибы солить, кормить гусей,
Заказывать обѣдъ и -ужинъ,
Въ амбаръ и въ погребъ заглянуть.
Хозяйки глазъ повсюду нуженъ:
Онъ вмигъ замѣтитъ что-нибудь.

Къ несчастью героиня наша
(Ахъ, я забылъ ей имя дать!
Мужъ просто звалъ ее Наташа,
Но мы — мы будемъ называть
Наталья Павловна), къ несчастью,
Наталья Павловна совсѣмъ
Своей хозяйственною частью
Не занималася, затѣмъ,
Что не въ отеческомъ законѣ
Она воспитана была,
А въ благородномъ пансіонѣ
У эмигрантки Фальбала.

Она сидитъ передъ окномъ ;
Предъ ней открытъ четвертый томъ
Сентиментальнаго романа:
*«Любовь Элизы и Армана,
Или переписка двухъ семей»* —
Романъ классическій, старинной,
Отмѣнно длинной, длинной, длинной,

Нравоучительный и чинной,
Безъ романтическихъ затѣй.

Наталья Павловна сначала
Его внимательно читала,
Но скоро какъ-то развлеклась
Передъ окномъ возникшей дракой
Козла съ дворовою собакой,
И ею тихо занялась.
Кругомъ мальчишки хохотали;
Межъ-тѣмъ печально подъ окномъ
Индѣйки съ крикомъ выступали
Во слѣдъ за мокрымъ пѣтухомъ;
Три утки полоскались въ лужѣ;
Шла баба черезъ грязный дворъ
Бѣлье повѣсить на заборъ;
Погода становилась хуже:
Казалось, снѣгъ идти хотѣлъ....
Вдругъ колокольчикъ зазвенѣлъ.

Кто долго жилъ въ глуши печальной,
Друзья, тотъ вѣрно знаетъ самъ,
Какъ сильно колокольчикъ дальній
Порой волнуетъ сердце намъ.
Не другъ-ли ѣдетъ запоздалой,
Товарищъ юности удалой?...
Ужъ не она-ли?... Боже мой!
Вотъ ближе, ближе. Сердце бьется.
Но мимо, мимо, звукъ несется,
Слабѣй.... и смолкнулъ за горой.

Наталья Павловна къ балкону
Бѣжитъ, обрадована звону,
Глядитъ и видитъ: за рѣкой,
У мельницы, коляска скачетъ,

Вотъ на мосту — къ намъ точно.... нѣтъ,
Поворотила вѣво. Вслѣдъ
Она глядитъ, и чуть не плачетъ.
Но вдругъ.... о радость! косогоръ —
Боляска на богъ. «Филька! Васька!
Кто тамъ? скорѣй! Вонъ тамъ коляска:
Сейчасъ везти ея на дворъ,
И барина просить обѣдать;
Да живъ-ли онъ?... бѣги провѣдать,
Скорѣй, скорѣй!»

Слуга бѣжитъ.

Наталя Павловна спѣшитъ
Взбить пышный локонъ, шаль накинуть,
Задернуть завѣсъ, стулъ подвинуть,
И ждетъ: да скоро-ль, мой Творецъ!
Вотъ ѣдутъ, ѣдутъ наконецъ.
Забрызганный въ дорогъ дальной,
Опасно раненый, печальной
Кой-какъ тащится экипажъ;
Вслѣдъ баринъ молодой хромаетъ.
Слуга-французъ не унываетъ
И говоритъ: «allons, courage!»
Вотъ у крыльца; вотъ въ сѣни входятъ.
Покажѣтъ барину теперь
Покой особенный отводить
И настежь отворяютъ дверь,
Пока Ricard шумитъ, хлопочетъ,
И баринъ одѣваться хочетъ,
Сказать-ли вамъ, кто онъ таковъ?
Графъ Нулинъ, изъ чужихъ краевъ,
Гдѣ промоталъ онъ въ вихрѣ моды
Свои грядущіе доходы.
Себя казать, какъ чудный звѣрь,
Въ Петрополь ѣдетъ онъ теперь
Съ запасомъ фраговъ и жилетовъ,

Шляпъ, вѣровъ, плащей, корсетовъ,
Булавокъ, запонокъ, лорнетовъ,
Цвѣтныхъ платковъ, чулковъ à jour,
Съ ужасной книжкою Гизота,
Съ тетрадью злыхъ карикатуръ,
Съ романомъ новымъ Вальтеръ-Скотта,
Съ bons mots Парижскаго двора,
Съ послѣдней пѣсней Беранжера,
Съ мотивами Россини, Пера,
Et cetera, et cetera.

Ужъ столъ накрытъ; давно пора,
Хозяйка ждетъ нетерпѣливо.
Дверь отворилась, входитъ графъ.
Наталя Павловна, привставъ,
Освѣдомляется учтиво,
Каковъ онъ? что нога его?
Графъ отвѣчаетъ: Ничего!
Идутъ за столъ; вотъ онъ садится,
Къ ней подвигаетъ свой приборъ,
И начинается разговоръ:
Святую Русь бранить, дивится,
Какъ можно жить въ ея снѣгахъ!
Жалѣетъ о Парижѣ, страхъ.
«А что театр?» — О, сиротѣтъ!
C'est bien mauvais ça fait pitié.
Тальма совсѣмъ оглохъ, слабѣетъ,
И мамзель Марсъ, увы! старѣетъ.
За то Потье, le grand Potier!
Онъ славу прежнюю въ народѣ
Донинѣ поддержалъ одинъ —
«Какой писатель нынче въ модѣ?»
— Все d'Arlincourt и Ламартинъ. —
«У насъ имъ также подражаютъ.»
— Нѣтъ, право? Такъ у насъ умы

Ужъ развиваться начинаютъ.
Дай Богъ, чтобъ просвѣтились мы! —
Какъ тальи носятъ?» — Очень низко,
Почти до.... вотъ по этихъ поръ.
Позвольте видѣть вашъ уборъ:
Такъ.... рюши, банты, здѣсь узоръ,
Все это къ модѣ очень близко. —
«Мы получаемъ «Телеграфъ.»
— Ага! — Хотите-ли послушать
Прелестный водевиль? — И графъ
Поетъ. «Да, графъ, извольте-жъ кушать.»
— Я сытъ и такъ. —

Изъ-за стола

Встаютъ. Хозяйка молодая
Чрезвычайно весела;
Графъ, о Парижѣ забывая,
Дивится, какъ она мила!
Проходитъ вечеръ непримѣтно;
Графъ самъ не свой; хозяйки взоръ
То выражается привѣтно,
То вдругъ потупленъ безотвѣтно.
Глядишь — и полночь вдругъ на дворъ.
Давно храпитъ слуга въ передней,
Давно поетъ пѣтухъ сосѣдній,
Въ чугунову доску сторожъ бьетъ;
Въ гостинной свѣчки догорѣли.
Наталя Павловна встаетъ.
«Пора, прощайте! ждутъ постели.
Пріятный сонъ!...» Съ досадою вставъ,
Полувлюбленный, нѣжный графъ
Цѣлуетъ руку ей. И что-же?
Куда кокетство не ведетъ!
Проказница — прости ей, Боже,
Тихонько графу руку жметъ!

Наталя Павловна раздѣта;
Стоитъ Параша передъ ней.
Друзья мои! Параша эта
Наперсница ея затѣй:
Шьетъ, мостъ, вѣсти переноситъ,
Изношенныхъ капотовъ проситъ,
Порою барины смѣшитъ,
Порой на барины кричитъ,
И лжетъ предъ барыней отважно.
Теперь она толкуетъ важно
О графѣ, о дѣлахъ его,
Не пропускаетъ ничего —
Богъ вѣсть, развѣдать какъ успѣла.
Но госпожа ея наконецъ
Сказала: «полно, надоѣла!»
Спросила кофту и чепецъ,
Легла и выйти вонъ велѣла.

Своимъ французомъ между-тѣмъ
И графъ раздѣтъ уже совсѣмъ;
Ложится онъ, сигару проситъ.
Monsieur Picard ему приноситъ
Графинъ, серебряный стаканъ,
Сигару, бронзовый свѣтильникъ,
Щипцы съ пружиною, *будильникъ*,
И неразрѣзанный романъ.

Въ постелѣ лежа, Вальтеръ-Скотта
Глазами пробѣгаетъ онъ.
Но графъ душевно развлеченъ:
Неугомонная забота
Его тревожитъ; мыслить онъ:
Неужто вправду я влюбленъ?
Что, если можно?... Вотъ забавно;
Однако-жъ это было-бъ славно!

Я, кажется, хозяйкѣ милъ —
И Нулнѣ свѣчку погасилъ.

Несносный жаръ его объемлетъ,
Не спится графу — бѣсъ не дремлетъ,
И дразнить грѣшною мечтой
Въ немъ чувства. Пылкій нашъ герой
Воображаетъ очень живо
Хозяйки взоръ краспорѣчивой,
Довольно круглый, полный станъ,
Пріятный голосъ, прямо женскій,
Лица румянецъ деревенскій —
Здоровье краше всѣхъ румянъ.
Онъ помнитъ кончикъ ножки нѣжной,
Онъ помнитъ, точно, точно такъ —
Она ему рукой небрежной
Пожала руку. Онъ дуракъ,
Онъ долженъ-бы остаться съ нею,
Ловить минутную затѣю.
Но время не ушло. Теперь
Отворена, конечно, дверь —
И тотчасъ на плеча накинувъ
Свой пестрый шелковый халатъ,
И стулъ въ потемкахъ опрокинувъ,
Въ надеждѣ сладостныхъ наградъ,
Къ Лукреціи Таравинѣ новый
Отправился, на все готовый.

Такъ иногда лубавый котъ,
Жеманный баловень служанки,
За мышью крадется съ лежанки,
Украдкой медленно идетъ,
Полузажмурясь подступаетъ,
Свернется въ комъ, хвостомъ играетъ,

Разинетъ когти хитрыхъ лапъ,
И вдругъ бѣдняжку цапъ-царапъ.

Влюбленный графъ въ потемкахъ бродить,
Дорогу ошупью находить;
Желаньемъ пламеннымъ томимъ,
Едва дыханье переводить;
Трепещетъ, если полъ подъ нимъ
Вдругъ заскрипитъ. Вотъ онъ подходитъ,
Къ завѣтной двери, и слегка
Жметъ ручку мѣдную замка.
Дверь тихо, тихо уступаетъ,
Онъ смотритъ: лампа чуть горитъ
И блѣдно спальню освѣщаетъ;
Хозяйка мирно почиваетъ,
Иль притворяется, что спитъ.

Онъ входитъ, ищетъ, отступаетъ —
И вдругъ упалъ къ ея ногамъ.
Она.... Теперь, съ ихъ позволенья,
Прошу я петербургскихъ дамъ
Представить ужасъ пробужденья
Натали Павловны моей
И разрѣшить, что дѣлать ей.

Она, открывъ глаза большіе,
Глядитъ на графа. Нашъ герой
Ей сыплетъ чувствна выписныя,
И дерзновенною рукой
Уже руки ея коснулся....
Но тутъ опомнилась она:
Гнѣвъ благородный въ ней проснулся;
И честной гордости полна,
А впрочемъ, можетъ быть и страха,
Она Тарквинію съ размаха

Даетъ пощечину, да, да,
Пощечину, да вѣдь какую!

Сгорѣлъ графъ Нулинъ отъ стыда,
Обиду проглотивъ такую.
Не знаю, чѣмъ-бы кончилъ онъ,
Досадой страшною пылая,
Но шпигъ косматый, вдругъ заяя,
Прервалъ Параша крѣпкій сонъ.
Услышавъ графъ ея походку,
И проклиная свой ночлеги,
И своенравную красотку,
Въ постыдный обратился бѣги.

Какъ онъ, хозяйка и Параша
Проводятъ остальную ночь,
Воображайте, воля ваша,
Я не намѣренъ вамъ помочь.

Возставъ поутру молчаливо,
Графъ одѣвается лѣниво;
Отдѣлкой розовыхъ ногтей
Зѣвая, занялся небрежно,
И галстухъ вяжетъ неприлежно,
И мокрой щеткою своей
Не гладитъ стриженныхъ кудрей.
О чемъ онъ думаетъ не знаю.
Но вотъ его позвали къ чаю.
Что дѣлать? Графъ, преодолевъ
Неловкій стыдъ и тайный гнѣвъ,
Идетъ.

Проказница младая,
Насмѣшливый потупя взоръ,
И губки алая кусая,
Заводитъ скромно разговоръ

О томъ, о семъ. Сперва смущенный,
Но постепенно ободренный,
Съ улыбкой отвѣчаетъ онъ.
Получаса не проходило,
Ужъ онъ и шутить очень мило,
И чуть-ли снова не влюбленъ!
Вдругъ шумъ въ передней. Входятъ. Кто-же?
«Наташа здравствуй!»

— Ахъ, мой Боже!

Графъ, вотъ мой мужъ. Душа моя,
Графъ Пулинъ. —

«Радъ, сердечно, я.

Какая скверная погода!
У кузницы я видѣлъ вашъ
Совсѣмъ готовый экипажъ.
Наташа! тамъ, у огорода,
Мы затравили русака.
Эй, водки! Графъ, прошу отвѣдать:
Прислали намъ издалека.
Вы съ нами будете обѣдать?
— Не знаю, право, я спѣшу. —
«И, полно, графъ, я васъ прошу.
Жена и я гостямъ мы рады.
Нѣтъ, графъ, останьтесь!»

Но съ досады

И всѣ надежды потерявъ,
Упрямится печальный графъ.
Ужъ подкрѣпивъ себя стаканомъ,
Пикарь кряхтитъ за чемоданомъ,
Уже въ коляскѣ двое слугъ
Несутъ привинчивать сундукъ.
Къ крыльцу подвезена коляска,
Пикарь все скоро уложилъ,
И графъ уѣхалъ.... Тѣмъ и сказка

Могла-бы кончиться, друзья;
Но слова два прибавлю я.

Когда коляска ускакала,
Жена все мужу рассказала,
И подвиговъ графа моего
Всему сосѣдству описала.
Но кто-же болѣе всего
Съ Натальей Павловной смѣялся?
Не угадать вамъ. — Почему-жъ?
Мужъ? — Какъ не такъ! Совсѣмъ не мужъ.
Онъ очень этимъ оскорблялся,
Онъ говорилъ, что графъ дуракъ,
Молокососъ; что если такъ,
То графа онъ визжать заставить.
Что псами онъ его затравить.
Смѣялся Лидинъ, ихъ сосѣдъ,
Помѣщикъ двадцати трехъ лѣтъ.

Теперь мы можемъ справедливо
Сказать, что въ наши времена
Супругу вѣрная жена,
Друзья мои, совсѣмъ не диво.

VIII. ПОЛТАВА.

(1828).

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Тебѣ — но голосъ музы темной
Коснется-ль уха твоего?
Поймешь-ли ты душею скромной
Стремленье сердца моего?
Иль посвященіе поэта,
Какъ нѣкогда его любовь,
Передъ тобою безъ отвѣта
Пройдетъ, непризнанное вновь?

Узнай, по-крайней-мѣрѣ, звуки,
Бывало, милые тебѣ —
И думай, что во дни разлуки,
Въ моей измѣнчивой судьбѣ,
Твоя печальная пустыня,
Послѣдній звукъ твоихъ рѣчей —
Одно сокровище, святыня,
Одна любовь души моей.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Богатъ и славенъ Кочубей.
Его луга необозримы,
Тамъ табуны его коней
Пасутся вольны, нехранимы.

Кругомъ Полтавы хутора
Окружены его садами,
И много у него добра,
Мѣховъ, атласа, серебра
И на виду, и подъ замками.
Но Кочубей богатъ и гордъ
Не долгогривыми конями,
Не златомъ, данью крымскихъ ордъ,
Не родовыми хуторами —
Прекрасной дочерью своей
Гордится старый Кочубей.

И то сказать: въ Полтавѣ нѣтъ
Красавицы, Маріи равной.
Она свѣжа, какъ вешній цвѣтъ,
Взлелѣянный въ тѣни дубравной.
Какъ тополь кievскихъ высотъ
Она стройна. Ея движенья
То лебедя пустынныхъ водъ,
Напоминаютъ плавный ходъ,
То лани быстрыя стремленья.
Какъ пѣна, грудь ея бѣла;
Вокругъ высокаго чела,
Какъ тучи, локоны черняють;
Звѣздой блестятъ ея глаза;
Ея уста, какъ роза, рдѣють.
Но не единая краса
(Мгновенный цвѣтъ!) молвою шумной
Въ младой Маріи почтена:
Вездѣ прославилась она
Дѣвицей скромной и разумной.
За то завидныхъ жениховъ
Ей шлетъ Украина и Россія;
Но отъ вѣнца, какъ отъ оковъ,
Бѣжитъ пугливая Марія.

Всѣмъ женихамъ отказъ — и вотъ
За ней самъ гетманъ сватовъ шлетъ....

Онъ старъ, онъ удрученъ годами,
Войной, заботами, трудами;
Но чувства въ немъ кипятъ, и вновь
Мазепа вѣдаетъ любовь.

Мгновенно сердце молодое
Горитъ и гаснетъ. Въ немъ любовь
Проходитъ и приходитъ вновь.
Въ немъ чувство каждый день иное:
Не столь послушно, не слегка,
Не столь мгновенными страстями
Пылаетъ сердце старика,
Окаменѣлое годами —
Упорно, медленно оно
Въ огнѣ страстей раскалено;
Но позднѣй жаръ ужъ не остынетъ
И съ жизнью лишь его покинетъ.

Не серна подъ утесъ уходитъ,
Орла слышитъ тяжкій летъ;
Одна въ сѣняхъ невѣста бродитъ,
Трепещетъ и рѣшенья ждетъ.

И вся полна негодованьемъ
Къ ней мать идетъ и съ содроганьемъ
Схвативъ ей руку, говоритъ:
«Безстыдный! старецъ нечестивый!
Возможно-ль?... Нѣтъ, пока мы живы,
Нѣтъ! онъ грѣха не совершитъ.
Онъ, должный быть отцомъ и другомъ
Невинной крестницы своей....
Безумецъ, на закатѣ дней,

Онъ вздумалъ быть ея супругомъ!
Марія вздрогнула. Лицо
Покрываетъ блѣдность гробовая,
И охладѣвъ, какъ не живая,
Упала дѣва на крыльцо.

Она опомнилась, но снова
Закрываетъ очи — и ни слова
Не говоритъ. Отецъ и мать
Ей сердце ищутъ успокоить,
Боязнь и горе разогнать,
Тревогу смутныхъ думъ устроить....
Напрасно. Цѣлые два дня,
То молча плача, то стена,
Марія ни пила, ни ѣла,
Шатаясь, блѣдная какъ тѣнь,
Не зная сна. На третій день
Ея свѣтлица опустѣла!

Никто не зналъ, когда и какъ
Она сокрылась. Лишь рыбакъ
Той ночью слышалъ конскій топотъ,
Казачью рѣчь и женскій шепотъ,
И утромъ слѣдитъ осьми подковъ
Быль видѣвъ на росѣ луговъ.

Не только первый пухъ ланить,
Да русы кудри молодые,
Порой и старца строгій видъ,
Рубцы чела, власы свѣдые,
Въ воображенъ красоты
Влагаютъ страстные мечты.

И вскорѣ слуха Кочубея
Коснулась роковая вѣсть:

Она забыла стыдъ и честь,
Она въ объятіяхъ злодѣя!
Какой позоръ! Отецъ и мать
Молву не смѣютъ понимать.
Тогда лишь истина явилась
Съ своѣй ужасной наготой,
Тогда лишь только объяснилась
Душа преступницы молодой;
Тогда лишь только стало явно,
Зачѣмъ бѣжала своенравно
Она семейственныхъ оковъ,
Томила тайно, воздыхала,
И на привѣты жениховъ
Молчаньемъ гордымъ отвѣчала;
Зачѣмъ такъ тихо за столомъ
Она лишь гетману внимала,
Когда бесѣда ликовала,
И чаша пѣнилась виномъ;
Зачѣмъ она всегда пѣвала
Тѣ пѣсни, кои онъ слагалъ,
Когда онъ бѣденъ былъ и малъ,
Когда молва его не знала;
Зачѣмъ съ неженскою душой
Она любила конный строй,
И бранный звонъ литавръ и клики
Предъ бунчукомъ и булавой
Малороссійскаго владыки....

Богатъ и знатенъ Кочубей.
Довольно у него друзей:
Свою омытъ онъ можетъ славу.
Онъ можетъ возмутить Полтаву;
Внезапно средь его двorca
Онъ можетъ мщеніемъ отца
Постигнуть гордаго злодѣя;

Онъ можетъ вѣрною рукой
Вонзить.... Но замыселъ иной
Волнуетъ сердце Кочубея.

Была та смутная пора,
Когда Россія молодая,
Въ бореньяхъ силы напрягая,
Мужала съ геніемъ Петра.
Суровый былъ въ наукѣ славы
Ей данъ учитель: не одинъ
Урокъ неожиданный и кровавый
Задалъ ей шведскій паладинъ.
Но въ искушеньяхъ долгой кары,
Перетерпѣвъ судебъ удары,
Окрѣпла Русь. Такъ тяжкій млатъ,
Дробя стекло, куетъ булатъ.

Вѣнчаннй славой бесполезной,
Отважный Карлъ скользя надъ бездною.
Онъ шелъ на древнюю Москву,
Взметая русскія дружины,
Какъ вихоръ гонитъ прахъ должны
И клонитъ пыльную траву.
Онъ шелъ путемъ, гдѣ слѣдъ оставилъ
Въ дни наши новый, сильный врагъ,
Когда паденіемъ ославилъ
Мужъ рока свой попятный шагъ.

Украина глухо волновалась.
Давно въ ней искра разгоралась.
Друзья кровавой старины
Народной чаяли войны,
Роптали, требуя кичливо,
Чтобъ гетманъ узы ихъ расторгъ,
И Карла ждалъ нетерпѣливо

Ихъ легкомысленный восторгъ.
Вокругъ Мазепы раздавался
Мятежный крикъ: пора, пора!
Но старый гетманъ оставался
Послушнымъ подданнымъ Петра.
Храня суровость обычайну,
Спокойно вѣдалъ онъ Украйну,
Молвъ, казалось, не внималъ,
И равнодушно пировалъ.

«Что-жъ, гетманъ? юноши твердили:
Онъ изнемогъ, онъ слишкомъ старъ;
Труды и годы угасили
Въ немъ прежній, дѣятельный жаръ.
Зачѣмъ дрожащею рукою
Еще онъ носить булаву?
Теперь-бы грянуть намъ войною
На ненавистную Москву!
Когда-бы старый Дорошенко,
Иль Самойловичъ молодой,
Иль нашъ Палѣй, иль Гордѣенко
Владѣли силой войсковою,
Тогда-бъ въ снѣгахъ чужбины дальней
Не погибали казаки,
И Малороссіи печальной
Освобождались ужъ полки.

Такъ, своеволиемъ пылая,
Роптала юность удалая,
Опасныхъ алча перемѣнъ,
Забывъ отчизны давній плѣнъ,
Богдана счастливые споры,
Святыя брани, договоры,
И славу дѣдовскихъ временъ.
Но старость ходитъ осторожно

И подозрительно глядитъ:
Чего нельзя и что возможно,
Еще не вдругъ она рѣшитъ.
Кто снидетъ въ глубину морскую,
Покрытую недвижно льдомъ?
Кто испытующимъ умомъ
Проникнетъ бездну роковую
Души коварной? Думы въ ней —
Плоды подавленныхъ страстей,
Лежатъ погружены глубоко,
И замыселъ давнишнихъ дней,
Быть можетъ, зрѣетъ одиноко.
Какъ знать? Но чѣмъ Мазепа злѣй,
Чѣмъ сердце въ немъ хитрѣй и ложнѣй,
Тѣмъ съ виду онъ неосторожнѣй
И въ обхожденіи простѣй.
Какъ онъ умѣетъ самовластно
Сердца привлечь и разгадать.
Умами править безопасно,
Чужія тайны разрѣшать!
Съ какой довѣрчивостью лживой
Какъ добродушно на пирахъ,
Со старцами старикъ болтливой,
Жалѣетъ онъ о прошлыхъ дняхъ,
Свободу славить съ своевольнымъ,
Поносить власти съ недовольнымъ,
Съ ожесточеннымъ слезы льетъ,
Съ глупцомъ разумну рѣчь ведетъ!
Немногимъ, можетъ быть, извѣстно,
Что духъ его неукротимъ,
Что радъ и честно и безчестно
Вредить онъ недругамъ своимъ;
Что ни единой онъ обиды
Съ тѣхъ поръ какъ живъ, не забывалъ,
Что далеко преступны виды

Старикъ надменный простиралъ;
Что онъ не вѣдаетъ святыни,
Что онъ не помнитъ благостыни,
Что онъ не любитъ ничего,
Что кровь готовъ онъ лить какъ воду,
Что презираетъ онъ свободу,
Что нѣтъ отчизны для него!

Издавна умыселъ ужасный
Взлелѣвалъ тайно злой старикъ
Въ душѣ своей. Но взоръ опасный,
Враждебный взоръ его проникъ.

«Нѣтъ, дерзкій хищникъ, нѣтъ губитель!»
Скрежеща мыслить Кочубей:
«Я пощажу твою обитель,
Темницу дочери моей;
Ты не истлѣешь средь пожара,
Ты не издохнешь отъ удара
Казачей сабли. Нѣтъ, злодѣй,
Въ рукахъ московскихъ палачей,
Въ крови, при тщетныхъ отрицаньяхъ,
На дыбѣ, корчась въ истязаньяхъ,
Ты проклянешь и день, и часъ,
Когда ты дочь крестилъ у насъ,
И пиръ, на коемъ чести чашу
Тебѣ я полную наливалъ,
И ночь, когда голубку нашу
Ты, старый коршунъ, заклевалъ!...»

Такъ! было время съ Кочубеемъ
Былъ другъ Мазепа; въ оны дни,
Какъ солью, хлѣбомъ и елеемъ,
Дѣлились чувствами они.
Ихъ кони по полямъ побѣды

Скакали рядомъ сквозь огни;
Нерѣдко долгія бесѣды
Наединѣ вели они.
Предъ Кочубеемъ гетманъ скрытной
Души мятежной, ненасытной
Отчасти бездну открывалъ,
И о грядущихъ измѣненьяхъ,
Переговорахъ, возмущеньяхъ
Въ рѣчахъ неясныхъ намекалъ.
Такъ, было сердце Кочубея
Въ то время предано ему.
Но въ горькой злобѣ свирѣпѣя,
Теперь позыву одному
Оно послушно, онъ голубить
Едину мысль и день и ночь:
Иль самъ погибнетъ, иль погубить —
Отметить поруганную дочь.

Но предприимчивую злобу
Онъ крѣпко въ сердцѣ затаилъ.
Въ безсильной горести, ко гробу
Теперь онъ мысли устремилъ.
Онъ зла Мазепѣ не желаетъ;
Всему виновна дочь одна.
Но онъ и дочери прощаетъ:
Пусть Богу дать отвѣтъ она,
Покрывъ семью свою позоромъ,
Забывъ и небо, и законъ....

А между-тѣмъ, орлинымъ взоромъ
Въ кругу домашнемъ ищетъ онъ
Себѣ товарищей отважныхъ,
Неколебимыхъ, непродажныхъ.
Во всемъ открылся онъ женѣ:
Давно въ глубокой тишинѣ

Уже доносъ онъ грозный копить.
И гнѣва женскаго полна,
Нестерпѣливая жена
Супруга злобнаго торопить.
Въ тиши ночной, на ложѣ сна,
Какъ нѣкій духъ, ему она
О мщеніи шепчетъ, укоряетъ,
И слезы льетъ, и ободряетъ,
И клятвы требуетъ — и ей
Клянется мрачный Кочубей.

Ударъ обдуманъ. Съ Кочубеемъ
Безстрашный Искра за-одно.
И оба мыслятъ: «одолѣемъ —
Врага паденье рѣшено.
Но кто-жъ, усердѣемъ пламенѣя,
Ревнуя къ общему добру,
Доносъ на мощнаго злодѣя,
Предубѣжденному Петру
Къ ногамъ положить не робѣя?»

Между полтавскихъ казаковъ,
Презрѣнныхъ дѣвою несчастной,
Одинъ съ младенческихъ годовъ
Ее любилъ любовью страстной.
Вечерней, утренней порой,
На берегу рѣки родной,
Въ тѣни украинскихъ черешень,
Бывало онъ Марію ждалъ,
И ожиданіемъ страдалъ,
И краткой встрѣчей былъ утѣшенъ.
Онъ безъ надеждъ ее любилъ,
Не докучалъ онъ ей мольбою,
Отказа-бъ онъ не пережилъ.
Когда наѣхали толпою

Къ ней женихи, изъ ихъ рядовъ
Уныль и сирѣ онъ удалился.
Когда-же вдругъ межъ казаковъ
Позоръ Маринъ огласился,
И беспощадная молва
Ее со смѣхомъ поразила —
И тутъ Марія сохранила
Надъ нимъ привычныя права.
Но если кто хотя случайно
Предъ нимъ Мазепу называлъ,
То онъ блѣднѣлъ, терзаясь тайно,
И взоры въ землю опускалъ.

Кто при звѣздахъ и при лунѣ
Такъ поздно ѣдетъ на конѣ?
Чей это конь неутомимой
Бѣжитъ въ степи необозримой?

Казакъ на сѣверъ держитъ путь,
Казакъ не хочетъ отдохнуть
Ни въ чистомъ полѣ, ни въ дубравѣ,
Ни при опасной переправѣ.

Какъ стекло булатъ его блеститъ,
Мѣшокъ за пазухой звенитъ,
Не спотыкаясь конь ретивой
Бѣжитъ, размахивая гривой.

Червонцы нужны для гонца,
Булатъ — потѣха молодца,
Ретивый конь — потѣха тоже;
Но шапка для него дороже.

За шапку онъ оставить радъ
Коня, червонцы и булатъ;

Но выдастъ шапку только съ бою
И то лишь съ буйной головою.

Зачѣмъ онъ шапкой дорожить?
Затѣмъ, что въ ней доносъ зашить,
Доносъ на гетмана злодѣя
Царю Петру отъ Кочубея.

Грозы не чуя, между-тѣмъ,
Неужасаемый ни чѣмъ,
Мазепа козни продолжаетъ,
Съ нимъ полномощный езуитъ
Мятежъ народный учреждаетъ
И шаткій тронъ ему сулитъ.
Во тьмѣ ночной они какъ воры
Ведутъ свои переговоры;
Измѣну цѣнять межъ собой,
Слагаютъ цифръ Универсаловъ,
Торгуютъ царской головой,
Торгуютъ клятвами вассаловъ.
Какой-то нищій во дворецъ
Невѣдомо отколѣ ходитъ,
И Орликъ, гетмановъ дѣлецъ
Его приводитъ и выводитъ.
Повсюду тайно сѣютъ ядъ
Его подосланные слуги:
Тамъ, на Дону, казачьи круги
Они съ Булавинымъ мутятъ,
Тамъ будятъ дикихъ ордъ отвагу,
Тамъ, за порогами Днѣпра,
Страшаютъ буйную ватагу
Самодержавіемъ Петра.
Мазепа всюду взоръ кидаетъ,
И письма шлетъ изъ края въ край,
Угрозой хитрой подымаетъ

Онъ на Москву Бахчисарай.
Король ему въ Варшавѣ внемлетъ,
Въ стѣнахъ Очакова паша,
Во станѣ Карлъ и царь. Не дремлетъ
Его коварная душа;
Онъ думой думу развивая,
Вѣрный готовитъ свой ударъ;
Въ немъ не слабѣетъ воля злая,
Неутомимъ преступный жаръ.

Но какъ онъ вздрогнулъ, какъ воспрянулъ,
Когда предъ нимъ внезапно грянулъ
Упадшій громъ! когда ему,
Врагу Россіи, самому
Вельможи русскіе послали
Въ Полтавѣ писанный доносъ,
И вмѣсто праведныхъ угрозъ,
Какъ жертвѣ, ласки расточали!
И озабоченный войной,
Гнушаясь мнимой клеветой,
Доносъ оставя безъ вниманья,
Самъ царь Іуду утѣшалъ,
И злобу шумомъ наказанья
Смирить на долго обѣщаль!

Мазепа, въ горести притворной,
Къ царю возносить гласъ покорной:
«И знаетъ Богъ, и видитъ свѣтъ:
Онъ, бѣдный гетманъ, двадцать лѣтъ
Царю служилъ душою вѣрной;
Его щедротою безмѣрной
Осыпанъ, дивно вознесенъ...
О, какъ слѣпа, безумна злоба!
Ему-ль теперь у двери гроба
Начать ученіе измѣнъ

И потемнить благую славу?
Не онъ-ли помощь Станиславу
Съ негодовавшемъ отказалъ,
Стыдясь, отвергъ вѣнецъ Украйны,
И договоръ, и письма тайны
Къ царю, по долгу, отослалъ?
Не онъ-ли наущеньямъ хана
И цареградскаго султана
Былъ глухъ? Усердіемъ горя,
Съ врагами бѣлаго царя
Умомъ и саблей радъ былъ спорить,
Трудовъ и жизни не жалѣлъ, —
И нынѣ злобный недругъ смѣлъ
Его съдины опозорить!
И-кто-же? Искра, Кочубей!
Такъ долго бывъ его друзьями!...»
И съ кровавыми слезами,
Въ холодной дерзости своей,
Ихъ казни требуетъ злодѣй....

Чьей казни?... Старецъ непреклонный!
Чья дочь въ объятіяхъ его?
Но хладно сердца своего
Онъ заглушаетъ ропотъ сонный.
Онъ говоритъ: «Въ неравный споръ
Зачѣмъ вступаетъ сей безумецъ?
Онъ самъ, надменный вольнодумецъ,
Самъ точить на себя топоръ.
Куда бѣжить, зажавши вѣжды?
На чемъ онъ основалъ надежды?
Или.... но дочери любовь
Главы отцовской не искупить,
Любовникъ гетману уступить,
Не то — моя прольется кровь.»

Марія, бѣдная Марія,
Краса черкасскихъ дочерей,
Не знаешь ты, какого змія
Ласкаешь на груди своей!
Какой-же властью непонятной
Къ душѣ свирѣпой и развратной
Такъ сильно ты привлечена?
Кому ты въ жертву отдана?
Его кудрявыя сѣдины,
Его глубокія морщины,
Его блестящій, впалый взоръ,
Его лукавый разговоръ
Тебѣ всего, всего дороже —
Ты мать забыть для нихъ могла,
Соблазномъ постланное ложе
Ты отчей сѣни предпочла!
Своими чудными очами
Тебя старикъ заворожилъ,
Своими тихими рѣчами
Въ тебѣ онъ совѣсть усыпилъ;
Ты на него съ благоговѣньемъ
Возводишь ослѣпленный взоръ,
Его лелѣешь съ умиленьемъ —
Тебѣ пріятенъ твой позоръ,
Ты имъ, въ безумномъ упоеньи,
Какъ цѣломудріемъ горда —
Ты предельность вѣжнующа стыда
Въ своемъ утратила паденьи....

Что стыдъ Маріи? что молва?
Что для нея мірскія пѣни,
Когда склоняется въ колѣни
Къ ней старца гордая глава,
Когда съ ней гетманъ забываетъ
Судьбы своей и трудъ, и шумъ,

Пль тайны смѣлыхъ, грозныхъ думъ
Ей, дѣвѣ робкой, открываетъ?
И дней невпниныхъ ей не жаль,
И душу ей одна печаль
Порой, какъ туча, затмѣваетъ:
Она унылыхъ предъ собой
Отца и мать воображаетъ;
Она, сквозь слезы, видитъ ихъ
Въ бездѣтной старости однихъ,
И мнится, пѣнямъ ихъ внимаетъ....
О, если-бъ вѣдала она,
Что ужъ узнала вся Украина!
Но отъ нея сохранена
Еще убійственная тайна.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

Мазепа мраченъ. Умъ его
Смущенъ жестокими мечтами.
Марія вѣжными очами
Глядитъ на старца своего.
Она, обнявъ его колѣни,
Слова любви ему твердитъ —
Напрасно, черныхъ помышлений
Ея любовь не удалить.
Предъ бѣдной дѣвой съ невниманьемъ
Онъ хладно потупляетъ взоръ,
И ей на ласковый упоръ
Однимъ отвѣтствуетъ молчаньемъ.
Удивлена, оскорблена,
Едва дыша, встаетъ она
И говоритъ съ негодованьемъ:
«Послушай, гетманъ, для тебя
Я позабыла все на свѣтѣ.

На вѣкъ однажды полюбя,
Одно имѣла я въ предметъ —
Твою любовь. Я для нее
Сгубила счастье мое.
Но ни о чемъ я не жалѣю —
Ты помнишь: въ страшной тишинѣ,
Въ ту ночь, какъ стала я твоею,
Меня любить ты клялся мнѣ,
Зачѣмъ-же ты меня не любишь?

МАЗЕПА.

Мой другъ, несправедлива ты!
Оставь безумныя мечты,
Ты подозрѣньемъ сердце губишь.
Нѣтъ, душу пылкую твою
Волнуютъ, ослѣпляютъ страсти.
Марія, вѣрь, тебя люблю
Я больше славы, больше власти.

МАРІЯ.

Неправда, ты со мной хитришь.
Давно-ль мы были неразлучны!
Теперь ты ласкъ моихъ бѣжишь,
Теперь оцѣ тебѣ докучны;
Ты цѣлый день въ кругу старшинъ,
Въ пирахъ, разѣздахъ — я забыта;
Ты долгой ночью иль одинъ,
Иль съ нищимъ, иль у езуита.
Любовь смиренная моя
Встрѣчаетъ хладную суровость.
Ты пилъ недавно, знаю я,
Здоровье Дульской. Это новость:
Кто эта Дульская?

МАЗЕПА.

И ты

Ревнива? Мнѣ-ль, въ мои лѣта
Искать надменнаго привѣта
Самолюбивой красоты?
И стану-ль я, старикъ суровый,
Какъ праздный юноша, вздыхать,
Влачить позорныя оковы
И женъ притворствомъ искушать?

МАРІЯ.

Нѣтъ, объяснись, безъ отговорокъ,
И просто, прямо отвѣчай.

МАЗЕПА.

Покой души твоей мнѣ дорогъ,
Марія; такъ и быть, узнай.

Давно замыслили мы дѣло;
Теперь оно кипитъ у насъ.
Благое время намъ приспѣло —
Борьбы великой близокъ часъ.
Безъ милой вольности и славы
Склоняли долго мы главы
Подъ покровительствомъ Варшавы,
Подъ самовластіемъ Москвы.
Но независимой державой
Украинѣ быть уже пора,
И знамя вольности кровавой
Я поднимаю на Петра.
Готово все: въ переговорахъ
Со мною оба короля;
И скоро въ смутахъ, въ бранныхъ спорахъ,

Быть можетъ, тронъ воздвигну я.
Друзей надежныхъ я имѣю:
Княгиня Дульская и съ ней
Мой езуитъ, да нищій сей
Къ концу мой замыселъ приводятъ;
Черезъ руки ихъ ко мнѣ доходятъ
Наказы, письма королей.
Вотъ важныя тебѣ признанья.
Довольна-ль ты? Твои мечтанья
Разсѣяны-ль?

МАРІЯ.

О милый мой,
Ты будешь царь земли родной!
Твоимъ сѣдинамъ какъ пристанетъ
Корона царская!

МАЗЕПА.

Постой,
Не все свершилось. Буря грянетъ;
Кто можетъ знать, что ждетъ меня?

МАРІЯ.

Я близъ тебя не знаю страха —
Ты такъ могущъ! О, знаю я —
Тронъ ждетъ тебя.

МАЗЕПА.

А если плаха?...

МАРІЯ.

Съ тобой на плаху, если такъ.
Ахъ, пережить тебя могу-ли?
Но нѣтъ, ты носишь власти знакъ.

МАЗЕПА.

Меня ты любишь?

МАРІЯ.

Я, люблю-ли?

МАЗЕПА.

Скажи: отецъ или супругъ
Тебѣ дороже?

МАРІЯ.

Милый другъ,
Къ чему вопросъ такой? тревожить
Меня напрасно онъ. Семейю
Стараюсь я забыть мою.
Я стала ей въ позоръ; быть можетъ,
(Какая страшная мечта!)
Моимъ отцемъ я проклята,
А за кого?

МАЗЕПА.

Такъ я дороже
Тебѣ отца? Молчишь....

МАРІЯ.

О Боже!

МАЗЕПА.

Что-жъ, отвѣчай!

МАРІЯ.

Рѣши ты самъ.

МАЗЕПА.

Послушай: если было-бъ намъ,
Ему иль мнѣ, погибнуть надо,
А ты-бы намъ судьей была:
Кого-бъ ты въ жертву принесла,
Кому-бы ты была ограда?

МАРІЯ.

Ахъ, полно! Сердце не смущай!
Ты искушитель.

МАЗЕПА.

Отвѣчай!

МАРІЯ.

Ты блѣденъ; рѣчь твоя сурова....
О, не сердись! Всѣмъ, всѣмъ готова
Тебѣ я жертвовать, повѣрь;
Но страшны мнѣ слова такіа.
Довольно.

МАЗЕПА.

Помни-же, Марія,
Что ты сказала мнѣ теперь....

Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звѣзды блещутъ.
Своей дремоты превозмочь
Не хочетъ воздухъ. Чуть трепещутъ
Сребристыхъ тополей листы.
Луна спокойно съ высоты
Надъ Бѣлой-Церковью сіяетъ,
И пышныхъ гетмановъ сады

И старый замокъ озаряетъ.
И тихо, тихо все кругомъ;
Но въ замкѣ шепотъ и смятенье.
Въ одной изъ башенъ, подъ окномъ,
Въ глубокомъ тяжкомъ размысленъ,
Окованъ, Кочубей сидитъ
И мрачно на небо глядитъ.

Завтра казнь. Но безъ боязни
Онъ мыслить объ ужасной казни;
О жизни не жалѣетъ онъ.
Что смерть ему? желанный сонъ.
Готовъ онъ лечь во гробъ кровавый.
Дрема долить. Но, Боже правый!
Къ ногамъ злодѣя, молча, пасть
Какъ безсловесное созданье,
Царемъ быть отдану во власть
Врагу царя на поруганье,
Утратить жизнь — и съ нею честь,
Друзей съ собой на плаху вестъ,
Надъ гробомъ слышать ихъ проклятья,
Ложась безвиннымъ подъ топоръ,
Врага веселый встрѣтить взоръ,
И смерти кинуться въ объятья,
Не завѣщая никому
Вражды къ злодѣю своему!...

И вспомнилъ онъ свою Полтаву,
Обычный кругъ семьи, друзей,
Минувшихъ дней богатство, славу,
И пѣсни дочери своей,
И старый домъ, гдѣ онъ родился,
Гдѣ зналъ и трудъ, и мирный сонъ,
И все, чѣмъ въ жизни наслаждался,
Что добровольно бросилъ онъ,

И для чего? —

Но ключъ въ заржавомъ
Замкѣ гремитъ — и пробужденъ
Несчастный, думаетъ: вотъ онъ!
Вотъ на пути моемъ кровавомъ
Мой вождь подъ знаменемъ Креста,
Грѣховъ могучій разрѣшитель,
Духовной скорби врачъ, служитель,
За насъ распятаго Христа,
Его святую кровь и тѣло
Принесшій мнѣ, да укрѣплюсь,
Да приступлю ко смерти смѣло
И жизни вѣчной приобщусь!

И съ сокрушеніемъ сердечнымъ
Готовъ несчастный Кочубей
Передъ Всесильнымъ, Безконечнымъ
Излить тоску мольбы своей.
Но не отшельника святаго,
Онъ гостя узнаетъ инаго —
Свирѣпый Орликъ передъ нимъ.
И отвращеніемъ тожимъ,
Страдалецъ горько вопрошаетъ:
Ты здѣсь, жестокій человѣкъ?
Зачѣмъ послѣдній мой ночлегъ
Еще Мазена возмущаетъ?

Орликъ.

Допросъ не конченъ, отвѣчай.

Кочубей.

Я отвѣчалъ уже, ступай,
Оставь меня.

Орлякъ.

Еще признанья
Палъ гетманъ требуетъ.

Кочубей.

Но въ чемъ?

Давно сознался я во всемъ,
Что вы хотѣли. Показанья
Мои все ложны. Я лукавъ,
Я строю козни, гетманъ правъ.
Чего вамъ болѣе?

Орлякъ.

Мы знаемъ,
Что ты несчетно былъ богатъ,
Мы знаемъ, не единый кладъ
Тобой въ Диканькѣ упрываемъ.
Свершиться казнь твоя должна;
Твое имѣнiе сполна
Въ казну поступить войсковую —
Таковъ законъ. Я указую
Тебѣ послѣднiй долгъ: открой,
Гдѣ клады, скрытые тобой?

Кочубей.

Такъ, не ошиблись вы. три клада
Въ сей жизни были мнѣ отрада,
И первый кладъ мой честь была —
Кладъ этотъ пытка отняла;
Другой былъ кладъ невозвратимый,
Честь дочери моей любимой:
Я день и ночь надъ нимъ дрожалъ....
Мазепа этотъ кладъ укралъ!...

Но сохранилъ я кладъ послѣдній,
Мой третій кладъ — святую месть,
Ее готовлюсь Богу снести.

Орликъ.

Старикъ, оставь пустыя бредни;
Сегодня покидая свѣтъ,
Питайся мыслию суровой.
Шутить не время. Дай отвѣтъ,
Когда не хочешь пытки новой:
Гдѣ спряталъ деньги?

Кочувей.

Злой холопъ!

Окончишь-ли допросъ нелѣпой,
Повремени, дай лечь мнѣ въ гробъ,
Тогда ступай себѣ съ Мазепой
Мое наслѣдіе считать,
Окровавленными перстами
Мои подвалы разрывать,
Рубить и жечь сады съ домами;
Съ собою возьмите дочь мою,
Она сама вамъ все расскажетъ,
Сама всѣ клады вамъ укажетъ;
Но ради Господа молю,
Теперь оставь меня въ покоѣ.

Орликъ.

Гдѣ спряталъ деньги? укажи.
Не хочешь? — Деньги гдѣ, скажи,
Иль выйдетъ слѣдствіе плохое.
Подумай, мѣсто намъ назначь.
Молчишь? — Ну въ пытку. Гей, палачъ!
Палачъ вошелъ....

О, ночь мученій!

Но гдѣ-же гетманъ? гдѣ злодѣй?
Куда бѣжалъ отъ угрызений
Змѣиной совѣсти своей?
Въ свѣтлицѣ дѣвы усыпленной,
Еще незнаніемъ блаженной,
Близъ ложа крестницы молодой
Сидитъ, съ поникшею главою,
Мазепа тихій и угрюмый.
Въ его душѣ проходятъ думы,
Одна другой мрачнѣй, мрачнѣй.
«Умретъ безумный Кочубей,
Спасти нельзя его. Чѣмъ ближе
Цѣль гетмана, тѣмъ тверже онъ
Быть долженъ властью облеченъ,
Тѣмъ предъ нимъ склоняться ниже
Должна вражда. Спасенія нѣтъ:
Донощикъ и его клеветъ
Умрутъ.» Но, броса взоръ на ложе,
Мазепа думаетъ: «о, Боже!
Что будетъ съ ней, когда она
Услышитъ слово роковое?
Досель она еще въ покоѣ —
Но тайна быть сохранена
Не можетъ долѣе. Сѣкира,
Упавъ поутру, загремитъ
По всей Украинѣ. Голосъ міра
Вокругъ нея заговоритъ!...
Ахъ, вижу я: кому судьбою
Волненія жизни суждены,
Тотъ стой одинъ передъ грозою,
Не призывай къ себѣ жены.
Въ одну телѣгу впрячь не можно
Коня и трепетную лань.
Забылся я неосторожно —
Теперь плачу безумства дань....

Все, что цѣны себѣ не знаетъ,
Все, все, чѣмъ жизнь мила бываетъ,
Бѣдняжка принесла мнѣ въ даръ,
Мнѣ старцу мрачному — и что-же?
Какой готовлю ей ударъ!...»
И онъ глядитъ: на тихомъ ложѣ
Какъ сладокъ юности покой!
Какъ сонъ ее лелѣетъ нѣжно!
Уста раскрылись; безмятежно
Дыханье груди молодой;
А завтра, завтра.... Содрагаясь
Мазепа отвращаетъ взглядъ,
Встаетъ и тихо пробираясь
Въ уединенный сходить садъ.

Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звѣзды блещутъ.
Своей дремоты превозмочь
Не хочетъ воздухъ. Чуть трепещутъ
Сребристыхъ тополей листы.
Но мрачны странные мечты
Въ душѣ Мазепы: звѣзды ночи
Какъ обвинительные очи,
За нимъ насмѣшливо глядятъ.
И тополи стѣснившись въ рядъ,
Качая тихо головою,
Какъ судьи шепчутъ межъ собою.
И лѣтней, теплой ночи тьма
Душна, какъ черная тюрьма.

Вдругъ.... слабый крикъ.... невнятный стонъ
Какъ-бы изъ замка слышитъ онъ.
То былъ-ли сонъ воображенья,
Иль плачъ совы, иль звѣря вой,
Иль пытки стонъ, иль звукъ иной —

Но только своего волненья
Преодолѣть не могъ старикъ,
И на протяжный, слабый крикъ
Другимъ отвѣтствовалъ — тѣмъ крпкомъ,
Которымъ онъ въ весельи дикомъ
Поля сраженья оглашалъ,
Когда съ Забѣлой, съ Гамалѣемъ,
И — съ нимъ.... и съ этимъ Кочубеемъ
Онъ въ бранномъ пламени скакалъ.

Зари багряной полоса
Объемлетъ ярко небеса.
Блеснули доли, холмы, нивы,
Вершины рощъ и волны рѣкъ,
Раздался утра шумъ игривый,
И пробудился человѣкъ.

Еще Марія сладко дышитъ
Дремой объятая, и слышитъ
Сквозь легкій сонъ, что кто-то къ ней
Вошелъ и ногъ ея коснулся.
Она проснулась — но скорѣй
Съ улыбкой взоръ ея сомкнулся
Отъ блеска утреннихъ лучей.
Марія руки протянула
И съ нѣгой томною шепнула:
Мазепа, ты?... Но голосъ ей
Иной отвѣтствуетъ.... О, Боже!
Вздвогнувъ, она глядитъ... и что-же?
Предъ нею мать....

МАТЬ.

Молчи, молчи,
Не погуби насъ: я въ ночи
Сюда прокралась осторожно

Съ единой, слезливою мольбой.
Сегодня казнь. Тебѣ одной
Свирѣпство ихъ снѣгичить возможно..
Спаси отца!

Дочь *(въ ужасѣ)*.

Какой отецъ?

Какая казнь?

Мать.

Иль ты донинѣ

Не знаешь?... нѣтъ! ты не въ пустынѣ,
Ты во дворцѣ: ты знать должна,
Какъ сила гетмана грозна,
Какъ онъ враговъ своихъ караетъ,
Какъ государь ему внимаетъ —
Но вижу, скорбную семью
Ты отвергаешь для Мазепы;
Тебя я сонну застаю,
Когда свершаютъ судъ свирѣпый,
Когда читаютъ приговоръ,
Когда готовъ отцу топоръ!...
Другъ друга, вижу, мы чужія....
Опомнись, дочь моя, Марія!
Бѣги, пади къ его ногамъ,
Спаси отца, будь ангелъ намъ:
Твой взглядъ злодѣямъ руки свяжетъ,
Ты можешь ихъ топоръ отвести.
Рвись, требуй — гетманъ не откажетъ:
Ты для него забыла честь,
Родныхъ и Бога....

Дочь.

Что со мною?

Отецъ.... Мазепа.... казнь — съ мольбою

Здѣсь, въ этомъ замкѣ мать моя —
Нѣтъ, нль ума лишилась я,
Иль это грезы....

МАТЬ.

Богъ съ тобою,
Нѣтъ, нѣтъ — не грезы, не мечты.
Уже-ль еще не знаешь ты,
Что твой отецъ ожесточенный
Безчестья дочери не снесъ,
И, жаждой мести увлеченный,
Царю па гетмана донесъ —
Что въ истязаніяхъ кровавыхъ
Сознался въ умыслахъ лукавыхъ,
Въ стыдѣ безумной клеветы,
Что, жертва смѣлой правоты,
Врагу онъ выданъ головою,
Что предъ громадой войсковою,
Когда его не осѣнитъ
Десница вышняя Господня,
Онъ долженъ быть казненъ сегодня;
Что здѣсь покамѣстъ онъ сидитъ
Въ тюремной башнѣ.

ДОЧЬ.

Боже, Боже!
Сегодня! Бѣдный мой отецъ!

И дѣва падаетъ на ложе,
Какъ хладный падаетъ мертвецъ.

Пестрѣютъ шапки. Копья блещутъ.
Бьютъ въ бубны. Скачутъ сердюки,
Въ строяхъ ровняются полки.

Толпы кипятъ; сердца трепещутъ.
Дорога, какъ змѣиный хвостъ,
Полна народу, шевелится.
Средь поля роковой помостъ,
На немъ гуляетъ, веселится
Палачъ и алчно жертвы ждетъ:
То въ руки бѣлыя беретъ,
Играючи, топоръ тяжелой,
То шутить съ чернью веселой.
Въ гремучій говоръ все слилось:
Крикъ женскій, брань, и смѣхъ, и ропотъ,
Вдругъ восклицанье раздалось —
И смолкло все. Лишь конскій топотъ
Былъ слышенъ въ грозной тишинѣ.
Тамъ, окруженный сердюками,
Вельможный гетманъ съ старшинами
Скакалъ на ворономъ конѣ.
А тамъ, по кievской дорогѣ,
Телѣга ѣхала. Въ тревогѣ
Всѣ взоры обратили къ ней.
Въ ней, съ міромъ, съ небомъ примиренный,
Могущей вѣрой укрѣпленный,
Сидѣлъ безвинный Кочубей,
Съ нимъ Искра тихій, равнодушный,
Какъ агнецъ, жребію послушный.
Телѣга стала. Раздалось
Моленье ликовъ громогласныхъ;
Съ кадилъ куренье поднялось.
За упокой души несчастныхъ
Безмолвно молится народъ,
Страдальцы за враговъ. И вотъ
Идутъ они, взошли. На плаху,
Крестясь, ложится Кочубей.
Какъ-будто въ гробъ — тьмы людей
Молчатъ. Топоръ блеснулъ съ размаху,

И отскочила голова.
Все поле охнуло. Другая
Катится вслѣдъ за ней, мигая.
Зардѣлась кровію трава —
И, сердцемъ радуясь, во злобѣ
Палачъ за чубъ поймалъ ихъ обѣ,
И напряженною рукой
Потрясъ ихъ обѣ надъ толпой.

Свершилась казнь. Народъ безпечный
Идетъ, разсыпавшись, домой,
И про свои работы вѣчны
Уже толкуетъ межъ собой.
Пустьбѣтъ поле понемногу.
Тогда чрезъ пеструю дорогу
Перебѣжали двѣ жены.
Утомлены, запылены,
Онѣ, казалось, къ мѣсту казни
Спѣшили, полныя боязни.
Ужъ поздно, кто-то имъ сказалъ
И въ поле перстомъ указалъ.
Тамъ роковой намость ломали,
Молился въ черныхъ ризахъ попъ,
И на телѣгу поднимали
Два казака дубовый гробъ.

Одинъ предъ конною толпой
Мазепа, грозенъ, удалялся
Отъ мѣста казни. Онъ терзался
Какой-то страшной пустотой.
Никто къ нему не приближался;
Не говорилъ онъ ничего;
Весь въ пѣнѣ мчался конь его.
Домой пріѣхавъ, «что, Марія?»
Спросилъ Мазепа. Слышитъ онъ

Отвѣты робкіе, глухіе....
Невольнымъ страхомъ пораженъ,
Идетъ онъ къ ней, въ свѣтлицу входитъ —
Свѣтлица тихая пуста.
Онъ въ садъ, и тамъ смятенный бродитъ;
Но вокругъ широкаго пруда,
Въ кустахъ, вдоль сѣней безмятежныхъ
Все пусто, нѣтъ нигдѣ слѣдовъ —
Ушла! — Зоветъ онъ слугъ надежныхъ,
Своихъ проворныхъ ссрдюковъ.
Они бѣгутъ. Храпятъ ихъ кони —
Раздался дикій кликъ погони
Верхомъ — и скачутъ молодцы
Во весь опоръ, во всѣ концы.

Бѣгутъ мгновенья дорогія,
Не возвращается Марія.
Никто не вѣдалъ, не слыхалъ,
Зачѣмъ и какъ она бѣжала.
Мазепа молча скрежеталъ.
Затихнувъ, челядь трепетала.
Въ груди кипучій ядънося,
Въ свѣтлицѣ гетманъ заперся.
Близъ ложа, тамъ, во мракѣ ночи
Сидѣлъ онъ не смыкая очи,
Нездѣшней мукою томимъ.
Поутру посланные слуги
Одинъ явились за другимъ —
Чуть кони двигались. Подпруги,
Подковы, узды, чепраки,
Все было пѣною покрыто,
Въ крови, растеряно, избито;
Но ни одинъ ему принесть
Не могъ о бѣдной дѣвѣ вѣсть.
И слѣдъ ея существованья

Пропалъ, какъ-будто звукъ пустой,
И мать одна во мракъ изгнанья
Умчала горе съ нищетою.

ПѢСНЬ ТРЕТЬЯ.

Души глубокая печаль
Стремится дерзновенно въ даль
Вождю Украины не мѣшаетъ.
Твердя въ умылѣ своемъ,
Онъ съ гордымъ шведскимъ королемъ
Свои сношенья продолжаетъ.
Межъ-тѣмъ, чтобъ обмануть вѣрнѣй
Глаза враждебнаго сомнѣнья,
Онъ, окружась толпой врачей,
На ложѣ мнимаго мученья
Стоная молить исцѣленья.
Плоды страстей, войны, трудовъ,
Болѣзни, дряхлость и печали,
Предтечи смерти, приковали
Его къ одру. Уже готовъ
Онъ скоро бранный міръ оставить,
Святой обрядъ онъ хочетъ править,
Онъ архипастыря зоветъ
Къ одру сомнительной кончины;
И на коварныя сѣдины
Елей таинственный течетъ.

Но время шло. Москва напрасно
Къ себѣ гостей ждала всечасно,
Средь старыхъ вражескихъ могилъ
Готова шведамъ тризну тайну.
Внезапно Карлъ поворотилъ
И перенесъ войну въ Украину.

И день насталъ. Встаетъ съ одра
Мазепа, сей страдалецъ хилой,
Сей трупъ живой, еще вчера
Стонавшій слабо надъ могилой.
Теперь онъ мощный врагъ Петра.
Теперь онъ, бодрый, предъ полками
Сверкаетъ гордыми очами,
И саблей машетъ — и къ Деснѣ
Проворно мчится на конѣ,
Согбенный тяжело жизнью старой,
Такъ оный хитрый кардиналъ,
Вѣнчавшійся римскою тиарой,
И прямъ, и здравъ, и молодъ сталъ.
И вѣсть на крыльяхъ полетѣла.
Украина смутно зашумѣла;
«Онъ перешелъ, онъ измѣнилъ,
Къ ногамъ онъ Карлу положилъ
Бунчукъ покорный!» Пламя пышетъ,
Встаетъ кровавая заря
Войны народной.

Кто опишетъ
Негодованье, гнѣвъ царя?
Гремитъ анаеема въ соборахъ;
Мазепы ликъ терзаетъ катъ
На шумной Радѣ, въ вольныхъ спорахъ,
Другаго гетмана творять.
Съ береговъ пустынныхъ Енисея
Семейства Искры, Кочубея
Поспѣшно призваны Петромъ.
Онъ съ ними слезы проливаетъ;
Онъ ихъ, лаская, осыпаетъ
И новой честью, и добромъ.
Мазепы врагъ, наѣздникъ пылкій,
Старикъ Палѣй, изъ мрака ссылки
Въ Украину ѣдетъ въ царскій станъ.

Трепещетъ бунтъ осиротѣлой.
На плахѣ гибнетъ Чечель смѣлой
И запорожскій атаманъ;
И ты, любовникъ бранной славы,
Для шлема кинувшій вѣнецъ,
Твой близокъ день, ты валъ Полтавы
Вдали завидѣлъ наконецъ.

И царь туда-жъ помчалъ дружины,
Онѣ какъ буря притекли —
И оба стана средь равнины
Другъ друга хитро облегли:
Не разъ избитый въ схваткѣ смѣлой,
Заранѣ кровью опьянѣлой,
Съ бойцомъ желаннымъ наконецъ
Такъ грозный сходится боецъ.
И, злобясь, видитъ Карлъ могучій
Ужъ не разстроенныя тучи
Несчастныхъ нарвскихъ бѣглецовъ,
А нить полковъ, блестящихъ, стройныхъ,
Послушныхъ, быстрыхъ и спокойныхъ,
И рядъ незыблемый штыковъ.

Но онѣ рѣшили: завтра бой.
Глубокій сонъ во станѣ шведа.
Лишь подъ палаткою одной
Ведется шепотомъ бесѣда.

«Нѣтъ, вижу я, нѣтъ, Орликъ мой,
Поторопились мы не кстати:
Разсчетъ и дерзкій и плохой,
И въ немъ не будетъ благодати.
Пропадала, видно, цѣль моя.
Что дѣлать, далъ я промахъ важной:
Ошибся въ этомъ Карлъ я.
Онѣ мальчижскъ бойкій и отважной;

Два, три сраженья разыграть,
Конечно, можетъ онъ съ упѣхомъ,
Къ врагу на ужинъ прискакать,
Отвѣтствовать на бомбу смѣхомъ;
Не хуже русскаго стрѣлка
Прокрасться въ ночь ко вражью стану;
Свалить, какъ нынче, казака;
И обмѣнять на рану, рану;
Но не ему вести борьбу
Съ самодержавнымъ великаномъ.
Какъ полкъ, вертѣться онъ судьбу
Принудить хочетъ барабаномъ;
Онъ слѣпъ, упрямъ, нетерпѣливъ,
И легкомысленъ и кичливъ,
Богъ вѣсть какому счастью вѣрнѣ!
Онъ силы новыя врага
Успѣхомъ прошлымъ только мѣритъ —
Сломить ему свои рога.
Стыжусь, воинственнымъ бродягой
Увлекся я на старость лѣтъ:
Былъ ослѣпленъ его отвагой
И бѣглымъ счастьемъ побѣдъ,
Какъ дѣва робкая.»

Орликъ.

— Сраженья

Дождемся. Время не ушло
Съ Петромъ опять войти въ сношенья.
Еще поправить можно зло.
Разбитый нами, нѣтъ сомнѣнья,
Царь не отвергнетъ примиренья.

Мазепа.

Нѣтъ, поздно. Русскому царю
Со мной мириться невозможно.

Давно рѣшилась непреложно
Моя судьба! Давно горю
Стѣсненной злобой. Подъ Азовымъ
Однажды я съ царемъ суровымъ
Во ставкѣ ночью пировалъ:
Полны виномъ кипѣли чаши,
Кипѣли съ ними рѣчи наши.
Я слово смѣлое сказалъ,
Смутились гости молодые —
Царь, вспыхнувъ, чашу уронилъ,
И за усы мои сѣдые
Меня съ угрозой ухватилъ.
Тогда смирясь въ безсильномъ гнѣвѣ,
Отмстить себѣ я клятву далъ,
Носилъ ее — какъ мать во чревѣ
Младенца носить. Срокъ насталъ.
Такъ, обо мнѣ воспоминае
Хранить онъ будетъ до конца.
Петру я посланъ въ наказанье:
Я тернъ въ листахъ его вѣнца.
Онъ далъ-бы грады родовые
И жизни лучшіе часы,
Чтобъ снова, какъ во дни былые,
Держать Мазепу за усы.
Но есть еще для насъ надежды....
Кому бѣжать, рѣшить заря.

Умолкъ и закрываетъ вѣжды
Измѣнникъ русскаго царя.

Горитъ востокъ зарею новой,
Ужъ на равнинѣ, по холмамъ,
Грохочутъ пушки. Дымъ багровой
Кругами всходитъ къ небесамъ
На встрѣчу утреннимъ лучамъ.

Полки ряды свои сомкнули.
Въ кустахъ разсыпались стрѣлки.
Катятся ядра, свищутъ пули;
Нависли хладные штыки.
Сыны любимые побѣды,
Сквозь огонь окоповъ рвутся шведы;
Волнуясь конница летитъ;
Пѣхота движется за нею,
И тяжелой твердостью своею
Ея стремленія крѣпить.
И битвы поле роковое
Гремитъ, пылаетъ здѣсь и тамъ;
Но явно счастье боевое
Служить ужъ начинается намъ.
Пальбой отбитыя дружины,
Мѣшаясь, падаютъ во прахъ,
Уходитъ Розенъ сквозь тѣснины;
Сдается пылкій Шлиппенбахъ.
Тѣснимъ мы шведовъ рать за ратью;
Темнѣетъ слава ихъ знаменъ,
И Бога браней благодатью
Нашъ каждый шагъ запечатлѣнъ.

Тогда-то свыше вдохновенный
Раздался звучный гласъ Петра:
«За дѣло, съ Богомъ!» Изъ шатра,
Толпой любимцевъ окруженный,
Выходитъ Петръ. Его глаза
Сіяютъ. Ликъ его ужасенъ;
Движенья быстры. Онъ прекрасенъ,
Онъ весь, какъ Божія гроза
Идетъ. Ему коня подводятъ.
Ретивъ и смиренъ вѣрный конь.
Почуя роковой огонь,
Дрожитъ, глазами косо водитъ,

И мчится въ прахъ боевомъ,
Гордась могучимъ сѣдокомъ.
Ужъ близокъ полдень. Жаръ пылаеть.
Какъ пахарь, битва отдыхаетъ.
Кой-гдѣ гарцуютъ казаки,
Равняясь, строятся полки,
Молчитъ музыка боевая.
На холмахъ пушки, присмирѣвъ
Прервали свой голодный ревъ.
И се — равнину оглашая,
Далече грянуло ура:
Полки увидѣли Петра.

И онъ промчался предъ полками,
Могущъ и радостенъ какъ бой.
Онъ поле пожиралъ очами.
За нимъ вослѣдъ неслись толпой
Сии птенцы гнѣзда Петрова —
Въ премѣнахъ жребія земнова,
Въ трудахъ державства и войны
Его товарищи сыны:
И Шереметевъ благородный,
И Брюсъ, и Боуръ, и Рѣпининъ,
И, счастья баловень безродный,
Полудержавный властелинъ.

И передъ синими рядами
Своихъ воинственныхъ дружинъ,
Несомый вѣрными слугами,
Въ качалкѣ, блѣденъ, недвижимъ,
Страдая раной, Карлъ явился;
Вожди героя шли за нимъ.
Онъ въ думу тихо погрузился,
Смущенный взоръ изобразилъ
Необычайное волненье.

Казалось, Карла приводилъ
Желанный бой въ недоумѣнье....
Вдругъ слабымъ маніемъ руки
На русскихъ двинулъ онъ полки.

И съ ними царскія дружины
Сошлись въ дыму среди равнины —
И грянулъ бой, полтавскій бой!
Въ огнѣ, подъ градомъ раскаленнымъ,
Стѣной живою отраженнымъ,
Надъ падшимъ строемъ свѣжій строй
Штыки смыкаетъ. Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,
Браздами, саблями звуча,
Сшибаясь, рубятся съ плеча.
Бросая груды тѣлъ на груды,
Шары чугунные повсюду
Межъ ними прыгаютъ, разятъ,
Прахъ роютъ и въ крови шипятъ.
Шведъ, русскій — колетъ, рубитъ, рѣжетъ.
Бой барабанный, клики, скрежетъ.
Громъ пушекъ, топотъ, ржанье, стонъ,
И смерть и адъ со всѣхъ сторонъ!

Среди тревоги и волненья,
На битву взоромъ вдохновенья
Вожди спокойные глядятъ,
Движенья ратныя слѣдятъ,
Предвидятъ гибель и побѣду,
И въ тишинѣ ведутъ бесѣду.
Но близъ московскаго царя
Кто воинъ сей подъ стѣдинами,
Двумя поддержанъ казаками,
Сердечной ревностью горя,
Онъ окомъ опытнымъ героя

Взираетъ на волненье боя?
Ужъ на коня не вскочить онъ,
Одрахъ, въ изгнаньѣ сиротѣя,
И казаки на кличъ Палѣя
Не налетятъ со всѣхъ сторонъ!
Но что-жъ его сверкнули очи,
И гнѣвомъ, будто мглою ночи,
Покрылось старое чело?
Что возмутить его могло?
Иль онъ сквозь бранный дымъ увидѣлъ
Врага Мазепу, и въ сей мигъ
Свои лѣта возненавидѣлъ
Обезоруженный старикъ?
Мазепа, въ думу погруженный,
Взиралъ на битву, окруженный
Толпой мятежныхъ казаковъ,
Родныхъ, старшинъ и сердюковъ.
Вдругъ выстрѣлъ. Старецъ обратился:
У Войнаровскаго въ рукахъ
Мушкетный стволъ еще дымился.
Сраженный въ нѣсколькихъ шагахъ,
Младой казакъ въ крови валялся,
А конь, весь въ пѣнѣ и пыли,
Почуя волю, дико мчался,
Скрываясь въ огненной дали.
Казакъ на гетмана стремился
Сквозь битву съ саблею въ рукахъ,
Съ безумной яростью въ очахъ.
Старикъ, подѣхавъ, обратился
Къ нему съ вопросомъ. Но казакъ
Ужъ умиралъ. Потухшій зракъ
Еще грозилъ врагу Россіи,
Былъ мраченъ помертвѣлый ликъ;
И имя нѣжное Маріи
Чуть лепеталъ еще языкъ.

Но близокъ, близокъ мигъ побѣды....
Ура! мы ломимъ; гнутся шведы.
О славный часъ! о славный видъ!
Еще напоръ — и врагъ бѣжитъ;
И слѣдомъ конница пустилась,
Убійствомъ тупятся мечи,
И падшими вся степь покрылась
Какъ роемъ черной саранчи.

Пируетъ Петръ. И гордъ, и ясенъ,
И славы полонъ взоръ его.
И царскій пиръ его прекрасенъ.
При кликахъ войска своего,
Въ шатръ своемъ онъ угощаетъ
Своихъ вождей, вождей чужихъ,
И славныхъ плѣнниковъ ласкаетъ,
И за учителей своихъ
Заздравный кубокъ поднимаетъ.

Но гдѣ-же первый, званный гость?
Гдѣ первый, грозный нашъ учитель,
Чью долговременную злость
Смирилъ полтавскій побѣдитель?
И гдѣ-жъ Мазепа? гдѣ злодѣй?
Куда бѣжалъ Іуда въ страхъ?
Зачѣмъ король не межъ гостей?
Зачѣмъ измѣнникъ не на плахъ?

Верхомъ, въ глуши степей нагихъ,
Король и гетманъ мчатся оба —
Бѣгутъ. Судьба связала ихъ!
Опасность близкая и злоба
Даруютъ силу королю.
Онъ рану тяжкую свою
Забылъ. Поникнувъ головою,

Онъ скачетъ; русскими гонимъ,
И слуги вѣрные тодрою
Чуть могутъ слѣдовать за нимъ.

Обозрѣвая зоркимъ взглядомъ
Степей широкій полукругъ,
Съ нимъ старый гетманъ скачетъ рядомъ;
Предъ ними хуторъ.... Что-же вдругъ
Мазепа будто испугался?
Что мимо хутора помчался
Онъ стороной во весь опоръ?
Иль этотъ запустѣлый дворъ,
И домъ, и садъ уединенный,
И въ поле отпертая дверь
Какой-нибудь разсказъ забвенный
Ему напомнили теперь?...
Святой невинности губитель!
Узналъ-ли ты сію обитель,
Сей домъ, веселый прежде домъ,
Гдѣ ты, виномъ разгоряченный,
Семьею счастливой окруженный,
Шутилъ, бывало, за столомъ?
Узналъ-ли ты пріютъ укромный,
Гдѣ мирный ангелъ обиталъ,
И садъ, откуда ночью темной
Ты вывелъ въ степь.... Узналъ, узналъ!

Ночныя тѣни степь объемлютъ.
На брегѣ синяго Днѣпра,
Между скалами чутко дремлютъ
Враги Россіи и Петра.
Щадятъ мечты покой героя:
Уронъ Полтавы онъ забылъ.
Но сонъ Мазепы смутенъ былъ:
Въ немъ мрачный духъ не зналъ покоя.

И вдругъ въ безмолвіи nocturno
Его зовутъ. Онъ пробудился,
Глядитъ: надъ нимъ, грозя перстомъ,
Тихонько кто-то наклонился.
Онъ вздрогнулъ, какъ подъ топоромъ....
Предъ нимъ съ развитыми власами,
Сверкая впалыми глазами,
Вся въ рубищѣ, худа, блѣдна,
Стоитъ, луной освѣщена....
«Иль это сонъ? Марія.... ты ли?»

МАРІЯ.

Ахъ, тише, тише, другъ!... Сейчасъ
Отецъ и мать глаза закрыли....
Постой.... услышать могутъ насъ.

МАЗЕПА.

Марія, бѣдная Марія!
Опомнись! Боже!... Что съ тобой!

МАРІЯ.

Послушай, хитрости какія!
Что за разсказъ у нихъ смѣшной?
Она за тайну мнѣ сказала,
Что умеръ бѣдный мой отецъ,
И мнѣ тихонько показала
Сѣдую голову — Творецъ!
Куда бѣжать намъ отъ злорѣчья?
Подумай: эта голова
Была совсѣмъ не человѣчья
А волчья — видишь, какова!
Чѣмъ обмануть меня хотѣла!
Не стыдно-ль ей меня терзать,

И для чего? чтобъ я не смѣла
Съ тобою сегодня убѣжать!
Возможно-ль?

Съ горестью глубокой
Любовникъ ей внималъ жестокой.
Но вихрю мыслей предана,
«Однако-жъ, говоритъ она:
Я помню поле.... праздникъ шумной....
И чернь.... и мертвыя тѣла....
На праздникъ мать меня вела....
Но гдѣ-жъ ты былъ?... Съ тобою розно
Зачѣмъ въ ночи скитаюсь я!
Пойдемъ домой. Скорѣй.... ужъ поздно.
Ахъ, вижу, голова моя
Полна волненія пустаго —
Я принимала за другаго
Тебя, старикъ. Оставь меня,
Твой взоръ насмѣшливъ и ужасенъ.
Ты безобразенъ. Онъ прекрасенъ!
Въ его глазахъ блеститъ любовь,
Въ его рѣчахъ такая нѣга....
Его усы бѣлѣе снѣга,
А на твоихъ 'засохла кровь.»

И съ дикимъ смѣхомъ завизжала,
И легче серны молодой
Она вспрыгнула, побѣжала,
И скрылась въ темнотѣ ночной.

Рѣдѣла тѣнь. Востокъ алѣлъ.
Огонь казачій пламенѣлъ —
Пшеницу казаки варили;
Драбанты у берега Днѣпра
Коней разсѣданныхъ поили.
Проснулся Карлъ. «Ого! пора!

Вставай, Мазепа. Разсвѣтаетъ.»
Но гетманъ ужъ не спитъ давно.
Тоска, тоска его сѣдаетъ;
Въ груди дыханье стѣснено.
И молча онъ коня сѣдлаетъ,
И скачетъ съ бѣглымъ королемъ,
И страшно взоръ его сверкаетъ
Съ роднымъ прощаясь рубежомъ.

Прошло сто лѣтъ — и что-жъ осталось
Отъ сильныхъ, гордыхъ сихъ мужей,
Столь полныхъ волею страстей?
Ихъ поколѣнье миновалось —
И съ нимъ исчезъ кровавый слѣдъ
Усилий, бѣдствій и побѣдъ.
Въ гражданствѣ сѣверной державы,
Въ ея воинственной судьбѣ,
Лишь ты воздвигъ, герой Полтавы,
Огромный памятникъ себѣ.
Въ странѣ, гдѣ мельницъ рядъ крылатый
Оградой мирной обступилъ
Бендеръ пустынные раскаты,
Гдѣ бродятъ буйволы рогаты
Вокругъ воинственныхъ могилъ —
Остатки раззоренной сѣни,
Три углубленныя въ землѣ
И мхомъ поросшія ступени
Гласятъ о шведскомъ королѣ.
Съ нихъ отражалъ герой безумный,
Одинъ, въ толпѣ домашнихъ слугъ,
Турецкой рати приступъ шумной,
И бросилъ шпагу подъ бунчукъ;
И тщетно тамъ пришлецъ унымый
Искалъ-бы гетманской могилы:

Забить Мазепа съ давнихъ поръ;
Лишь въ торжествующей святынѣ
Разъ въ годъ анаемой донынѣ,
Грозя, гремитъ о немъ соборъ.
Но сохранилася могила,
Гдѣ двухъ страдальцевъ прахъ почилъ:
Межъ древнихъ праведныхъ могилъ
Ихъ мирно церковь пріютила.
Цвѣтетъ въ Диканькѣ древній рядъ
Дубовъ, друзьями насажденныхъ;
Они о праотцахъ казненныхъ
Донинѣ внукамъ говорятъ.
Но дочь-преступница.... преданья
Объ ней молчатъ. Ея страданья,
Ея судьба, ея конецъ
Непроницаемою тьмою
Отъ насъ закрыты. Лишь порою
Слѣпой украинскій пѣвецъ,
Когда въ селѣ передъ народомъ
Онъ пѣсни гетмана бренчитъ,
О грѣшной дѣвѣ мимоходомъ
Казачкамъ юнымъ говорить.

ІХ. ДОМИКЪ ВЪ КОЛОМНѢ.

(1829—1830).

I.

Четырестопный ямбъ мнѣ надѣлѣ:
Имѣ пишеть всякій. Мальчикамъ въ забаву
Пора-бъ его оставить. Я хотѣлъ
Давнымъ давно приняться за октаву.
А въ самомъ дѣлѣ: я-бы совладѣлъ
Съ тройнымъ созвучіемъ. Пущусь на славу!
Вѣдь рифмы запросто со мной живутъ;
Двѣ придутъ сами, третью приведутъ.

II.

А чтобъ имѣ путь открыть широкій, вольной,
Глаголы тотчасъ имѣ я разрѣшу....
Вы знаете, что рифмой наглагольной,
Гнушаемся мы. Почему? спрошу.
Такъ писывалъ *** богомольной,
По бѣльшей части такъ и я пишу.
Къ чему, скажите? ужъ и такъ мы голы.
Отнынѣ въ рифмы буду брать глаголы.

III.

Не стану ихъ надменно браковать,
Какъ рекрутовъ, добившихся увѣчья,
Иль какъ коней, за ихъ плохую статью,
А подбирать союзы да нарѣчья;

Изъ мелкой сволочи вербую рать.
 Мнѣ рифмы нужны, всѣ готовъ сберечь я,
 Хоть весь словарь; что слогъ, то и солдатъ —
 Всѣ годны въ строй; у насъ вѣдь не парадъ.

IV.

Ну, женскіе и мужескіе слоги!
 Благословясь, попробуемъ: слушай!
 Равняйтесь, вытягивайте ноги,
 И по три врьдъ въ октаву заѣзжай!
 Не бойтесь, мы не будемъ слишкомъ строги!
 Держись вольнѣй и только не плошай,
 А тамъ уже привыкнемъ, слава Богу,
 И выйдемъ на ровную дорогу.

V.

Какъ весело стихи свои вести
 Подъ цифрами, въ порядкѣ, строй за строимъ,
 Не позволять имъ въ сторону брести,
 Какъ войску, въ пухъ разсыпанному боемъ!
 Тутъ каждый слогъ замѣченъ и въ чести,
 Тутъ каждый стихъ глядитъ себѣ геросемъ,
 А стихотворецъ.... съ кѣмъ-же равенъ онъ?
 Онъ Тамерланъ, плъ самъ Наполеонъ!

VI.

Немного отдохнемъ на этой точкѣ.
 Что, перестать или *пустить на пе?*...
 Признаться вамъ, я въ пятистопной строчкѣ
 Люблю цеѣуру на второй стопѣ.
 Иначе стихъ то въ ямѣ, то на кочкѣ,
 И хоть лежу теперь на канапе,
 Все кажется мнѣ, будто въ тряскомъ бѣгѣ
 По мерзлой пашнѣ мчусь я на телѣгѣ.

VII.

Что за бѣда! Не все-жъ гулять пѣшкомъ
По Невскому граниту иль на балѣ
Лоштитъ паркетъ, или скакать верхомъ
Въ степи киргизской. Поплетусь-ка далѣ,
Со станціи на станцію шажкомъ,
Какъ говорятъ о томъ оригиналѣ,
Который, не кормя, на рысакѣ
Пріѣхалъ изъ Москвы къ Невѣ-рѣнѣ.

VIII.

Скажу, рысакъ! Парнасскій иноходецъ
Его не обогналъ-бы. Но Пегасъ
Старъ, зубъ ужъ нѣтъ. Имъ вырытый колодезь
Изохъ. Поросъ крапивою Парнасъ;
Въ оставкѣ Фебъ живетъ, а хороводецъ
Старушекъ-музъ ужъ не прельщаетъ насъ.
И таборъ свой съ классическихъ вершинокъ
Перенесли мы на толкучій рынокъ.

IX.

Усядъся, муза; ручки въ рукава,
Подъ лавку ножки! Не вертись, рѣзвушка!
Теперь начнемъ. — Жила-была вдова,
Тому лѣтъ восемь, бѣдная старушка,
Съ одною дочерью. У Покрова
Стояла ихъ смиренная лачужка
За самой будкой. Вижу, какъ теперь,
Свѣтелку, три окна, крыльцо и дверь.

X.

Дня три тому, туда ходилъ я вмѣстѣ
Съ однимъ знакомымъ передъ вечеромъ:
Лачужки этой нѣтъ ужъ тамъ. На мѣстѣ

Ея построень трехъ-этажный домъ.
Я вспомнилъ о старушкѣ, о невѣстѣ,
Бывало, тутъ сидѣвшихъ подъ окномъ,
О той порѣ, когда я былъ моложе,
Я думалъ: живы-ли онѣ? — И что-же?

XI.

Мнѣ стало грустно: на высокій домъ
Глядѣлъ я косо. Если въ эту пору
Пожаръ его-бы обхватилъ кругомъ,
То моему-бъ озлобленному взору
Пріятно было пламя. Страннымъ сномъ
Бываетъ сердце полно; много вздору
Приходитъ намъ на умъ, когда бредемъ
Одни или съ товарищемъ вдвоемъ.

XII.

Тогда блаженъ, кто крѣпко словомъ править
И держитъ мысль на привязи свою,
Кто въ сердцѣ усыпляетъ или давитъ
Мгновенно прошипѣвшую змѣю;
Но кто болтливъ, того молва прославитъ
Вмигъ извергомъ.... Я воды Леты пью,
Мнѣ докторомъ запрещена унылость:
Оставимъ это — сдѣлайте мнѣ милость!

XIII.

Старушка (я стократъ видалъ точь въ точь
Въ картинахъ Рембранта такіа лица)
Носила чепчикъ и очки. Но дочь
Была, ей-ей, прекрасная дѣвица:
Глаза и брови — темныя какъ ночь,
Сама бѣла, нѣжна — какъ голубица;
Въ ней вкусъ былъ образованный. Она
Читала сочиненья Эмина.

XIV.

Играть умѣла также на гитарѣ,
И пѣла: *Стонетъ сизый голубокъ,*
И *выду-ль я....* и то — что ужъ постарѣ,
Все, что у печки въ зимній вечерокъ
Иль скучной осенью при самоварѣ,
Или весною, обходя лѣсокъ,
Поетъ уныло русская дѣвица,
Какъ музы наши грустная пѣвица.

XV.

Фигурно иль буквально: всей семьей,
Отъ ящика до перваго поэта,
Мы всѣ поемъ уныло. Грустный вой
Пѣснь русская. Извѣстная примѣта!
Начавъ за здравіе, за упокой
Сведемъ какъ разъ. Печалію согрѣта
Гармонія и нашихъ музъ и дѣвъ,
Но нравится ихъ жалобный напѣвъ.

XVI.

Параша (такъ звалась красотка наша)
Умѣла мыть и гладить, шить и плестъ;
Всѣмъ домоу правила одна Параша;
Поручено ей было счеты вестъ,
При ней варилась гречневая каша
(Сей важный трудъ ей помогала нестъ
Стряпуха Фекла, добрая старуха,
Давно лишенная чутья и слуха).

XVII.

Старушка-мать, бывало, подъ окномъ
Сидѣла; днемъ она чулокъ вязала,
А вечеромъ, за маленькимъ столомъ,

Раскладывала карты и гадала.
Дочь, между-тѣмъ, весь обѣгала домъ,
То у окна, то на дворѣ мелькала,
И кто-бы ни проѣхалъ иль ни шелъ,
Всѣхъ успѣвала видѣть (зоркій полъ!).

XVIII.

Зимою ставни закрывались рано,
Но лѣтомъ до ночи растворено
Все было въ домѣ. Блѣдная Діана
Глядѣла долго дѣвушкѣ въ окно
(Безъ этого ни одного романа
Не обойдется — такъ заведено!).
Бывало, мать давнымъ давно храпѣла,
А дочка на луну еще смотрѣла.

XIX.

И слушала мяуканье котовъ
По чердакамъ, свиданій знакъ нескромной,
Да стражи дальній крикъ, да бой часовъ —
И только. Ночь надъ мирною Коломною
Тиха отменно. Рѣдко изъ домовъ
Мелькнутъ двѣ тѣни. Сердце дѣвы томной
Ей слышать было можно, какъ оно
Въ упругое толкалось полотно.

XX.

По Воскресеньямъ, лѣтомъ и зимою,
Вдова ходила съ нею къ Покрову,
И становилася передъ толпою
У клироса на-лѣво. Я живу
Теперь не тамъ, но вѣрною мечтою
Люблю летать, заснувши на яву,
Въ Коломну, къ Покрову — и въ Воскресенье
Тамъ слушать русское богослуженье.

XXI.

Туда, я помню, ѣздила всегда
Графиня.... (звали какъ, не помню право).
Она была богата, молода;
Входила въ церковь съ шумомъ, величаво;
Молилась гордо (гдѣ была горда!)
Бывало, грѣшенъ! все гляжу на право,
Все на нее. Параша передъ ней
Казалась, бѣдная, еще бѣднѣй!

XXII.

Порой графиня на нее небрежно
Бросала важный взоръ свой. Но она
Молилась Богу тихо и прилежно,
И не казалась имъ развлечена.
Смиренье въ ней изображалось нѣжно,
Графиня-же была погружена
Въ самой себѣ, въ волшебствѣ моды новой,
Въ своей красѣ надменной и суровой.

XXIII.

Она казалась хладный идеалъ
Тщеславія, его-бъ вы въ ней узнали;
Но сквозь надменность эту я читалъ
Иную повѣсть: долгія печали,
Смиренье жалобъ.... Въ нихъ-то я вникалъ,
Невольный взоръ они-то привлекали....
Но это знать графиня не могла,
И, вѣрно, въ списокъ жертвъ меня внесла.

XXIV.

Она страдала, хотъ была прекрасна
И молода, хотъ жизнь ея текла

Въ роскошной нѣгѣ; хотъ была подвластна
Фортуна ей; хотъ мода ей несла
Свой еиміамъ — она была несчастна.
Блаженнѣ стократъ ея была,
Читатель, новая знакомка ваша,
Простая, добрая моя Параша.

XXV.

Коса змѣей на гребнѣ роговомъ,
Изъ-за ушей змѣю кудри русы,
Косыночка крестъ-на-крестъ иль узломъ;
На тонкой шеѣ восковыя бусы —
Нарядъ простой; но предъ ея окномъ
Все-жъ ѣздили гвардейцы черноусы,
И дѣвушка прельщать умѣла ихъ
Безъ помощи нарядовъ дорогихъ.

XXVI.

Межъ ними кто ея былъ сердцу ближе,
Или равно для всѣхъ она была
Душею холодна? увидимъ ниже.
Покажѣсть мирно жизнь она вела,
Не думая о балахъ, о Парижѣ,
Ни о дворѣ (хотъ при дворѣ жила
Ея сестра двоюродная, Вѣра
Ивановна, супруга гофъ-фурьера).

XXVII.

Но горе вдругъ ихъ посѣтило домъ:
Стряпуха, возвратясь изъ бани жаркой,
Слегла. Напрасно чаемъ и виномъ,
И укусомъ, и мятною припаркой
Ее лечили. Въ ночь предъ Рождествомъ
Она скончалась. Съ бѣдною кухаркой

Онѣ простились. Въ тотъ-же день пришли
За ней, и гробъ на Охту отвезли.

XXVIII.

Объ ней жалѣли въ домѣ, всѣхъ-же болѣ
Котъ Васька. Послѣ вдовушка моя
Подумала, что два, три дня, не долѣ —
Жить можно безъ кухарки; что нельзя
Предать свою трапезу Божьей волѣ.
Старушка кличетъ дочь: «Параша!» — Я! —
— «Гдѣ взять кухарку? свѣдай у сосѣдки,
Не знаетъ-ли. Дешевыя такъ рѣдки.»

XXIX.

— Узнаю, маменька. И вышла вонъ
Закутавшись (зима стояла грозно,
И снѣгъ скрипѣлъ, и синій небосклонъ
Безоблаченъ, въ звѣздахъ сіялъ морозно).
Вдова ждала Парашу долго; сонъ
Ее клонилъ тихонько; было поздно,
Когда Параша тихо къ ней вошла,
Сказавъ: «Вотъ я кухарку привела.»

XXX.

За нею слѣдомъ, робко выступая,
Короткой юбочкой принарядясь,
Высокая, собою недурная,
Шла дѣвушка, и, низко поклонясь,
Прижалась въ уголъ, фартухъ разбирая.
— «А что возьмешь?» спросила, обратясь,
Старуха. — Все, что будетъ вамъ угодно,
Сказала та смиренно и свободно.

XXXI.

Вдовѣ понравился ея отвѣтъ.
— «А какъ зовутъ?» — А Маврой. — «Ну, Мавруша,

Живи у насъ; ты молода, мой свѣтъ;
Гоняй мужчинъ. Покойница Осклуша
Служила мнѣ въ кухаркахъ десять лѣтъ,
Ни разу долга чести не наруша.
Ходи за мной, за дочерью моею,
Усердна будь; присчитывать не смѣй.»

XXXII.

Проходитъ день, другой. Въ кухаркѣ толку
Довольно мало: то переварить,
То пережарить, то съ посудой полку
Уронить; вѣчно все пересолить,
Шить сядетъ — не умѣетъ взять иголку;
Ее бранятъ — она себѣ молчитъ;
Вездѣ, во всемъ ужъ какъ-нибудь подгадить.
Параща бьется, а никакъ не сладить.

XXXIII.

Поутру, въ Воскресенье, мать и дочь
Пошли къ обѣднѣ. Дома лишь осталась
Мавруша; видите-ль: у ней всю ночь
Болѣли зубы; чуть жива таскалась;
Корицы нужно было натолочь —
Пирожное испечь она собиралась.
Ее оставили; но въ церкви вдругъ
На старую вдову нашелъ испугъ.

XXXIV.

Она подумала: «въ Маврушѣ ловкой
Зачѣмъ къ пирожному припала страсть?
Пирожница, ей-ей, глядитъ плутовкой!
Не вздумала-ль она насъ обокрасть,
Да улигнуть? Вотъ будемъ мы съ обновкой
Для праздника! Ахти, какая страсть!»

Такъ думая, старуха обмирала,
И наконецъ, не вытерпѣвъ, сказала:

XXXV.

«Стой тутъ, Параша. Я схожу домой;
Мнѣ что-то страшно.» Дочь не разумѣла,
Чего ей страшно. Съ паперти долой
Чуть-чуть моя старушка не слетѣла;
Въ ней сердце билось, какъ передъ бѣдой,
Пришла въ лачужку, въ кухню посмотрѣла —
Мавруши нѣтъ. Вдова къ себѣ въ покой
Вошла — и что-жъ? о Боже! страхъ какой!

XXXVI.

Предъ зеркальцемъ Параша, чинно сидя,
Кухарка брилась. Что съ моей вдовой?
«Ахъ, ахъ!» и шлепнулась. Ее увидя,
Та въ торопяхъ, съ намышленной щской
Черезъ старуху (вдовью честь обидя),
Прыгнула въ сѣни, прямо на крыльцо,
Да ну бѣжать, закрывъ себѣ лицо.

XXXVII.

Обѣдня кончилась; пришла Параша.
— «Что, маменька?» — Ахъ, Пашенька моя!
Маврушка.... — «Что, что съ ней?» — «Кухарка наша....
Опоминься досель не въ силахъ я....
За зеркальцемъ.... вся въ мылѣ....» — Воля ваша,
Мнѣ право ничего понять нельзя:
Да гдѣ-жъ Мавруша? — «Ахъ, она разбойникъ!
Она здѣсь брилась!... точно мой покойникъ!» —

XXXVIII.

Параша покраснѣлась или нѣтъ,
Сказать вамъ не умѣю; но Маврушки

Съ тѣхъ поръ какъ не было — простылъ и слѣдъ,
Ушла, не взявъ въ уплату ни полушки
И не успѣвъ надѣлать важныхъ бѣдъ.
У красной дѣвушки и у старушки
Кто заступилъ Маврушу? признаюсь,
Не вѣдаю, и кончить тороплюсь.

XXXIX.

— Какъ, развѣ все тутъ? Шутите! — «Ей Богу.»
— Такъ вотъ куда октавы насъ вели!
Къ чему-жъ такую подняли тревогу,
Скликали рать и съ похвалъбою шли?
Завидную-жъ вы избрали дорогу!
Уже-ль иныхъ предметовъ не нашли?
Да нѣтъ-ли хоть у васъ нравоученья?
«Нѣтъ.... или есть — минуточку терпѣнья....»

XL.

Вотъ вамъ мораль: по мнѣнью моему,
Кухарку даромъ нанимать опасно;
Кто-жъ родился мущиною, тому
Рядиться въ юбку странно и напрасно:
Когда-нибудь придется-же ему
Брить бороду себѣ, что несогласно
Съ природой дамской.... Больше ничего
Не выжмешь изъ разсказа моего.

Х. ГАЛУБЪ.

(1829).

Не для бесѣдъ и ликованій,
Не для кровавыхъ совѣщаній,
Не для разспросовъ кунака,
Не для разбойничьей потѣхи
Такъ рано съѣхались адехи
На дворъ Галуба старика.
Въ неожиданной встрѣчѣ сынъ Галуба
Рукой завистника убить
Вблизи развалинъ Ташартуба.
Въ родимой саклѣ онъ лежитъ;
Обрядъ творится погребальной;
Звучить уныло пѣснь муллы;
Въ арбу впряженные волю
Стоять предъ саклею печальной;
Дворъ полонъ тѣсною толпой;
Подъемлютъ гости скорбный вой,
И съ плачемъ бьютъ въ нагрудны брони;
И, внемля шумъ не боевой,
Мянутся спутанные кони,
Всѣ ждуть. Изъ сакли наконецъ
Выходитъ между женъ отецъ,
Два узденя за нимъ выносятъ
На буркѣ хладный трупъ. Толпу
По сторонамъ раздаться просять,
Слагаютъ тѣло на арбу,
И съ нимъ кладутъ снарядъ воинской

Неразряженную пищаль,
Колчаль и лукъ, кинжалъ грузинской,
И шашки крестовую сталь,
Чтобы крѣпка была могила,
Гдѣ храбрый ляжетъ почивать,
Чтобъ могъ на зовъ опъ Азрацла
Исправнымъ воиномъ возстать.

Въ дорогу шествіе готово,
И тронулась арба. За ней
Адехи слѣдуютъ сурово,
Смиряя молча пыль копей.
Ужъ потухалъ закатъ огнистой,
Злата нагорныя скалы,
Когда долины каменистой
Достигли тихіе волны.
Въ долину той враждою жадной
Сраженъ наѣздникъ молодой —
Тамъ нынѣ въ тѣнь могилы холодной
Опъ ляжетъ, блѣдный и нѣмой....

Ужъ трупъ землею взять. Могила
Завалена. Толпа вокругъ
Мольбы послѣднія творила.
Изъ-за горы явились вдругъ
Старикъ съдой, съ нимъ отрокъ стройный.
Даютъ дорогу пришлецу,
И скорбному старикъ отцу
Такъ молвилъ, важный и спокойный:
«Тому прошло тринадцать лѣтъ,
Какъ ты, въ аулъ чужой пришедъ,
Вручилъ мнѣ слабого младенца,
Чтобъ воспитаньемъ изъ него
Я сдѣлалъ храбраго чеченца.
Сегодня сына одного

Ты преждевременно хоронишь.
 Галубъ, покоренъ будь судьбѣ!
 Другаго я привелъ тебѣ —
 Вотъ онъ. Ты голову преклонишь
 Въ его могучему плечу,
 Звою потерю имъ замѣнишь;
 Труды мои ты самъ оцѣнишь —
 Хвалиться ими не хочу.»

Умолкнулъ. Смотритъ торопливо
 Галубъ на отрока. Тазить,
 Главу потупя, молчаливо
 Ему недвижимъ предстоить.
 И въ горѣ имъ Галубъ любуюсь,
 Влеченью сердца повинуюсь,
 Объемлетъ ласково его.
 Потомъ наставника ласкаетъ,
 Благодарить и приглашаетъ
 Подъ кровлю дома своего.
 Три дня, три ночи съ кунаками
 Его онъ хочетъ угощать,
 И послѣ съ честью провожать,
 Съ благословеньемъ и дарами.
 Ему, отецъ печальный мнитъ,
 Обязанъ благомъ я безцѣннымъ:
 Слугой и другомъ неизмѣннымъ,
 Могучимъ мстителемъ обидѣ.

Проходятъ дни. Печаль заснула
 Въ душѣ Галуба. Но Тазить
 Все дикость прежнюю хранить.
 Среди родимаго аула
 Онъ все чужой; онъ цѣлый день
 Въ горахъ одинъ молчитъ и бродитъ.

Такъ въ саклѣ пойманный олень
Все въ лѣсъ глядитъ, все въ глушь уходитъ.
Онъ любить по крутымъ скаламъ
Скользить, ползти тропой кремнистой,
Внимая бурѣ голосистой
И въ безднѣ воющимъ волнамъ.
Онъ иногда до поздней ночи
Сидитъ, печаленъ, надъ горой,
Недвижно въ даль уставя очи,
Опершись на руку главой.
Какія мысли въ немъ проходятъ?
Чего желаетъ онъ тогда?
Изъ міра дальняго куда
Младые сны его уводятъ?...
Какъ знать? Незрима глубь сердецъ!
Въ мечтаньяхъ отрокъ своеволенъ,
Какъ вѣтеръ въ небѣ....

Но отецъ

Уже Тазитомъ не доволенъ.
«Гдѣ-жъ, мыслить онъ, въ немъ плодъ наукъ,
Отважность, хитрость и проворство,
Лукавый умъ, и сила рукъ?
Въ немъ только лѣнь и непокорство.
Иль сына взоръ мой не проникъ,
Иль обманулъ меня старикъ?»

Тазитъ изъ табуна выводитъ
Коня, любимца своего.
Два дня въ аулѣ нѣтъ его,
На третій онъ домой приходитъ.

Отецъ.

Гдѣ былъ ты, сынъ?

Сынъ.

Въ ущельи скалъ,
Гдѣ прорванъ каменистый берегъ,
И путь открытъ на Даріаль.

Отецъ.

Что дѣлалъ тамъ?

Сынъ.

Я слушалъ Терекъ.

Отецъ.

А не видалъ-ли ты грузинъ,
Иль русскихъ?

Сынъ.

Видѣлъ я, съ товаромъ.
Тифлисскій ѣхалъ армянинъ.

Отецъ.

Онъ былъ со стражей?

Сынъ.

Нѣтъ, одинъ.

Отецъ.

Зачѣмъ нечаяннымъ ударомъ
Не вздумалъ ты свалить его,
И не прыгнулъ къ нему съ утеса?

Потупилъ очи сынъ черкеса,
Не отвѣчая ничего.

Тазитъ опять коня сѣдлаетъ,
Два дня, двѣ ночи пропадаетъ,
Потомъ является домой.

Отецъ.

Гдѣ былъ!

Сынъ.

За Бѣлою горой.

Отецъ.

Кого ты встрѣтилъ?

Сынъ.

На курганѣ
Отъ насъ бѣжавшаго раба.

Отецъ.

О, милосердая судьба!
Гдѣ-жъ онъ? уже-ли на арканѣ
Ты бѣглеца не притащилъ?

Тазитъ опять главу склонилъ.
Галубъ нахмурился въ молчанѣ,
Но скрылъ свое негодованье.
«Нѣтъ, мыслить онъ, не замѣнитъ
Онъ никогда другаго брата!
Не научился мой Тазитъ,
Какъ пашкой добываютъ злата;
Ни стадъ моихъ, ни табуновъ
Не надѣлятъ его разѣзды,
Онъ только знаетъ безъ трудовъ
Внимать волнамъ, глядѣть на звѣзды,
А не въ набѣгахъ отбивать.
Коней съ нагайскими быками,
И съ боя взятыми рабами
Суда въ Анапѣ нагружать.»

Тазитъ опять коня сѣдлаетъ,
Два дня, двѣ ночи пропадаетъ,
На третій, блѣденъ какъ мертвецъ,
Приходитъ онъ домой. Отецъ,
Его увидя, вопрошаетъ:
Гдѣ былъ ты?

Сынъ.

Около станицъ
Кубани, близъ лѣсныхъ границъ.

.....

Отецъ.

Кого ты видѣлъ?

Сынъ.

Супостата.

Отецъ.

Кого, кого?

Сынъ.

Убійцу брата.

Отецъ.

Убійцу сына моего?...
Тазитъ! гдѣ голова его?
Дай, нагляжусь!

Сынъ.

Убійца былъ
Одинъ, израненъ, безоруженъ....

Отецъ.

Ты долга крови не забылъ....
Врага ты навзничь опрокинулъ....

Не правда-ли? ты пашку вынулъ,
Ты въ горло сталь ему воткнулъ,
И трижды тихо повернулъ?
Упился ты его стenanьемъ,
Его змѣинымъ издыханьемъ?...
Гдѣ-жъ голова? подай!... Нѣтъ силъ....

Но сынъ молчитъ, потупя очи.
И сталь Галубъ чернѣе ночи,
И сыну грозно возопилъ:

«Поди ты прочь — ты мнѣ не сынъ,
Ты не чеченецъ, ты старуха,
Ты трусъ, ты рабъ, ты армянинъ:
Будь проклятъ мной! — Поди, чтобъ слуха
Никто о робкомъ не имѣлъ,
Чтобъ вѣчно ждалъ ты грозной встрѣчи,
Чтобъ мертвый братъ тебѣ на плечи
Окровавленной кошкой сѣлъ,
И къ безднѣ гналъ тебя нещадно;
Чтобъ ты, какъ раненый олень,
Бѣжалъ, тоскуя безотрадно;
Чтобъ дѣти русскихъ деревень
Тебя веревкою поймали,
И какъ волченка затерзали —
Чтобъ ты.... Бѣги, бѣги скорѣй!
Не оскверняй моихъ очей!»
Сказалъ и на земь легъ — и очи
Закрывъ, и такъ лежалъ до ночи.
Когда-же приподнялся онъ,
Быль темень синій небосклонъ.

Ущелій горныхъ поселенцы
Въ долинѣ шумно собрались;
Привычны игры начались:

Верхами юные чеченцы,
Въ пыли несясь во весь опоръ,
Стрѣлою шапку пробиваютъ,
Иль трижды сложенный коверъ
Булатомъ съ разу разсѣкаютъ,
То скользкой тѣшатся борьбой,
То пляской быстрой. Жены, дѣвы
Межъ-тѣмъ поютъ — и гулъ лѣсной
Далече вторить ихъ напѣвы.
Но между юношей — одинъ
Забавъ наѣздничьихъ не дѣлать,
Верхомъ не мчится вдоль стремнинъ,
Изъ лука звонкаго не цѣлать.
Но между дѣвами — одна
Молчить, уныла и блѣдна.
Они въ толпѣ четою странной
Стоять, не видя ничего.
И горе имъ: онъ — сынъ изгнанный,
Она — любовница его....
О, было время!... Съ ней украдкой
Видался юноша въ горахъ;
Онъ пилъ огонь отравы сладкой
Въ ея смятеньи, въ рѣчи краткой,
Въ ея потупленныхъ очахъ,
Когда съ домашняго порогу
Она смотрѣла на дорогу
Съ подружкой рѣзвой говоря,
И вдругъ садилась и блѣднѣла,
И отвѣчая не глядѣла,
И разгаралась какъ заря;
Или у водъ когда стояла,
Текущихъ съ каменныхъ вершинъ,
И долго кованный кувшинъ
Волною звонкой наполняла....
И онъ, невластный превозмочь

Волненій сердца, разъ приходитъ
Къ ея отцу, его отводитъ
И говоритъ: «Твоя мнѣ дочь
Давно мила; по ней тоскую,
Одинъ и сиръ давно живу я;
Благослови любовь мою,
Я бѣденъ — но могучъ и молодъ,
Мнѣ трудъ легокъ. Я удалю
Отъ нашей сакли тощій голодъ.
Тебѣ я буду сынъ и другъ
Послушный, преданный и нѣжный,
Твоимъ сынамъ кунакъ надежный,
А ей приверженный супругъ....»

ХІ. РОДОСЛОВНАЯ МОЕГО ГЕРОЯ.

(ОТРЫВОКЪ ИЗЪ САТИРИЧЕСКОЙ ПОЭМЫ).

(1833).

Начнемъ ab ovo:

Мой Езерскій
Происходилъ отъ тѣхъ вождей,
Чей въ древни вѣки парусъ деракій
Поработилъ брега морей.
Одульфъ, его начальникъ рода,
Вельми бѣ грозенъ воевода.
(Гласитъ софійскій хронографъ).
При Ольгѣ, сынъ его Варлафъ
Пріялъ крещенье въ Цареградѣ
Съ приданнымъ греческой княжны.
Отъ нихъ два сына рождены,
Якубъ и Дорофей. Въ засадѣ
Убить Якубъ, а Дорофей
Родилъ двѣнадцать сыновей.

Ондрей, по прозвищу Езерскій,
Родилъ Ивана да Илью,
И въ лаврѣ схимился Печерской.
Отсель фамилію свою
Ведутъ Езерскіе. При Калѣ
Одинъ изъ нихъ былъ схваченъ въ свалкѣ,
И тамъ раздавленъ какъ комаръ
Задами тяжкими татаръ,
За то на Куликовомъ полѣ

Другой Езерскій, Елизаръ,
Упился кровію татаръ,
Между Непрядвою и Дономъ,
Ударя съ тыла въ таборъ ихъ
Съ дружиной суздальцевъ своихъ.

Въ вѣка старинной нашей славы,
Какъ и въ худыя времена,
Крамолъ и смуть во дни кровавы
Блестятъ Езерскихъ имена.
Они и въ войскѣ, и въ совѣтѣ,
На воеводствѣ и въ отвѣтѣ
Служили доблестно царямъ.
Изъ нихъ Езерскій, Варлаамъ,
Гордыней славился боярской;
За споръ то съ тѣмъ онъ, то съ другимъ,
Съ большимъ безчестьемъ выводимъ
Бывалъ изъ-за трапезы царской,
Но снова шелъ подъ тяжкій гнѣвъ
И умеръ, Сицкихъ *переставъ*.

Когда отъ думы величавой
Пріялъ Романовъ свой вѣнецъ,
Какъ подъ отеческой державой
Русь отдохнула наконецъ,
А наши вороги смирились, —
Тогда Езерскіе явились
Въ великой силѣ при дворѣ,
При императорѣ Петрѣ....
Но извините, статья можетъ,
Читатель, вамъ я досадилъ;
Вашъ умъ духъ вѣка просвѣтилъ,
Васъ спѣсъ дворянская не гложетъ,
И нужды нѣтъ вамъ никакой
До вашей книги родовой.

Кто-бъ ни былъ вашъ родоначальникъ
Мстиславъ, князь Курбскій, иль Ермакъ,
Или Митюшка цѣловальникъ,
Вамъ все равно. Конечно, такъ:
Вы презираете отцами,
Ихъ славой, честію, правами —
Великодушно и умно;
Вы отреклись отъ нихъ давно,
Прямаго просвѣщенья ради,
Гордясь (какъ общей пользы другъ)
Красою *собственныхъ заслугъ*,
Звѣздой двоюроднаго дяди,
Иль приглашеніемъ на балъ
Туда, гдѣ дѣдъ вашъ не бывалъ.

Я самъ, хоть въ книжкахъ и словесно
Собратья надо мной трунять,
Я мѣщанинъ, какъ вамъ извѣстно,
И въ этомъ смыслѣ демократъ;
Но каюсь: новый Ходаковской,
Люблю отъ бабушки московской
Я толки слушать о роднѣ,
О толстобрюхой старинѣ.
Мнѣ жаль, что ~~нашей~~ славы звуки
Уже намъ чужды, что проста
Изъ баръ мы хѣземъ въ tiers-état;
Что намъ не въ прокъ пошли науки,
И что спасибо намъ за то
Не скажетъ, кажется, никто.

Мнѣ жаль, что тѣхъ родовъ боярскихъ
Блѣднѣетъ блескъ и никнетъ духъ;
Мнѣ жаль, что нѣтъ князей Пожарскихъ,
Что о другихъ пропалъ и слухъ;
Что ихъ поносить и Фигляринъ;

Что русскій вѣтренный бояринъ
Считаетъ грамоты царей
За пыльный сборъ календарей;
Что въ нашемъ теремѣ забытомъ
Растетъ пустынная трава;
Что геральдическаго льва
Демократическимъ копытомъ
Теперь лягаетъ и оселъ:
Духъ вѣка вотъ куда зашелъ!

Вотъ почему, архивы роя,
Я разбиралъ въ досужій часъ
Всю родословную героя,
О комъ затѣялъ свой рассказъ,
И здѣсь потомству заповѣдалъ.
Езерскій самъ-же твердо вѣдалъ,
Что дѣдъ его, великій мужъ,
Имѣлъ двѣнадцать тысячъ душъ;
Изъ нихъ отцу его досталась
Осьмая часть, и та сполна
Была давно заложена,
И ежегодно продавалась;
А самъ онъ жалованьемъ жилъ,
И регистраторомъ служилъ.

ХІІ. МѢДНЫЙ ВСАДНИКЪ.

(ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПОВѢСТЬ).

(1833).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Происшествіе, описанное въ сей повѣсти, основано на истинѣ. Подробности наводненія заимствованы изъ тогдашнихъ журналовъ. Любопытные могутъ справиться съ извѣстіемъ, составленнымъ В. И. Берхомъ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

На берегу пустынныхъ волнъ
Стоялъ Онъ, думъ великихъ полнъ,
И вдаль глядѣлъ. Предъ Нимъ широко
Рѣка неслася; бѣдный чолнъ
Но ней стремился одиноко.
По мшистымъ, топкимъ берегамъ,
Чернѣли избы здѣсь и тамъ,
Пріютъ убогаго чухонца;
И лѣсъ, невѣдомый лучамъ
Въ туманѣ спрятаннаго солнца,
Кругомъ шумѣлъ:

И думалъ Онъ:

«Отсель грозить мы будемъ шведу;
Здѣсь будетъ городъ заложень,
На зло надменному сосѣду;

Природой здѣсь намъ суждено
Въ Европу прорубить окно,
Ногою твердой стать при морѣ;
Сюда, по новымъ имъ волнамъ,
Всѣ флаги въ гости будутъ къ намъ —
И запируемъ на просторѣ.»

Прошло сто лѣтъ — и юный градъ,
Полночныхъ странъ краса и диво,
Изъ тьмы лѣсовъ, изъ топи блатъ
Вознесся пышно, горделиво:
Гдѣ прежде финскій рыболовъ,
Печальный пасынокъ природы,
Одинъ у низкихъ береговъ
Бросалъ въ невѣдомыя воды
Свой ветхій неводъ, нынѣ тамъ,
По оживленнымъ берегамъ,
Громады стройныя тѣснятся
Дворцовъ и башенъ; корабли
Толпой со всѣхъ концовъ земли
Къ богатымъ пристанямъ стремятся;
Въ гранитъ одѣлася Нева;
Мосты повисли надъ водами;
Темнозелеными садами
Ея покрылись острова —
И передъ младшею столицей
Главой склонилася Москва,
Какъ передъ новою царицей
Порфиноносная вдова.

Люблю тебя, Петра творенье;
Люблю твой строгій, стройный видъ,
Невы державное теченье,
Береговой ея гранитъ,
Твоихъ оградъ узоръ чугунный,

Твоихъ задумчивыхъ ночей
Прозрачный еумракъ, блескъ безлунный,
Когда я въ комнатѣ моей
Пишу, читаю безъ лампы,
И ясны спящія громады
Пустынныхъ улицъ, и свѣтла
Адмиралтейская игла,
И, не пуская тьму ночную
На золотыя небеса,
Одна зоря смѣнить другую
Спѣшитъ, давъ ночи полчаса;
Люблю зимы твоей жестокой
Недвижный воздухъ и морозъ,
Бѣгъ санокъ вдоль Невы широкой,
Дѣвичьи лица ярче розъ,
И блескъ, и шумъ, и говоръ баловъ,
А въ часъ пирушки холостой,
Шипѣнье пѣнистыхъ бокаловъ
И пупша пламень голубой;
Люблю воинственную живость
Потѣшныхъ Марсовыхъ полей,
Пѣхотныхъ ратей и коней
Однообразную красоту,
Въ ихъ стройно-зыблемомъ строю
Лоскутья сихъ знаменъ побѣдныхъ,
Сіянье шапокъ этихъ мѣдныхъ,
Насквозь прострѣленныхъ въ бою;
Люблю, военная столица,
Твоей твердыни дымъ и громъ,
Когда полнощная царица
Даруетъ сына въ царскій домъ,
Или побѣду надъ врагомъ
Россія снова торжествуетъ,
Или, взломавъ свой синій ледъ,

Нева къ морямъ его несетъ
И, чуя вешни дни, ликуеть.

Красуйся, градъ Петровъ, и стой
Неколебимо, какъ Россія!
Да умирится-же съ тобой
И побѣжденная стихія:
Вражду и плѣнь старинный свой
Пусть волны финскія забудутъ,
И тщетной злобою не будутъ
Тревожить вѣчный сонъ Петра!

Была ужасная пора:
Объ ней свѣжо воспоминанье....
Объ ней, друзья мои, для васъ
Начну свое повѣствованье.
Печаленъ будетъ мой рассказъ....

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Надъ омраченнымъ Петроградомъ
Дышалъ Ноябрь осеннимъ хладомъ;
Плеская шумною волной
Въ края своей ограды стройной,
Нева металась, какъ больной
Въ своей постелѣ безпокойной;
Ужъ было поздно и темно;
Сердито бился дождь въ окно,
И вѣтеръ дулъ, печально воя.
Въ то время изъ гостей домой
Пришелъ Евгеній молодой....
Мы будемъ нашего героя
Звать этимъ именемъ, оно
Звучитъ пріятно; съ нимъ давно

Мое перо ужъ какъ-то дружно;
Прозванья намъ его не нужно —
Хотя въ минувши времена
Оно, быть можетъ, и блистало,
И подъ перомъ Карамзина
Въ родныхъ преданьяхъ прозвучало;
Но нынѣ свѣтомъ и молвой
Оно забыто. Нашъ герой
Живетъ въ Коломнѣ, гдѣ-то служить,
Дичится знатныхъ, и не тужить
Ни о покойницѣ роднѣ,
Ни о забытой старинѣ.

И такъ домой пришедъ, Евгеній
Страхнулъ шинель, раздѣлся, легъ —
Но долго онъ заснуть не могъ
Въ волненіи разныхъ размышлений.
О чемъ-же думалъ онъ! О томъ,
Что былъ онъ бѣденъ, что трудомъ
Онъ долженъ былъ себѣ доставить
И независимость, и честь;
Что могъ-бы Богъ ему прибавить
Ума и денегъ; что вѣдь есть
Такіе праздные счастливыцы,
Ума недальняго, лѣнныцы,
Которымъ жизнь куда легка!
Что служить онъ всего два года;
Онъ также думалъ, что погода
Не унималась, что рѣка
Все прибывада; что едва-ли
Съ Невы мостовъ уже не сняли,
И что съ Парашей будетъ онъ
Дня на два, на три разлученъ.

Такъ онъ мечталъ. И грустно было
Ему въ ту ночь, и онъ желалъ,

Чтобъ вѣтеръ былъ не такъ уныло,
И чтобы дождь въ окно стучалъ
Не такъ сердито....

Сонны очи
Онъ наконецъ закрылъ. И вотъ
Рѣдѣтъ мгла ненастной ночи,
И блѣдный день ужъ настаётъ....
Ужасный день!

Нева всю ночь
Рвалась къ морю противъ бури,
Не одолѣвъ ихъ буйной дури....
И спорить стало ей не въ мочь....
Поутру надъ ея берегами
Тѣснился кучами народъ,
Любуясь брызгами, горами
И пѣной разъяренныхъ водъ.
Но силой вѣтра отъ залива
Перегражденная Нева
Обратно шла гнѣвна, бурлива,
И затопляла острова;
Погода пуще свирѣпѣла;
Нева вздувалась и ревѣла,
Котломъ хлопоча и клубясь —
И вдругъ, какъ звѣрь остервенясь,
На городъ кинулась. Предъ нею
Все побѣжало, все вокругъ
Вдругъ опустѣло.... Воды вдругъ
Втекли въ подземные подвалы;
Къ рѣшеткамъ хлынули каналы —
И всплылъ Петрополь, какъ Тритонъ
По поясъ въ воды погруженъ.

Осада! приступъ! Злые волны
Какъ воры, лѣзутъ въ окна; чолны
Съ разбѣга стекла бьютъ кормой;

Садки подъ мокрой пеленой,
 Обломки хижинъ, бревна, кровли,
 Товаръ запасливой торговли,
 Пожитки блѣдной нищеты,
 Грозой снесенные мосты,
 Гробы съ размытаго кладбища
 Плывуть по улицамъ!

Народъ

Зритъ Божій гнѣвъ и казни ждеть.
 Увы! все гибнетъ: кровь и пища.
 Гдѣ будетъ взятъ?

Въ тотъ грозный годъ

Покойный царь еще Россіей
 Со славой правилъ. На балконъ
 Печаленъ, смутенъ вышелъ Онъ,
 И молвилъ: «Съ Божіей стихіей
 Царямъ не совладѣть.» Онъ сѣлъ,
 И въ думѣ скорбными очами
 На злое бѣдствіе глядѣлъ.
 Стояли стогны озерами,
 И въ нихъ широкими рѣками
 Вливались улицы. Дворецъ
 Казался островомъ печальнымъ.
 Царь молвилъ — и въ концѣ въ концѣ,
 По ближнимъ улицамъ и дальнымъ,
 Въ опасный путь средь бурныхъ водъ
 Его пустились генералы
 Спасать и страхомъ обуялый
 И дома тонущій народъ.

Тогда на площади Петровой —
 Гдѣ домъ въ углу вознесся новый,
 Гдѣ надъ возвышеннымъ крыльцомъ
 Съ поднятой лапой, какъ живые,
 Стоять два льва сторожевые —

На звѣрѣ мраморномъ верхомъ,
Безъ шляпы, руки сжавъ крестомъ,
Сидѣлъ недвижный, страшно блѣдный,
Евгеній. Онъ страшился, блѣдный,
Не за себя. Онъ не слыхалъ,
Какъ поднимался жадный валъ,
Ему подошвы подмывая,
Какъ дождь ему въ лице хлесталъ;
Какъ вѣтеръ, буйно завывая,
Съ него и шляпу вдругъ сорвалъ.
Его отчаянные взоры
На край одинъ наведены
Недвижны были. Словно горы,
Изъ возмущенной глубины
Вставали волны тамъ и злились,
Тамъ буря выла, тамъ носились
Обломки.... Боже, Боже! тамъ —
Увы! близехонько къ волнамъ,
Почти у самаго залива —
Заборъ некрашенный, да ива
И ветхій домикъ: тамъ онъ,
Вдова и дочь, его Параша,
Его мечта.... Или во снѣ
Онъ это видитъ? иль вся наша
И жизнь ничто, какъ сонъ пустой,
Насмѣшка рока надъ землей?
И онъ, какъ-будто околдованъ,
Какъ-будто къ мрамору прикованъ,
Сойти не можетъ! Вкругъ него
Вода — и больше ничего.
И обращенъ къ нему спиною
Въ непоколебимой вышины,
Надъ возмущенною Невою,
Сидитъ съ простертою рукою
Гигантъ на бронзовомъ конѣ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Но вотъ насытятся разрушенъемъ
И наглымъ буйствомъ утомясь,
Нева обратно повлеклась,
Своимъ любуясь возмущенъемъ
И покидая съ небреженьемъ
Свою добычу. Такъ злодѣй,
Съ свирѣпой шайкою своей
Въ село ворвавшись, ловить, рѣжетъ,
Крушить и грабить; вопли, скрежетъ,
Насилье, брань, тревога, вой!...
И грабежемъ отягощенны,
Боясь погони, утомленны,
Спѣшатъ разбойники домой,
Добычу на пути роняя.

Вода сбыла, и мостовая
Открылась. И Евгеній мой
Спѣшитъ, душею замирая,
Въ надеждѣ, страхѣ и тоскѣ
Къ едва смирившейся рѣкѣ.
Но торжествомъ побѣды полны,
Еще кипѣли злобно волны,
Какъ-бы подъ ними тлѣлъ огонь;
Еще ихъ пѣна покрывала,
И тяжело Нева дышала,
Какъ съ битвы прибѣжавшій конь.
Евгеній смотреть — видитъ лодку;
Онъ къ ней бѣжитъ какъ на находку;
Онъ перевозчика зоветъ —
И перевозчикъ беззаботной
Его, за гривенникъ, охотно
Чрезъ волны страшныя везетъ.

И долго съ бурными волнами
Боролся опытный гребецъ,
И скрыться въ глубь межъ ихъ рядами
Всечасно съ дерзкими плавцами
Готовъ былъ чолнъ — и наконецъ
Достигъ онъ берега.

Несчастный

Знакомой улицей бѣжить
Въ мѣста знакомыя. Глядитъ....
Узнать не можетъ: видъ ужасный!
Все передъ нимъ завалено,
Что сброшено, что снесено;
Скривились домики, другіе
Совсѣмъ обрушились; иные
Волнами сдвинуты; кругомъ,
Какъ-будто въ полѣ боевомъ,
Тѣла валяются. Евгений
Стремглавъ, не помня ничего,
Изнемогая отъ мученій,
Бѣжитъ туда, гдѣ ждетъ его
Судьба съ невѣдомымъ извѣстьемъ,
Какъ съ запечатаннымъ письмомъ.
И вотъ бѣжитъ ужъ онъ предмѣстьемъ,
И вотъ заливъ, и близокъ домъ....
Что-жъ это!

Онъ остановился,
Пошелъ назадъ — и воротился.
Глядитъ.... идетъ.... еще глядитъ:
Вотъ мѣсто, гдѣ ихъ домъ стоитъ;
Вотъ ива. Были здѣсь ворота,
Снесло ихъ, видно. Гдѣ-же домъ?
И полонъ сумрачной заботы,
Все ходитъ, ходитъ онъ кругомъ,
Толкуетъ громко самъ съ собою —
И вдругъ удара въ лобъ рукою,

Захохоталъ.

Ночная мгла

На городъ трепетный сошла;
Но долго жители не спали
И межъ собою толковали
О днѣ минувшемъ.

Утра лучъ

Изъ-за усталыхъ блѣдныхъ тучъ
Блеснулъ надъ тихою столицей —
И не нашелъ уже слѣдовъ
Бѣды вчерашней. Багряницей
Уже прикрыто было зло.
Въ порядокъ прежній все вошло.
Уже по улицамъ свободнымъ,
Съ своимъ безчувствіемъ холоднымъ,
Ходилъ народъ. Чиновный людъ,
Покинувъ свой ночной пріютъ,
На службу шелъ. Торгащъ отважный,
Не унывая, открывалъ
Невой ограбленный подвалъ,
Сбираясь свой убытокъ важный
На ближнемъ вымѣстить. Съ дворовъ
Свозили лодки.

Графъ Хвостовъ,

Поэтъ, любимый небесами,
Ужъ пѣлъ безсмертными стихами
Несчастье Невскихъ береговъ.

Но бѣдный, бѣдный мой Евгений....
Увы! его смятенный умъ
Противъ ужасныхъ потрясеній
Не устоялъ. Мятежный шумъ
Невы и вѣтровъ раздавался
Въ его ушахъ. Ужасныхъ думъ
Безмолвно полонъ, онъ скитался;

Его терзалъ какой-то сонъ.
Прошла недѣля, мѣсяцъ — онъ
Къ себѣ домой не возвращался.
Его пустынный уголокъ
Отдалъ въ наймы, какъ вышелъ срокъ,
Хозяинъ бѣдному поэту.
Евгеній за своимъ добромъ
Не приходилъ. Онъ скоро свѣту
Сталъ чуждъ. Весь день бродилъ пѣшкомъ,
А спалъ на пристани; питался
Въ окошко поданнымъ кускомъ;
Одежда ветхая на немъ
Рвалась и тлѣла. Злые дѣти
Бросали камни вслѣдъ ему;
Нерѣдко кучерскія плети
Его стегали, потому
Что онъ не разбиралъ дороги
Ужъ никогда; казалось, онъ
Не примѣчалъ. Онъ оглушенъ
Былъ шумомъ внутренней тревоги.
И такъ онъ свой несчастный вѣкъ
Влачилъ — ни звѣрь, ни человѣкъ,
Ни то, ни сѣ — ни житель свѣта,
Ни призракъ мертвый....

Разъ онъ спалъ

У Невской пристани. Дни лѣта
Клонились къ осени. Дышалъ
Ненастный вѣтеръ. Мрачный валъ
Плескалъ на пристань, ропща пѣни
И бясь о гладкія ступени,
Какъ челобитчикъ у дверей
Ему невнемлющихъ судей.
Бѣднякъ проснулся. Мрачно было;
Дождь капалъ; вѣтеръ вылъ уныло —
И съ нимъ вдали, во тьмѣ ночной,

Перекликался часовой....
Вскочилъ Евгеній, вспомнилъ живо
Онъ прошлый ужасъ; торопливо
Онъ всталъ; пошелъ бродить, и вдругъ
Остановился, и вокругъ
Тихонько сталъ водить очами
Съ боязнью дикой на лицѣ.
Онъ очутился подъ столбами
Большаго дома. На крыльцѣ.
Съ поднятой, какъ живые,
Стояли львы сторожевые,
И прямо въ темной вышинѣ,
Надъ огражденною скалою,
Гигантъ съ простертою рукою
Сидѣлъ на бронзовомъ конѣ.

Евгеній вздрогнулъ. Прояснились
Въ немъ страшно мысли. Онъ узналъ
И мѣсто, гдѣ потопъ игралъ,
Гдѣ волны хищныя толпились,
Бунтуя злобно вокругъ него,
И львовъ, и площадь, и Того,
Кто неподвижно возвышался
Во мракѣ мѣдною главой,
Того, чьей волей роковой
Подъ моремъ городъ основался....
Ужасенъ онъ въ окрестной мглѣ!
Какая дума на челѣ!
Какая сила въ немъ сокрыта!
А въ семъ конѣ какой огонь!
Куда ты скачешь, гордый конь,
И гдѣ опустишь ты копыта?
О, мощный властелинъ судьбы!
Не такъ-ли ты надъ самой бездно й,

На высотѣ, уздой желѣзной
Россію вздернуть на дыбы?

Кругомъ подножія кумира
Безумецъ бѣдный обошелъ,
И взоры дикіе навелъ
На ликъ державца полуміра.
Стѣснилась грудь его. Чело
Къ рѣшеткѣ хладной прилегло,
Глаза подернулись туманомъ,
По сердцу пламень пробѣжалъ,
Вскипѣла кровь: онъ мрачно сталъ
Предъ горделивымъ истуканомъ —
И зубы стиснувъ, пальцы сжавъ,
Какъ обуянный силой черной:
«Добро, строитель чудотворный!»
Шепнулъ онъ, злобно задрожавъ:
«Ужо тебя!» И вдругъ стремглавъ
Бѣжать пустился. Показалось
Ему, что грознаго царя,
Мгновенно гнѣвомъ возгоря,
Лице тихонько обращалось....
И онъ по площади пустой
Бѣжитъ, и слышитъ за собой,
Какъ-будто грома грохотанье,
Тяжело-звонкое скаканье
По потрясенной мостовой —
И, озаренъ луною блѣдной,
Простерши руку въ вышинѣ,
За нимъ несется всадникъ мѣдный
На звонко-скачущемъ конѣ —
И во всю ночь, безумецъ бѣдный
Куда стопы ни обращалъ,
За нимъ повсюду всадникъ мѣдный
Съ тяжелымъ топотомъ скакалъ.

И съ той поры, когда случалось
Идти той площадью ему,
Въ его лицѣ изображалось
Смятенье; къ сердцу своему
Онъ прижималъ поспѣшно руку
Какъ-бы его смиряя муку;
Картузъ изношенный снималъ,
Смущенныхъ глазъ не поднималъ,
И шелъ сторонкой.

Островъ малый
На взморьѣ видѣнъ. Иногда
Причалить съ неводомъ туда
Рыбакъ, на ловлѣ запоздалый,
И бѣдный ужинъ свой варить;
Или чиновникъ посѣтитъ,
Гуляя въ лодкѣ, въ Воскресенье,
Пустынный островъ. Не взросло
Тамъ ни былинки. Наводненье
Туда, играя, занесло
Домишко ветхій. Надъ водою
Остался онъ какъ черный кустъ —
Его прошедшею весною
Свезли на баркѣ. Былъ онъ пустъ
И весь разрушенъ. У порога
Нашли безумца моего....
И тутъ-же хладный трушъ его
Похоронили, ради Бога.

31 Ноября 1833. Болдино.

ХІІІ. АНДЖЕЛО.

(1833).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Въ одномъ изъ городовъ Италіи счастливой
Когда-то властвовалъ предобрый, старый Дукъ,
Народа своего отецъ чадолюбивый,
Другъ мира, истины, художествъ и наукъ.
Но власть верховная не терпитъ слабыхъ рукъ,
А добротѣ своей онъ слишкомъ предавался.
Народъ любилъ его, и вовсе не боялся.
Въ судѣ его дремалъ карающій Законъ,
Какъ дряхлый звѣрь, уже къ ловитвѣ неспособный.
Дукъ это чувствовалъ въ душѣ своей незлобной,
И часть сѣтовалъ. Самъ ясно видѣлъ онъ,
Что хуже дѣдушекъ съ дня на день были внуки,
Что грудь кормилицы ребенокъ ужъ кусалъ,
Что правосудіе сидѣло сложа руки
И по носу его лѣнивый не щелкалъ.

II.

Нерѣдко добрый Дукъ, раскаяньемъ смущенный,
Хотѣлъ возстановить порядокъ упущенный;
Но какъ? Зло явное, терпимое давно,
Молчаніемъ суда уже дозволено,
И вдругъ его казнить совсѣмъ несправедливо

И странно было-бы, тому-же особливо,
Кто первый самъ его потворствомъ ободрялъ.
Что дѣлать? Долго Дукъ терпѣлъ и размышлялъ.
Размысливъ наконецъ, рѣшился онъ на время
Предать инымъ рукамъ верховной власти бремя,
Чтобъ новый властелинъ расправой новой могъ
Порядокъ вдругъ завести, и былъ-бы крутъ и строгъ.

III.

Былъ нѣкто Анджело, мужъ опытный, не новый
Въ искусствѣ властвовать, обычаемъ суровый,
Блѣднѣющій въ трудахъ, ученьи и постѣ,
За нравы строгіе прославленный вездѣ,
Стѣснившій весь себя оградой законной,
Съ нахмуреннымъ лицомъ и съ волей непреклонной.
Его-то старый Дукъ намѣстникомъ нарекъ,
И въ ужасъ ополчилъ и милостью облекъ,
Неограниченны права ему вручая.
А самъ, докучнаго вниманья избѣгая,
Съ народомъ не простясь, incognito, одинъ
Пустился странствовать, какъ древній Паладинъ.

IV.

Лишь только Анджело вступилъ во управление,
И все тотчасъ другимъ порядкомъ потекло,
Пружины ржавыя опять пришли въ движеніе,
Законы поднялись, хватая въ когти зло;
На полныхъ площадяхъ, безмолвныхъ отъ боязни,
По Пятницамъ пошли разыгрываться казни,
И ухо сталъ себѣ почесывать народъ
И говорить: хе, хе, да этотъ ужъ не тотъ!

V.

Между законами, забытыми въ ту пору,
Жестокій былъ одинъ: законъ сей изрекалъ

Прелюбодѣю смерть. Такого приговору
Въ томъ городѣ никто не помнилъ, не слыхалъ.
Угрюмый Анджело въ громадѣ уложенъя
Отрылъ его, и въ страхъ повѣсамъ городскимъ
Опять его на свѣтъ пустилъ для исполненъя,
Сурово говоря помощникамъ своимъ:
«Пора намъ зло пугнуть. Въ балованномъ народѣ
Преобратилися привычки ужъ въ права,
И шмыгаютъ кругомъ закона на свободѣ,
Какъ мыши около зѣвающаго льва.
Законъ не долженъ быть пужало изъ тряпицы,
На космъ наконецъ уже садятся птицы.»

VI.

Такъ Анджело на всѣхъ навелъ невольнo дрожь.
Роптали вообще, смѣялась молодежь,
И въ шуткахъ строгаго вельможи не щадила,
Межъ-тѣмъ какъ вѣтренно надъ бездною скользила.
И первый подъ топоръ безпечной головой
Попался Клавдію, патрицій молодой.
Въ надеждѣ всю бѣду со временемъ исправить,
И не любовницу, супругу въ свѣтъ представить,
Джувелету нѣжную успѣлъ онъ обольстить,
И къ тайнствамъ любви безбрачной поклонить.
Но ихъ послѣдствія, къ несчастью, явны стали;
Младыхъ любовниковъ свидѣтели застали,
Ославили въ судѣ взаимный ихъ позоръ,
И юношѣ прочли законный приговоръ.

VII.

Несчастный, выслушавъ жестокое рѣшенъе,
Съ поникшей головой обратно шелъ въ тюрьму,
Невольнo каждому внушая сожалѣнъе
И горько сѣтуя. На встрѣчу вдругъ ему

Попался Луціо, гуляка беззаботный,
 Повѣса, вздорный враль, но малый доброхотный.
 «Другъ, молвилъ Клавдіо, молю! не откажи:
 Сходи ты въ монастырь къ сестрѣ моей. Скажи,
 Что долженъ я на смерть идти; чтобъ поспѣшила
 Она спасти меня, друзей-бы упростила,
 Иль даже-бы пошла къ намѣстнику сама.
 Въ ней много, Луціо, искусства и ума;
 Богъ далъ ей рѣчамъ увѣрчивость и сладость;
 Къ тому-жъ и безъ рѣчей рыдающая младость
 Мягчитъ сердца людей.» — Изволь, поговорю,
 Гуляка отвѣчалъ, и самъ къ монастырю
 Тотчасъ отправился.

VIII.

Младая Изабелла

Въ то время съ важною монахиней сидѣла,
 Постричься черезъ день она должна была,
 И разговоръ о томъ со старицей вела.
 Вдругъ Луціо звонитъ и входитъ. У рѣшетки
 Его привѣтствуетъ, перебирая четки,
 Полузатворница: «Кого угодно вамъ?»
 — Дѣвица (и судя по розовымъ щекамъ
 Увѣренъ я, что вы дѣвица въ самомъ дѣлѣ),
 Нельзя-ли доложить прекрасной Изабеллѣ,
 Что къ ней меня прислалъ ея несчастный братъ. —
 «Несчастный!... почему, что съ нимъ? скажите смѣло:
 Я Клавдіо сестра.» — Нѣтъ, право? Очень радъ.
 Онъ кланяется вамъ сердечно. Вотъ въ чемъ дѣло:
 Вашъ братъ въ тюрьмѣ. — «За что?» — Зато, за что-быя
 Благодарилъ его, красавица моя,
 И не было-бъ ему инаго наказанья —
 (Тутъ онъ въ подробныя пустился описанья,
 Немного жесткія своею наготой

Для дѣвственныхъ ушей отшельницы молодой;
Но со вниманіемъ все выслушала дѣва,
Безъ приторныхъ причудъ стыдливости и гнѣва.
Она чиста была душею какъ эфиръ:
Ее смутить не могъ невѣдомый ей міръ
Своею суетой и праздными рѣчами).

— Теперь, примолвилъ онъ, осталось лишь мольбами
Вамъ тронуть Анджело, и вотъ о чемъ просилъ
Васъ братецъ. — «Боже мой, дѣвица отвѣчала,
Когда-бъ отъ словъ моихъ я пользы ожидала!...
Но сомнѣваюся; во мнѣ не станетъ силъ....»
— Сомнѣнья намъ враги, тотъ съ жаромъ возразилъ,
Насъ неудачею предатели страшатъ,
И благо вѣрное достать не допускаютъ.
Ступайте къ Анджело, и знайте отъ меня,
Что если дѣвица, колѣна преклоня
Передъ мужчиною, и проситъ, и рыдаетъ,
Какъ Богъ, онъ все даетъ, чего ни пожелаетъ. —

IX.

Дѣвица, отпросясь у матери честной,
Съ усерднымъ Луціо къ вельможѣ поспѣшила,
И на колѣна ставъ, смиренною мольбой
За брата своего намѣстника молила.
— Дѣвица, отвѣчалъ суровый человекъ,
Спасти его нельзя; твой братъ свой отжилъ вѣкъ,
Онъ долженъ умереть. — Заплакавъ Изабелла
Склонилась передъ нимъ и прочь идти хотѣла,
Но добрый Луціо дѣвицу удержалъ.
«Не отступайтесь такъ», онъ тихо ей сказалъ:
Просите вновь его; бросайтесь на колѣни,
Хватайтесь за плащъ, рыдайте; слезы, пѣни,
Всѣ средства женскаго искусства вы должны
Теперь употребить. Вы слишкомъ холодны,

Какъ-будто рѣчь идетъ межъ вами про иголку:
Конечно, если такъ, не будетъ вѣрно толку.
Не отставайте-же, еще!»

X.

Она опять

Усердною мольбой стыдливо умолять
Жестокосердаго блюстителя закона.
«Повѣрь мнѣ, говоритъ, ни царская корона,
Ни мечъ намѣстника, ни бархатъ судіи,
Ни полководца жезлъ — всѣ почести сіи —
Земныхъ властителей ничто не украшаютъ
Какъ милосердіе. Оно ихъ возвышаетъ.
Когда-бъ во власть твою мой братъ былъ облеченъ,
А ты былъ Клавдію, ты могъ-бы пасть, какъ онъ,
Но братъ-бы не былъ строгъ какъ ты.»

XI.

Ея укоромъ

Смущенъ былъ Анджело. Сверкая мрачнымъ взоромъ,
«Оставь меня, прошу», сказалъ онъ тихо сѣ.
Но дѣва скромная и жарче и смѣлѣй
Была часъ отъ часу. «Помилуй! говорила,
Подумай, если тотъ, чья праведная сила
Прошаетъ и цѣлитъ, судилъ-бы грѣшныхъ насъ
Безъ милосердія, скажи, что было-бъ съ нами?
Подумай — и любви услышишь въ сердцѣ гласъ,
И милость нѣжная твоими дохнетъ устами,
И новый человекъ ты будешь.»

XII.

Онъ въ отвѣтъ:

«Поди, твои мольбы пустая словъ утрата.
Не я, законъ казнить. Спасти нельзя мнѣ брата,
И завтра онъ умретъ.»

ИЗABELЛА.

Какъ завтра! что? Нѣтъ, нѣтъ.
Онъ не готовъ еще.... подумай, въ самомъ дѣлѣ:
Ты знаешь, Государь, несчастный осужденъ
За преступленіе, которое доселѣ
Прошалося каждому; постраждетъ первый онъ.

АНДЖЕЛО.

Законъ не умиралъ, но былъ лишь въ усыпленъ;
Теперь проснулся онъ.

ИЗABELЛА.

Будь милостивъ!

АНДЖЕЛО.

Нелзя.

Потворствовать грѣху есть тоже преступленіе:
Карая одного, спасаю многихъ я.

ИЗABELЛА.

Ты-ль первый изречешь сей приговоръ ужасный?
И первой жертвою мой будетъ братъ несчастный!
Нѣтъ, нѣтъ! будь милостивъ. Уже-ль душа твоя
Совсѣмъ безвинная? спросись у ней: уже-ли
И мысли грѣшныя въ ней отъ роду не тлѣли?

XIII.

Невольно онъ вздрогнулъ, поникнулъ головой,
И прочь идти хотѣлъ. Она: «Постой, стой!
Послушай, воротись! Великими дарами
Я задарю тебя..., прими мои дары,
Они не суетны, но честны и добры,

И будешь ими ты дѣлиться съ небесами:
 Я одарю тебя молитвами души
 Предъ утренней зарей, въ полунощной тиши,
 Молитвами любви, смиренія и мира,
 Молитвами святыхъ, угодныхъ небу дѣвъ,
 Въ уединеніи умершихъ ужъ для міра,
 Живыхъ для Господа.»

Смущенъ и присмирѣвъ,
 Онъ ей свиданіе на завтра назначаетъ,
 И въ отдаленные покои поспѣшаетъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

День цѣлый Анджели, безмолвный и угрюмой,
 Сидѣлъ уединясь, объять одною думой,
 Однимъ желаніемъ; всю ночь не тронулъ сонъ
 Усталыхъ вѣждъ его. «Что-жъ это, мыслить онъ,
 Уже-ль ее люблю, когда хочу такъ сильно
 Услышать вновь ее, и взоръ мой усладить
 Дѣвичьей прелестью? По ней груститъ умильно
 Душа.... Или когда святаго уловить
 Захочетъ бѣсъ, тогда приманкою святою
 И манить онъ на крюкъ? Нескромной красотою
 Я не былъ отъ роду къ соблазнамъ увлеченъ,
 И чистой дѣвою теперь я побѣжденъ.
 Влюбленный человекъ доселѣ мнѣ казался
 Смѣшнымъ, и я его безумству удивлялся.
 А нынѣ!...»

II.

Размышлять, молиться хочетъ онъ;
 Но мыслить, молится разсѣянно. Словами

Онъ небу говорить, а волей и мечтами
 Стремится къ ней одной. Въ унынье погруженъ,
 Устами праздными вращалъ онъ имя Бога,
 А въ сердцѣ грѣхъ кипѣлъ. Душевная тревога
 Его ослепила. Правленіе для него,
 Какъ дѣльная, давно затверженная книга,
 Несноснымъ сдѣлалось. Скучалъ онъ; какъ отъ ига
 Отречься былъ готовъ отъ сана своего;
 А важность мудрую, которой столь гордился,
 Которой весь народъ безсмысленно дивился,
 Цѣнилъ онъ ни во что и сравнивалъ съ перомъ,
 Носимымъ въ воздухѣ летучимъ вѣтеркомъ....

.

Поутру къ Анджело явилась Изабелла
 И странный разговоръ съ намѣстникомъ имѣла.

III.

АНДЖЕЛО.

Что скажешь?

ИЗАВЕЛЛА.

Волю я твою пришла узнать.

АНДЖЕЛО.

Ахъ, если-бы ее могла ты угадать!...
 Твой братъ не долженъ жить.... а могъ-бы.

ИЗАВЕЛЛА.

Почему-же

Простить нельзя его?

АНДЖЕЛО.

Простить? Что въ мірѣ хуже
 Столь гнуснаго грѣха? Убійство легче.

ИЗABELЛА.

Да,

Такъ судятъ въ небесахъ, но на землѣ, когда?

Анжелю.

Ты думаешь? такъ вотъ тебѣ предположеніе:
Что, если-бъ отдали тебѣ на разрѣшеніе
Оставить брата влечь ко плахѣ на убой,
Иль искупить его, пожертвовавъ собой
И плоть предавъ грѣху?

ИЗABELЛА.

Скорѣе, чѣмъ душою,
Я плотью жертвовать готова.

Анжелю.

Я съ тобою
Теперь не о душѣ толкую.... дѣло въ томъ,
Братъ осужденъ на казнь; спасти его грѣхомъ
Не милосердіе-ль?

ИЗABELЛА.

Предъ Богомъ я готова
Душею отвѣчать: грѣха въ томъ никакого,
Повѣрь, и нѣтъ. Спаси ты брата моего!
Тутъ милость, а не грѣхъ.

Анжелю.

Спасешь-ли ты его,
Коль милость навѣсахъ равно съ грѣхомъ потянетъ?

ИЗABELЛА.

О, пусть моимъ грѣхомъ спасеніе брата станеть!
Коль это только грѣхъ, о томъ готова я
Молиться день и ночь.

АНДЖЕЛО.

Нѣтъ, выслушай меня:
Или ты словъ моихъ совсѣмъ не понимаешь,
Или понять меня нарочно избѣгаешь;
Я проще изъяснюсь: твой братъ приговоренъ.

ИЗАВЕЛЛА.

Такъ.

АНДЖЕЛО.

Смерть изрекъ ему рѣшительно законъ.

ИЗАВЕЛЛА.

Такъ точно.

АНДЖЕЛО.

Средство есть одно къ его спасенью.
(Все это клонится къ тому предположенью,
И только есть вопросъ и больше ничего).
Положимъ: тотъ, кто-бъ могъ одинъ спасти его,
(Наперсникъ судиѣ, иль самъ, по сану властный
Законы толковать, смягчить ихъ смыслъ ужасный)
Къ тебѣ желаньемъ былъ преступнымъ воспаленъ,
И требовалъ, чтобъ ты казнь брата искупила
Своимъ паденіемъ; не то — рѣшить законъ.
Что скажешь? какъ-бы ты въ умѣ своемъ рѣшила?

ИЗАВЕЛЛА.

Для брата, для себя рѣшилась-бы скорѣй,
Повѣрь, какъ яхонты, носить рубцы бичей
И лечь въ кровавый гробъ спокойно, какъ на ложе,
Чѣмъ осквернить себя.

АНДЖЕЛО.

Твой братъ умереть!

ИЗABELЛА.

Такъ что-же,
Онъ лучший путь себѣ конечно изберетъ.
Безчестіемъ сестры души онъ не спасетъ.
Братъ лучше разъ умри, чѣмъ гибнуть мнѣ навѣчно.

АНДЖЕЛО.

За что-жъ казалось тебѣ безчеловѣчно
Рѣшеніе суда? Ты обвиняла насъ
Въ жестокосердіи. Давно-ль еще? сейчасъ
Ты праведный законъ тираномъ называла,
А братній грѣхъ едва-ль не шуткой почитала.

ИЗABELЛА.

Прости, прости меня. Невольно я душой
Тогда лукавила. Увы! себѣ самой
Противорѣчила я, милое спасая,
И ненавистное притворно извиняя.
Мы слабы.

АНДЖЕЛО.

Я твоимъ признаніемъ ободренъ.
Такъ, женщина слаба, я въ этомъ убѣжденъ,
И говорю тебѣ: будь женщина, не болѣ —
Иль будешь ничего. Такъ покорися волѣ
Судьбы своей.

ИЗABELЛА.

Тебя я не могу понять.

АНДЖЕЛО.

Поймешь: люблю тебя.

ИЗABELЛА.

Увы! что мнѣ сказать?
Джюльету братъ любилъ, и онъ умеръ, несчастный.

АНДЖЕЛО.

Люби меня, и живъ онъ будетъ.

ИЗABELЛА.

Знаю: властный
Испытывать другихъ, ты хочешь....

АНДЖЕЛО.

Нѣтъ, клянусь,
Отъ слова моего теперь не отопрусь:
Клянуся честію!

ИЗABELЛА.

О много, много чести!
И дѣло честное!... Обманщикъ! Демонъ лести,
Сейчасъ мнѣ, Клавдіо, свободу подпиши,
Или поступокъ твой и черноту души
Я всюду разглашу — и полно лицемѣрить
Тебѣ передъ людьми.

АНДЖЕЛО.

И кто-же станетъ вѣрить?
По строгости моей извѣстенъ свѣту я;
Молва всеобщая, мой санъ, вся жизнь моя
И самый приговоръ надъ братней головою
Представятъ твой доносъ безумной клеветой.
Теперь я волю далъ стремленію страстей.
Подумай и смирись предъ волею моей;

Брось эти глупости: и слезы, и моленья,
И краску робкую. Отъ смерти, отъ мученья
Тѣмъ брата не спасешь. Покорностью одной
Искупншь ты его отъ плахи роковой.
До завтра отъ тебя я стану ждать отвѣта.
И знай, что твоего я не боюсь извѣта.
Что хочешь говори, не пошатнуса я.
Всю истину твою низвергнетъ ложь моя.

IV.

Сказалъ и вышелъ вонъ, невинную дѣвицу
Остави въ ужасѣ. Поднявши къ небесамъ
Молящій, ясный взоръ и чистую десницу,
Отъ мерзостныхъ палатъ спѣшитъ она въ темницу.
Дверь отворилась ей, и братъ ея глазамъ
Представился.

V.

Въ цѣпяхъ, въ уныніи глубокомъ,
О свѣтскихъ радостяхъ стараясь не жалѣть,
Еще надѣясь жить, готовясь умереть,
Безмолвенъ онъ сидѣлъ, и съ нимъ, въ плащѣ широкомъ,
Подъ чернымъ куколемъ, съ Распятіемъ въ рукахъ,
Согбенный старостью бесѣдовалъ монахъ.
Старикъ доказывалъ страдальцу молодому,
Что смерть и бытіе равны одна другому,
Что здѣсь и тамъ одна безсмертная душа,
И что подлунный міръ не стоитъ ни гроша.
Съ нимъ бѣдный Клавдіо печально соглашался,
А въ сердцѣ милою Джульетой занимался.
Отшельница вошла: миръ вамъ! — Очнулся онъ,
И смотритъ на сестру, мгновенно оживленъ.
«Отецъ мой, говоритъ монаху Изабелла,

Я съ братомъ говорить одна-бы здѣсь хотѣла.»
Монахъ оставилъ ихъ.

VI.

Клавдіо.

Что-жъ, милая сестра,
Что скажешь?

Изабелла.

Милый братъ, пришла тебѣ пора.

Клавдіо.

Такъ нѣтъ спасенья?

Изабелла.

Нѣтъ, иль развѣ поплатиться
Душей за голову?

Клавдіо.

Такъ средство есть одно?

Изабелла.

Такъ, есть. Ты могъ-бы жить. Судья готовъ
смягчиться.

Въ немъ милосердіе бѣсовское: оно
Тебѣ даруетъ жизнь за узы муки вѣчной.

Клавдіо.

Что? вѣчная тюрьма?

Изабелла.

Тюрьма — хоть безъ оградъ,
Безъ цѣпи.

КЛАВДІО.

Изъяснись, что-жъ это?

ИЗАВЕЛЛА.

Другъ сердечной,
Братъ милый! Я боюсь.... Послушай, милый братъ:
Семь, восемь лишнихъ лѣтъ уже-ль тебѣ дороже
Всегдашней чести? Братъ, боишься-ль умереть?
Что чувство смерти? мигъ. И много-ли терпѣть?
Раздавленный червякъ при смерти терпитъ то-же,
Что терпитъ великанъ.

КЛАВДІО.

Сестра! или я трусь?
Или идти на смерть во мнѣ не станетъ силы?
Повѣрь, безъ трепета отъ міра отрѣшусь,
Коль долженъ умереть, и встрѣчу ночь могилы
Какъ дѣву милую.

ИЗАВЕЛЛА.

Вотъ братъ мой! узнаю;
Изъ гроба слышу я отцовскій голосъ. Точно:
Ты долженъ умереть; умри-же безпорочно.
Послушай, ничего тебѣ не утаю;
Тотъ грозный судія, святоша тотъ жестокой,
Чьи взоры строгіе во всѣхъ рождать боязнь,
Чья избранная рѣчь шлетъ отроковъ на казнь —
Самъ демонъ; сердце въ немъ черно, какъ адъ глубокой
И полно мерзостью.

КЛАВДІО.

Намѣстникъ?

ИЗABELЛА.

Адъ облекъ
Его въ свою броню. Лукавый человѣкъ!...
Знай: если-бъ я его безстыдное желанье
Рѣшилась утолить, тогда-бы могъ ты жить.

КЛАВДІО.

О нѣтъ, не надобно.

ИЗABELЛА.

На гнусное свиданье,
Сказалъ онъ, нынче въ ночь должна я поспѣшить,
Иль завтра ты умрешь.

КЛАВДІО.

Не иди, сестра.

ИЗABELЛА.

Братъ милый!
Богъ видитъ: ежели одной моей могилой
Могла-бы я 'тебя отъ казни искупить,
Не стала-бъ болѣе иголки дорожить
Я жизнию моей.

КЛАВДІО.

Благодарю, другъ милый!

ИЗABELЛА.

Такъ завтра, Клавдіо, ты къ смерти будь готовъ.

КЛАВДІО.

Да, такъ... и страсти въ немъ кипятъ съ такою силой!
.... Для одного мгновенья

Уже-ль себя сгубить рѣшился-бъ онъ на вѣкъ?
Нѣтъ, я не думаю, онъ умный человѣкъ.
Ахъ, Изабелла!

ИЗАВЕЛЛА.

Что? что скажешь?

КЛАВДІО.

Смерть ужасна!

ИЗАВЕЛЛА.

И стыдъ ужасенъ.

КЛАВДІО.

Такъ — однако-жъ.... умереть,
Идти невѣдомо куда, во гробъ тлѣть,
Въ холодной тѣснотѣ.... Увы! земля прекрасна
И жизнь мила. А тутъ — войти въ нѣмую мглу,
Стремглавъ пизвергнуться въ кипящую смолу,
Или во льду застыть, иль съ вѣтромъ быстротечнымъ
Носиться въ пустотѣ, пространствомъ безконечнымъ.

.
.
.
.

ИЗАВЕЛЛА.

О, Боже!

КЛАВДІО.

Другъ ты мой! Сестра! позволь мнѣ жить.
Ужъ если будетъ грѣхъ спасти отъ смерти брата,
Природа извинитъ.

Изабелла.

Что смѣешь говорить?

Трусь! тварь бездушная! отъ сестрина разврата
Себѣ ты жизни ждѣшь!... кровосмѣситель! Нѣтъ,
Я думать не могу, нельзя чтобъ жизнь и свѣтъ
Моимъ отцемъ тебѣ даны. Прости мнѣ, Боже!
Нѣтъ, осквернила мать отеческое ложе,
Коль понесла тебя. Умри. Когда-бы я
Спасти тебя могла лишь волею моею,
То все-таки-бъ теперь свершилась казнь твоя.
Я тысячу молитвъ за смерть твою имѣю,
За жизнь — ужъ ни одной.

Клавдіо.

Сестра стой, стой!

Сестра, прости меня!

VII.

И узникъ молодой

Удерживалъ ее за платье. Изабелла
Отъ гнѣва своего насилу охладѣла,
И брата бѣднаго простила, и опять
Ласкаи начала страдальца утѣшать.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Монахъ стоялъ межъ-тѣмъ за дверью отпертою
И слышалъ разговоръ межъ братомъ и сестрою.
Пора мнѣ вамъ сказать, что старый сей монахъ
Ничто иное былъ, какъ Дукъ переодѣтой.
Пока народъ считалъ его въ чужихъ краяхъ

И сравнивалъ, шутя, съ бродящею кометою,
 Скрывался онъ въ толпѣ, все видѣлъ, наблюдалъ
 И соглядатаемъ незримымъ посѣщалъ
 Палаты, площади, монастыри, больницы,
 Развратные дома, театры и темницы.
 Воображеніе живое Дукъ имѣлъ;
 Романы онъ любилъ, и можетъ быть хотѣлъ
 Халифу подражать Гаруну Аль-Рашиду.
 Младой отшельницы подслушавъ весь разговоръ,
 Въ растроганномъ умѣ рѣшилъ онъ тотъ-же часъ
 Не только наказать жестокость и обиду,
 Но сладить кое-что.... Онъ тихо въ дверь вошелъ,
 Дѣвицу отозвалъ и въ уголокъ отвелъ
 «Я слышалъ все, сказалъ, ты похвалы достойна:
 Свой долгъ исполнила ты свято; но теперь
 Предайся-жъ ты моимъ совѣтамъ. Будь покойна,
 Все къ лучшему придетъ; послушна будь и вѣрь.»
 Тутъ онъ ей объяснилъ свое предположеніе,
 И далъ прощальное свое благословеніе.

II.

Друзья! повѣрите-ль, чтобъ мрачное чело,
 Угрюмой, злой души печальное зеркало,
 Желанья женскія на вѣки привязало
 И нѣжной красотѣ поправиться могло?
 Не чудно-ли? Но такъ. Сей Анджело надменный,
 Сей злобный человекъ, сей грѣшникъ — былъ любимъ
 Душею нѣжною, печальною и смиренной,
 Душей отверженной мучителемъ своимъ.
 Онъ былъ давно женатъ. Летунья легкокрыла,
 Младой его жены молва не пощадила,
 Безъ доказательства насмѣшливо коря;
 И онъ ее прогналъ, надменно говоря:
 «Пускай себѣ молвы неправо обвиненье,

Нѣтъ нужды. Не должно коснуться подозрѣнїе
Къ супругѣ Кесаря.» Съ тѣхъ поръ она жила
Одна въ предмѣстіи, печально изнывая.
Объ ней-то вспомнилъ Дукъ, и дѣва молодая
По наставленію монаха къ ней пошла.

III.

Марьяна подѣ окномъ за пряжею сидѣла
И тихо плакала. Какъ ангелъ, Изабелла
Предъ ней нечаянно явилась у дверей.
Отшельница была давно знакома съ ней,
И часто утѣшать несчастную ходила.
Монаха мысль она ей тотчасъ объяснила.
Марьяна, только лишь настанетъ ночи мгла,
Къ палатамъ Анджело идти должна была,
Въ саду съ нимъ встрѣтиться подѣ каменной оградой,
И наградить его условленной наградой.
Чуть внятнымъ шепотомъ, прощаяся, шепнуть
Лишь только то: *теперь о братѣ не забудь.*
Марьяна, блѣдная, сквозь слезы улыбалась,
Готовилась дрожа — и дѣва съ ней разсталась.

IV.

Всю ночь въ темницѣ Дукъ послѣдствій ожидалъ,
И сѣдя съ Клавдіо, страдальца утѣшалъ.
Предъ свѣтомъ снова къ нимъ явилась Изабелла.
Все шло какъ надобно: сейчасъ у ней сидѣла
Марьяна блѣдная, съ успѣхомъ возвратясь,
И мужа обманувъ. Денница занялась —
Вдругъ запечатанный приказъ приносить вѣстникъ
Начальнику тюрьмы. Читаютъ: что-жъ? Намѣстникъ
Немедля узника приказывалъ казнить
И голову его въ палаты предъявить.

V.

Замыслилъ новую затѣю Дукъ — представить
Начальнику тюрьмы свой перстень и печать,
И казнь остановить, а къ Анджело отправить
Другую голову, велѣвъ обрить и снять
Ее съ широкихъ плечъ разбойника морскаго,
Горячкой въ ту-же ночь умершаго въ тюрьмѣ,
А самъ отправился, дабы вельможу злаго
Столь гнусныя дѣла творящаго во тьмѣ,
Предъ свѣтомъ обличить.

VI.

Едва молва невнятно
О казни Клавдіо успѣла пробѣжать,
Пришла другая вѣсть. Узнали, что обратно
Ко граду ѣдетъ Дукъ. Народъ его встрѣчать
Толпами кинулся. И Анджело смущенный,
Грызомой совѣстью, предчувствіемъ стѣсненный,
Туда-же поспѣшилъ. Улыбкой добрый Дукъ
Привѣтствуетъ народъ, тѣснящійся вокругъ,
И дружно къ Анджело протягиваетъ руку.
И вдругъ раздался крикъ — и прямо въ ноги Дуку
Дѣвица падаетъ. «Помилуй, Государь!
Ты щитъ невинности, ты милости алтарь,
Помилуй!...» Анджело блѣднѣетъ и трепещетъ
И взоры дикіе на Изабеллу мечетъ....
Но побѣдилъ себя. Оправиться успѣвъ,
«Она помѣшана, сказалъ онъ, видѣвъ брата
Приговореннаго на смерть. Сія утрата
Въ ней разумъ потрясла....»

Но обнаружа гнѣвъ

И долго скрытое въ душѣ негодование:
«Все знаю, молвилъ Дукъ, все знаю! наконецъ
Злодѣйство на землѣ получить воздаянне.
Дѣвица, Анджело! за мною, во дворецъ!»

VII.

У трона во дворцѣ стояла Маріана
И бѣдный Клавдіо. Злодѣй увидя ихъ,
Затрепеталъ, челомъ поникнулъ и утихъ?
Все объяснилось, и правда изъ тумана
Возникла. Дукъ тогда: что, Анджело, скажи,
Чего достоинъ ты? Безъ слезъ и безъ боязни
Съ угрюмой твердостью тотъ отвѣчаетъ: «казни!
И объ одномъ молю: скорѣе прикажи
Вести меня на смерть.»

— Иди, сказалъ властитель,
Да гибнетъ судія-торгашъ и обольстителъ,
Но бѣдная жена къ ногамъ его упавъ,
Помилуй, молвила; ты мужа мнѣ отдавъ,
Не отымай опять; не смѣйся надо мною.
— Не я, но Анджело смѣялся надъ тобою,
Ей Дукъ отвѣтствуетъ; но о твоей судьбѣ
Самъ буду я пещись. Останутся тебѣ
Его сокровища и будешь ты награда
Супругу лучшему. — Мнѣ лучшаго не надо.
Помилуй, Государь! не будь неумолимъ.
Твоя рука меня соединила съ нимъ!
Уже-ли для того такъ долго я вдовѣла?
Онъ человѣчеству свою принесъ лишь дань.
Сестра! спаси меня! другъ милый Изабелла!
Проси ты за него, хоть на колѣна стань,
Хоть руки подыми ты молча. —

Изабелла

Душой о грѣшникѣ, какъ ангелъ, пожалѣла
И предъ властителемъ колѣна преклоня,
«Помилуй, Государь! сказала. За меня
Не осуждай его. Онъ (сколько мнѣ извѣстно,
И какъ я думаю) жилъ праведно и честно,
Покамѣстъ на меня очей не устремилъ.
Прости-же ты его!»

И Дукъ его простилъ.

ПРОСТОНАРОДНЫЯ СКАЗКИ.

(1825—1833).

І. ЖЕНИХЪ.

(1825).

Три дня купеческая дочь
Наташа пропадала;
Она на дворъ на третью ночь
Безъ памяти вбѣжала.
Съ вопросами отецъ и мать
Къ Наташѣ стали приступать.
Наташа ихъ не слышитъ,
Дрожитъ и еле дышитъ.

Тужила мать, тужилъ отецъ,
И долго приступали,
И отступились наконецъ,
А тайны не узнали.
Наташа стала, какъ была,
Опять румяна, весела,
Опять пошла съ сестрами
Сидѣть за воротами.

Разъ у тесовыхъ у воротъ,
Съ подружками своими,
Сидѣла дѣвица — и вотъ
Промчалась передъ ними

Лихая тройка съ молодцомъ.
Конями, крытыми ковромъ,
Въ санихъ онъ стоя править
И гонить всѣхъ и давить.

Онъ, поровнявшись, поглядѣлъ,
Наташа поглядѣла,
Онъ вихремъ мимо пролетѣлъ,
Наташа помертвѣла.
Стремглавъ домой она бѣжитъ
Онъ! онъ! узнала! говоритъ,
Онъ, точно онъ! держите,
Друзья мои, спасите!

Печально слушаетъ семья,
Качая головою;
Отецъ ей: «милая моя,
Откройся предо мною.
Обидѣлъ кто тебя — скажи,
Хоть только слѣдъ намъ укажи.»
Наташа плачетъ снова.
И болѣе ни слова.

На утро сваха къ нимъ на дворъ
Нежданная приходитъ.
Наташу хвалить, разговоръ
Съ отцомъ ея заводитъ:
«У васъ товаръ, у насъ купецъ;
Собою парень молодецъ,
И статной, и проворной,
Не вздорной, не зазорной.

«Богатъ, уменъ, ни передъ кѣмъ
Не кланяется въ поясъ,
А какъ бояринъ между-тѣмъ

Живетъ, не беспокоясь;
А подарить невѣстѣ вдругъ
И лисью шубу, и жемчугъ,
И перстни золотые,
И платья парчевыя.

«Катаясь, видѣлъ онъ вчера
Ее за воротами;
Не по рукамъ-ли, да съ двора,
Да въ церковь съ образами?»
Она сидитъ за пирогомъ,
Да рѣчь ведетъ обинякомъ,
А бѣдная невѣста
Себѣ не видитъ мѣста.

«Согласенъ, говоритъ отецъ;
Ступай благополучно,
Моя Наташа, подъ вѣнецъ:
Одной въ свѣтелкѣ скучно.
Не вѣкъ дѣвицей вѣковать,
Не все косаткѣ распѣвать,
Пора гнѣздо устроить,
Чтобъ дѣтушекъ покоить.»

Наташа къ стѣнкѣ уперлась
И слово молвить хочетъ —
Вдругъ зарыдала, затряслась,
И плачетъ и хохочетъ.
Въ смятеньи сваха къ ней бѣжитъ,
Водой студеною поить
И льетъ остатокъ чаши
На голову Наташи.

Крушится, охаетъ семья.
Опомнилась Наташа,

И говорить: «послушна я,
Святая воля ваша.
Зовите жениха на пиръ,
Пеките хлѣбы на весь міръ,
На славу медъ варите,
Да судъ на пиръ зовите.»

«Изволь, Наташа, ангелъ мой!
Готовъ тебѣ въ забаву
И жизнь отдать!» — И пиръ горой;
Пекутъ, варятъ на славу.
Вотъ гости честные наши,
За столъ невѣсту повели;
Поютъ подружки, плачутъ,
А вотъ и сани скачутъ.

Вотъ и женихъ, и всѣ за столъ.
Звенятъ, гремятъ стаканы.
Заздравный ковшъ кругомъ пошелъ;
Все шумно, гости пьяны.

Женихъ. «А что-же, милые друзья
Невѣста красная моя
Не пьетъ, не ѣстъ, не служитъ:
О чемъ невѣста тужить?»

Невѣста жениху въ отвѣтъ:
«Откроюсь на удачу.
Душѣ моей покоя нѣтъ,
И день и ночь я плачу:
Недоброй сонъ меня крушить.»
Отецъ ей: «что-жъ твой сонъ гласитъ?
Скажи намъ, что такое,
Дитя мое родное?»

«Мнѣ снилось, говоритъ она,
Зашла я въ лѣсъ дремучій,

И было поздно; чуть луна
Свѣтила изъ-за тучи;
Съ тропинки сбилась: въ глуши
Не слышно было ни души,
И сосны лишь да ели
Вершинами шумѣли.

«И вдругъ, какъ-будто наяву,
Изба передо мною.
Я къ ней, стучу — молчать. Зову —
Отвѣта нѣтъ; съ мольбою
Дверь отворила я. Вхожу —
Въ избѣ свѣча горитъ; гляжу —
Вездѣ серебро, да злато,
Все свѣтло и богато.»

Женихъ. «А чѣмъ-же худъ, скажи, твой сонъ?
Знать жить тебѣ богато.»

Невѣста. «Поестой, сударь, не конченъ онъ.
На серебро, на злато,
На сукна, коврики, парчу,
На новгородскую камчу,
Я молча любовалась,
И диву дивовалась.

«Вдругъ слышу крикъ и конскій топъ....
Подѣхали къ крылечку.
Я поскорѣ дверью хлопъ.
И спряталась за печку.
Вотъ слышу много голосовъ....
Взошли двѣнадцать молодцовъ,
И съ ними голубица
Красавица-дѣвица.

«Взошли толпой, не поклоняся,
Иконъ не замѣчая;

За столъ садятся не молясь,
И шапокъ не снимая.
На первомъ мѣстѣ братъ большой,
По праву руку братъ меньшей,
По лѣву голубица
Красавица-дѣвица.

«Крикъ, хохотъ, пѣсни, шумъ и звонъ,
Разгульное похмѣлье....»

Женихъ. «А чѣмъ-же худъ, скажи, твой сонъ
Вѣщаетъ онъ веселье.»

Невѣста. «Постой, сударь, не конченъ онъ.
Идетъ похмѣлье, громъ и звонъ.
Пиръ весело бушуетъ,
Лишь дѣвица горюетъ.

«Сидитъ, молчитъ, не ѣстъ, не пьетъ,
И токомъ слезы точить,
А старшій братъ свой ножъ беретъ,
Присвистывая точить;
Глядитъ на дѣвицу-красу,
И вдругъ хватаетъ за косу,
Злодѣй дѣвицу губить,
Ей праву руку рубить.»

— Ну, это, говоритъ женихъ,
Прямая небылица!
Но не тужи, твой сонъ не лихъ,
Повѣрь, душа-дѣвица. —
Она глядитъ ему въ лицо.
«А это съ чьей руки кольцо?»
Вдругъ молвила невѣста,
И все привстали съ мѣста.

Кольцо катится и звенить,
Женихъ дрожитъ блѣднѣя;

Смутились гости — судъ гласить:
Держи, вязать злодѣя!
Злодѣй окованъ, обличенъ,
И скоро смертію казненъ.
Прославилась Наташа!
И вся тутъ пѣсня наша.

II. СКАЗКА

О ЦАРѢ САЛТАНѢ, О СЫНѢ ЕГО, СЛАВНОМЪ И МОГУЧЕМЪ
БОГАТЫРѢ КНЯЗѢ ГВИДОНѢ САЛТАНОВИЧѢ И О ПРЕКРАСНОЙ
ЦАРЕВНѢ ЛЕБЕДИ.

(1831).

Три дѣвицы подъ окномъ
Пряли поздно вечеркомъ.
Кабы я была царица,
Говорить одна дѣвица,
То сама на весь-бы міръ
Приготовила я пиръ.
Кабы я была царица,
Говорить ея сестрица,
То на весь-бы міръ одна
Наткала я полотно.
Кабы я была царица,
Третья молвила сестрица,
Я-бъ для батюшки-царя
Родила богатыря.

Только вымолвить успѣла,
Дверь тихомько заскрипѣла,
И въ свѣтлицу входитъ царь,

Стороны той государь.
Во все время разговора
Онъ стоялъ позадь забора;
Рѣчь послѣдней по всему
Полюбилася ему.
«Здравствуй, красная дѣвица,
Говорить онъ, будь царица,
И роди богатыря
Мнѣ къ исходу сентября.
Вы-жъ, голубушки-сестрицы,
Выбирайтесь изъ свѣтлицы,
Поѣзжайте вслѣдъ за мной,
Вслѣдъ за мной и за сестрой:
Будь одна изъ васъ ткачиха,
А другая повариха.

Въ сѣни вышелъ царь-отецъ.
Всѣ пустились во дворецъ.
Царь не долго собирался:
Въ тотъ-же вечеръ обвѣнчался.
Царь Салтанъ за пиръ честной
Сѣлъ съ царицей молодой;
А потомъ честные гости
На кровать слоновой кости
Положили молодыхъ
И оставили однихъ.
Въ кухнѣ злится повариха,
Плачетъ у станка ткачиха —
И завидуютъ онѣ
Государевой женѣ.
А царица молодая,
Обѣщанье выполняя,
Съ той-же ночи понесла.

Въ тѣ-поры война была:
Царь Салтанъ, съ женой простясь,

На добра-коня сядяся,
Ей наказывалъ: себя
Поберечь, его любя.
Между-тѣмъ, какъ онъ далеко
Бьется долго и жестоко,
Наступаетъ срокъ, родинъ;
Сына Богъ имъ далъ въ аршинъ.
И царица надъ ребенкомъ,
Какъ орлица надъ орленкомъ;
Шлетъ съ письмомъ она гонца,
Чтобъ обрадовать отца.
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Извести ее хотятъ,
Перенять гонца велятъ;
Сами шлютъ гонца другова
Вотъ съ чѣмъ отъ слова до слова:
«Родила царица въ ночь
«Не то сына, не то дочь:
«Не мышенка, не лягушку,
«А невѣдому звѣрюшку.»

Какъ услышалъ царь-отецъ,
Что донесъ ему гонецъ,
Въ гнѣвѣ началъ онъ чудесить
И гонца хотѣлъ повѣсить;
Но, смягчившись на сей разъ,
Далъ гонцу такой приказъ:
«Ждать царева возвращенья
Для законнаго рѣшенья.»

Ѣдетъ съ грамотой гонецъ,
И пріѣхалъ наконецъ.
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой

Обождать его велятъ;
До пьяна гонца поятъ,
И въ суму его пустую
Суютъ грамоту другую —
И привезъ гонецъ хмѣльной
Въ тотъ-же день приказъ такой:
«Царь велитъ своимъ боярамъ,
Времени не тратя даромъ,
И царицу, и приплодъ
Тайно бросить въ бездну водъ.»
Дѣлать нечего, бояре,
Потуживъ о государѣ
И царицѣ молодой,
Въ спальню къ ней пришли толпой.
Объявили царску волю —
Ей и сыну злую долю,
Прочитали вслухъ указъ,
И царицу въ тотъ-же часъ
Въ бочку съ сыномъ посадили,
Засмолили, покатали
И пустили въ окіанъ —
Такъ велѣлъ-де царь Салтанъ.

Въ синемъ небѣ звѣзды блещутъ,
Въ синемъ морѣ волны хлещутъ;
Туча по небу идетъ,
Бочка по морю плыветъ.
Словно горькая вдовица,
Плачетъ, бьется въ ней царица;
И растетъ ребенокъ тамъ
Не по днямъ, а по часамъ.
День прошелъ, царица вопить....
А дитя волну торопитъ:
«Ты волна моя, волна!
Ты гульлива и вольна;

Плещешь ты, куда захочешь,
Ты морскія камни точишь,
Топишь берегъ ты земли,
Подымаешь корабли —
Не губи ты нашу душу:
Выплесни ты насъ на сушу!»
И послушалась волна:
Тутъ-же на берегъ она
Бочку вынесла легонько,
И отхлынула тихонько.
Мать съ младенцемъ спасена;
Землю чувствуетъ она.
Но изъ бочки кто ихъ вынетъ?
Богъ неужто ихъ покинетъ?
Сынъ на ножки поднялся,
Въ дно головкой уперся,
Понатужился немножко:
«Какъ-бы здѣсь на дворъ окошко
Намъ продѣлать?» молвилъ онъ,
Вышибъ дно и вышелъ вонъ.

Мать и сынъ теперь на волѣ;
Видятъ холмъ въ широкомъ полѣ,
Море синее кругомъ,
Дубъ зеленый надъ холмомъ.
Сынъ подумалъ: добрый ужинъ
Былъ-бы намъ однако нуженъ.
Ломить онъ у дуба сукъ
И въ тугой сгибать лукъ,
Со креста снурокъ шелковой
Натянулъ на лукъ дубовой,
Тонку тросточку сломилъ
Стрѣлкой легкой завоетрилъ,
И пошелъ на край долины
У моря искать дичины.

Къ морю лишь подходитъ онъ,
Вотъ и слышитъ будто стонъ....
Видно на морѣ не тихо;
Смотритъ — видитъ дѣло лихо:
Бьется лебедь средь зыбей,
Коршунъ носится надъ ней;
Та бѣдняжка такъ и плещетъ,
Воду вокругъ мутитъ и хлещетъ....
Тотъ ужъ когти распустилъ,
Клевъ кровавый наострилъ....
Но какъ разъ стрѣла запѣла,
Въ шею коршуна задѣла —
Коршунъ въ море кровь пролилъ,
Лукъ царевичъ опустилъ;
Смотритъ: коршунъ въ морѣ тонетъ
И не птичьимъ крикомъ стонетъ,
Лебедь около плыветъ,
Злаго коршуна клюетъ,
Гибель близкую торопитъ
Бьетъ крыломъ и въ морѣ топить —
И царевичу потомъ
Молвить Русскимъ языкомъ:
«Ты, царевичъ, мой спаситель,
Мой могучій избавитель,
Не тужи, что за меня
Бѣсть не будешь ты три дня,
Что стрѣла пропала въ морѣ;
Это горе — все не горе.
Отплачу тебѣ добромъ,
Сослужу тебѣ потомъ:
Ты не лебедь вѣдь избавилъ,
Дѣвицу въ живыхъ оставилъ;
Ты не коршуна убилъ,
Чародѣя подстрѣлилъ.
Въ вѣкъ тебя я не забуду:

Ты найдешъ меня повсюду,
А теперь ты воротись,
Не горюй и спать ложись.»

Улетѣла лебедь-птица,
А царевичъ и царица,
Цѣлый день проведши такъ,
Лечь рѣшились на тощакъ.
Вотъ открылъ царевичъ очи!
Отрясая грезы ночи
И дивясь, передъ собой
Видитъ городъ онъ большой;
Стѣны съ частыми зубцами,
И за бѣлыми стѣнами,
Блещутъ маковки церквей
И святыхъ монастырей.
Онъ скорѣй царицу будитъ;
Та какъ ахнетъ!... То-ли будетъ?
Говоритъ онъ, вижу я:
Лебедь тѣшится моя.
Мать и сынъ идутъ ко граду.
Лишь ступили за ограду,
Оглушительный трезвонъ
Поднялся со всѣхъ сторонъ:
Къ нимъ народъ на встрѣчу валитъ,
Хоръ церковный Бога хвалитъ;
Въ колымагахъ золотыхъ
Пышный дворъ встрѣчаетъ ихъ;
Всѣ ихъ громко величаютъ
И царевича вѣнчаютъ
Княжей шапкой, и главой
Возглашаютъ надъ собой:
И среди своей столицы,
Съ разрѣшенія царицы,

Въ тотъ-же день сталъ княжить онъ
И нарекася: князь Гвидонъ.

Вѣтеръ на морѣ гуляетъ
И корабликъ подгоняетъ:
Онъ бѣжитъ себѣ въ волнахъ
На раздутыхъ парусахъ.
Корабельщики дивятся,
На корабликъ толпятся,
На знакомомъ острову
Чудо видятъ наяву:
Городъ новой златоглавой,
Пристань съ крѣпкою заставой —
Пушки съ пристани палятъ,
Кораблю пристать велятъ.
Пристаютъ къ заставѣ гости:
Князь Гвидонъ зоветъ ихъ въ гости,
Ихъ онъ кормить и поить
И отвѣтъ держать велить;
Чѣмъ вы, гости, торгъ ведете,
И куда теперь плывете?
Корабельщики въ отвѣтъ:
Мы объѣхали весь свѣтъ,
Торговали соболями,
Чернобурыми лисами;
А теперь намъ вышелъ срокъ,
Ѣдемъ прямо на востокъ,
Мимо острова Буяна.
Въ царство славнаго Салтана....
Князь имъ вымолвилъ тогда:
Добрый путь вамъ, господа,
По морю по окіану,
Къ славному царю Салтану:
Отъ меня ему поклонъ.
Гости въ путь, а князь Гвидонъ

Съ берега душой печальной
Провожаетъ бѣгъ ихъ дальшой;
Глядь — поверхъ текущихъ водъ
Лебедь бѣлая плыветъ.
«Здравствуй, князь ты мой прекрасной!
Что ты тихъ, какъ день несчастной?
Опечалился чему?»
Говорить она ему.
Князь печально отвѣчаетъ:
Грусть-тоска меня съѣдаетъ,
Одолѣла молодца:
Видѣть я-бъ хотѣлъ отца.
Лебедь князю: «вотъ въ чемъ горе!
Ну, послушай: хочешь въ море
Полетѣть за кораблемъ?
Будь-же, князь, ты комаромъ.»
И крылами замахала,
Воду съ шумомъ расплескала,
И обрызгала его
Съ головы до ногъ всего.
Тутъ онъ въ точку уменьшился,
Комаромъ оборотился;
Полетѣлъ и запищалъ,
Судно на морѣ догналъ,
Потихоньку опустился
На корабль — и въ щель забился.

Вѣтеръ весело шумить.
Судно весело бѣжитъ
Мимо острова Буяна,
Къ царству славнаго Салтана,
И желанная страна
Вотъ ужъ издали видна.
Вотъ на берегъ вышли гости;
Царь Салтанъ зоветъ ихъ въ гости —

И за ними во дворецъ
Полетѣлъ нашъ удалецъ.
Видить: весь сіяя въ златѣ,
Царь Салтанъ сидитъ въ палатѣ
На престолѣ и въ вѣнцѣ
Съ грустной думой на лицѣ:
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Около царя сидятъ,
И въ глаза ему глядятъ.
Царь Салтанъ гостей сажаетъ
За свой столъ и вопрошаетъ:
Ой вы, гости-господа,
Долго-ль ѣздили? куда?
Ладно-ль за моремъ, иль худо?
И какое въ свѣтѣ чудо?
Корабельщики въ отвѣтъ:
Мы объѣхали весь свѣтъ;
За моремъ житье не худо,
Въ свѣтѣ-жъ вотъ какое чудо:
Въ морѣ островъ былъ крутой,
Непривольный, не жилой;
Онъ лежалъ пустой равниной;
Росъ на немъ дубокъ единой;
А теперь стоитъ на немъ
Новый городъ со дворцомъ,
Съ златоглавыми церквами,
Съ теремами и садами,
А сидитъ въ немъ князь Гвидонъ;
Онъ прислалъ тебѣ поклонъ.
Царь Салтанъ дивится чуду;
Молвить онъ: коль живъ я буду,
Чудной островъ навѣщу,
У Гвидона погощу.
А ткачиха съ поварихой,

Съ сватьей бабой Бабарихой,
Не хотятъ его пустить
Чудной островъ навѣстить.
«Ужъ диковинка, ну право,
Подмигнувъ другимъ лукаво.
Повариха говоритъ,
Городъ у моря стоитъ!
Знайте, вотъ что не бездѣлка:
Ель въ лѣсу, подъ елью бѣлка,
Бѣлка пѣсенки поетъ
И орѣшки все грызетъ,
А орѣшки не простые,
Все скорлупки золотыя,
Ядра — чистый изумрудъ.
Вотъ что чудомъ-то зовутъ.»
Чуду царь Салтанъ дивится,
А комаръ-то злится, злится —
И впился комаръ какъ разъ
Теткѣ прямо въ правой глазъ.
Повариха поблѣднѣла,
Обмерла и окривѣла.
Слуги, сватья и сестра
Съ крикомъ ловятъ комара.
«Распроклятая ты мошка!
Мы тебя!...» А онъ въ окошко,
Да спокойно въ свой удѣлъ
Черезъ море полетѣлъ.

Снова князь у моря ходитъ,
Съ синя моря глазъ не сводитъ;
Глядь — поверхъ текучихъ водъ
Лебедь бѣлая плыветъ.
«Здравствуй, князь ты мой прекрасной!
Что-жъ ты тихъ, какъ день ненастной?
Опечалился чему?»

Говорить она ему.
Князь Гвидонъ ей отвѣчаетъ:
Грусть-тоска меня съѣдаетъ;
Чудо чудное завестъ
Мнѣ-бъ хотѣлось. Гдѣ-то есть:
Ель въ лѣсу, подъ елью бѣлка,
Диво, право, не бездѣлка —
Бѣлка пѣсенки поетъ,
Да орѣшки все грызетъ,
А орѣшки не простые,
Все скорлупки золотые,
Ядра — чистый изумрудъ;
Но, быть можетъ, люди врутъ.
Князю лебедь отвѣчаетъ:
«Свѣтъ о бѣлкѣ правду баетъ;
Это чудо знаю я;
Полно, князь, душа моя,
Не печалься; рада службу
Оказать тебѣ я въ дружбу.»
Съ ободренною душой
Князь пошелъ себѣ домой;
Лишь ступилъ на дворъ широкой —
Что-жъ? подъ елкою высокой,
Видитъ, бѣлочка при всѣхъ
Золотой грызетъ орѣхъ,
Изумрудецъ вынимаетъ,
А скорлупку собираетъ,
Кучки ровныя кладетъ,
И съ присвисточкой поетъ
При честномъ, при всемъ народѣ:
Во саду-ли въ огородѣ.
Изумился князь Гвидонъ.
Ну, спасибо, молвилъ онъ,
Ай-да лебедь — дай ей Боже,
Что и мнѣ, веселье тоже.

Князь для бѣлочкѣ потомъ
Выстроилъ хрустальный домъ,
Караулъ къ нему приставилъ
И притомъ дѣяка заставилъ
Строгій счетъ орѣхамъ вести.
Князю прибыль, бѣлкѣ честь.

Вѣтеръ по морю гуляетъ
И корабликъ подгоняетъ:
Онъ бѣжитъ себѣ въ волнахъ
На поднятыхъ парусахъ
Мимо острова крутаго,
Мимо города большаго;
Пушки съ пристани палятъ,
Кораблю пристать велятъ.
Пристаютъ къ заставѣ гости:
Князь Гвидонъ зоветъ ихъ въ гости,
Ихъ и кормить и поить
И отвѣтъ держать велитъ:
Чѣмъ вы, гости, торгъ ведете,
И куда теперь плывете?
Корабельщики въ отвѣтъ:
Мы объѣхали весь свѣтъ,
Торговали мы конями,
Все Донскими жеребцами,
А теперь намъ вышелъ срокъ —
И лежитъ намъ путь далекъ:
Мимо острова Буяна,
Въ царство славнаго Салтана...
Говоритъ имъ князь тогда:
Добрый путь вамъ, господа,
По морю по окіану,
Къ славному царю Салтану;
Да скажите: князь Гвидонъ
Шлетъ царю-де свой поклонъ.

Гости князю поклонились,
Вышли вонъ и въ путь пустились.
Къ морю князь — а лебедь тамъ
Ужъ гуляетъ по волнамъ.
Молить князь: душа-де просить,
Такъ и тянетъ и уноситъ....
Вотъ опять она его
Вмигъ обрызгала всего:
Въ муху князь оборотился,
Полетѣлъ и опустился
Между моря и небесъ
На корабль — и въ щель залѣзъ.

Вѣтеръ весело шумить,
Судно весело бѣжитъ
Мимо острова Буяна,
Въ царство славнаго Салтана —
И желанная страна
Вотъ ужъ издали видна;
Вотъ на берегъ вышли гости;
Царь Салтанъ зоветъ ихъ въ гости,
И за ними во дворецъ
Полетѣлъ нашъ удалецъ.
Видитъ: весь сіяя въ златѣ,
Царь Салтанъ сидитъ въ палатѣ
На престолѣ и въ вѣнцѣ
Съ грустной думой на лицѣ.
А ткачиха съ Бабарихой,
Да съ кривою поварихой,
Около царя сидятъ,
Злыми жабами глядятъ.
Царь Салтанъ гостей сажаетъ
За свой столъ и вопрошаетъ:
Ой вы, гости-господа,
Долго-ль ѣздили? куда?

Ладно-ль за моремъ, иль худо,
И какое въ свѣтѣ чудо?
Корабельщики въ отвѣтъ:
 ы объѣхали весь свѣтъ;
За моремъ житье не худо;
Въ свѣтѣ-жъ вотъ какое чудо:
Островъ на морѣ лежитъ,
Градъ на островѣ стоитъ
Съ златоглавыми церквами,
Съ теремами да садами;
Ель растетъ передъ дворцомъ,
А подъ ней хрустальный домъ;
Бѣлка тамъ живетъ ручная,
Да затѣйница какая!
Бѣлка пѣсенки поетъ,
Да орѣшки все грызетъ,
А орѣшки не простые,
Все скорлупки золотыя,
Ядра — чистый изумрудъ;
Слуги бѣлку стерегутъ,
Служать ей прислугой разной —
И приставленъ дьякъ приказной
Строгій счетъ орѣхамъ вестъ;
Отдаетъ ей войско честь;
Изъ скорлупокъ льютъ монету,
Да пускаютъ въ ходъ по свѣту;
Дѣвки сыплютъ изумрудъ
Въ кладовыя, да подспудъ:
Всѣ въ томъ островѣ богаты,
Изобъ нѣтъ, вездѣ палаты;
А сидитъ въ немъ князь Гвидонъ,
Онъ прислалъ тебѣ поклонъ.
Царь Салтанъ дивится чуду.
Если только живъ я буду,
Чудный островъ навѣщу,

У Гвидона погощу.
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Не хотятъ его пустить
Чудный островъ навѣстить.
Усмѣхнувшись изподтиха,
Говорить царю ткачиха:
«Что тутъ дивнаго? ну, вотъ!
Бѣлка камешки грызетъ,
Мечетъ золото, и въ груды
Загребаетъ изумруды;
Этимъ насъ не удивишь,
Правду-ль, нѣтъ-ли говоришь.
Въ свѣтѣ есть иное диво:
Море вздуется бурливо,
Закипитъ, подыметъ вой,
Хлынетъ на берегъ пустой,
Разольется въ шумномъ бѣгѣ
И очутятся на брегѣ
Въ чешуѣ, какъ жаръ горя,
Тридцать три богатыря,
Всѣ красавцы удалые,
Великаны молодые,
Всѣ равны, какъ на подборъ —
Съ ними дядька Черноморъ.
Это диво, такъ ужъ диво,
Можно молвить справедливо!»
Гости умные молчатъ,
Спорить съ нею не хотятъ.
Диву царь Салтанъ дивится,
А Гвидонъ-то злится, злится....
Зажужжалъ онъ и какъ разъ
Теткѣ сѣлъ на лѣвой глазъ,
И ткачиха поблѣднѣла;
Ай! и тутъ-же окривѣла;

Всѣ кричатъ: «лови, лови,
Да дави ее, дави....
Вотъ ужо! постой немножко,
Погоди....» А князь въ окошко,
Да спокойно въ свой удѣлъ
Черезъ море приметѣлъ!

Князь у синя моря ходитъ,
Съ синя моря глазъ не сводитъ;
Глядь: поверхъ текучихъ водъ
Лебедь бѣлая плыветъ.
«Здравствуй, князь ты мой прекрасной!
Что ты тихъ, какъ день ненастной?
Опечалился чему?»
Говоритъ она ему.
Князь Гвидонъ ей отвѣчаетъ:
Грусть-тоска меня съѣдаетъ —
Диво-бъ дивное хотѣлъ
Перенести я въ мой удѣлъ.
«А какое-жъ это диво?»
— Гдѣ-то вздуется бурливо
Окіянь, подыметъ вой,
Хлынетъ на берегъ пустой,
Расплеснется въ шумномъ бѣгѣ,
И очутятся на брегѣ,
Въ чешуѣ, какъ жаръ горя,
Тридцать три богатыря,
Всѣ красавцы молодые,
Великаны удалые,
Всѣ равны, какъ на подборъ,
Съ ними дядька Черноморъ —
Князю лебедь отвѣчаетъ:
«Вотъ что, князь, тебя смущаетъ?
Не тужи, душа моя,
Это чудо знаю я.

Эти витязи морскіе
Мнѣ вѣдь братья всѣ родные.
Не печалься-же, ступай,
Въ гости братцевъ поджидай.»

Князь пошелъ, забывши горе,
Сѣлъ на башню и на море
Сталъ глядѣть онъ; море вдругъ
Всколыхалось вокругъ,
Расплескалось въ шумномъ бѣгѣ,
И оставило на брегѣ
Тридцать три богатыря;
Въ чешуѣ, какъ жаръ горя,
Идутъ витязи четами,
И блистая сѣдинами
Дядька впереди идетъ
И ко граду ихъ ведетъ.
Съ башни князь Гвидонъ сбѣгаетъ,
Дорогихъ гостей встрѣчаетъ;
Второпыхъ народъ бѣжитъ;
Дядька князю говоритъ:
«Лебедь насъ къ тебѣ послала
И наказомъ наказала
Славный городъ твой хранить
И дозоромъ обходить.
Мы отнынѣ ежедневно
Вмѣстѣ будемъ непремѣнно
У высокихъ стѣнъ твоихъ
Выходить изъ водъ морскихъ.
Такъ увидимся мы вскорѣ,
А теперь пора намъ въ море;
Тяжекъ воздухъ намъ земли.»
Всѣ потомъ домой ушли.

Вѣтеръ по морю гуляетъ
И корабликъ подгоняетъ

Онъ бѣжитъ себѣ въ волнахъ
На поднятыхъ парусахъ .
Мимо острова крутаго,
Мимо города большаго;
Пушки съ пристани палятъ,
Кораблю пристать велятъ.
Пристаютъ къ заставѣ гости.
Князь Гвидонъ зоветъ ихъ въ гости,
Ихъ и кормить и поить
И отвѣтъ держать велить:
«Чѣмъ вы, гости, торгъ ведете?
И куда теперь плывете?
Корабельщики въ отвѣтъ: —
— Мы объѣхали весь свѣтъ;
Торговали мы булатомъ,
Чистымъ серебромъ и златомъ,
И теперь намъ вышелъ срокъ;
А лежитъ намъ путь далекъ,
Мимо острова Буяна,
Въ царство славнаго Салтана.
Говорить имъ князь тогда:
Добрый путь вамъ, господа,
По морю по окіану,
Къ славному царю Салтану
Да скажите-жъ: князь Гвидонъ
Шлетъ-де свой царю поклонъ.

Гости князю поклонились,
Вышли вонъ и въ путь пустились.
Къ морю князь, а лебедь тамъ
Ужъ гуляетъ по волнамъ.
Князь опять: душа-де просить.
Такъ и тянетъ и уносить —
И опять она его
Вмигъ обрызгала всего.

Тутъ онъ очень уменьшился,
Шмелемъ князь оборотился
Полетѣлъ и зажужжалъ;
Судно на морѣ догналъ,
Потихоньку опустился
На корму — и въ щель забился.

Вѣтеръ весело шумить,
Судно весело бѣжитъ
Мимо острова Буяна
Въ царство славнаго Салтана,
И желанная страна
Вотъ ужъ издали видна.
Вотъ на берегъ вышли гости
Царь Салтанъ зоветъ ихъ въ гости,
И за ними во дворецъ
Полетѣлъ нашъ удалецъ.
Видитъ: весь сіяя въ златѣ
Царь Салтанъ сидитъ въ палатѣ
На престолѣ и въ вѣнцѣ
Съ грустной думой на лицѣ.
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Вабарихой,
Около царя сидятъ —
Четырьмя всѣ три глядятъ.
Царь Салтанъ гостей сажаетъ
За свой столъ и вопрошаетъ:
«Ой, вы, гости-господа,
Долго-ль ѣздили? куда?
Ладно-ль за моремъ или худо?
И какое въ свѣтѣ чудо?»
Корабельщики въ отвѣтъ:
Мы объѣхали весь свѣтъ;
За моремъ житье не худо;
Въ свѣтѣ-жъ вотъ какое чудо:

Островъ на морѣ лежитъ,
Градъ на островѣ стоитъ,
Каждый день идетъ тамъ диво:
Море вздуется бурливо,
Закипитъ; подыметъ вой,
Хлынетъ на берегъ пустой,
Расплеснется въ скоромъ бѣгѣ —
И останутся на брегѣ
Тридцать три богатыря,
Въ чешуѣ златой горя,
Всѣ красавцы молодые,
Великаны удалые,
Всѣ равны, какъ на подборъ;
Старый дядька Черноморъ
Съ ними изъ моря выходитъ
И попарно ихъ выводитъ,
Чтобы островъ тотъ хранить
И дозоромъ обходить:
И той стражи нѣтъ надежнѣй
Ни храбрѣе, ни прилежнѣй.
А сидитъ тамъ князь Гвидонъ,
Онъ прислалъ тебѣ поклонъ.
Царь Салтанъ дивится чуду.
Коли живъ я только буду,
Чудный островъ навѣщу
И у князя погощу.
Повариха и ткачиха
Ни гугу — но Бабариха
Усмѣхнувшись говорить:
«Кто насъ этимъ удивить?
Люди изъ моря выходятъ
И себѣ дозоромъ бродятъ;
Правду-ль баютъ или лгутъ,
Дива я не вижу тутъ.
Въ свѣтѣ есть такія-ль дива?

Вотъ идетъ молва правдива:
За моремъ царевна есть,
Что не можно глазъ отвести.
Днемъ свѣтъ Божій затмѣваетъ,
Ночью землю освѣщаетъ,
Мѣсяцъ подъ косою блеститъ,
А во лбу звѣзда горитъ.
А сама-то величава,
Выплываетъ, будто пава:
А какъ рѣчь-то говоритъ,
Словно рѣченька журчитъ.
Молвить можно справедливо,
Это диво, такъ ужъ диво.»
Гости умные молчатъ:
Спорить съ бабой не хотятъ.
Чуду царь Салтанъ дивится —
А царевичъ хотъ и злится,
Но жалѣетъ онъ очей
Старой бабушки своей.
Онъ надъ ней жужжитъ, кружится —
Прямо на носъ къ ней садится,
Носъ ужалилъ богатырь:
На носу вскочилъ волдырь.
И опять пошла тревога:
«Помогите, ради Бога!
Караулъ! лови, лови,
Да дави его, дави....»
Вотъ ужъ! пожди немножко,
Погоди!... А шмель въ окошко,
Да спокойно въ свой удѣлъ
Черезъ море полетѣлъ.

Князь у синя моря ходитъ,
Съ синя моря глазъ не сводитъ;
Глядь — поверхъ текучихъ водъ

Лебедь бѣлая плыветъ
«Здравствуй, князь ты мой прекрасной!
Что-жъ ты тихъ, какъ день ненастной?
Опечалился чему?»
Говоритъ она ему.
Князь Гвидонъ ей отвѣчаетъ:
Грусть-тоска меня съѣдаетъ: —
Люди женятся; гляжу,
Не женатъ лишь я хожу. —
«А кого-же на примѣтъ
Ты имѣешь?» — Да на свѣтъ,
Говорятъ, царевна есть,
Что не можно глазъ отвести.
Днемъ свѣтъ Божій затмѣваетъ,
Ночью землю освѣщаетъ —
Мѣсяцъ подъ косою блеститъ,
А во лбу звѣзда горитъ.
А сама-то величава,
Выступаетъ, будто пава,
Сладку рѣчь-то говоритъ,
Будто рѣченька журчитъ.
Только, полно, правда-ль это? —
Князь со страхомъ ждетъ отвѣта.
Лебедь бѣлая молчитъ
И подумавъ говоритъ:
«Да! такая есть дѣвица.
Но жена не рукавица:
Съ бѣлой ручки не страхнешь,
Да за поясъ не заткнешь.
Услужу тебѣ совѣтомъ —
Слушай: обо всемъ объ этомъ
Пораздумай ты путемъ,
Не раскаяться-бъ потомъ.»
Князь предъ нею сталъ божиться,
Что пора ему жениться,

Что объ этомъ, обо всемъ
Передумалъ онъ путёмъ; '
Что готовъ душою страстной
За царевною прекрасной
Онъ пѣшкомъ идти отсель,
Хоть за тридевять земель.
Лебедь тутъ вздохнувъ глубоко,
Молвила: «зачѣмъ далеко?
Знай, близка судьба твоя,
Вѣдь царевна эта — я.»
Тутъ она, взмахнувъ крылами,
Полетѣла надъ волнами
И на берегъ съ высоты,
Опустилася въ кусты,
Встрепенулася, отряхнулася
И царевной обернулася:
Мѣсяцъ подъ юсой блескитъ,
А во лбу звѣзда горитъ;
А сама-то величава,
Выступаетъ, будто пава;
А какъ рѣчь-то говоритъ,
Словно рѣченька журчитъ.
Князь царевну обнимаетъ,
Къ бѣлой груди прижимаетъ
И ведетъ ее скорѣй
Къ милой матушкѣ своей.
Князь ей въ ноги, умоляя:
— Государыня родная!
Выбралъ я жену себѣ,
Дочь послушную тебѣ.
Просимъ оба разрѣшенья,
Твоего благословенья:
Ты дѣтей благослови
Жить въ совѣтѣ и въ любви. —
Надъ главою ихъ покорной

Мать съ иконой чудотворной
Слезы лъетъ и говоритъ:
«Богъ васъ, дѣти, наградить.»
Князь не долго собирався,
На царевнѣ обвинчался;
Стали жить да поживать,
Да приплода поджидать.

Вѣтеръ по морю гуляетъ
И корабликъ подгоняетъ:
Онъ бѣжитъ себѣ въ волнахъ
На раздутыхъ парусахъ
Мимо острова крутаго,
Мимо города большаго;
Пушки съ пристани палятъ,
Кораблю пристать велятъ.
Пристаютъ къ заставѣ гости.
Князь Гвидонъ зоветъ ихъ въ гости,
Онъ ихъ кормитъ и поитъ
И отвѣтъ держать велитъ:
Чѣмъ вы, гости, торгъ ведете,
И куда теперь плывете?
Корабельщики въ отвѣтъ:
Мы объѣхали весь свѣтъ;
Торговали мы не даромъ
Неуказаннымъ товаромъ;
А лежитъ намъ путь далекъ:
Во свояси на востокъ,
Мимо острова Буяна,
Въ царство славнаго Салтана.
Князь имъ вымолвилъ тогда:
Добрый путь вамъ, господа,
По морю по окіану,
Къ славному царю Салтану;
Да напомнимъ ему,

Государю своему:
Къ намъ онъ въ гости обѣщался,
А доселѣ не собрался.
Шлю ему я свой поклонъ.
Гости въ путь, а князь Гвидонъ
Дома на сей разъ остался
И съ женою не разстался.

Вѣтеръ весело шумитъ,
Судно весело бѣжитъ
Мимо острова Буяна
Къ царству славнаго Салтана,
И чуждая страна
Вотъ ужъ издали видна.
Вотъ на берегъ вышли гости.
Царь Салтанъ зоветъ ихъ въ гости.
Гости видятъ: во дворцѣ
Царь сидитъ въ своемъ вѣнцѣ,
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Около царя сидятъ.
Четырмя всѣ три глядятъ.
Царь Салтанъ гостей сажаетъ,
За свой столъ и вопрошаетъ:
Ой вы, гости-господа,
Долго-ль ѣздили? куда?
Ладно-ль за моремъ, иль худо?
И какое въ свѣтѣ чудо?
Корабельщики въ отвѣтъ:
Мы обѣхали весь свѣтъ;
За моремъ житье не худо,
Въ свѣтѣ-жъ вотъ какое чудо:
Островъ на морѣ лежитъ,
Градъ на островѣ стоитъ,
Съ златоглавыми церквами,

Съ теремами и садами;
Ель растетъ передъ дворцомъ,
А подъ ней хрустальный домъ;
Бѣлка въ немъ живетъ ручная,
Да чудесница какая!
Бѣлка пѣсенки поетъ,
Да орѣшки все грызетъ;
А орѣшки не простые
Скорлупы-то зомотыя,
Ядра — чистый изумрудъ;
Бѣлку холятъ, берегутъ.
Тамъ еще другое диво:
Море вздуется бурливо,
Закипитъ, подыметъ вой,
Хлынетъ на берегъ пустой,
Расплеснется въ скоромъ бѣгѣ
И очутятся на брегѣ
Въ чешуѣ, какъ жаръ горя,
Тридцать три богатыря,
Всѣ красавцы удалые,
Великаны молодые,
Всѣ равны, какъ на подборѣ —
Съ ними дядька Черноморъ.
И той стражи нѣтъ надежнѣй,
Ни храбрѣе, ни прилежнѣй.
А у князя женка есть,
Что не можно глазъ отвести;
Днемъ свѣтъ Божій затмѣваетъ,
Ночью землю освѣщаетъ;
Мѣсяцъ подъ косой блеститъ,
А во лбу звѣзда горитъ.
Князь Гвидонъ тотъ городъ правитъ,
Всякъ его усердно славитъ;
Онъ прислалъ тебѣ поклонъ,
Да тебѣ пѣняетъ онъ:

Къ намъ-де въ гости общался,
А доселѣ не собрался.

Тутъ ужъ царь не утерпѣлъ,
Снарядить онъ флотъ велѣлъ.
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Не хотятъ царя пустить
Чудной островъ навѣстить.
Но Салтанъ имъ не внимаетъ
И какъ разъ ихъ унимаетъ:
«Что я? царь или дитя?»
Говоритъ онъ не шутя:
«Нынче-жъ ѣду!» — Тутъ онъ топнулъ,
Вышелъ вонъ и дверью хлопнулъ.

Подъ окномъ Гвидонъ сидитъ,
Молча на море глядитъ:
Не шумитъ оно, не хлещетъ,
Лишь едва-едва трепещетъ,
И въ лазоревой дали
Показались корабли;
По равнинамъ окіяна
Ѣдетъ флотъ царя Салтана.
Князь Гвидонъ тогда вскочилъ,
Громогласно возопилъ:
«Матушка моя родная!
Ты, княгиня молодая!
Посмотрите вы туда;
Ѣдетъ батюшка сюда.»
Флотъ ужъ къ острову подходитъ.
Князь Гвидонъ трубу наводитъ:
Царь на палубѣ стоитъ,
И въ трубу на нихъ глядитъ,
Съ нимъ ткачиха съ поварихой,

Съ сватьей бабой Бабарихой;
Удивляются онѣ
Незнакомой сторонѣ.
Разомъ пушки запалили;
Въ колокольнахъ зазвонили,
Къ морю самъ идетъ Гвидонъ,
Тамъ царя встрѣчаетъ онъ
Съ поварихой и ткачихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой;
Въ городъ онъ повелъ царя,
Ничего не говоря.

Всѣ теперь идутъ въ палаты
У воротъ блистаютъ латы,
И стоятъ въ глазахъ царя
Тридцать три богатыря,
Всѣ красавцы молодые,
Великаны удалые,
Всѣ равны, какъ на подборъ,
Съ ними дядька Черноморъ,
Царь вступилъ на дворъ широкой:
Тамъ подъ елкою высокой
Бѣлка пѣсенку поетъ,
Золотой орѣхъ грызетъ,
Измурдецъ вынимаетъ
И въ мѣшечекъ опускаетъ;
И засѣянъ дворъ большой
Золотою скорлупой.
Гости далѣ — торопливо
Смотрятъ — что-жъ? Княгиня — диво:
Подъ косою луна блеститъ,
А во лбу звѣзда горитъ;
А сама-то величава,
Выступаетъ, будто пава,
И свекровь свою ведетъ.

Царь глядитъ — и узнаетъ....
Въ немъ разыграло ретивое!
«Что я вижу? что такое?
Какъ!» и духъ въ немъ занялся....
Царь слезами залился,
Обнимаетъ онъ царицу
И сына и молодицу,
И садятся всѣ за столъ;
И веселый пиръ пошелъ.
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Разбѣжались по угламъ;
Ихъ нашли насилу тамъ.
Тутъ во всемъ онъ признались,
Повинились, разрыдались,
Царь для радости такой
Отпустилъ всѣхъ трехъ домой.
День прошелъ — царя Салтана
Уложили спать въ полпьяна.
Я тамъ былъ; медъ, пиво пилъ —
И усы лишь обмочилъ.

III. СКАЗКА

О КУПЦѢ КУЗЬМѢ ОСТОЛОПѢ И РАБОТНИКѢ ЕГО БАЛДѢ.

(1831).

Жилъ-былъ купецъ Кузьма Остолопъ,
По прозванью Осиновый Лобъ.
Пошелъ Кузьма по базару
Посмотрѣть кой-какого товару.
На встрѣчу ему Балда

Идетъ, самъ не зная куда.

«Что, дядюшка, такъ рано поднялся?

Чего ты разыскался?»

Кузьма ему въ отвѣтъ: «Нуженъ мнѣ ра-
ботникъ —

Поваръ, конюхъ и плотникъ.

А гдѣ найти мнѣ такого

Служителя, не слишкомъ дорогаго?»

Балда говоритъ:

«Буду служить тебѣ славно,

Усердно и очень исправно

Въ годъ за три щелчка тебѣ по лбу;

Ѣсть-же давай мнѣ вареную полбу.»

Призадумался нашъ Кузьма Остолопъ,

Сталъ почесывать лобъ.

Щелчокъ щелчку вѣдь розъ —

Да понадѣялся на русскій *авось*.

Кузьма говоритъ Балдѣ: «Ладно:

Не будетъ намъ обоимъ накладно.

Поживи-ка на моемъ подворьѣ,

Окажи свое усердье и проворье.»

Живетъ Балда въ купеческомъ домѣ,

Спитъ себѣ на соломѣ,

Ѣсть за четверыхъ,

Работаетъ за семерыхъ;

До свѣтла все у него пляшетъ,

Лошадь запряжеть, полосу вспашетъ,

Печь затопить, все заготовить, закупить,

Яичко испечетъ, да самъ и облунитъ.

Хозяйка Балдой не нахвалится,

Ихъ дочка Балдой лишь и печалится,

Сыночекъ ихъ зоветъ его: тятей,

Кашу заварить, нянчится съ дитятей;

Одинъ Кузьма лишь Балду не любитъ.

Никогда его не приголубитъ,

О расплатѣ думаетъ частенько.
Время идетъ и срокъ ужъ близенько.
Кузьма не ѣстъ, не пьетъ, ночь не спитъ.
Лобъ у него заранѣ трещитъ.
Вотъ онъ женѣ признается:
Такъ и такъ, что дѣлать остается?
Умъ у бабы догадливъ,
На всякія хитрости повадливъ.
Хозяйка Кузьмѣ говоритъ: «Знаю средство
Какъ удалить отъ насъ такое бѣдство:
Закажи Балдѣ службу, чтобъ стало ему не въ мочь;
А требуй, чтобъ онъ ее исполнилъ точь-въ-точь,
Тѣмъ ты и лобъ отъ расправы избавишь,
И Балду-то безъ расплаты отправишь.»
Стало на сердцѣ у Кузьмы веселѣе;
Началъ онъ глядѣть на Балду посмѣяѣе.
Вотъ онъ кричитъ: «Поди-ка сюда,
Вѣрный мой работникъ Балда.
Слушай: платить обязались черти
Мнѣ оброкъ до самой моей смерти;
Лучшаго-бъ не надобно дохода,
Да есть на нихъ недоимки за три года.
Какъ найшья ты своей полбы,
Собери-ка съ чертей оброкъ мнѣ полный.»
Балда, съ Кузьмой понапрасну не споря,
Пошелъ, да и сѣлъ у берега моря;
Тамъ онъ сталъ веревку крутить,
Да конецъ ея въ морѣ мочить.
Вотъ изъ моря вылѣзъ старый бѣсъ.
«Зачѣмъ ты, Балда, къ намъ залѣзъ?»
— «Да вотъ веревкой хочу море мѣрщить,
Да васъ, проклятое племя, корчить.» —
Бѣса стараго взяла тутъ унылость.
— «Скажи, за что такая немилость?» —
«Какъ за что? Вы не платите оброка,

Не помпите положеннаго срока,
Вотъ ужъ будетъ намъ потѣха,
Вамъ, собакамъ, великая помѣха!»
— «Балдушка, погоди ты морщить море,
Оброкъ сполна ты получишь вскорѣ.
Погоди, вышлю къ тебѣ внука.» —
Балда мыслить: «этого провестъ не штука!»
Вынырнулъ подосланный бѣсенокъ,
Замяукалъ онъ, какъ голодный котенокъ.
«Здравствуй, Балда мужичекъ;
Какой тебѣ надобно оброкъ?
Объ оброкѣ вѣкъ мы не слыхали,
Не было чертямъ такой печали;
Ну, такъ и быть — возьми, да съ уговору,
Съ общаго нашего приговору —
Чтобы впередъ не было никому горя:
Кто скорѣ изъ насъ обѣжитъ около моря,
Тотъ и бери себѣ полный оброкъ,
Между-тѣмъ приготовить тамъ и мѣшокъ.»
Засмѣялся Балда лукаво:
— «Что ты это выдумалъ, право?
Гдѣ тебѣ тягаться со мною,
Со мною, съ самимъ Балдою!
Экаго послали супостата!
Подожди-ка моего меньшаго брата.»
Пошелъ Балда въ ближній лѣсокъ,
Поймалъ двухъ зайцевъ, да въ мѣшокъ.
Къ морю опять онъ приходитъ;
У моря бѣсенка находить.
Держить Балда за уши одного зайку:
«Попляши-ка ты подъ нашу балалайку;
Ты, бѣсенокъ, еще молоденецъ,
Со мною тягаться слабенецъ —
Это было-бъ лишъ время трата,
Обгони-ка сперва моего брата.

Разъ, два, три! Догоняй-ка.»
Пустились бѣсенокъ и зайка,
Бѣсенокъ по берегу морскому,
А зайка въ лѣсокъ до дому.
Вотъ, море кругомъ обѣжавши,
Высунувъ языкъ, мордку поднявши,
Прибѣжалъ бѣсенокъ, задыхаясь,
Весь мокрешенекъ, лапкой утираясь,
Мысля: дѣло съ Балдою сладить.
Глядь — а Балда братца гладить,
Приговаривая: «Братецъ мой любимый,
Усталъ, бѣдняжка! Отдохни родимой.»
Бѣсенокъ оторопѣлъ,
Хвостикъ поджалъ, совсѣмъ примирѣлъ,
На братца поглядываетъ бокомъ.
«Погоди», говоритъ, «схожу за оброкомъ.»
Пошелъ къ дѣду; говоритъ: «бѣда!
Обогналъ меня меньшій Балда!»
Старый бѣсъ сталъ тутъ думать думу;
А Балда надѣлалъ такого шума,
Что все море смутилось,
И волнами такъ и расходилось.
Вылѣзъ бѣсенокъ. «Полно, мужичекъ,
Вышлемъ тебѣ весь оброкъ —
Только слушай: видишь ты палку эту?
Выбери себѣ любую мѣту —
Кто далѣе палку бросить,
Тотъ пускай и оброкъ уносить.
Что-жь? Боишься вывихнуть ручки?
Чего ты ждешь?» — «Да жду вонъ этой тучки;
Зашвырну туда твою палку,
Да и начну съ вами, чертями, свалгу.»
Испугался бѣсенокъ, да къ дѣду
Разсказывать про Балдову побѣду;
А Балда надъ моремъ опять шумить,

Да чертямъ веревкой грозить.
Вылѣзъ опять бѣсенокъ: «Что ты хлопочешь,
Будетъ тебѣ оброкъ, коли захочешь»....
— «Нѣтъ», говоритъ Балда,
«Теперь моя чередѣ —
Условіе самъ назначу,
Задамъ тебѣ, враженокъ, задачу.
Посмотримъ, какова у тебя сила!
Видишь тамъ сивая кобыла?
Кобылу подыми-ка ты,
Да неси ее полверсты;
Снесешь кобылу — оброкъ ужъ твой;
Не снесешь кобылы — анъ будетъ мой.»
Бѣдненькій бѣсъ
Подъ кобылу подлѣзъ,
Понатужился,
Понапружился,
Приподнявъ кобылу, два шага шагнулъ,
На третьемъ упалъ, ножки протянулъ.
А Балда ему: «Глупый ты бѣсъ,
Куда ты за нами полѣзъ?
И руками-то снести не смогъ,
А я, смотри, снесу промежъ ногъ.»
Слѣзъ Балда на кобылу верхомъ,
Да версту проскакалъ, такъ что пыль столбомъ;
Испугался бѣсенокъ, и къ дѣду
Пошелъ рассказывать про такую побѣду.
Дѣлать нечего — черти собрали полный оброкъ,
Да на Балду взвалили мѣшокъ.
Идетъ Балда, побрякиваетъ,
А Кузьма, завидя Балду, вскакиваетъ,
За хозяйку прячется,
Со страху корячится.
Балда его тутъ отыскалъ,
Отдалъ оброкъ, платы требовать сталъ.

Бѣдный купецъ Кузьма Остолопъ
Подставилъ лобъ.
Съ перваго щелчка —
Прыгнулъ Кузьма до потолка,
Со втораго щелчка —
Липился Кузьма языка,
А съ третьяго щелчка —
Вышибло умъ у старика.
А Баяда приговаривалъ съ укоризной:
«Не гонялся-бы ты, Кузьма, за дешевизной!...»

IV. СКАЗКА

О ЗОЛОТОМЪ ПѢТУШКѢ.

Нѣгдѣ въ тридевятомъ царствѣ,
Въ тридесятѣмъ государствѣ,
Жилъ-былъ славный царь Дадонъ.
Смолоду былъ грозенъ онъ,
И сосѣдямъ то и дѣло
Наносилъ обиды смѣло;
Но подъ старость захотѣлъ
Отдохнуть отъ ратныхъ дѣлъ
И покой себѣ устроить.
Тутъ сосѣди безпокоить
Стали стараго царя,
Страшный вредъ ему творя.
Чтобъ концы своихъ владѣній
Охранять отъ нападеній,
Долженъ былъ онъ содержать
Многочисленную рать.
Воеводы не дремали,
Но никакъ не успѣвали:

Ждутъ, бывало съ юга, глядь —
Анъ съ востока лѣзетъ рать;
Справятъ здѣсь — лихіе гости
Идутъ отъ моря: со злости
Инда плакалъ царь Дадонъ,
Инда забывалъ и сонъ.
Что и жизнь въ такой тревогѣ!
Вотъ онъ съ просьбой о помогѣ
Обратился къ мудрецу,
Звѣздочету и скопцу; —
Шлетъ за нимъ гонца съ поклономъ.
Вотъ мудрецъ передъ Дадономъ
Сталъ и вынулъ изъ мѣшка
Золотаго пѣтушка.
Посади ты эту птицу,
Молвилъ онъ царю, на спицу;
Пѣтушокъ мой золотой
Будетъ вѣрный сторожъ твой.
Коль кругомъ все будетъ мирно —
Такъ сидѣть онъ будетъ смирно,
Но лишь чуть со стороны
Ожидать тебѣ войны,
Иль набѣга силы бранной,
Иль другой бѣды незванной —
Вмигъ тогда мой пѣтушокъ
Приподыметъ гребешокъ,
Закричитъ и встрепенется,
И въ то мѣсто обернется.
Царь скопца благодаритъ,
Горы золота сулитъ:
«За такое одолженъе»,
Говоритъ онъ въ восхищенъѣ
«Волю первую твою
Я исполню, какъ мою.»

Пѣтушокъ съ высокой спицы
Сталъ стеречь его границы;
Чуть опасность гдѣ видна,
Вѣрный сторожъ какъ со сна
Шевельнется, встрепнется,
Къ той сторонкѣ обернется
И кричить: «кири-ку-ку!
Царствуй, лежя на боку!»
И сосѣди присмирѣли,
Воевать уже не смѣли.
Таковой имъ царь Дадонъ
Далъ отпоръ со всѣхъ сторонъ.

Годъ, другой проходитъ мирно,
Пѣтушокъ сидитъ все смирно.
Вотъ однажды царь Дадонъ
Страшнымъ шумомъ пробужденъ:
«Царь ты нашъ! Отецъ народа!»
Возглашаетъ воевода.
«Государь! проснись! бѣда!»
— Что такое, господа?
Говоритъ Дадонъ зѣвая,
А? кто тамъ? бѣда какая? —
Воевода говоритъ:
«Пѣтушокъ опять кричитъ;
Страхъ и шумъ во всей столицѣ.»
Царь къ окошку — анъ на спицѣ,
Видитъ, бьется пѣтушокъ,
Обратившись на востокъ:
Медлить нечего: скорѣе!
Люди, на конь! Эй, живѣе!
Царь къ востоку войско шлетъ,
Старшій сынъ его ведетъ.
Пѣтушокъ угомонился,
Шумъ утихъ и царь забылся.

Вотъ проходитъ восемь дней,
А отъ войска нѣтъ вѣстей:
Было-ль, не было-ль сраженья?
Нѣтъ Дадону донесенья.
Пѣтушокъ кричитъ опять —
Кличетъ царь другую рать;
Сына онъ теперь меньшова
Шлетъ на выручку большова,
Пѣтушокъ опять утихъ.
Снова вѣсти нѣтъ отъ нихъ.
Снова восемь дней проходятъ;
Люди въ страхѣ душ проводятъ.
Пѣтушокъ кричитъ опять;
Царь скликаетъ третью рать
И ведетъ ее къ востоку
Самъ, не зная быть-ли проку.

Войска идутъ день и ночь;
Нмъ становится не въ мочь.
Ни побоища, ни стана,
Ни надгробнаго кургана
Не встрѣчаетъ царь Дадонъ.
Что за чудо? мыслить онъ.
Вотъ осмой ужъ день проходитъ,
Войско въ горы царь приводитъ,
И промѣжъ высокихъ горъ
Видитъ шелковый шатеръ.
Все въ безмолвіи чудесномъ
Вкругъ шатра; въ ущельи тѣсномъ
Рать побитая лежитъ.
Царь Дадонъ къ шатру спѣшитъ....
Что за страшная картина!
Передъ нимъ его два сына
Безъ шоломовъ и безъ латъ
Оба мертвые лежатъ,

Мечъ вонзивши другъ во друга.
Бродятъ кони ихъ средь луга
По притоптанной травѣ,
По кровавой муравѣ....
Царь завылъ: «Охъ дѣти, дѣти!
Горе мнѣ! попались въ сѣти
Оба наши сокола!
Горе! смерть моя пришла.»
Всѣ завыли за Дадонемъ;
Застонала тяжкимъ стономъ
Глубь долинъ, и сердце горъ
Потряслося. Вдругъ шатеръ
Распахнулъся.... и дѣвица,
Шамаханская царица,
Вся сіяя какъ заря,
Тихо встрѣтила царя.
Какъ предъ солнцемъ птица ночи,
Царь умолкъ, ей глядя въ очи,
И забылъ онъ передъ ней
Смерть обоихъ сыновей.
И она передъ Дадонемъ
Улыбнулась — и съ поклономъ.
Его за руку взяла
И въ шатеръ свой увела.
Тамъ за столъ его сажала;
Всякимъ яствомъ угощала,
Уложила отдыхать
На парчевую кровать,
И потомъ недѣлю ровно,
Покорясь ей безусловно,
Околдованъ, восхищенъ,
Пировалъ у ней Дадонъ.

Наконецъ и въ путь обратной
Со своею силой ратной

И съ дѣвицей молодой
Царь отправился домой.
Передъ нимъ молва бѣжала,
Быль и небыль разглашала.
Подъ столицей, близъ воротъ,
Съ шумомъ встрѣтилъ ихъ народъ;
Всѣ бѣгутъ за колесницей —
За Дадономъ и царицей —
Всѣхъ привѣтствуетъ Дадонъ....
Вдругъ въ толпѣ увидѣлъ онъ,
Въ Сорочинской шапкѣ бѣлой,
Весь какъ лебедь посѣдѣлый,
Старый другъ его скопецъ.
А! здорово, мой отецъ,
Молвилъ царь ему, что скажешь?
Подъ поближе, что прикажешь?»
— Царь, отвѣтствуетъ мудрецъ,
Разочтемся наконецъ,
Помнишь? за мою услугу
Обѣщался мнѣ, какъ другу,
Волю первую мою
Ты исполнить какъ свою.
Подари-жъ ты мнѣ дѣвицу,
Шамаханскую царицу....
Крайне царь былъ изумленъ.
«Что ты? старцу молвилъ онъ,
Или бѣсъ въ тебя ввернулся,
Или ты съ ума ряхнулся?
Что ты въ голову забралъ?
Я конечно обѣщаль,
Но всему-же есть граница.
И зачѣмъ тебѣ дѣвица?
Полно знаешь-ли, кто я?
Попроси ты отъ меня

Хоть казну, хоть чинъ боярской,
Хоть коня съ конюшни царской,
Хоть полцарства моего.»
— Не хочу я ничего.
Подари ты мнѣ дѣвицу,
Шамаханскую царицу —
Говорить мудрецъ въ отвѣтъ.
Плюнулъ царь: «такъ лихъ-же, нѣтъ!
Ничего ты не получишь.
Самъ себя ты грѣшникъ мучишь.
Убирайся, цѣль пока;
Оттащите старика!» —
Старичекъ хотѣлъ заспорить,
Но съ инымъ накладно вздорить;
Царь хватилъ его жезломъ
По лбу; тотъ упалъ ничкомъ,
Да и духъ вонъ. — Вся столица
Содрогнулась — а дѣвица
Хи хи хи, да ха ха ха!
Не боится знать грѣха.
Царь хотъ былъ встревоженъ сильно,
Усмѣхнулся ей умильно —
Вотъ — вѣѣзжаетъ въ городъ онъ....
Вдругъ раздался легкій звонъ,
И въ глазахъ у всей столицы
Пѣтушокъ спорхнулъ со спицы,
Къ колесницѣ полетѣлъ
И царю на темя сѣлъ,
Встрепенулся, влюнулъ въ темя
И взвился.... и въ то-же время
Съ колесницы палъ Дадонъ —
Охнулъ разъ — и умеръ онъ —
А царица вдругъ пропала,
Будто вовсе не бывала.

Сказка — ложь, да въ ней намѣкъ.
Добрымъ молодцамъ урокъ!

VI. СКАЗКА

О МЕРТВОЙ ЦАРЕВНѢ И О СЕМИ БОГАТЫРЯХЪ.

Царь съ царицею простился,
Въ путь-дорогу снарядился,
И царица у окна
Сѣла ждать его одна.
Ждетъ-пождетъ, съ утра до ночи
Смотритъ въ поле, инда очи
Разболѣлись гляючи
Съ бѣлой зори до ночи:
Не видать милаго друга!
Только видитъ: вьется вьюга,
Снѣгъ валится на поля,
Вся бѣлешенька земля.
Девять мѣсяцевъ проходитъ,
Съ поля глазъ она не сводитъ.
Вотъ въ сочельникъ въ самый, въ ночь,
Богъ даетъ царицѣ дочь.

Рано утромъ гость желанный.
День и ночь такъ долго жданный,
Издалеча, наконецъ
Воротился царь-отецъ.
На него она взглянула,
Восхищенья не снесла,
Тяжелешенько вздохнула,
И къ обѣднѣ умерла.

Долго царь былъ неутѣшенъ;
Но какъ быть? и онъ былъ грѣшенъ;
Годъ прошелъ, какъ сонъ пустой,
Царь женился на другой.
Правду молвить, молодица
Ужъ и впрямъ была царица:
Высока, стройна, бѣла,
И умомъ и всѣмъ взяла;
Но за то горда, ломлива,
Своенравна и ревнива.
Ей въ приданое дано
Было зеркальцо одно;
Свойство зеркальце имѣло:
Говорить оно умѣло.
Съ нимъ однимъ она была
Добродушна, весела;
Съ нимъ привѣтливо шутила,
И красуясь говорила:
«Свѣтъ мой, зеркальце! скажи,
Да всю правду доложи:
Я-ль на свѣтѣ всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?»
И ей зеркальцо въ отвѣтъ:
«Ты, конечно, спору нѣтъ;
Ты, царица, всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе.»
И царица хохотать,
И плечами пожимать,
И подмигивать глазами,
И прищелкивать перстами,
И вертѣться подбочась,
Гордо въ зеркальце глядясь.

Но царевна молодая,
Тихомолкомъ расцвѣтая,

Между-тѣмъ росла, росла,
Поднялась — и расцвѣла.
Бѣлолица, черноброва,
Нрава кроткаго такова.
И женихъ сыскался ей,
Королевицъ Елисей.
Сватъ прѣхалъ; царь далъ слово,
И приданое готово:
Семь торговыхъ городовъ,
Да сто сорокъ теремовъ.

На дѣвичникъ собираясь
Вотъ царица, наряжаясь
Передъ зеркальцемъ своимъ,
Перемолвилася съ нимъ.
«Я-ль, скажи мнѣ, всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?»
Что-же зеркальце въ отвѣтъ:
«Ты прекрасна, спору нѣтъ:
Но царевна всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе.»
Какъ царица отпрыгнетъ,
Да какъ ручку замахнетъ,
Да по зеркальцу какъ хлопнетъ,
Каблучкомъ-то какъ притопнетъ!
«Ахъ ты, мерзкое стекло!
Это врешь ты мнѣ на зло.
Какъ тягаться ей со мною?
Я въ ней дурь-то успокою,
Вишь какая подросла!
И не диво, что бѣла;
Мать беременна сидѣла,
Да на снѣгъ лишь и глядѣла!
Но скажи: какъ можно ей
Быть во всемъ меня милѣй?

Признавайся: всѣхъ я краше.
Обойди все царство наше,
Хоть весь міръ, мнѣ равной нѣтъ.
Такъ-ли?» Зеркальце въ отвѣтъ:
«А царица все-жъ милѣе,
Все румянѣй и бѣлѣе.»
Дѣлать нечего. Она,
Черной зависти полна,
Бросивъ зеркальце подъ лавку,
Позвала къ себѣ Чернавку,
И наказываетъ ей,
Свѣтлой дѣвушки своей,
Везти царицу въ глушь лѣсную
И, связавъ ее, живую
Подъ сосной оставить тамъ
На съѣденіе волкамъ.

Чертъ-ли сладить съ бабой гнѣвной?
Спорить нечего. Съ царицей
Вотъ Чернавка въ лѣсъ пошла,
И въ такую даль свела,
Что царица догадалась,
И до смерти испугалась,
И взмолилась: «Жизнь моя!
Въ чемъ, скажи, виновна я?
Не губи меня, дѣвица!
А какъ буду я царица
Я пожалую тебя.»
Та, въ душѣ ее любя,
Не убила, не связала,
Отпустила и сказала:
«Не кручинься, Богъ съ тобой.»
А сама пришла домой.
«Что?» сказала ей царица,
«Гдѣ красавица-дѣвица?»

— Тамъ, въ лѣсу, стоитъ одна,—
Отвѣчаетъ ей она;
— Крѣпко связаны ей локти;
Попадется звѣрю въ когти,
Меньше будетъ ей терпѣть,
Легче будетъ умереть. —

И молва трезвонить стала
Дочка царская пропала!
Тужить бѣдный царь по ней.
Королевицъ Елисей,
Помолясь усердно Богу,
Отправляется въ дорогу
За красавицей-душой,
За невѣстой молодой.

Но невѣста молодая,
До зари въ лѣсу блуждая,
Между-тѣмъ все шла, да шла,
И на теремъ набрела.
Ей на встрѣчу песъ, залая,
Прибѣжалъ и смолкъ, играя;
Въ ворота вошла она.
На подворьѣ тишина.
Песъ бѣжить за ней, ласкаясь,
А царевна, подбираясь,
Поднялася на крыльцо
И взялася за кольцо;
Дверь тихонько отворилась,
И царевна очутилась
Въ свѣтлой горницѣ; кругомъ
Лавки, крытыя ковромъ,
Подъ святыми столъ дубовой,
Печь съ лежанкой изразцовой.
Видитъ дѣвица, что тутъ

Люди добрые живутъ;
Знать, не будетъ ей обидно.
Никого межъ-тѣмъ не видно.
Домъ царевна обошла,
Все порядкомъ убрала,
Засвѣтила Богу свѣчку,
Затопила жарко печку,
На палати взобралась
И тихонько улеглась.

Часъ обѣда приближался;
Топотъ по двору раздался.
Входитъ семь богатырей,
Семь румяныхъ усачей.
Старшій молвилъ: «Что за диво!
Все такъ чисто и красиво.
Кто-то теремъ прибиралъ,
Да хозяевъ поджидалъ.
Кто-же? выйдъ и покажися,
Съ нами честно подружися:
Коль ты старый человѣкъ,
Дядей будешь намъ на вѣкъ;
Коли парень ты румяный,
Братецъ будешь намъ названный;
Коль старушка, будь намъ мать,
Такъ и станемъ величать;
Коли красная дѣвица,
Будь намъ милая сестрица.»

И царевна съ нимъ сошла,
Честъ хозяямъ отдала,
Въ поясъ низко поклонилась,
Закраснѣвши, извинилась,
Что-де въ гости къ нимъ зашла,
Хоть звана и не была.

Вмигъ по рѣчи тѣ спознали,
Что царевну принимали;
Усадили въ уголокъ,
Подносили пирожокъ,
Рюмку полную наливали,
На подносѣ подавали.
Отъ зеленаго вина
Отрекалася она;
Пирожокъ лишь разломилъ,
Да кусочикъ прикусила,
И съ дороги отдыхать
Отпросилась на кровать.
Отвели они дѣвицу
Вверхъ, во свѣтлую свѣтилицу,
И оставили одну,
Отходящую ко сну.

День за днемъ идетъ мелькая,
А царевна молодая
Все въ лѣсу, не скучно ей
У семи богатырей.
Передъ утренней зарею
Братья дружною толпою
Выѣзжаютъ погулять,
Сѣрыхъ утокъ пострѣлять
Руку правую потѣшить,
Сорочина въ полѣ спѣшить,
Иль башку съ широкихъ плечъ
У Татарина отсѣчь,
Или вытравить изъ лѣса
Пятигорскаго черкеса.
А хозяйшкой она
Въ терему межъ-тѣмъ одна,
Приберетъ и приготовить.
Имъ она не прекословить,

Не перечать ей они;
Такъ идутъ за днями дни.
Братья милую дѣвицу
Полюбили. Къ ней въ свѣтлицу
Разъ, лишь только разсвѣло,
Всѣхъ ихъ семеро, вошло.
Старшій молвилъ ей: «Дѣвица,
Знаешь: всѣмъ ты намъ сестрица,
Всѣхъ насъ семеро, тебя
Всѣ мы лыбимъ; за себя
Взять тебя мы всѣ-бы ради,
Да нельзя; такъ Бога ради,
Помири насъ какъ-нибудь:
Одному женою будь,
Прочимъ ласковой сестрою.
Что-жъ качаешь головою?
Аль отказываешь намъ?
Аль товаръ не по купцамъ?»

— «Ой вы, молодцы честные,
Братцы вы мои родные»,
Имъ царевна говорить:
«Коли лгу, пусть Богъ велить
Не сойти живой мнѣ съ мѣста,
Какъ мнѣ быть? вѣдь я невѣста.
Для меня вы всѣ равны,
Всѣ удалы, всѣ умны,
Всѣхъ я васъ люблю сердечно;
Но другому я на вѣчно
Отдана. Мнѣ всѣхъ милѣй
Королевичъ Елисей.
Братья молча постояли,
Да въ затылкѣ почесали.
«Спрось не грѣхъ. Прости ты насъ»,
Старшій молвилъ поклонясь.

«Коли такъ, не заикнуса
Ужъ о томъ.» — «Я не сержуся»,
Тихо молвила она,
«И отказъ мой не вина.»
Женихи ей поклонились,
Потихоньку удалились,
И согласно всѣ опять
Стали жить да поживать.

Между-тѣмъ царица злая,
Про царевну вспоминая,
Не могла простить ее;
А на зеркальце свое
Долго дулась и сердилась;
Наконецъ объ немъ хватилась
И пошла за нимъ, и сѣвъъ
Передъ нимъ, забыла гнѣвъъ,
Красоваться снова стала,
И съ улыбкою сказала:
«Здравствуй, зеркальце! скажи,
Да всю правду доложи:
Я-ль на свѣтѣ всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе!»
И ей зеркальце въ отвѣтъъ:
«Ты прекрасна, спору нѣтъъ;
Но живетъ безъ всякой славы,
Средь зеленыя дубравы,
У семи богатырей
Та, что все-жъ тебя милѣй.»
И царица налетѣла
На Чернавку: «Какъ ты смѣла
Обмануть меня? и въ чемъ!...»
Та призналася во всемъ,
Такъ и такъ. Царица злая,
Ей рогаткой угрожая,

Положила иль не жить,
Иль царевну погубить.

Разъ царевна молодая,
Милыхъ братьевъ поджидая,
Пряла сидя подъ окномъ.
Вдругъ сердито подъ крыльцомъ
Песъ залаялъ, и дѣвица
Видить: нищая Черница
Ходить по двору, клюкой
Отгоняя пса. «Постой,
Бабушка, постой немножко»,
Ей кричитъ она въ окошко,
«Пригрожу сама я псу,
И кой-что тебѣ снесу.»
Отвѣчаетъ ей Черница:
«Охъ ты, дитятко, дѣвица!
Песъ проклятый одолѣлъ,
Чуть до смерти не заѣлъ.
Посмотри, какъ онъ хлопочетъ!
Выйдь ко мнѣ.» — Царевна хочетъ
Выйти къ ней и хлѣбъ взяла,
Но съ крылечка лишь сошла,
Песъ ей подъ ноги — и лаеъ,
И къ старухѣ не пускаетъ;
Лишь пойдетъ старуха къ ней,
Онъ, лѣснаго звѣря злѣй,
На старуху. Что за чудо!
«Видно выпался онъ худо»,
Ей царевна говоритъ;
«На-жъ, лови!» и хлѣбъ летитъ.
Старушонка хлѣбъ поймала;
«Благодарствую», сказала,
Богъ тебя благослови;
Вотъ за то тебѣ, лови!»

И къ царевнѣ наливное,
Молодое, золотое,
Прямо яблочко летить....
Песъ какъ прыгнетъ, завизжитъ....
Но царевна въ обѣ руки,
Хватъ — поймала. «Ради скуки
Кушай яблочко, мой свѣтъ.
Благодарствуй за обѣдъ»,
Старушоночка сказала,
Поклонилась и пропала.
И съ царевной на крыльцо
Песъ бѣжитъ и ей въ лицо
Жалко смотреть, грозно воетъ,
Словно сердце песье ностѣ,
Словно хочетъ ей сказать:
Брось! Она его ласкать,
Треплетъ нѣжною рукою;
«Что, Соколка, что съ тобою,
Лягъ!» и въ комнату вошла,
Дверь тихонько заперла,
Подъ окно за пряжу сѣла
Ждать хозяевъ, а глядѣла
Все на яблоко. Оно
Соку спѣлаго полно
Такъ свѣжо и такъ душисто,
Такъ румяно, золотисто,
Будто медомъ налилось!
Видны сѣмечки насквозь.
Подождать она хотѣла
До обѣда, не стерпѣла,
Въ руки яблочко взяла,
Къ алымъ губкамъ поднесла,
Потихоньку прокусила,
И кусочикъ проглотила....
Вдругъ она, моя душа,

Пошатнулась не дыша,
Бѣлы руки опустила,
Плодъ румяный уронила,
Закатилися глаза,
И она подъ образа
Головой на лавку пала,
И тиха, недвижна стала....

Братья въ ту пору домой
Возвращались толпой
Съ молодецкаго разбоя.
Имъ на встрѣчу, громко воя,
Песъ бѣжить, и ко двору
Путь имъ кажется. «Не къ добру!
Братья молвили; печали
Не минuemъ.» Прискакали,
Входятъ, ахнули. Вбѣжавъ,
Песъ на яблоко стремглавъ
Съ лаемъ кинулся, озлился
Проглотилъ его, свалился
И издохъ. Напоено
Было ядомъ знать оно.
Передъ мертвою царевной
Братья въ горести душевной
Всѣ поникли головой,
И съ молитвою святой
Съ лавки подняли, одѣли,
Хоронить ее хотѣли
И раздумали. Она
Какъ подъ крылышкомъ у сна,
Такъ тиха, свѣжа лежала,
Что лишь только не дышала.
Ждали три дня, но она
Не возсталла ото сна.
Сотворивъ обрядъ печальный,

Вотъ они въ гробъ хрустальный
Трупъ царевны молодой
Положили, и толпой
Понесли въ пустую гору,
И въ полуночную пору
Гробъ ея къ шести столбамъ
На цѣпяхъ чугунныхъ тамъ
Осторожно привинтили
И рѣшеткой оградилъ;
И предъ мертвою сестрой
Сотворивъ поклонъ земной, —
Старшій молвилъ: «Спи во гробъ;
Вдругъ погасла, жертвой злобъ,
На землѣ твоя краса,
Духъ твой примутъ небеса.
Нами ты была любима
И для милаго хранима —
Не досталась никому,
Только гробу одному.»

Въ тотъ-же день царица злая,
Доброй вѣсти ожидая
Втайнѣ зеркальце взяла
И вопросъ свой задала:
«Я-ль, скажи мнѣ, всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?»
И слышала въ отвѣтъ:
«Ты, царица, спору нѣтъ,
Ты на свѣтѣ всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе.»

За невѣстою своею
Королевицъ Елисей
Между-тѣмъ, по свѣту скачетъ.
Нѣтъ, какъ нѣтъ! Онъ горько плачетъ,

И кого ни спросить онъ,
Всѣмъ вопросъ его мудренъ;
Кто въ глаза ему смѣется,
Кто скорѣе отвернется,
Къ красну солнцу наконецъ
Обратился молодецъ.
«Свѣтъ нашъ солнышко! ты ходишь
Круглый годъ по небу,водишь
Зиму съ теплою весной,
Всѣхъ насъ видишь подъ собой.
Аль откажешь мнѣ въ отвѣтъ?
Не видало-ль гдѣ на свѣтѣ
Ты царевны молодой?
Я женихъ ей.» — «Свѣтъ ты мой»,
Красно солнце отвѣчало:
«Я царевны не видало.
Знать ее въ живыхъ ужъ нѣтъ.
Развѣ мѣсяцъ, мой сосѣдъ,
Гдѣ-нибудь ее да встрѣтилъ,
Или слѣдъ ея замѣтилъ.»

Темной ночи Елисей
Дождался въ тоскѣ своей.
Только мѣсяцъ показался,
Онъ за нимъ съ мольбой погнался:
«Мѣсяцъ, мѣсяцъ, мой дружокъ,
Позолоченный рожокъ!
Ты встаешь во тьмѣ глубокой,
Круглолицый, свѣтлоокой,
И обычай твой любя,
Звѣзды смотрятъ на тебя.
Аль откажешь мнѣ въ отвѣтъ?
Не видалъ-ли гдѣ на свѣтѣ
Ты царевны молодой?
Я женихъ ей.» — «Братецъ мой»,

Отвѣчаетъ мѣсяцъ ясной:
«Не видалъ я дѣвы красной.
На сторожѣ я стою
Только въ очередь мою.
Безъ меня царевна видно
Пробѣжала» — «какъ обидно!»
Королевицъ отвѣчалъ.
Ясный мѣсяцъ продолжалъ:
«Погоди: объ ней, быть можетъ,
Вѣтеръ знаетъ; онъ поможетъ.
Ты къ нему теперь ступай
Не печалься-же, прощай.»

Елисей не унывая
Къ вѣтру кинулся, взывая:
«Вѣтеръ, вѣтеръ! Ты могучъ,
Ты гоняешь стаи тучъ,
Ты волнуешь сине море,
Всюду вѣешь на просторѣ,
Не боишься никого,
Кромѣ Бога одного.
Аль откажешь мнѣ въ отвѣтѣ?
Не видалъ-ли гдѣ на свѣтѣ
Ты царевны молодой?
Я женихъ ея.» — «Постой»,
Отвѣчаетъ вѣтеръ буйный:
«Тамъ, за рѣчкой тихоструйной,
Есть высокая гора;
Въ ней глубокая нора;
Въ той норѣ, во тѣмъ печальной,
Гробъ качается хрустальной
На цѣпяхъ между столбовъ.
Не видать ни чьихъ слѣдовъ
Вкругъ того пустаго мѣста:
Въ томъ гробу твоя невѣста.»

Вѣтеръ далѣ побѣжалъ.
Королевичъ зарыдалъ,
И пошелъ къ пустому мѣсту,
На прекрасную невѣсту
Посмотрѣть еще хотъ разъ.
Вотъ идетъ; и поднялась
Передъ нимъ гора крутая;
Вкругъ нея страна пустая;
Подъ горою темный входъ.
Онъ туда скорѣй идетъ.
Передъ нимъ, во мглѣ печальной,
Гробъ качается хрустальной,
И въ хрустальномъ гробѣ томъ
Спитъ царевна мертвымъ сномъ.
И о гробъ невѣсты милой
Онъ ударился всей силой.
Гробъ разбился. Дѣва вдругъ
Ожила. Глядитъ вокругъ
Изумленными глазами,
И качаясь надъ цѣпями,
Привздохнувъ, произнесла:
«Какъ-же долго я спала!»
И встаетъ она изъ гроба....
Ахъ!... и зарыдали оба.
Въ руки онъ ее беретъ
И на свѣтъ изъ тьмы несетъ,
И бесѣдуя пріятно,
Въ путь пускается обратно,
И трубить уже молва:
Дочка царская жива!

Дома въ ту-пору безъ дѣла
Злая мачиха сидѣла
Передъ зеркальцемъ своимъ
И бесѣдовала съ нимъ,

Говоря: Я-ль всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе!»
И услышала въ отвѣтъ:
«Ты прекрасна, слова нѣтъ,
Но царевна все-жъ милѣе,
Все румянѣй и бѣлѣе.»
Злая мачиха, вскочивъ,
Объ полъ зеркальце разбила,
Въ двери прямо побѣжала
И царевну повстрѣчала.
Тутъ ее тоска взяла
И царица умерла.
Лишь ее похоронили,
Свадьбу тотчасъ учинили,
И съ невѣстою своей
Обвѣнчался Елисей:
И никто съ начала міра
Не видалъ такого пира;
Я тамъ былъ; медъ, пиво пилъ,
Да усы лишь обмочилъ.

VI. СКАЗКА

О РЫБАКѢ И РЫБКѢ.

(1833).

Жилъ старикъ со своею старухой
У самаго синяго моря;
Они жили въ ветхой землянкѣ
Ровно тридцать лѣтъ и три года.
Старикъ ловилъ неводомъ рыбу,
Старуха пряла свою пряжу.

Разъ онъ въ море закинулъ неводъ,
Пришелъ неводъ съ одною тиной;
Онъ въ другой разъ закинулъ неводъ
Пришелъ неводъ съ травой морской;
Въ третій разъ закинулъ онъ неводъ,
Пришелъ неводъ съ золотой рыбкою,
Съ непростою рыбкой, золотою.
Какъ взмолился золотая рыба,
Голосомъ молвить человѣчьимъ:
«Отпусти ты, старче, меня въ море,
Дорогой за себя дамъ откупъ:
Откуплюсь чѣмъ только пожелаешь.»
Удивился старикъ, испугался:
Онъ рыбачилъ тридцать лѣтъ и три года,
И не слыхивалъ, чтобъ рыба говорила.
Отпустилъ онъ рыбку золотую
И сказалъ ей ласковое слово:
— Богъ съ тобою, золотая рыбка!
Твоего мнѣ откупа не надо;
Ступай себѣ въ синее море,
Гуляй тамъ себѣ на просторѣ.
Воротился старикъ ко старухѣ,
Разсказалъ ей великое чудо.
— Я сегодня поймалъ-было рыбку,
Золотую рыбку, не простую;
По нашему говорила рыбка,
Домой въ море синее просилась,
Дорогою цѣною откупалась:
Откупалась чѣмъ только пожелаю,
Не посмѣлъ я взять съ нея выкупъ;
Такъ пустилъ ее въ синее море—
Старика старуха забранила.
«Дурачина ты, простофиля!
Не умѣлъ ты взять выкупа съ рыбки!
Хоть-бы взялъ ты съ нея корыто:

Наше-то совсѣмъ раскололось.»
Вотъ пошелъ онъ къ синему морю.
Видитъ: море слегка разыгралось.
Сталъ онъ кликать золотую рыбку;
Приплыла къ нему рыбка и спросила:
«Чего тебѣ надобно, старче?»
Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
— Смилуйся, государыня, рыбка!
Разбранила меня моя старуха,
Не даетъ старику мнѣ покою:
Надобно ей новое корыто;
Наше-то совсѣмъ раскололось. —
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!
Будетъ вамъ новое корыто.»
Воротился старикъ ко старухѣ;
У старухи новое корыто.
Еще пуще старуха бранится:
«Дурачина ты, простофиля!
Выпросилъ, дурачина, корыто!
Въ корытѣ много-ли корысти?
Воротись, дурачина, ты къ рыбкѣ;
Поклонись ей, выпроси ужъ избу.»
Вотъ пошелъ онъ къ синему морю:
Помутилось синее море.
Сталъ онъ кликать золотую рыбку;
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
«Чего тебѣ надобно, старче?»
Ей старикъ съ поклономъ отвѣчаетъ:
— Смилуйся, государыня, рыбка!
Еще пуще старуха бранится,
Не даетъ старику мнѣ покою:
Избу просить, сварливая баба. —
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!

Такъ и быть: изба вамъ ужъ будетъ.»
Пошелъ онъ ко своей землянкѣ,
А землянки нѣтъ ужъ и слѣда;
Передъ нимъ изба со свѣтелкой,
Съ кирпичною, бѣленою трубою,
Съ дубовыми, тесовыми воротами.
Старуха сидитъ подъ окошкомъ,
На чемъ свѣтъ стоитъ мужа ругаетъ.
«Дурачина ты, прямой простофиля!
Выпросилъ, простофиля, избу!
Воротись, поклонись рыбкѣ:
Не хочу быть черной крестьянкой,
Хочу быть столбовою дворянкой.»

Пошелъ старикъ къ синему морю:
Не спокойно синее море.
Сталъ онъ кликать золотую рыбку;
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
«Чего тебѣ надобно, старче?»
Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
— Смилуйся, государыня, рыбка!
Пуще прежняго старуха вздурилась,
Не даетъ старику мнѣ покою:
Ужъ не хочетъ быть она крестьянкой,
Хочетъ быть столбовою дворянкой. —
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!»

Воротился старикъ ко старухѣ;
Что-жъ онъ видитъ? Высокій теремъ.
На крыльцѣ стоитъ его старуха
Въ дорогой собольей душегрѣйкѣ,
Парчевая на маковкѣ кичка,
Жемчуги окружили шею,
На рукахъ золотые перстни,

На ногахъ красные сапожки.
Передъ нею усердные слуги;
Она бьетъ ихъ, за чупрунъ таскаетъ.
Говорить старикъ своей старухѣ:
— Здравствуй, барыня-сударыня дворянка!
Чай теперь твоя душенька довольна. —
Па него прикрикнула старуха,
На конюшню служить сго послала.

Вотъ недѣля, другая проходитъ;
Еще пуще старуха вздурилась;
Опять къ рыbkѣ старика посылаетъ.
«Воротись, поклонися рыbkѣ:
Не хочу быть столбовою дворянкой,
А хочу быть вольною царицей.»
Испугался старикъ, взмолился:
— Что ты, баба, бѣлены объѣлась?
Ни ступить, ни молвить не умѣешь —
Насмѣшишь ты цѣлое царство.
Осердилася пуще старуха,
По щекѣ ударила мужа.
«Какъ ты смѣешь, мужикъ, спорить со мною,
Со мною, дворянкой столбовою?
Ступай къ морю, говорятъ тебѣ честию,
Не пойдешь, поведутъ по неволѣ.»

Старичекъ отправился къ морю:
Почернѣло синее море.
Сталъ онъ кликать золотую рыбку;
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
«Чего тебѣ надобно, старче?»
Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
— Смилуйся, государыня, рыбка!
Опять моя старуха бунтуетъ:
Ужъ не хочетъ быть она дворянкой,

Хочетъ быть вольною царицей. —
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!
Добро! будетъ старуха царицей!»

Старичекъ къ старухѣ воротился.
Что-жъ? Предъ нимъ царскія палаты,
Въ палатахъ видитъ свою старуху,
За столомъ сидитъ она царицей,
Служать ей бояре, да дворяне,
Наливаютъ ей заморскія вины,
Заѣдаетъ она приникомъ печатымъ;
Вкругъ стоитъ ея грозная стража,
На плечахъ топорики держать.
Какъ увидѣлъ старикъ — испугался;
Въ ноги онъ старухѣ поклонился,
Молвилъ: здравствуй, грозная царица!
Ну, теперь твоя душенька довольна. —
На него старуха не взглянула,
Лишь съ очей прогнать его велѣла.
Подбѣжали бояре и дворяне,
Старика въ зашеи затолкали.
А въ дверяхъ-то стража подбѣжала,
Топорами чуть не изрубила;
А народъ-то надъ нимъ насмѣялся:
«По дѣломъ тебѣ, старый невѣжа!
Впредь тебѣ, невѣжа, наука;
Не садися не въ свои сани!» —

Вотъ недѣля, другая проходитъ,
Еще пуще старуха вздурилась:
Царедворцевъ за мужемъ посылаетъ.
Отыскали старика, привели къ ней.
Говоритъ старпку старуха:
«Воротись, поклонися рыбкѣ:

Не хочу быть вольною царицей,
Хочу быть владычицей морскою,
Чтобъ жить мнѣ въ окіянѣ-морѣ,
Чтобъ служила мнѣ рыбка золотая
И была-бъ у меня на посылкахъ.»
Старикъ не осмѣлился перечить,
Не дерзнулъ поперекъ слова молвить.
Вотъ идетъ онъ къ синему морю;
Видитъ, на морѣ черная буря —
Такъ и вздулись сердитыя волны,
Такъ и ходятъ, такъ воемъ и воютъ.
Сталъ онъ кликать золотую рыбку,
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
«Чего тебѣ надобно, старче?»
Ей старикъ съ поклономъ отвѣчаетъ:
— Смилуйся, государыня, рыбка!
Что мнѣ дѣлать съ проклятою бабой?
Ужъ не хочетъ быть она царицей,
Хочетъ быть владычицей морской,
Чтобъ жить ей въ окіянѣ-морѣ,
Чтобы ты сама ей служила
И была-бы у нее на посылкахъ. —
Ничего не сказала рыбка,
Лишь хвостомъ по водѣ плеснула
И ушла въ глубокое море.
Долго у моря ждалъ онъ отвѣта,
Не дождался, къ старухѣ воротился —
Глядь: опять передъ нимъ землянка,
На порогѣ сидитъ его старуха,
А предъ нею разбитое корыто.

ЭПИЧЕСКІЕ ОТРЫВКИ

(НЕИЗВѢСТНЫХЪ ГОДОВЪ).

— — —

І. АЛЬФОНСЪ.

Альфонсъ садится на коня;
Ему хозяинъ держить стремя:
«Сеньоръ, послушайтесь меня;
Пускаться въ путь теперь не время,
Въ горахъ опасно, ночь близка;
Другая вента далека;
Останьтесь здѣсь; готовъ вамъ ужинъ,
Въ каминѣ разложенъ огонь;
Постеля есть, покой вамъ нуженъ,
И къ стойлу тянется вашъ конь.»
— Мнѣ путешествіе привычно
И днемъ и ночью: былъ-бы путь;
Тотъ отвѣчаетъ. Неприлично
Бояться мнѣ чего-нибудь.
Я дворянинъ; ни чертъ, ни воры
Не могутъ удержать меня,
Когда спѣшу на службу я. —
И донъ Альфонсъ коню далъ шпоры,
И ѣдетъ рысью. Передъ нимъ
Идетъ дорога круто въ горы
Ущельемъ тѣснымъ и глухимъ;
Вотъ выѣзжаетъ онъ въ долину:
Какую-жъ видѣтъ онъ картину?
Кругомъ пустыня, дичь и голь;

А въ сторонѣ торчитъ глаголь,
И на глаголѣ томъ два тѣла
Висятъ. Закаркавъ, отлетѣла
Ватага черная воронъ,
Лишь только къ нимъ подъѣхалъ онъ.
То были трупы двухъ Гитановъ,
Двухъ славныхъ братьевъ-атамановъ,
Давно повѣшенныхъ, и тамъ
Оставленныхъ въ примѣръ ворами.
Дождями небо ихъ мочило,
И солнце знойное сушило,
Пустынный вѣтеръ ихъ качалъ,
Клевать ихъ воронъ прилеталъ.
И шла молва въ простомъ народѣ,
Что, обрываясь по ночамъ,
Они до утра, на свободѣ
Гуляли, мстя своимъ врагамъ.

II. БОВА.

Часто, часто я бесѣдовалъ
Съ болтуномъ страны Эллинскія,
И не смѣлъ осиплымъ голосомъ,
Съ Шапеленомъ и съ Рифматовымъ,
Воспѣвать героевъ Сѣвера.
Несравненнаго Виргилія
Я читалъ и перечитывалъ,
Не стараясь подражать ему
Въ нѣжныхъ чувствахъ и гармоніи.
Разбиралъ я нѣмца Клопштока,
И не могъ понять премудраго:
Не хотѣлъ я воспѣвать, какъ онъ.
Я хочу, меня чтобъ поняли

Всѣ отъ мала до великаго.
За Мильтономъ и Камоэнсомъ
Опасался я безъ крылъ парить.
Но вчера, въ архивахъ рояся,
Отыскалъ я книжку славную,
Золотую, незабвенную,
Прочиталъ — и въ восхищеніи
Про Бову пою царевича.

Не запомню, сколько лѣтъ спустя
Послѣ рождества Спасителя,
Царь Додонъ со славой царствовалъ
Въ Свѣтомірѣ, сильномъ городѣ.
Царь Додонъ вѣнецъ со скипетромъ
Не прямой досталъ дорогою,
Но убивъ царя законнаго
Бендокира слабоумнаго.
Царь Додонъ не *слабоумнаго*
Былъ достоинъ злаго прозвища,
Но тирана неусыпнаго:
(Онъ однако не имѣлъ его).
Лѣтъ мнѣ всѣ его достоинства
И пороки вамъ показывать;
Вы слышали, люди добрые,
О царѣ, что двадцать цѣлыхъ лѣтъ
Не снималъ съ себѣ оружія,
Не слѣзалъ съ коня ретиваго,
Всюду пролеталъ съ побѣдою,
Міръ крещеный потопилъ въ крови,
Не щадилъ и некрещенаго,
И, въ ничтожество низверженный
Александромъ, грознымъ ангеломъ,
Жизнь проводить въ униженіи,
И, забытый всѣми, влечется

Нынѣ Эльбы Императоромъ....
Вотъ таковъ-то былъ и царь Додонъ!

Разъ, собравъ бородачей совѣтъ
(Безбородыхъ не любилъ Додонъ)
На престолѣ пригорюнившись,
Произнесъ онъ имъ такую рѣчь:

«Вы, которые совѣтами
Облегчали тяжесть скипетра,
Услаждали участь царскую
(Не горька она была ему)
Мудрые друзья, сподвижники!
Къ вамъ прибѣгнуть я рѣшаюся:
Что мнѣ дѣлать нынѣ? Слушайте.»

Всѣ привстали важно хмурия,
Низко, низко поклонились,
И, поправя усъ и бороду,
Сѣли на скамьи дубовыя.
«Вамъ извѣстно, продолжалъ Додонъ,
Что искусствомъ и неправдою
Я достигъ престола шаткаго
Бендокира слабоумнаго;
Сочетался съ Милитрисою,
Милой женкой Бендокировой,
И въ темницу посадилъ Бову,
Принца крови, сына царскаго.
Легче, легче захватить было
Слабоумнаго златой вѣнецъ,
Чѣмъ, надѣвъ вѣнецъ на голову,
За собою удержать его.
Вотъ уже народъ безсмысленный,
Ходя въ праздники по улицамъ,
Межъ собой не разъ говаривалъ:

Дай Богъ помочь королевичу;
Вѣдь Бова уже не маленькой,
Не въ отца своей головушкой.
Нужды нѣтъ, что за рѣшеткою,
Онъ моимъ опасенъ замысламъ.
Что мнѣ дѣлать съ нимъ, скажите мнѣ?»

Все собранье призадумалось,
Всѣ въ молчаньи потупили взоръ.
То-то право золотой Совѣтъ:
Не болтали здѣсь, а думали.
Арзаморъ, мужъ старый, опытный,
Ротъ открылъ-было (совѣтовать
Знать хотѣлось посѣдѣлому)
Громко крякнулъ, но одумался,
И въ молчаньи закусилъ языкъ.
Ко лбу перстъ приставя тщательно,
Леснаръ славный, Эскулапа внукъ,
Эзельдорфъ, обритый весь, зѣвалъ
Табакеркою поскрипывалъ,
Но молчалъ; своей премудрости
Онъ предъ всѣми не показывалъ.
Вихромахъ, Полканъ съ Дубынею,
Стражи трона, славны рыцари,
Всѣ сидѣли будто вкопаны.
Громобуръ, извѣстный силою,
Но умомъ непроницательный,
Думалъ, думалъ и нечаянно
Задремалъ и захрапѣлъ въ углу.
Что примѣра лучше дѣйствуетъ,
Что людьми сильнѣй ворочаетъ?
Вотъ зѣгнули подъ перчаткою
Храбрый Мирозоръ съ Ивашкою,
И Полканъ, и Арзаморъ съдой,
И ко груди прилопилися

Тихо головами буйными.
Глядь — съ Додономъ задремалъ Совѣтъ,
Захрапѣли многомыслящи!

Долго спать-было совѣтникамъ,
Если-бъ нѣмцу не пришлось изъ рукъ
Табакерку на полъ выронить;
Табакерка покатилася
И о шпору вдругъ ударилася
Громобуря, крѣпко спавшаго,
Загремяла, раздвоилася,
Отлетѣла въ разны стороны.
Храбрый воинъ пробуждается,
Озираетъ все собраніе;
Между-тѣмъ табакъ разсыпался,
Къ носу рыцаря подѣмлется,
И чихнулъ герой съ досадою
Такъ, что своды потрясаются,
Окны всѣ дрожатъ и сыплются,
И на петляхъ двери хлопаютъ:
Пробуждается собраніе.

«Что тутъ думать, закричалъ герой:
Царь! Бова тебѣ не надобенъ,
Ну, и къ черту королевича!
Рѣшено — ему въ живыхъ не быть.
Послѣ, братцы, вы разсудите,
Какъ съ нимъ надобно раздѣлаться.»
Тѣмъ и кончилъ: храбры войны
Рѣчи любятъ лаконически.

«Ладно, мы тебя послушаемъ!
Царь промолвилъ протянувшись;
Завтра, други, мы увидимся,
А теперь ступайте всѣ домой.»

Оплошалъ Додонъ отсрочкою;
Не твердилъ онъ вѣрно въ азбукѣ:
«Не откладывай до завтраго,
Что сегодня можешь выполнить.»
Разошлись всѣ придворные.
Ночь межъ-тѣмъ уже сгущалася;
Царь Додонъ въ постелю царскую
Вмѣстѣ съ милой легъ супругою,
Съ несравненной Милитрисою.

Милитрисина служаночка,
Зоя, молодая дѣвица,
Ангель станомъ, взоромъ, личикомъ,
Бѣлой ручкой, нѣжной ножкою,
Съ госпожи снявъ платье шелково,
Юпку, чепчикъ, ленты, кружева,
Все подъ ключъ въ комодѣ спрятала
И пошла тихонько въ дѣвичью.
Тамъ она сама раздѣлася,
Подняла съ трудомъ окошечко,
И легла въ постель пуховую,
Ожидая друга милаго,
Свѣтозара, пажа царскаго:
Къ темной ночкѣ общался онъ
Изъ окна прыгнуть къ ней въ комнату.
Ждетъ, пождетъ дѣвица красная —
Нѣтъ какъ нѣтъ все друга милаго.
Чу.... бьетъ полночь; что-же Зонька?
Видитъ: входятъ къ ней въ окошечко —
Кто-же? другъ-ли сердца нѣжнаго?
Нѣтъ, совсѣмъ не то, читатели!
Видитъ Зоя привидѣніе:
Старичишка съ длинной шапкою,
Въ балахонѣ вмѣсто мантии,
Опоясанный мочалкою,

Видъ противный, глазъ на выкатѣ,
Ротъ разинуть, зубы скалятся,
Уши длинныя, ослиныя
Надъ плечами громко хлопаютъ....
Зоя смотритъ и со трепетомъ
Узнаетъ она, читатели,
Бендокира слабоумнаго.

Трепетна, смятенья полная,
Стала на колѣни Зоинька,
Съединила ручку съ ручкою,
Потупила очи ясныя,
Прочитала скорымъ шепотомъ
Отче нашъ и Богородицу,
И тихохонько прѣмолвила:
Что я вижу? Боже! Господи!
О Никола, Савва мученикъ,
Осѣните беззащитную!
Ты-ли это, царь нашъ, батюшка?
Отчего, скажи, оставилъ ты
Нынѣ царствіе небесное?
Станнымъ смѣхомъ освѣтившись,
Тѣнь рекла прекрасной Зоинькѣ:
«Зоя, Зоя! не страшись, мой свѣтъ!
Не пугать тебя мнѣ хочется,
Не на то сюда явился я
Съ того свѣта привидѣніемъ.
Весело пугать живыхъ людей;
Но могу-ли веселиться я,
Если сына Бендокирова,
Милаго Бову царевича,
На кострѣ изжарятъ завтра-же?

Бѣдный царь заплакалъ жалобно;
Больно стало доброй дѣвушкѣ.

— Чѣмъ могу, скажи, помочь тебѣ?
Я во всемъ тебѣ покорствую. —

«Вотъ что хочется мнѣ, Зоинька:
Изъ темницы сына выручи,
И сама въ жилище мрачное
Сядь на мѣсто королевича;
Пострадай ты за невиннаго;
Поклонюсь тебѣ низехонько
И скажу: спасибо, Зоинька!»

Зоинька тутъ призадумалась;
Это жестко ей казалось;
Но, имѣя чувства нѣжныя,
Зоя втайнѣ согласилась
На такое предложеніе.

Такъ, ты правъ, оракулъ Франціи,
Говоря, что жены, слабыя
Противъ стрѣлъ Эроса юнаго,
Всѣ имѣютъ душу добрую,
Сердце нѣжно-непритворное!
— Но скажи, о царь влюбленный!
Зоя молвила покойнику,
Какъ могу — ну, посуди ты самъ —
Пренестись въ темницу мрачную,
Гдѣ горюетъ твой любезный сынъ?
Пятьдесятъ отборныхъ воиновъ
Днемъ и ночью стерегутъ его.
Мнѣ-ли, слабой, робкой женщинѣ,
Обмануть ихъ очи зоркія? —

«Будь спокойна, случай найдется;
Поклянись лишь только, милая,
Не отвергнуть сего случая,

Если самъ тебѣ представится.»
— Я клянусь! — сказала дѣвица.
Вмигъ исчезло привидѣніе,
Изъ окошка быстро вылетѣвъ.
Воздыхая тихо, Зоянька
Опустила тутъ окошечко,
И въ постелѣ успокоившись,
Скоро, скоро сномъ забылася.

III. НАЧАЛО СКАЗКИ.

Царь Никита жилъ когда-то,
Праздно, весело, богато;
Не творилъ добра, ни зла:
Такъ земля его цвѣла.
Царь трудился по немногу,
Кушалъ, пилъ, молился Богу,
И отъ разныхъ матерей
Прижилъ сорокъ дочерей —
Сорокъ дѣвушекъ прелестныхъ,
Сорокъ ангеловъ небесныхъ,
Чудо — сердцемъ и душой,
Что за ножка — Боже мой!
А головка, темный волосъ;
Чудо глазки, чудо волосъ!
Умъ съ ума свести-бы могъ, —
Словомъ съ головы до ногъ
Душу — сердце все плѣняло;
Одного не доставало:
Такъ — бездѣлка, ничего,
Ничего, иль очень мало,
Все равно не доставало....

.

IV.

Какъ весенней теплой порою,
Изъ-подъ утренней бѣлой зорюшки,
Что изъ лѣсу, лѣсу дремучаго —
Выходила медвѣдица,
Съ малыми дѣтушками-медвѣжатами,
Поиграть, погулять, себя показать.
Сѣла медвѣдица подъ березкой;
Стали медвѣжата промежъ собой играти,
Обниматися, бороться,
Боротися, да кувыркатися.
Отколь ни возьмись мужикъ идетъ:
Онъ въ рукахъ несетъ рогатину,
А ножъ-то у него за поясомъ,
А мѣшокъ-то у него за плечами.
Какъ завидѣла медвѣдица
Мужика съ рогатиной,
Заревѣла медвѣдица,
Стала кликать дѣтушекъ,
Глупыхъ медвѣжатъ своихъ:
«Ахъ, вы дѣтушки, медвѣжатушки!
Перестаньте валятися,
Обниматися, кувыркатися!
Становитесь, хоронитесь за меня.
Ужъ я васъ мужику не выдамъ,
Я сама мужику брюхо выѣмъ!»
Медвѣжатушки испужалися,
За медвѣдиху побросалися,
А медвѣдица осержалася —
На дыбы поднималася.
А мужикъ-отъ, онъ догадливъ былъ,
Онъ пускался на медвѣдиху,
Онъ сажалъ въ нее рогатину,

Что по выше пупа, пониже печени-
Грянулась медвѣдиха о сыру землю;
А мужикъ-то ей брюхо поролъ,
Брюхо поролъ, да шкуру снималъ,
Малыхъ медвѣжатъ въ мѣшки поклатъ,
А поклавши-то домой пошелъ:
«Вотъ тебѣ жена подарочекъ
Что медвѣжья шуба въ пятьдесятъ рублей»
А что вотъ тебѣ подарочекъ
Трои медвѣжатъ по пяти рублей.»

Не звоны пошли по городу,
Пошли вѣсти по всему по лѣсу.
Дошли вѣсти до медвѣдя чернобурова,
Что убилъ мужикъ его медвѣдиху,
Распоролъ ей брюхо бѣлое,
Медвѣжатушекъ въ мѣшокъ поклатъ.
Въ ту-пору медвѣдь запечалился,
Голову повѣсилъ, голосомъ завѣлъ
По свою-ли сударушку
Чернобурюю медвѣдиху:
«Ахъ ты свѣтъ моя медвѣдиха!
На кого меня покинула?...
Ужъ какъ мнѣ съ тобой, моей боярыней,
Весслой игры не игрывати,
Милыхъ дѣтушекъ не родити,
Медвѣжатушекъ не качати,
Не качати не баюкати!»
Въ ту-пору звѣри собиралися
Ко тому-ли медвѣдю — ко боярину;
Прибѣгали звѣри большіе,
Прибѣгали тутъ звѣришки мѣньшіе,
Прибѣгалъ тутъ волкъ.....
У него-то зубы закусливые,
У него-то глаза завистливые!

Приходилъ тутъ бобръ, торговый гость,
У него-то бобра жирный хвостъ!
Приходила ласточка-дворяночка,
Приходила бѣлочка-княгиничка,
Приходила лисица-подъячиха —
Подъячиха, казначеиха!
Приходилъ скоморохъ-горностаюшка,
Прибѣгалъ тутъ зайка — смердъ,
Зайка бѣдненькой, зайка сѣренькой!
Приходилъ цѣловальникъ — ёжъ:
Все-то онъ ёжъ ёжится,
Все-то онъ щетинится!

.

V.

Сватъ Иванъ, какъ пить мы станемъ,
Непремѣнно ужъ помянемъ
Трехъ Матренъ, Луку съ Петромъ,
Да Пахомовну потомъ.
Мы живали съ ними дружно;
Ужъ какъ хочешь будь что будь —
Этихъ надо помянуть,
Помянуть намъ этихъ нужно.
Поминать, такъ поминать,
Начинать, такъ начинать,
Лить такъ лить, разливъ разливомъ.
Начинай-же сватъ, пора!
Трехъ Матренъ, Луку съ Петромъ
Мы помянемъ пивомъ,
А Пахомовну потомъ
Пирогамъ, да виномъ,
Да еще ес помянемъ —

Сказки сказывать мы станемъ.
Мастерица вѣдь была!
И откуда что брала?
А куда разумны шутки,
Приговорки, прибаутки,
Небылицы, былины
Православной старины!...
Слушать такъ душѣ отрадно;
Кто придумалъ ихъ такъ складно?
И не пилъ-бы, и не ѣлъ,
Все-бы слушалъ, да глядѣлъ.
Стариковъ когда-нибудь
(Жаль, теперь намъ недосужно)
Надо будетъ помянуть.
Помянуть и этихъ нужно...
Слушай свать: начну первой,
Сказка будетъ за тобой....
.

VI. ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОЭМЫ

«КОНРАДЪ ВАЛЕНРОДЪ», МИЦКЕВИЧА.

Сто лѣтъъ минуло какъ Тевтонъ
Въ крови невѣрныхъ окупался;
Страной полночной правилъ онъ.
Уже Прусакъ въ оковы вдался,
Или сокрылся — и въ Литву
Понесъ изгнанную главу.

Между враждебными берегами
Струился Неманъ: на одномъ
Еще надъ древними стѣнами

Сіяли башни, и кругомъ
Шумѣли рощи вѣковыя,
Духовъ пристанища святыя.
Символъ германца на другомъ,
Крестъ вѣры, въ небо возносящій
Свои обѣтія грозныи,
Казалось, свыше захватить
Хотѣлъ всю область Палемона,
И племя чуждаго закона
Къ своей подошвѣ привлечь.

Съ медвѣжьей кожей на плечахъ,
Въ косматой рысеей шапкѣ, съ пучкомъ
Каленыхъ стрѣлъ и съ вѣрнымъ лукомъ,
Литовцы юные, въ толпахъ
Со стороны одной бродили
И зорко недруга слѣдили.
Съ другой, покрытый шишакомъ,
Въ бронѣ закованный, верхомъ,
На стражѣ нѣмецъ, за врагами
Недвижно слѣдуя глазами,
Пищаль съ молитвой заряжалъ.
Всякъ переправу охранялъ:
Токъ Немана гостепріимной,
Свидѣтель ихъ вражды взаимной,
Сталъ прагомъ вѣчности для нихъ;
Сношеній дружныхъ гласъ утихъ,
И всякъ, переступившій воды,
Лишенъ былъ жизни или свободы.
Лишь хмѣль литовскихъ береговъ,
Нѣмецкой тополью плѣненный,
Черезъ рѣку, межъ тростниковъ,
Переправлялся дерзновенный,
Бреговъ противныхъ достигалъ
И друга нѣжно обнималъ.

Лишь соловьи дубравъ и горъ
По старинѣ вражды не знали,
И въ островъ, общій съ давнихъ поръ,
Другъ къ другу въ гости прилетали.

VII. КРОМЪШНИКЪ.

Какая ночь! Морозъ трескучій;
На небѣ ни единой тучи;
Какъ шитый пологъ синій сводъ
Пестрѣетъ частыми звѣздами.
Въ домахъ все темно. У воротъ
Затворы съ тяжкими замками.
Вездѣ покоится народъ;
Утихъ и шумъ и крикъ торговой,
Лишь только лаетъ стражъ дворовой,
Да цѣпью громкою гремитъ.

И вся Москва спокойно спитъ,
Забывъ волненіе боязни.
А площадь въ сумракѣ ночномъ
Стоитъ полна вчерашней казни;
Мученій свѣжій слѣдъ кругомъ:
Гдѣ трупъ разрубленный съ размаха,
Гдѣ столбъ, гдѣ вилы; тамъ котлы
Оставшей полные смолы,
Здѣсь опрокинутая плаха,
Торчатъ желѣзные зубцы,
Съ костями груды пепла тлѣютъ,
На кольяхъ, скорчась, мертвецы
Оцѣпенѣлые чернѣютъ....

Кто тамъ! Чей конь во весь опоръ
По грозной площади несется?

Чей свистъ, чей громкій разговоръ
Во мракъ ночи раздается?
Кто сей? Кромѣшникъ удалой.
Спѣшитъ, летитъ онъ на свиданье;
Въ его груди кипитъ желанье.
Онъ говоритъ: «Мой конь лихой,
Мой вѣрный конь, лети стрѣлой!
Скорѣй, скорѣй!...» Но конь ретивой
Вдругъ размахнулъ плетеной гривой
И сталъ. Во мглѣ между столповъ,
На перекладинѣ дубовой
Качался трупъ. Ёздокъ суровой
Подъ нимъ промчатся былъ готовъ,
Но борзый конь подъ плетью бьется,
Храпитъ и фыркаетъ и рвется
Назадъ. «Куда, мой конь лихой!
Чего боишься? что съ тобой?
Не мы-ли здѣсь вчера скакали,
Не мы-ли яростно топтали,
Усердной местію горя,
Лихихъ измѣнниковъ царя!
Не ихъ-ли кровію омыты
Твои булатныя копыты?
Теперь уже-ль ихъ не узналъ?
Мой борзый конь, мой конь удалый,
Несись, лети!...» И конь усталый
Подъ трупомъ вихремъ проскакалъ.
.

VIII. НАЧАЛО ПОВѢСТИ.

Въ еврейской хижинѣ лампада
Въ одномъ углу горитъ;

Передъ лампадою старикъ
Читаетъ Библию. Сѣдые
На книгу падаютъ власы.
Надъ колыбелію пустой
Еврейка плачетъ молодая.
Въ другомъ углу, главой
Поникнувъ, молодой еврей
Глубоко въ думу погруженъ.
Въ печальной хижинѣ старушка
Готовитъ скудную трапезу.
Старикъ, закрывъ святую книгу,
Застежки мѣдныя сомкнулъ.
Старуха ставитъ бѣдный ужинъ
На столъ и всю семью зоветъ:
Никто не идетъ, забывъ о пищѣ.
Текутъ въ безмолвіи часы.
Уснуло все подъ сѣнью ночи;
Еврейской хижины одной
Не посѣтилъ отрадный сонъ.
На колокольнѣ городской
Бьетъ полночь. — Вдругъ рукой тяжелой
Стучатся къ нимъ — семья вздрогнула.
Младой еврей встаетъ и дверь
Съ недоумѣньемъ отворяетъ —
И входитъ незнакомый странникъ....

ПѢСНИ ЗАПАДНЫХЪ СЛАВЯНЪ.

(1832 — 1833).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Большая часть этихъ пѣсенъ взята мною изъ книги, вышедшей въ Парижѣ въ концѣ 1827 года, подъ названіемъ: *La Guzla, ou choix de Poésies Illyriques, recueillies dans la Dalmatie, la Bosnie, la Croatie et l'Herzégowine*. Незвѣстный издатель говорилъ въ своемъ предисловіи, что, собирая нѣкогда безыскусственные пѣсни полудикаго племени, онъ не думалъ ихъ обнародовать, но что, потомъ, замѣтивъ распространяющійся вкусъ къ произведеніямъ иностраннымъ, особенно къ тѣмъ, которыя въ своихъ формахъ удаляются отъ классическихъ образцовъ, вспомнилъ онъ о собраніи своемъ, и по совѣту друзей, перевелъ нѣкоторыя изъ сихъ поэмъ, и проч. Сей неизвѣстный собиратель былъ не кто иной, какъ Мериме, острый и оригинальный писатель, авторъ театра Клары Гасюль. Хроника временъ Карла IX, Двойной Ошибки, и другихъ произведеній, чрезвычайно замѣчательныхъ въ глубокомъ и жалкомъ упадкѣ нынѣшней французской литературы. Поэтъ Мицкевичъ, критикъ зоркій и тонкій, и знатокъ въ Славянской поэзіи, не усомнился въ подлинности сихъ пѣсенъ, а какой-то ученый пѣмецъ написалъ о нихъ пространную диссертацию.

Мнѣ очень хотѣлось знать, на чемъ основано изобрѣтеніе странныхъ слухъ пѣсенъ. С. А. С. по моей просьбѣ, писалъ о томъ къ Мериме, съ которымъ былъ онъ коротко знакомъ, и въ отвѣтъ получилъ слѣдующее письмо:

Paris. 18 Janvier, 1835.

Je croyais, Monsieur, que la Guzla n'avait eu que sept lecteurs, vous, moi et le prote compris; je vois avec bien du plaisir que j'en puis compter deux de plus ce qui forme un joli total de neuf et confirme le proverbe que nul n'est prophète en son pays. Je répondrai candidement à vos questions. La Guzla a été composée

par moi pour deux motifs, dont le premier était de me moquer de la couleur locale dans laquelle nous nous jetions à plein collier vers l'an de grace 1827. Pour vous rendre compte de l'autre motif, je suis obligé de vous conter une histoire. En cette même année 1827, un de mes amis et moi nous avions formé le projet de faire un voyage en Italie. Nous étions devant une carte traçant au crayon notre itinéraire. Arrivés à Venise sur la carte s'entend, et ennuyés des Anglais et des Allemands que nous rencontrions, je proposai d'aller à Trieste, puis de là à Raguse. La proposition fut adoptée, mais nous étions fort légers d'argent et cette «douleur nompareille» comme dit Rabelais, nous arrêtait au milieu de nos plans. Je proposai alors d'écrire d'avance notre voyage, de le vendre à un libraire et d'employer le prix à voir si nous nous étions beaucoup trompés. Je demandai pour ma part à colliger les poésies populaires et à les traduire; on me mit au défi, et le lendemain, j'apportai à mon compagnon de voyage cinq ou six de ces traductions. Je passai l'automne à la campagne. On déjeunait à midi et je me levais à dix heures; quand j'avais fumé un ou deux cigares, ne sachant que faire, avant que les femmes ne paraissent au salon, j'écrivais une ballade. Il en résulta un petit volume que je publiai en grand secret et qui mystifia deux ou trois personnes. Voici les sources où j'ai puisé cette couleur locale tant vantée: d'abord une petite brochure d'un consul de France à Bonialouka. J'en ai oublié le titre, l'analyse en serait facile. L'auteur cherche à prouver que les Bosniaques sont de fiers cochons, et il en donne d'assez bonnes raisons. Il cite par-ci par-là quelques mots illyriques pour faire parade de son savoir (il en savait peut-être autant que moi). J'ai recueilli ces mots avec soin et les ai mis dans mes notes. Puis j'avais lu le chapitre intitulé: Dei costumi dei Morlachi, dans le voyage en Dalmatie de Fortis. Il a donné le texte et la traduction de la complainte de la femme de Hassan-Aga, qui est réellement illyrique; mais cette traduction était en vers. Je me donnai une peine infinie pour avoir une traduction littérale en comparant les mots du texte qui étaient répétés avec l'interprétation de l'abbé Fortis. A force de patience, j'obtins le mot à mot, mais j'étais embarrassé encore sur quelques points. Je m'adressai à un de mes amis qui sait le russe. Je lui lisais le texte en le prononçant à l'italienne, et il le comprit presque entièrement. Le bon fut, que Nodier qui avait déterré Fortis et la ballade de Hassan-Aga, et l'avait traduite sur la traduction poétique de l'abbé, en la poéti-

sant encore dans sa prose, Nodier cria comme un aigle que je l'avais pillé. Le premier vers illyrique est:

Sto se bieli u gorje zelenoi

Fortis a traduit:

Che mai biancheggia nel verde *Bosco*.

Nodier a traduit *Bosco*, par *plaine verdoyante*; c'était mal tomber, car on me dit que *gorje* veut dire collinne. Voila mon histoire. Faites mes excuses à M. Pouchkine. Je suis fier et honteux à la fois de l'avoir attrapé, и проч.

I. ВИДѢНІЕ КОРОЛЯ.

Король ходитъ большими шагами
Взадъ и впередъ по палатамъ;
Люди спятъ — королю лишь не спится:
Короля Султанъ осаждаетъ,
Голову отсѣчь ему грозитъ
И въ Стамбуль отослать ее хочетъ.

Часто онъ подходитъ къ окошку:
Не услышитъ-ли какого шума?
Слышитъ, воетъ ночная птица:
Она чуётъ бѣду неминучу;
Скоро ей искать новой кровли
Для своихъ птенцовъ горемычныхъ.

Не сова воетъ въ Ключъ-градѣ,
Не луна Ключъ-городъ озаряетъ,
Въ церкви Божіей гремятъ барабаны,
Вся свѣчами озарена церковь.

Но никто барабановъ не слышитъ,
Никто свѣта въ церкви Божіей не видитъ,
Лишь король-то слышалъ и видѣлъ;
Изъ палатъ своихъ онъ выходитъ
И идетъ одинъ въ Божию церковь.

Сталъ на паперти, дверь открываетъ....
Ужасомъ въ немъ замерло сердце;
Но великую творитъ онъ молитву,
И спокойно въ церковь Божию входитъ.

Тутъ онъ видитъ чудное видѣнье:
На помостѣ валяются трупы,
Между ними хлещетъ кровь ручьями
Какъ потоки осени дождливой.
Онъ идетъ, шагая черезъ трупы;
Кровь по щиколку ему достигасть....

Горе! Въ церкви турки и татары
И предатели, враги *Богумимъ*.
На амвонѣ самъ Султанъ безбожный;
Держитъ онъ наголо саблю;
Кровь по саблѣ свѣжая струится
Съ вострія до самой рукояти.

Короли внезапный обнялъ холодъ:
Тутъ-же видитъ онъ отца и брата.
Предъ Султаномъ старикъ бѣдный справа,
Униженно стоя на колѣнахъ,
Подаетъ ему свою корону;
Слѣва, также стоя на колѣнахъ,

Его сынъ, Радивой окаянный,
Бусурманскою чалмою покрытый,
(Съ тою самою веревкою, которой

Удавилъ онъ несчастнаго старца),
Край полы у Султана цѣлуетъ,
Какъ холопъ, наказанный *фалангой*.

И Султанъ безбожный, усмѣхаясь,
Взялъ корону, растопталъ ногами,
И промолвилъ потомъ Радивою:
«Будь надъ Босніей моею ты властелиномъ,
Для гяуръ-христіанъ Беглербеемъ.»
И отступникъ билъ челомъ Султану,
Трижды полъ окровавленный цѣлуя.

И Султанъ прислужниковъ кликнулъ,
И сказалъ: «Дать кафтанъ Радивою!
Не бархатной кафтанъ, не парчевой,
А содрать на кафтанъ Радивоя
Кожу съ брата его роднаго.»
Бусурмане на короля наскочили,
До нага всего его раздѣли,
Ятаганомъ ему кожу вспороли,
Стали драть руками и зубами,
Обнажили и мясо и жилы,
И до самыхъ костей ободрали,
И одѣли кожею Радивоя.

Громко мученикъ Господу взмолился:
«Правъ ты, Боже, меня наказуя!
Плоть мою предай на растерзанье,
Лишь помилуй мнѣ душу, Іисусе!»

При семъ имени церковь задрожала,
Все внезапно утихло, померкло,
Все исчезло — будто не бывало.

И король ощупью въ потемкахъ
Кое-какъ до двери добрался,
И съ молитвою на улицу вышелъ.

Было тихо. Съ высокаго неба
Городъ бѣлый луна озаряла.
Вдругъ взвилась изъ-за города бомба,
пошли бусурмане на приступъ.

II. ЯНКО МАРНАВИЧЪ.

Что въ развѣздахъ Бей Янко Марнавичъ?
Что ему дома не сидится?
Отчего двухъ ночей онъ сряду
Подъ одною кровлей не ночуетъ?
Али недруги его могучи?
Аль боится онъ кровомщенья?

Не боится Бей Янко Марнавичъ
Ни враговъ своихъ, ни кровомщенья,
Но онъ бродить, какъ гайдукъ бездомный,
Съ той поры какъ Кирила умеръ.

Въ церкви Спаса они братовались,
И были по Богу братья;
Но Кирила несчастливый умеръ
Отъ руки имъ избраннаго брата.

Веселое было пированье,
Много пили меду и горѣлки;
Охмѣляли, обезумѣли гости,
Два могучіе Бей побранились.

Янко выстрѣлилъ изъ своего пистоля,
Но рука его пьяная дрожала:
Въ супротивника своего не попалъ онъ,

А попалъ онъ въ своего друга.
Съ того времени онъ тоскуя, бродить,
Словно волъ, ужаленный змѣю.

Наконецъ онъ на родину воротился,
И вошелъ въ церковь святаго Спаса.
Тамъ день цѣлый онъ молился Богу,
Горько плача и жалостно рыдая.
Ночью онъ пришелъ къ себѣ на домъ,
И отужиналъ со своей семьей,
Потомъ легъ и женѣ своей молвилъ:
«Посмотри, жена, ты въ окошко,
Видишь-ли церковь Спаса отселѣ?»
Жена встала, въ окошко поглядѣла,
И сказала: «На дворѣ полночь,
За рѣкою густые туманы,
За туманомъ ничего не видно.»
Повернулся Янко Марнавичъ
И тихонько сталъ читать молитву.

Помолившись, онъ опять ей молвилъ:
«Посмотри, что ты видишь въ окошко?»
И жена, поглядѣвъ отвѣчала:
«Вижу, вонъ, малый огонечекъ
Чуть-чуть брежжетъ въ темнотѣ за рѣкою.»
Улыбнулся Янко Марнавичъ,
И опять сталъ тихонько молиться.

Помолясь, онъ опять женѣ молвилъ:
«Отвори-ка, женка, ты окошко,
Посмотри, что тамъ еще видно?»
И жена, поглядѣвъ, отвѣчала:
«Вижу я на рѣкѣ сіянье,
Близится оно къ нашему дому.»

Бей вздохнулъ, и съ постели свалился.
Тутъ и смерть ему приключилась.

III. БИТВА У ЗЕНИЦЫ-ВЕЛИКОЙ.

Радивой поднялъ желтое знамя:
Онъ идетъ войной на бусурмана;
А Далматы, завидя наше войско,
Свои длинные усы закрутили,
На бекрень надѣли свои шапки,
И сказали: «Возьмите насъ съ собою:
Мы хотимъ воевать бусурмановъ.»
Радивой дружелюбно ихъ принялъ
И сказалъ имъ: «милости просимъ!»
Перешли мы заповѣдную рѣчку,
Стали жечь турецкія деревни,
А жидовъ на деревьяхъ вѣшать.
Беглербей со своими Босняками
Противъ насъ пришелъ изъ Банялуки;
Но лишь только заржали ихъ кони,
И на солнцѣ ихъ кривыя сабли
Засверкали у Зеницы-Великой,
Разбѣжались измѣнники Далматы;
Окружили мы тогда Радивоя
И сказали: «Господь Богъ поможетъ,
Мы домой воротимся съ тобою,
И расскажемъ эту битву нашимъ дѣтямъ.»
Стали биться мы тогда жестоко:
Всякъ изъ насъ троихъ воиновъ стоилъ;
Кровью были покрыты наши сабли
Съ острія до самой рукояти.
Но когда черезъ рѣчку стали
Тѣсною кучкой мы переправляться,

Селихтаръ съ крыла на насъ ударилъ
Съ новымъ войскомъ, съ конницею свѣжей.
Радивой сказалъ тогда намъ: «Дѣти,
Слишкомъ много собакъ-бусурмановъ,
Намъ управиться съ ними невозможно.
Кто не раненъ, въ лѣсъ бѣги скорѣе,
И спасайся тамъ отъ Селихтара.»
Всѣхъ-то насъ оставалось двадцать. —
Всѣ друзья, родные Радивою:
Но и тутъ насъ пало девятнадцать.
Закричалъ Георгій Радивою:
«Ты, садись, Радивой, поскорѣе
На коня моего воронаго;
Черезъ рѣчку вплавь переправляйся,
Конь тебя изъ погибели вымчитъ.»
Радивой Георгія не послушалъ,
На земь сѣлъ, поджавъ подъ себя ноги.
Тутъ враги на него наскочили,
Отрубили голову Радивою.

IV. ѲЕОДОРЪ И ЕЛЕНА.

.
.

Стамати былъ старъ и безсиленъ,
А Елена молода и проворна;
Она такъ-то его оттолкнула,
Что ушелъ онъ, охая да хромая.
«Подѣломъ тебѣ, старый безстыдникъ!
Ай да баба, отдѣлалась славно!»

Вотъ Стамати сталъ думать думу:
Какъ ему погубить-бы Елену?

Онъ къ жиду-лиходѣю приходитъ,
Отъ него онъ требуетъ совѣта.
Жидъ сказалъ: «Ступай на кладбище,
Отыщи подъ камнями жабу,
И въ горшкѣ сюда принеси мнѣ.»

На кладбище приходитъ Стамати,
Отыскалъ подъ камнями жабу,
И въ горшкѣ жиду ее приноситъ.
Жидъ на жабу проливаетъ воду,
Нарекаетъ жабу Иваномъ
(Грѣхъ великъ Христіанское имя
Нарещи такой поганой твари!)
Они жабу всю потомъ искололи,
И ея — ея-жь кровью напоили;
Напоивши, заставили жабу
Облизать поспѣлую сливу.

И Стамати мальчику молвилъ:
«Отнеси ты Еленѣ эту сливу,
Отъ моей племянницы въ подарокъ.»
Принесъ мальчикъ Еленѣ сливу,
А Елена тотчасъ ее съѣла.

Только съѣла поганую сливу,
Показалось бѣдной молодицѣ,
Что змія у ней въ животѣ шевелится.
Испугалась молодая Елена;
Она кликнула сестру свою меньшую.
Та ее молокомъ напоила,
Но змія въ животѣ все шевелилась.
Стала пухнуть прекрасная Елена,
Стали баить: Елена брюхата.
Каково-то будетъ ей отъ мужа,
Какъ воротится онъ изъ-за моря!

И Елена стыдится и плачетъ,
И на улицу выйти не смѣетъ,
День сидитъ, ночью ей не спится.
Помпнотно сестрицѣ повторяетъ:
«Что скажу я милому мужу?»

Круглый годъ проходить, и Θεодоръ
Воротился на свою сторонку.
Вся деревня бѣжитъ къ нему на встрѣчу,
Всѣ его привѣтно поздравляютъ;
Но въ толпѣ не видитъ онъ Елены,
Какъ ни ищетъ онъ ее глазами.
«Гдѣ-жъ Елена?» наконецъ онъ молвилъ.
Кто смутился, а кто усмѣхнулся,
Но никто не отвѣчалъ ни слова.

Пришелъ онъ въ домъ свой — и видитъ:
На постелѣ сидитъ его Елена.
«Встань, Елена!» говоритъ Θεодоръ.
Она встала, — онъ взглянулъ сурово.
«Господинъ ты мой, клянусь Богомъ
И пречистымъ именемъ Маріи,
Предъ тобою я не виновата:
Испортили меня злые люди.»

Но Θεодоръ женѣ не повѣрилъ:
Онъ отсѣкъ ей голову по плечи.
Отсѣкши, онъ самъ себѣ молвилъ:
«Не сгублю я невиннаго младенца,
Изъ нее выну его живаго,
При себѣ воспитывать буду.
Я увижу, на кого онъ походить.
Такъ навѣрно отца его узнаю
И убью своего злодѣя.»

Распоролъ онъ мертвое тѣло.
Что-жъ! — На мѣсто милаго дитяти,
Онъ черную жабу находитъ.
Взвыль Θεодоръ: «горе мнѣ, убійцѣ!
Я сгубилъ Елену по напрасну:
Предо мною она была невинна,
А испортили ее злые люди.»

Поднялъ онъ голову Елены,
Сталъ ее цѣловать умиленно,
И мертвыя уста отворились,
Голова Елены провѣщала;
«Я невинна. Жидъ и старый Стамати
Черной жабой меня окормили.»
Тутъ опять уста ея сомкнулись,
И языкъ пересталъ шевелиться.

И Θεодоръ Стамати зарѣзалъ,
А жидъ убилъ какъ собаку,
И отпѣлъ по женѣ панихиду.

V. ВЛАХЪ ВЪ ВЕНЕЦІИ.

Какъ покинула меня Парасковья,
И какъ я съ печали промотался,
Вотъ Далматъ пришелъ ко мнѣ лукавый:
«Ступай, Дмитрій, въ морской ты городъ,
Тамъ цехины что у насъ каменья;

«Тамъ солдаты въ шелковыхъ кафтанахъ,
И только что пьютъ да гуляютъ:
Скоро ты тамъ разбогатѣешь,

И воротишься въ шитомъ долиманѣ
Съ кинжаломъ на серебряной цѣпочкѣ.

«И тогда-то играй себѣ на гусяхъ;
Красавицы побѣгутъ къ окошкамъ,
И подарками тебя закидаютъ.
Эй, послушайся! отправляйся моремъ;
Воротись когда разбогатѣешь.»
Я послушался лукаваго Далмата.
Вотъ живу въ этой мраморной лодкѣ,
Но мнѣ скучно, хлѣбъ ихъ мнѣ какъ камень,
Я неволю, какъ на привязи собака.

Надо мною женщины смѣются,
Когда слово я по нашему молвлю,
Наши здѣсь языкъ свой позабыли,
Позабыли и нашъ родной обычай:
Я завялъ какъ пересаженный кустикъ.

Какъ у насъ бывало кого встрѣчу,
Слышу — «Здравствуй Димитрій Алексѣичъ!»
Здѣсь не слышу добраго привѣта,
Не дождуся ласковаго слова;
Здѣсь я точно бѣдная мурашка,
Занесенная въ озеро бурей.

VI. ГАЙДУКЪ ХРИЗИЧЪ.

Въ пещерѣ, на острыхъ каменьяхъ
Притаился храбрый Гайдукъ Хризичъ.
Съ нимъ жена его Катерина,
Съ нимъ его два милые сына;
Имъ нельзя изъ пещеры выйти:
Стерегутъ ихъ недруги злые.

Коли чуть они голову подымутъ,
Въ нихъ прицѣлятся тотчасъ сорокъ ружей.
Они три дня, три ночи не ѣли,
Пили только воду дождевую,
Накопленную во впадинѣ камня.
На четвертый взошло красно солнце,
И вода во впадинѣ изсякла.
Тогда молвила, вздохнувши, Катерина:
«Господь Богъ! помилуй наши души!»
И упала мертвая на землю.
Хризичъ глядя на нее, не заплакалъ,
Сыновья плакать при немъ смѣли;
Они только очи отирали,
Какъ отъ нихъ отворачивался Хризичъ.
Въ пятый день старшій сынъ обезумѣлъ,
Сталъ глядѣть онъ на мертвую мать,
Будто волкъ на спящую козу.
Его братъ, видя то, испугался;
Закричалъ онъ старшему брату:
«Милый братъ! не губи свою душу;
Ты напейся горячей моей крови,
А умремъ мы голодною смертью;
Станемъ мы выходить изъ могилы,
Кровь сосать нашихъ недруговъ спящихъ.»
Хризичъ всталъ и промолвилъ: «Полно!
Лучше пуля, чѣмъ голодъ и жажда.»
И всѣ трое со скалы въ долину
Сбѣжали какъ бѣшеные волки.
Семерыхъ убилъ изъ нихъ каждый,
Семью пулями каждый изъ нихъ прострѣленъ;
Головы враги у нихъ отсѣкли
И на копья свои насадили —
А и тутъ глядѣть на нихъ не смѣли:
Такъ имъ страшенъ былъ Хризичъ съ сыновьями.

VII. ПОХОРОННАЯ ПѢСНЯ

ІАКИНОА МАГЛАНОВИЧА.

Съ Богомъ, въ дальнюю дорогу!
Путь найдешь ты, слава Богу.
Свѣтитъ мѣсяцъ; ночь ясна;
Чарка выпита до дна.

Пуля легче лихорадки;
Воленъ умеръ ты, какъ жилъ.
Врагъ твой мчался безъ оглядки;
Но твой сынъ его убилъ.

Вспоминай насъ за могилой,
Коль сойдется какъ-нибудь;
Отъ меня отцу, братъ милой,
Поклониться не забудь!

Ты скажи ему, что рана
У меня ужъ зажила;
Я здоровъ — и сына Яна
Мнѣ хозяйка родила.

Дѣду въ честь онъ названъ Яномъ.
Умный мальчикъ у меня;
Ужъ владѣтъ ятаганомъ,
И стрѣляетъ изъ ружья.

Дочь моя живетъ въ Лизгорѣ;
Съ мужемъ ей не скучно тамъ.
Тваркъ ушелъ давно ужъ въ море;
Живъ иль нѣтъ — узнаешь самъ.

Съ Богомъ, въ дальнюю дорогу!
Путь найдешь ты, слава Богу.
Свѣтитъ мѣсяцъ; ночь ясна;
Чарка выпита до дна.

VIII. МАРКО ЯКУБОВИЧЪ.

У воротъ сидѣлъ Марко Якубовичъ;
Передъ нимъ сидѣла его Зоя,
А мальчишка ихъ игралъ у порогу.
По дорогѣ къ нимъ идетъ незнакомецъ,
Блѣднъ и чуть ноги волочитьъ,
Проситъ онъ напиться ради Бога.
Зоя встала и пошла за водою,
И прохожему вынесла ковшикъ,
И прохожій до дна его выпилъ.
Вотъ, напившись, говоритъ онъ Маркѣ:
«Это что подъ горою тамъ видно?»
Отвѣчаетъ Марко Якубовичъ:
«То кладбище наше родовое.»
Говоритъ незнакомый прохожій:
«Отдохать мнѣ на вашемъ кладбищѣ,
Потому что мнѣ жить ужъ недолго.»
Тутъ широкій развилъ онъ поясъ,
Кажетъ Марку кровавую рану.
«Три дня, молвилъ, ношу я подъ сердцемъ
Бусурмана свинцовую пулю.
Какъ умру, ты зарой мое тѣло
За горой, подъ зеленою ивой.
И со мною положи мою саблю,
Потому что я славный былъ воинъ.»

Поддержала Зоя незнакомца,
А Марко сталъ осматривать рану.

Вдругъ сказала молодая Зоя:
«Помоги мнѣ, Марко, я не въ силахъ
Поддержать гостя нашего долѣ.»
Тутъ увидѣлъ Марко Якубовичъ,
Что прожій на рукахъ ея умеръ.

Марко сѣлъ на коня вороного,
Взялъ съ собою мертвое тѣло,
И поѣхалъ съ нимъ на кладбище.
Тамъ глубокую вырыли могилу,
И съ молитвою мертвеца схоронили.
Вотъ проходитъ недѣля, другая,
Сталъ худѣть сыночикъ у Марка;
Пересталъ онъ бѣгать и рѣзвиться,
Все лежалъ на рогожѣ да охалъ.
Къ Якубовичу Калуерь приходитъ —
Посмотрѣлъ на ребенка и молвилъ:
«Сынъ твой боленъ опасно болѣзною;
Посмотри на бѣлую его шею:
Видишь ты кровавую ранку?
Это зубъ Вурдалака, повѣрь мнѣ.»

Вся деревня за старцемъ Калуеромъ
Отправилась тотчасъ на кладбище;
Тамъ могилу прохожаго разрыли,
Видятъ — трупъ румяный и свѣжій,
Ногти выросли какъ вороньи когти,
А лицо обросло бороною,
Алой кровью вымазаны губы,
Полна крови глубокая могила.
Бѣдный Марко коломъ замахнулся,
Но мертвецъ завизжалъ, и проворно
Изъ могилы въ лѣсъ бѣгомъ пустился.
Онъ бѣжалъ быстрее; чѣмъ лошадь,
Стремянами острыми язвима;

И кусточки подъ нимъ такъ и гнулись,
А суки деревъ такъ и трещали,
Ломаясь какъ замерзлые прутья.

Калуерь могильною землею
Ребенка больного всего вытеръ,
И весь день творилъ надъ нимъ молитвы.
На закатъ краснаго солнца
Зоя мужу своему сказала:
«Помнишь? ровно тому двѣ недѣли,
Въ эту пору умеръ злой прохожій.»

Вдругъ собака громко завyla,
Отворилась дверь сама собою,
И вошелъ великанъ; наклонившись,
Сѣлъ онъ, ноги подъ себя поджавши,
Потолка головою касаясь.
Онъ на Марка глядѣлъ неподвижно,
Неподвижно глядѣлъ на него Марко,
Очарованъ ужаснымъ его взоромъ;
Но старикъ, молитвенникъ раскрывши,
Запалилъ кипарисную вѣтку,
И подулъ дымъ на великана.
И затрясся Вурдалакъ проклятый,
Въ двери бросился, и бѣжать пустился,
Будто волкъ охотникомъ гонимый.

На другіе сутки въ ту-же пору
Песъ залаялъ, дверь отворилась,
И вошелъ чловѣкъ незнакомый.
Былъ онъ ростомъ, какъ Цесарскій рекрутъ.
Сѣлъ онъ молча и сталъ глядѣть на Марка,
Но старикъ молитвой его прогналъ.

Въ третій день вошелъ карликъ малый —
Могъ-бы онъ верхомъ сидѣть на крысѣ,

Но сверкали у него злые глазки.
И старикъ въ третій разъ его прогналъ,
И съ тѣхъ-поръ ужъ онъ не возвращался.

IX. БОНАПАРТЬ И ЧЕРНОГОРЦЫ.

«Черногорцы? что такое?»
Бонапарте спросилъ:
Правда-ль это племя злое
Не боится нашихъ силъ?

Такъ раскаются-жъ нахалы:
Объявить ихъ старшинамъ,
Чтобы ружья и кинжалы
Всѣ несли къ моимъ ногамъ.»

Вотъ онъ шлетъ на насъ пѣхоту
Съ сотней пушекъ и мортиръ,
И своихъ мамлюковъ роту,
И косматыхъ кирасиръ.

Намъ сдаваться нѣтъ охоты —
Черногорцы таковы!
Для коней и для пѣхоты
Камни есть у насъ и рвы....

Мы засѣли въ наши норы
И гостей незваныхъ ждемъ;
Вотъ они вступили въ горы,
Истребляя все кругомъ.

Идутъ тѣсно подѣ скалами.
Вдругъ смятеніе!... Глядятъ:
У себя надѣ головами
Красныхъ шапокъ видятъ рядъ.

«Стой! пали! Пусть каждый сброситъ
Черногорца одного.
Здѣсь пощады врагъ не проситъ:
Не падите-жъ никого!»

Ружья грянули — упали
Шапки красныя съ шестовъ:
Мы подѣ ними ницѣ лежали,
Притаясь между кустовъ.

Дружнымъ залпомъ отвѣчали
Мы французамъ: «Это что?»
Удивясь, они сказали:
«Эхо что-ли?» Нѣтъ, не то!

Ихъ полковникъ повалился
Съ нимъ сто двадцать человѣкъ.
Весь отрядъ его смутился,
Кто какъ могъ пустился въ бѣгъ.

И французы ненавидятъ
Съ той поры нашъ вольный край,
И краснѣютъ колъ завидятъ
Шапку нашу невзначай.

Х. СОЛОВЕЙ.

Соловей мой, соловейко!
Птица малая лѣсная!
У тебя-ль у малой птицы
Незамѣнныя три пѣсни;
У меня-ли у молодца
Три великія заботы!
Какъ ужъ первая забота —
Рано молодца женили;
А вторая-то забота —
Воронъ конь мой притомился;
Какъ ужъ третья-то забота —
Красну дѣвицу со мною
Разлучили злые люди.
Выкопайте мнѣ могилу
Во полѣ, полѣ широкомъ,
Въ головахъ мнѣ посадите
Алы цвѣтики-цвѣточки,
А въ ногахъ мнѣ проведите
Чисту воду ключевую.
Пройдутъ мимо красны дѣвки,
Такъ сплетутъ себѣ вѣночки,
Пойдутъ мимо стары люди,
Такъ воды себѣ зачерпнутъ.

ХІ. ПѢСНЯ О ГЕОРГІИ ЧЕРНОМЪ.

Не два волка въ оврагѣ грызутся —
Отецъ съ сыномъ въ пещерѣ бранятся.
Старый Петро сына укоряетъ:

«Бунтовщикъ ты, злодѣй проклятый,
Не боишься ты Господа Бога:
Гдѣ тебѣ съ Султаномъ тягаться,
Воевать съ Бѣлградскимъ пашею!
Аль о двухъ головахъ ты родился?
Пропадай ты себѣ, окаянный,
Да зачѣмъ ты всю сербію губишь?»
Отвѣчаетъ Георгій угрюмо:
«Изъ ума, старикъ, видно, выжилъ,
Коли лаешь безумныя рѣчи.»
Старый Петро пуще осердился,
Пуще онъ бранится, бушуетъ.
Хочетъ онъ отправиться въ Бѣлградъ,
Туркамъ выдать послушнаго сына,
Объявить убѣжище сербовъ.
Онъ изъ темной пещеры выходитъ;
Георгій старика догоняетъ:
«Воротися, отецъ, воротися!
Отпусти мнѣ невольное слово.»
Старый Петро не слушаетъ, грозитъ:
«Вотъ ужо, разбойникъ, тебѣ будетъ!»
Сынъ ему впередъ забѣгаетъ,
Старику кланяется въ ноги.
Не взглянулъ на сына старый Петро.
Догоняетъ вновь его Георгій,
И хватается за свую косу.
«Воротись, ради Господа Бога:
Не введи ты меня въ искушенье!»
Отпихнулъ старикъ его сердито,
И пошелъ по Бѣлградской дорогѣ.
Горько, горько Георгій заплакалъ,
Пистолетъ изъ-за пояса вынулъ,
Взвелъ курокъ, да и выстрѣлилъ тутъ-же.
Закричалъ Петро, зашатавшись:
«Помоги мнѣ, Георгій, я раненъ!»

И упалъ на дорогу бездыханенъ.
Сынъ бѣгомъ въ пещеру воротился;
Его мать вышла ему на встрѣчу.
«Что, Георгій, куда дѣлся Петро?»
Отвѣчаетъ Георгій сурово:
«За обѣдомъ старикъ пьянъ напился,
И заснулъ на Бѣлградской дорогѣ.»
Догадалась она, завопила:
«Будь-же Богомъ проклятъ ты, черный,
Коль убилъ ты отца роднаго!»
Съ той поры Георгій Петровичъ
У людей прозывается Черный.

ХІІ. ВОЕВОДА МИЛОШЪ.

Надъ Сербіей смилуйся Ты, Боже!
Заѣдаютъ насъ волки-янычары!
Безъ вины намъ головы рѣжутъ,
Нашихъ женъ обижаютъ, позорятъ,
Сыновей въ неволю забираютъ,
Красныхъ дѣвокъ заставляють въ насмѣшку
Распѣвать зазорныя пѣсни
И плясать бусурманскія пляски.
Старики даже съ нами согласны:
Унимать насъ они перестали —
Ужъ и имъ нестерпимо насилье.
Гусляры насъ въ глаза укоряють:
«Долго-ль вамъ мирволить янычарамъ?
Долго-ль вамъ терпѣть оплеухи!
Или вы ужъ не сербы — цыганы?
Или вы не мужчины — старухи?
Вы бросайте ваши бѣлые дома,
Уходите въ Велийское ущелье —

Тамъ гроза готовится на турокъ,
Тамъ дружину свою собираетъ
Старый Сербинъ, воевода Милошъ.»

ХІІІ. ВУРДАЛАКЪ.

Трусовать былъ Ваня бѣдный:
Разъ онъ позднею порой
Весъ въ поту, отъ страха блѣдный,
Черезъ кладбище шелъ домой.

Бѣдный Ваня еле дышитъ;
Спотыкаясь, чуть бредетъ
По могиламъ; вдругъ онъ слышитъ —
Кто-то кость, ворча, грызетъ.

Ваня сталъ — шагнуть не можетъ.
Боже! думаетъ бѣднякъ,
Это вѣрно кости гложетъ
Красногубый Вурдалакъ.

Горе! малый я несильный;
Съѣсть Упырь меня совѣмъ,
Если самъ земли могильной
Я съ молитвою не съѣмъ.

Что-же? вмѣсто Вурдалака
(Вы представьте Вани злость!) —
Въ темнотѣ предъ нимъ собака
На могилѣ гложетъ кость.

XIV. СЕСТРА И БРАТЯ.

Два дубочка выросли рядомъ,
Между ними тонковерхая елка;
Не два дуба рядомъ выросли,
Жили вмѣстѣ два брата родные:
Одинъ Павелъ, а другой Радула,
А межъ ними сестра ихъ Елица.
Сестру братья любили всею сердцемъ,
Всякую ей оказывали милость;
Напоследокъ ей ножъ подарили
Золоченый, въ серебрянной оправѣ.
Огорчилась молодая Павлиха
На золовку, стало ей завидно;
Говоритъ она Радуловой любѣ:
«Невѣстушка, по Богу сестрица!
Не знаешь-ли ты зеля такова,
Чтобъ сестра омерзѣла братьямъ?»
Отвѣчаетъ Радулова любя:
«По Богу сестра моя, невѣстка,
Я не знаю зеля такова;
Хоть-бы знала, тебѣ-бъ не сказала;
И меня братья мои любили,
И мнѣ всякую оказывали милость.»
Вотъ пошла Павлиха къ водопою,
Да зарѣзала коня воронаго,
И сказала своему господину:
«Самъ себѣ на зло сестру ты любишь,
На бѣду даришь ей подарки:
Извела она коня воронаго.»
Сталъ Елицу допытывать Павелъ:
«За что это? скажи Бога ради.»
Сестра брату съ плачемъ отвѣчаетъ:
«Не я, братецъ — клянусь тебѣ жизнью,

Клянусь жизнью твоей и моею!»
Въ ту пору братъ сестрѣ повѣрилъ.
Вотъ Павлиха пошла въ садъ зеленый,
Сиваго сокола тамъ заколола,
И сказала своему господину:
«Самъ себѣ на зло сестру ты любишь,
На бѣду даришь ты ей подарки:
Вѣдь она сокола заколола.»
Сталъ Елицу допытывать Павелъ:
«За что это? скажи Бога ради.»
Сестра брату съ плачемъ отвѣчаетъ.
«Не я, братецъ — клянусь тебѣ жизнью,
Клянусь жизнью твоей и моею!»
И въ ту пору братъ сестрѣ повѣрилъ.
Вотъ Павлиха по вечеру, поздно
Ножъ украла у своей золовки,
И ребенка своего заколола
Въ колыбелькѣ его золоченой;
Рано утромъ къ мужу прибѣжала,
Громко воя и лице терзая;
«Самъ себѣ на зло сестру ты любишь,
На бѣду даришь ты ей подарки:
Заколола у насъ она ребенка;
А когда еще ты мнѣ не вѣришь,
Осмотри ты ножъ ея злаченный.»
Вскочилъ Павелъ какъ услышалъ это,
Побѣжалъ къ Елицѣ во свѣтлицу:
На перинѣ Елица почивала,
Въ головахъ ножъ висѣлъ злаченный,
Изъ ноженъ вынулъ его Павелъ —
Ножъ злаченный весь былъ окровавленъ.
Дернулъ онъ сестру за бѣлу руку:
«Ой, сестра, убей тебя Боже!
Извела ты коня воронаго,
И въ саду сокола заколола;

Да за что ты зарѣзала ребенка?»
Сестра брату съ плачемъ отвѣчаетъ:
«Не я, братецъ, клянусь тебѣ жизнью,
Клянусь жизнью твоей и моею!
Если-жъ ты не вѣришь моей клятвѣ,
Выведи меня въ чистое поле,
Привяжи къ хвостамъ коней борзыхъ,
Пусть они мое бѣлое тѣло
Разорвутъ на четыре части.»
Въ ту пору братъ сестрѣ не повѣрилъ;
Вывелъ онъ ее въ чистое поле,
Привязалъ ко хвостамъ коней борзыхъ,
И погналъ ихъ по чистому полю.
Гдѣ попала капля ея крови,
Выросли тамъ алые цвѣточки;
Гдѣ осталось ея бѣлое тѣло,
Церковь тамъ надъ ней соорудилась.
Прошло малое послѣ того время,
Захворала молодая Павлиха;
Девять лѣтъ Павлиха все хвораетъ —
Выросла трава сквозь ея кости,
Въ той травѣ лютый змѣй гнѣздится,
Пьетъ ей очи, самъ уходитъ къ ночи.
Люто страждетъ молода Павлиха;
Говоритъ она своему господину:
«Слышишь-ли, господинъ ты мой, Павелъ,
Сведи меня къ золовкиной церкви,
У той церкви авось исцѣлюся.»
Онъ повелъ ее къ сестриной церкви,
И какъ были они уже близко,
Вдругъ изъ церкви услышали голосъ:
«Не входи, молодая Павлиха,
Здѣсь не будетъ тебѣ исцѣленья.»
Какъ услышала то молодая Павлиха,
Она молвила своему господину:

«Господинъ ты мой! прошу тебя Богомъ,
Не веди ты меня къ бѣлому дому,
А вяжи меня къ хвостамъ твоихъ коней,
И пусти ихъ по чистому полю.»
Своей любви послушался Павелъ,
Привязалъ ее къ хвостамъ своихъ коней,
И погналъ ихъ по чистому полю.
Гдѣ попала капля ея крови,
Выросли тамъ тернье да крапива;
Гдѣ осталось ея бѣлое тѣло
На томъ мѣстѣ озеро провалило.
Воронъ конь по озеру выплываетъ,
За конемъ золоченая люлька,
На той люлкѣ сидитъ соколъ-птица,
Лежитъ въ люлкѣ маленькій мальчикъ:
Рука матери у него подъ горломъ,
Въ той рукѣ теткинъ ножъ золоченый.

XV. ЯНЫШЪ КОРОЛЕВИЧЪ.

Полюбилъ королевичъ Янышъ
Молодую красавицу Елицу;
Любитъ онъ ее два красныя лѣта,
Въ третье лѣто вздумалъ онъ жениться
На Любусѣ, чешской королевнѣ.
Съ прежней любой идетъ онъ проститься.
Ей приносить съ червонцами чересь,
Да гремучія серьги золотыя,
Да жемчужное тройное ожерелье;
Самъ ей вдѣлъ онъ серьги золотыя,
Навязалъ на шею ожерелье,
Далъ ей въ руки съ червонцами чересь,
Въ обѣ щеки поцѣловалъ молча,
И поѣхалъ своею дорогою.

Какъ одна осталася Елица,
Деньги на земь она пометала,
Изъ ушей выдернула серьги,
Ожерелье на-двое разорвала,
А сама кинулась въ Мораву.
Тамъ на днѣ молодая Елица
Водяною царицей очнулась,
И родила маленькую дочку,
И ее нарекла Водяницей.

Вотъ проходятъ три года и болѣ.
Королевичъ ѣздитъ на охотѣ,
Ѣздитъ онъ по берегу Моравы.
Захотѣлъ онъ коня воронова
Напоить студеною водою.
Но лишь только запѣненную морду
Сунулъ конь въ студеною воду,
Изъ воды вдругъ высунулась ручка:
Хватъ коня за узду золотую!
Конь отдернулъ голову въ испугѣ,
На уздѣ виситъ Водяница,
Какъ на удѣ пойманная рыбка.
Конь кружится по чистому лугу,
Потрясая уздой золотою,
Но стряхнуть Водяницы не можетъ.
Чуть въ сѣдлѣ усидѣлъ королевичъ,
Чуть сдержалъ коня воронова,
Осадивъ могучею рукою.
На траву Водяница прыгнула.
Говоритъ ей Янышъ-королевичъ:
«Разскажи, какое ты творенье:
Женщина ль тебя породила,
Иль Богомъ проклятая Вила?»
Отвѣчаетъ ему Водяница:
«Родила меня молодая Елица,

Мой отецъ Янышъ-королевичъ,
А зовутъ меня Водяницей.»
Королевичъ при такомъ отвѣтѣ
Соскочилъ съ коня воронова,
Обнялъ дочь свою Водяницу,
И слезами заливаясь, молвилъ:
«Гдѣ, скажи, твоя мать — Елица?
Я слыхалъ, что она потонула.»
Отвѣчаетъ ему Водяница:
«Мать моя царица водяная;
Она властвуетъ надъ всѣми рѣками,
Надъ рѣками и надъ озерами;
Лишь не властвуетъ она синимъ моремъ,
Синимъ моремъ властвуетъ Дивъ-Рыба.»
Водяницѣ молвилъ королевичъ:
«Такъ иди же къ водяной царицѣ,
И скажи ей: Янышъ-королевичъ .
Ей поклонъ усердный посылаетъ,
И у ней свиданія просить
На зеленомъ берегу Моравы.
Завтра я заѣду за отвѣтомъ.»
Они послѣ того разстались.

Рано утромъ, чуть заря зардѣлась,
Королевичъ надъ рѣкою ходитъ;
Вдругъ изъ рѣчки, по бѣлымъ груди,
Поднялась царица водяная,
И сказала: «Янышъ-королевичъ!
У меня свиданія просилъ ты:
Говори, чего еще ты хочешь?»
Какъ увидѣлъ онъ свою Елицу,
Разгорѣлись снова въ немъ желанья,
Сталъ манить ее къ себѣ на берегъ.
«Люба ты моя, млада Елица,
Выйдь ко мнѣ на зеленой берегъ,

Поцѣлуй меня по прежнему сладко,
По прежнему полюблю тебя крѣпко.»
Королевичу Елица не внимаетъ,
Не внимаетъ, головою киваетъ:
«Нѣтъ, не выйду, Янышъ-королевичъ,
Я къ тебѣ на зеленый берегъ;
Слаще прежняго намъ не цѣловаться,
Крѣпче прежняго меня не полюбишь.
Разскажи-ка мнѣ лучше хорошенько,
Каково, счастливо ль поживаешь
Съ новой любой, съ молодой женою?»
Отвѣчаетъ Янышъ-королевичъ:
«Противъ солнышка луна не пригрѣтъ,
Противъ милой жена не утѣшитъ.»

ХVI. К О Н Ъ.

«Что ты ржешь, мой конь ретивый,
Что ты шею опустилъ?
Не потряхиваешь гривой,
Али я тебя не холю?
Не грызешь своихъ удилъ?
Али ѣшь овса не въ волю?
Али сбруя не красна?
Аль поводья не шелковы,
Не серебряны подковы,
Не злачены стремяна?»

Отвѣчаетъ конь печальный:
— Оттого я присмирѣлъ,
Что я слышу топотъ дальный,
Трубный звукъ и пѣнье стрѣлъ;
Оттого я ржу, что въ полѣ

Ужъ не долго мнѣ гулять,
 Проживать въ красѣ и холѣ,
 Свѣтлой сбруей щеголять;
 Что ужъ скоро врагъ суровый
 Сбрую всю мою возьметъ,
 И серебряны подковы
 Съ легкихъ ногъ моихъ сдеретъ;
 Оттого мой духъ и ноетъ
 Что на мѣсто чапрака,
 Кожей онъ твоей покроетъ
 Мнѣ вспотѣвшіе бока.

ХVII. (ОТРЫВОКЪ).

Что бѣдѣется на юръ зеленой?
 Снѣгъ ли то, али лебеди бѣлы:
 Былъ бы снѣгъ — онъ давно бѣ растаялъ,
 Были бѣ лебеди — они бѣ улетѣли:
 То не снѣгъ и не лебеди бѣлы,
 А шатеръ Аги Ассанъ-Аги:
 Онъ лежитъ въ немъ весь израненъ.
 Посѣтили его сестра и мать:
 Его *люба* не пришла, застыдилася.
 Какъ ему отъ боли стало легче,
 Приказалъ онъ своей вѣрной женѣ:
 Ты не жди меня въ моемъ бѣломъ домѣ,
 Въ бѣломъ домѣ — ни во всемъ моемъ родѣ....

ПРИМѢЧАНІЯ

ВЪ ТОМУ II СОЧИНЕНІЙ А. С. ПУШКИНА.

I. РУСЛАНЪ И ЛЮДМИЛА (стр. 3).

ИЗДАНІЯ.

Русланъ и Людмила, поэма въ шести пѣсняхъ. Соч. А. Пушкина. Спб. Въ тип. Н. Греча. 1820. 8 д. л. 142 стр. Съ виньеткою.

Изд. второе, исправленное и умноженное. Спб. Въ тип. Деп. Нар. Просв. 1828. 8 д. л. 159 стр. — Съ прибавленіемъ пролога и эпилога, съ гравированнымъ (Уткинымъ) портретомъ и слѣдующимъ предисловіемъ:

Автору было двадцать лѣтъ отъ роду, когда кончилъ онъ Руслана и Людмилу. Онъ началъ свою поэму, будучи еще воспитанникомъ Царскосельскаго Лицея и продолжалъ ее среди самой разсѣянной жизни. Этимъ до нѣкоторой степени можно извинить ея недостатки.

При ея появленіи, въ 1820 году, тогдашніе журналы наполнились критиками болѣе или менѣе снисходительными. *) Самая пространная писана г. В и помѣщена въ Сынѣ Отечества. Вслѣдъ за нею появились вопросы неизвѣстнаго. Приведемъ изъ нихъ нѣкоторые.

«Начнемъ съ съ первой пѣсни. *Commençons par le commencement*

«Зачѣмъ Финнъ дожидался Руслана?

«Зачѣмъ онъ рассказываетъ свою исторію, и какъ, можетъ Русланъ, въ такомъ несчастномъ положеніи, съ жадностію внимать рассказъ (или по-Русски разсказамъ) старца?

*) Одна изъ нихъ подала поводъ къ эпиграммѣ, приписываемой К*** (Крылову).

Напрасно говорятъ, что критика легка;

Я критику читалъ Руслана и Людмилы:

Хоть у меня довольно силы,

Но для меня она ужасно какъ тяжка.

«Зачѣмъ Русланъ присвистываетъ отправляясь въ путь? Показываетъ ли это огорченнаго человѣка? Зачѣмъ Фарлафъ съ своею трусостью поѣхалъ искать Людмилу? Иные скажутъ: зачѣмъ, чтобы упасть въ грязный ровъ: *et puis on en rit et cela fait toujours plaisir.*

«Справедливо ли сравненіе, стр. 46, которое вы такъ хвалите? Случалось ли вамъ это видѣть?

«Зачѣмъ маленькій карла съ большою бородою (что, между прочимъ, совсѣмъ не забавно) приходитъ къ Людмилѣ? Какъ Людмилѣ пришла въ голову странная мысль схватить съ колдуна шапку (впрочемъ въ испугѣ чего не надѣлаешь), и какъ колдунъ позволилъ ей это сдѣлать?

«Какимъ образомъ Русланъ бросилъ Рогдая, какъ ребенка въ воду, когда они схватились на коняхъ.

.
Ихъ члены злобой сведены;
Объяты, молча, костенѣють, и проч.

Не знаю, какъ Орловскій нарисовалъ бы это.

«Зачѣмъ Русланъ говоритъ, увидѣвши поле битвы (которое совершенно *hors d'oeuvre*), зачѣмъ говоритъ онъ:

О поле, поле, кто тебя
Усыялъ мертвыми костями?
.
Зачѣмъ же, поле, смогло ты
И поросло травой забвенья?...
Временъ отъ вѣчной темноты,
Быть можетъ, нѣтъ и мнѣ спасенья! и проч.

«Такъ ли говорили Русскіе богатыри? И похожъ ли Русланъ, говорящій о травѣ забвенья и вѣчной темнотѣ временъ, на Руслана который чрезъ минуту послѣ восклицаетъ съ важностью сердитой:

Молчи, пустая голова!
.
Хоть лобъ широкъ, да мозгу мало!
Я ѣду, ѣду не свищу,
А какъ наѣду, не спущу!
. Знай нашихъ! и проч.

«Зачѣмъ Черноморъ, доставши чудесный мечъ, положилъ его на полъ, подъ головою брата? Не лучше ли было бы взять его домой?

«Зачѣмъ будить двѣнадцать спящихъ дѣвъ и поселять ихъ въ какую-то степь, куда, не знаю какъ, заѣхалъ Ратмиръ. Долго ли онъ пробылъ тамъ? Куда поѣхалъ? Зачѣмъ сдѣлался рыбакомъ? Кто такая его новая подруга? Вѣроятно ли, что Русланъ, побѣдивъ Черномора, и пришедъ въ отчаяніе, не найдя Людмилы, махалъ до тѣхъ поръ мечемъ, что спибъ шапку съ лежащей на землѣ супруги?

«Зачѣмъ Карла не вылъзъ изъ котомки убитаго Руслана? Что предвѣщаетъ сонъ Руслана? Зачѣмъ это множество точекъ послѣ стиховъ:

Шатры бѣлѣютъ на холмахъ?

Зачѣмъ, разбирая Руслана и Людмилу, говорить объ Иліадѣ и Энеидѣ? Что есть общаго между ими? Какъ писать (и кажется серьезно), что рѣчи Владиміра, Руслана, Финна и проч. нейдутъ въ сравненіе съ Омеровыми? Вотъ вещи, которыхъ я не понимаю, и которыхъ многіе другіе также не понимаютъ. Если вы намъ объясните ихъ, то мы скажемъ: *cujusvis hominis est errare: nullius, nisi insipientis, in errore perseverare.* (Philippis. XII. 2).

Tes pourquoi, dit le dieu, ne finiront jamais.

Конечно, многія обвиненія сего допроса основательны, особенно послѣдній. Нѣкто взялъ на себя трудъ отвѣчать на оныя. Его антикритика остроумна и забавна.

Впрочемъ нашлись рецензенты сочувствію инаго разбора. Наприм., въ Вѣстникѣ Европы, № 14, 1820, мы находимъ слѣдующую благонамѣренную статью:

«Теперь прошу обратить ваше вниманіе на новый ужасный предметъ, который, какъ у Комозенса Мысль бурь, выходитъ изъ нѣдръ морскихъ и показывается посреди океана Россійской словесности. Пожалуйста напечатайте мое письмо: быть можетъ, люди, которые грозятъ нашему терпѣнію новымъ бѣдствіемъ, опомнятся, разсмыслятся и оставятъ намѣреніе сдѣлаться изобрѣтателями новаго рода Русскихъ сочиненій

«Дѣло вотъ въ чемъ: вамъ извѣстно, что мы отъ предковъ получили небольшое бѣдное наслѣдство Литературы, т. е. сказки и пѣсни народныя. Что о нихъ сказать? Если мы бережемъ старинныя монеты, даже самыя безобразныя, то не должны ли тщательно хранить и остатки словесности нашихъ предковъ? Безъ всякаго сомнѣнія. Мы любимъ вспоминать все, относящееся къ нашему мла-

денчеству, къ тому счастливому времени дѣтства, когда какая нибудь пѣсня или сказка служила намъ невинною забавой и составляла все богатство познаній? Видите сами, что я не прочь отъ собиранія и изысканія Русскихъ сказокъ и пѣсень, но когда узналъ я, что наши словесники приняли старинныя пѣсни совсѣмъ съ другой стороны, громко закричали о величїи, плавности, силѣ, красотахъ, богатствѣ нашихъ старинныхъ пѣсень начали переводить ихъ на Нѣмецкій языкъ, и наконецъ такъ влюбились въ сказки и пѣсни, что въ стихотворенїяхъ XIX вѣка заблестали Ерусланы и Бовы на новый манеръ, то я вамъ слуга покорный.

Чего добраго ждать отъ повторенія болѣе жалкихъ, нежели смѣшныхъ лепетаній?... Чего ждать, когда наши поэты начинаютъ пародировать Киршу Данилова?

Возможно-ли просвѣщенному, или хоть немного свѣдущему человеку терпѣть, когда ему предлагаютъ новую поэму, писанную въ подражаніе Еруслану Лазаревичу? Извольте же заглянуть въ 15 и 16 № Сына Отечества. Тамъ неизвѣстный поэтъ на образчикъ представляетъ намъ отрывокъ изъ поэмы своей Людмила и Русланъ (не Ерусланъ-ли.) Не знаю, что будетъ содержать цѣлая поэма; но образчикъ хоть кого выведетъ изъ терпѣнія. Поэтъ оживляетъ мужичка самъ съ ногой, и борода съ локоть, придаетъ ему еще безконечные усы (С. От. стр. 121), показываетъ намъ вѣдьму, шапочку-невидимку и проч. Но вотъ что всего драгоцѣннѣе: Русланъ наѣзжаетъ на полѣ на побитую рать, видитъ богатырскую голову, подъ которою лежатъ мечъ-кладенецъ; голова съ нимъ разглагольствуетъ, сражается.... Живо помню, какъ все это, бывало, я слушалъ отъ няньки моей; теперь на старости сподобился вновь тоже самое услышать отъ поэтовъ нынѣшняго времени!... Для болѣе точности, или чтобы лучше выразить всю прелесть стариннаго нашего пѣснословія, поэтъ и въ выраженїяхъ уподобился Ерусланову разсказчику, напримѣръ:

..... Шутите вы со мною —
Всѣхъ удавлю васъ' бороδοю!...

Каково?

..... Обѣхалъ голову кругомъ,
И сталъ предъ носомъ молчаливо.
Щекотитъ ноздри, копіемъ....

Картина, достойная Кирши Данилова! Далѣе: чихнула голова, за нею и эхо чихаетъ....

Вотъ, что говорить рыцарь:

Я ѣду, ѣду не свищу.

А какъ наѣду, не спущу....

Потомъ витязь ударяетъ въ щеку тяжелой рукавицей.... Но увольте меня отъ подробнаго описанія; и позвольте спросить: если-бы въ Московское Благородное Собраніе какъ нибудь втерся (предполагаю невозможное возможнымъ) гость съ бородою, въ армякѣ, въ лаптяхъ, и закричалъ бы зычнымъ голосомъ: здорово, ребята! Неужели бы стали такимъ проказникомъ любоваться? Бога ради, позвольте мнѣ, старику, сказать публикѣ, посредствомъ вашего журнала, чтобы она каждый разъ жмурила глаза при появленіи подобныхъ странностей. Зачѣмъ допускать, чтобы плоскія шутки старины снова появлялись между нами! Шутка грубая, не одобряемая вкусомъ просвѣщеннымъ, отвратительна, а ни мало не смѣшна и не забавна. Dixi.

Долгъ искренности требуетъ также упомянуть и о миѣніи одного изъ увѣнчанныхъ, первоклассныхъ отечественныхъ писателей, который, прочтавъ Руслана и Людмилу, сказалъ: я тутъ не вижу ни мыслей, ни чувства, вижу только чувственность. Другой (а можетъ быть и тотъ же) увѣнчанный, первоклассный отечественный писатель привѣтствовалъ сей первый опытъ молодаго поэта слѣдующимъ стихомъ:

Мать дочери велитъ на эту сказку плюнуть.

12 февраля 1828.

Два отрывка, вошедшіе во второе изданіе и эпилогъ были помѣщены въ Сынъ Отечества 1820, № 38. Прежде еще были отрывки изъ первой пѣсни поэмы въ Невскомъ Зритель 1820, № 3, и изъ третьей — въ Сынъ Отечества 1820, № 15 и 16.

Поэмы и повѣсти, 1835.

Въ посм. изданіи, т. II, 4—116. — Изд. 1835, III, 74—170.

Въ первомъ изданіи было нѣсколько мѣстъ, выкинутыхъ Пушкинымъ въ изданіи 1828 года и въ слѣдующихъ и нѣкоторые варианты. Вотъ они:

1. Въ первой пѣснѣ послѣ стиха: «Герой! Я не люблю тебя» (стр. 15):

Русланъ, не знаешь ты мученья
Любви, отверженной на вѣкъ.

Увы! Ты не спосилъ презрѣнья....
И что-же, странный человѣкъ!
И ты-жъ тоскою сердце губишь.
Счастливецъ! ты любимъ, какъ любишь!

2. Послѣ стиха: «Былъ рокъ — упорный мой гонитель» (стр. 46) выпущено:

Въ надеждѣ сладостныхъ отрадъ,
Въ восторгѣ пылкаго желанья,
Творю поспѣшно заклинанья,
Зову духовъ — и, виноваты!
Безумный, дерзостный губитель.
Достойный Черномора братъ,
Я сталъ Наины похититель:
Лишь загадалъ, во тьмѣ дѣсной....

Эти стихи въ изданіи 1828 г. и послѣдующихъ замѣнены однимъ четверостишіемъ.

3. Во второй пѣснѣ, послѣ стиха: «Сердиться глупо и смѣшно» (стр. 20) выпущено изданіемъ 1828 года:

Уже-ли Богъ намъ далъ одно
Въ подлунномъ мірѣ наслажденье?
Вамъ остаются въ утѣшенье
Война, и Музы, и вино.

4 Тамъ-же (стр. 26) послѣ 8-го стиха съ низу: «Людмила, гдѣ твоя свѣтлица?» пропущены два стиха:

Гдѣ ложе радости молодой?
Одна, съ ужасной тишиной
Лежить.... и т. д.

5. Тамъ-же, послѣ стиха: «Когда не видимъ друга въ нѣмъ» (стр. 27) пропущено восемь стиховъ:

Вы знаете, что наша дѣва
Была одѣта въ эту ночь,
По обстоятельствамъ, точь въ точь
Какъ наша прабабушка Ева. —
Нарядъ невинный и простой,
Нарядъ Амура и природы!

Какъ жаль, что вышелъ онъ изъ моды!
Предъ изумленною княжной
Три дѣвы... и проч.

и слѣдующій затѣмъ третій стихъ вмѣсто нынѣшняго былъ слѣдующій:

Явился, молча подошли (44-й стихъ 27 стр.)

6. Тамъ-же, въ описаніи сада пропущены три стиха (стр. 30 стихъ 6):

*Цвѣтутъ и дышутъ по тропамъ,
Усыяннымъ пескомъ алмазнымъ,
Игривымъ и разнообразнымъ
Волшебствомъ дивный садъ блеститъ,
Но безутѣшная Людмила
Идетъ, идетъ и не глядитъ;
Ей роскошь свѣтлая постыла
Ей грустенъ ночи пышный видъ....*

7. Тамъ-же послѣ стиха: «И далѣ продолжала путь» (стр. 30) въ первомъ изданіи читаемъ:

О люди, страшныя созданья!
Межъ тѣмъ, какъ тяжкія страданья
Тревожатъ, убиваютъ васъ,
Обѣда лишь наступитъ часъ —
И вмигъ вамъ жалобно доноситъ
Пустой желудокъ о себѣ,
И имъ заняться тайно преситъ.
Что скажемъ о такой судьбѣ?

И ты, прекрасная Людмила,
По солнцу бѣгая съ утра.... и т. д.

8. Въ четвертой пѣснѣ, въ началѣ (стр. 49), послѣ 7-го стиха: «Ихъ замыслы не такъ ужасны», выпущено мѣсто:

Не правъ Фернейскій злой крикунъ!
Все къ лучшему: теперь колдунъ
Иль магнитизмомъ лечитъ бѣдныхъ,
И дѣвушекъ худыхъ и блѣдныхъ —
Пророчить, издаетъ журналъ —
Дѣла, достойныя похвалъ.

9. Далѣе, послѣ стиха: «И что-жъ? возможно-ль?... намъ согласали!» (стр. 50) слѣдовало:

Дерзну ли истину вѣщать?
Дерзну ли ясно описать
Не монастырь уединенный,
Не робкихъ инокинь соборъ.
Но.... трепещу! въ душѣ смущенный
Дивлюсь — и потупляю взоръ.

10. Въ концѣ 4-й пѣсни еще слѣдующій пропускъ, замѣненный въ послѣдствіи стихомъ: «Ужели счастливъ будетъ онъ!» (стр. 58):

О страшный видъ: волшебникъ хилый
Ласкаетъ сморщенной рукой
Младая прелести Людмилы
Къ ея плѣнительнымъ устамъ
Прильнувъ увядшими устами,
Онъ, вопреки своимъ годамъ,
Ужъ мыслить хладными трудами
Сорвать сей нѣжный, тайный цвѣтъ,
Хранимый Лелемъ для другаго;
Уже... но бремя позднихъ лѣтъ
Тягчить безстыдника сѣдаго —
Стоная, дряхлый чародѣй,
Въ безсильной дерзости своей,
Предъ сонной дѣвой упадетъ;
Въ немъ сердце поетъ, плачетъ онъ.
Но вдругъ раздался рога звонъ...

12. Далѣе въ пятой пѣснѣ, послѣ стиха: «Укоръ невнятный лепетала....» (23-й на 67 стр.), препущено слѣдующее мѣсто:

Въ рукахъ Руслана чародѣй
Томила въ мукахъ ожиданья;
И князь не могъ отвѣсть очей
Отъ непонятнаго созданья....
Но головы въ тотъ самый часъ
Конталось долгое страданье.

13. Тамъ же далѣе, черезъ два стиха, вмѣсто «огромный»: *Туманный* закатился взоръ..

ПЕРЕВОДЫ.

1. Французскій переводъ, въ прозѣ, въ книгѣ: *Oeuvres choisies de Pouchkine, par H. Dupont, T. I.* (Paris 1847).—И еще прежде отрывокъ изъ первой пѣсни, въ прозѣ, въ сборникѣ: *Anthologie russe, par E. Dupré de Saint-Maure*, Paris 1823, въ 4 д. л. стр. 82—90. — Еще отрывокъ, въ стихахъ и прозѣ, въ книгѣ: *Histoire intellectuelle de l'empire de Russie, par Tardif de Mello*. Paris, 1854.

2. Нѣмецкій переводъ, въ стихахъ, въ книгѣ: *Metrische Uebersetzungen aus dem Russischen von E. Göring*, Moskau, 1833, in-8.

II. КАВКАЗСКІЙ ПЛѢННИКЪ (стр. 88).

1. *Кавказскій Плѣнникъ*, сочин. А. Пушкина. Спб. Въ тип. Н. Греча. 1822, въ 8 д. л. 53 стр. Съ портретомъ Пушкина (профиль, рисованный въ молодости его, Е. Гейтманомъ).

— Также съ нѣмецкимъ переводомъ: *Der Berggefangene (Кавказскій Плѣнникъ)*. Von Alexander Puschkin. St. Pet. 1824, въ 8 д. л. X и 68 стр.

Переводъ, кажется, *Вульферта* *); текстъ припечатанъ безъ согласія Пушкина и собственно второе изданіе есть слѣдующее:

2. *Кавказскій Плѣнникъ, повѣсть Александра Пушкина. Второе, исправленное изданіе.* Спб. Въ тип. Дел. Нар. Просв. 1828, въ 8 д. л. 60 стр. Съ слѣдующимъ предисловіемъ:

«Сія повѣсть, снисходительно принятая публикою, обязана своимъ успѣхомъ вѣрному, хотя слегка означенному изображенію Кавказа и горскихъ нравовъ. Авторъ также соглашается съ общимъ голосомъ критиковъ, справедливо осуждавшихъ характеръ плѣнника, нѣкоторыя отдѣльныя черты», и проч.

Третье изданіе (съ исключеніемъ предисловія) въ книгѣ: Повѣсти и поэмы А. Пушкина, 1835. — 4. Посмертное изданіе, т. II,

*) Этотъ переводъ былъ изданъ отдѣльно еще въ 1823, въ 8 д. л., 4. 32 и 6 стр., переводчикъ присоединилъ отъ себя нѣсколько примѣчаній.

стр. 119 —5. Изданіе 1855, III, 171—199 и тамъ же, стр. 64, отрывокъ изъ поэмы, заключающій въ себѣ первую мысль ея, изъ рукописи Императорской Публичной Библіотеки, и приписки, стр. 85 и кромѣ того, въ Матеріалахъ, стр. 98—99 сообщены черновые отрывки и начатки этой поэмы:

I.

(ПЕРВАЯ МЫСЛЬ КАВКАЗСКАГО ПЛѢННИКА).

Одинъ въ глуши Кавказскихъ горъ,
Покрытый буркой боевою,
Черкесь надъ шумною рѣкою,
Въ кустахъ тайлся. Жадный взоръ
Онъ устремлялъ на путь далекой.
Булатной шашкою сверкалъ,
И грозно, въ тишинѣ въ глубокой,
Своей добычи ожидалъ.
Товарищъ вѣрный, терпѣливый,
Питомецъ горныхъ табуновъ,
Стоялъ недвижно конь ретивый,
Въ тѣни древесъ у береговъ

Прохлада вѣетъ надъ водами;
Одѣлся тѣнью небосклонъ ...
И вдругъ пустыни мертвый сонъ
Прервался.. . Пыль взвилась клубами.
Гремятъ колеса. Конь кипитъ —
Черкесь верхомъ, Черкесь летитъ.

Зачѣмъ, о юноша несчастной,
Зачѣмъ на гибель ты спѣшишь?
Порывомъ смѣлости напрасной
Своей главы не защитишь.
Его настигнулъ врагъ летучій;
Несчастный палъ за чуждый берегъ —
И слабого питомца вѣгъ
Къ горамъ повлекъ арканъ могучій!
Помчался конь межъ дикихъ горъ
На крыльяхъ огненной отваги!
Все путь ему — болота, боръ,
Кусты, утесы и овраги.

Кровавый слѣдъ за нимъ бѣжитъ
И гуль пустынный раздается;
Сѣдой потокъ предъ нимъ шумить —
Онъ въ глубь кипящую несется.

На темной синевѣ небесъ
Луна вечерняя блеснула:
Вотъ кущи дальняго аула
Бѣлѣютъ межъ деревьевъ....

II.

(ПРИПИСКИ КЪ КАВКАЗСКОМУ ПЛѢННИКУ).

1.

Примите новую тетрадь,
Вы юноши, и вы дѣвицы:
Не веселѣ ль намъ читать
Игривой музы небылицы,
Чѣмъ Пиндарическихъ похвалъ
Высокопарныя страницы?
Иль усыпительный журналъ,
Который вретъ, не зная цѣли,
Который такъ тяжелъ и грубъ —
И ровно каждаго двѣ недѣли
Быть хочеть волею, а только глупъ

2.

О вы, которые любили
Парнаса тайныя мечты,
И вольной младости цвѣты
Вниманьемъ сладкимъ наградили —
Спасите трудъ небрежный мой
Отъ рукъ невѣжества слѣпова,
Отъ взоровъ зависти косой. ..

III.

(ИЗЪ ПИСЬМА В. П. ГОРЧАКОВУ; ПОСВЯЩЕНІЕ).

• Когда я погибалъ безвинный, безотрадный,
И шепотъ клеветы внималъ со всѣхъ сторонъ,

Когда кинжалъ измѣны хладный,
Когда любви тяжелый сонъ
Меня терзали и мертвили, —
Я близъ тебя еще спокойство находилъ.

Я рано скорбь узналъ, постигнуть былъ гоненьемъ,
Я жертва клеветы и мстительныхъ невѣждъ;
Но сердце укрѣпивъ надеждой и терпѣньемъ....
Я ждалъ безпечно лучшихъ дней.

IV.

Послѣ стиха: «Въ увядшемъ сердцѣ заключилъ...» (стр. 91):

Когда роскошныхъ дѣвъ веселья
Младыми розами вѣнчалъ —
И жаръ безумнаго похмѣлья
Минутной страсти посвящалъ.

V.

Послѣ стиха: «И упоительнымъ мечтамъ ..» (стр. 102):

Въ тѣ дни, когда луна, дубравы,
Морей и бури вольный шумъ,
Дѣвичій голосъ, гимны славы
Еще плѣняли жадный умъ.

VI.

(ВАРИАНТЫ ИЗЪ ПЕРВАГО ИЗДАНІЯ).

Стр. 88, стихъ 5-й посвященія:

Когда гроза и вихрь мой челнъ о камни били.

Стр. 95, стихъ 2-й:

Остановлялъ онъ долго взоръ.

Стр. 99, стихъ 18-й:

И жены робкія трепещутъ.

Стр. 103, стихъ 3-й и 2-й снизу:

Немного радостныхъ ей дней
Судьба на долю ниспослала.

ПРИМѢЧАНІЯ ПУШКИНА.

Посвященіе, стр. 88-я—стихъ 13 и 14:

1. *Бешту*, или правильнѣе *Бештау*, Кавказская гора, въ 40 верстахъ отъ Георгіевска. Извѣстна въ нашей исторіи.

2. Ауль. Такъ называются деревни Кавказскихъ народовъ.

Ч. I, стр. 89, стихи 9 и 10:

3. *Уздень*, начальникъ или князь.

4 *Шашка*, черкесская сабля.

Стр. 91, стихъ 1:

5. *Сакля*, хижина.

Стр. 93, стихъ 2-й:

6. Кумысъ дѣлается изъ кобыльаго молока: напитокъ сей въ большомъ употребленіи между всѣми горскими и кочующими народами Азіи. Онъ довольно пріятенъ и почитается весьма здоровымъ.

Стр. 94, стихъ 12:

7. Счастливый климатъ Грузіи не вознаграждаетъ сей прекрасной страны за всѣ бѣдствія, вѣчно ею претерпѣаемыя. Пѣсни Грузинскія пріятны и по большей части заунывны. Онѣ славятъ минутные успѣхи Кавказскаго оружія, смерть нашихъ героевъ Бакунина и Циціанова, измѣны, убійства, иногда любовь и наслажденія.

8. Стр. 95, при стихѣ 12-мъ, въ примѣчаніи, находятся двѣ выписки стиховъ. относящихся къ Кавказу изъ оды графу Zubову Державина и изъ посланія Воейкову Жуковскаго.

Стр. 98, къ стихамъ 7, 3 и 2 снизу:

9. *Чилирь*,— красное Грузинское вино.

10. Черкесы какъ и всѣ дикіе народы, отличаются предъ нами гостепрѣимствомъ. Гость становится для нихъ священною особою. Предать его или не защищать почитается межъ ними за величайшее безчестіе. *Кунакъ* (т. е. пріятель, знакомецъ) отвѣчаетъ жизнию за вашу безопасность, и съ нимъ вы можете углубиться въ самую средину Кабардинскихъ горъ.

11. *Байранъ* или *Байрамъ*,—праздникъ розговѣнья. *Рамазанъ*,— мусульманскаго поста.

Стр. 110, къ стиху 19.

12. Мстиславъ, сынъ св. Владиміра, прозванный *удалымъ*, удѣльный князь Тмутаракани (островъ Тамань). Онъ воевалъ съ Косогамъ (по всей вѣроятности, нынѣшними Черкесамъ) и въ единоборствѣ одолѣлъ князя ихъ Редедю.

Ист. Гос. Росс. томъ II.

ПЕРЕВОДЫ.

Кромѣ перевода *Вульфберта* и другихъ, указанныхъ въ сборникахъ (далѣе), мнѣ извѣстны еще слѣдующіе переводы:

1. *Minne af Kaukasien. Oefversättning ifrån Ryskan. Abo, 1823, въ 12 д. л., 4 и 32 стр.* Шведскій переводъ, въ стихахъ.

2. *De gevangene of den Kaukasus. Een gedicht naar het russisch van Alexander Puschkin. 'S Grevenhage. 1840, въ 8 д. л., 40 стр.*

Голландскій переводъ съ нѣмецкаго перевода Липперта; въ посвященіи переводчикъ подписался: *B. J. van den Bergh.* — Этотъ переводъ былъ также напечатанъ въ журналѣ литерат. общества: *Morgenrood*, въ 1840 г.

3. *Jenies Kaukazu, poemat w dwóch czesciach Tłomaczony z języka rossyjskiego A. Pużkina i wiersz oryginalny Wygnaniec świata w dwóch czesciach, w Warszawie w drukarni J. Wroblewskiego. 1828, въ 12 д. л., 78 стр.* Польскій переводъ разностопными стихами, неизвѣстнаго переводчика.

4. *Casopis Ceského Musea (1854. 28-ho ročníku zvezek 1 a 2).* Чешскій переводъ Бендля, въ стихахъ.

Рецензія его помѣщена въ Извѣстіяхъ 2-го Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ, т. III, (1854), стр. 306, гдѣ находимъ и образецъ перевода, близкаго по смыслу, но далекаго отъ склада и звучности русскихъ стиховъ. Онъ вошелъ въ сборникъ переводовъ г. Бендля изъ Пушкина, изданный въ 1859 г.

5. *Il prigioniero del Caucaso poemetto russo di Alessandro Pouschkine, tradotto in italiano da Antonio Rocchigiani. Napoli. 1834, въ 8 д. л., VII и 44 стр., съ виньеткой.*

Переведено очень хорошими итальянскими стихами и довольно близко, и посвящено г-жѣ В. Кайсаровой (урожд. Ланской).

6. *Il prigioniero del Caucaso. Novella di A. Puschkin, tradotta della lingua russa. Qdessa, stamperia della città. 1837, въ 12 д. л., 54 и IX стр.*

Переводъ въ стихахъ и довольно вѣрный.

7 и 8. Итальянскій переводъ въ стихахъ, *Бочеллы*, а другой, въ прозѣ, *Делатра* (о нихъ см. ниже, въ концѣ примѣчаній ко 2-му тому).

9. *Le prisonnier du Caucase*. Въ книгѣ: *Histoire intellectuelle de l'empire de Russie, par Tardif de Mello* (Paris, 1854). стр. 65—73.

Переводъ въ стихахъ, но неполный.

10. *Le prisonnier du Caucase*, переводъ, въ прозѣ, въ журналѣ: *Bulletin du Nord*, т. II, (Moscou, 1829), стр. 301—322 и т. III, стр. 36—46.

11. *Le prisonnier du Caucase, poëme, traduit du russe, par Eugène de Porry*. Marseille. 1858, въ 16 д. л., 47 стр.

12. Отрывки въ шведскомъ переводѣ, въ стихахъ, г. *Лундалл*, въ альманахѣ, изданномъ К. Я. Гротемъ, въ память юбилея Александровскаго Университета (*Calender till minne af K. Alex. Univ. etc.*). Helsingfors, 1842, въ 8 д. л., на стр. 199 и слѣд.

III. БАХЧИСАРАЙСКІЙ ФОНТАНЪ (стр. 112).

1. *Бахчисарайскій фонтанъ*. Сочиненіе Александра Пушкина. М. Въ тип. Августа Седова. 1824, въ 12 д. л., XX и 49 стр.

Съ эпиграфомъ: «Многіе, также какъ и я, посѣщали сей фонтанъ, но иныхъ уже нѣтъ, другіе странствуютъ далече. Саді.» — Въ началѣ статья Князя П. А. Вяземскаго: «Вмѣсто предисловія: разговоръ между издателемъ и власиномъ съ Выборгской стороны или съ Васильевскаго острова». Въ концѣ выписка изъ Путешествія по Тавридѣ И. М. Муравьева.

Второе изданіе. Спб. Въ тип. Двп. Нар. Просв. 1827, въ 16 д. л., XIX и 52 стр. Съ 4-мя гравюрами.

Есть поправки; см. примѣчаніе П. В. Анненкова, т. III, стр. 542.

Третье изданіе. 1830. Тамъ-же. 1830, въ 8 д. л., 46 стр. Безъ статьи Кн. Вяземскаго, но съ прибавленіемъ письма Пушкина къ Дельвигу (изъ Сѣв. Цвѣтовъ, 1826), которое съ прибавленіями сообщено въ Матеріалахъ П. В. Анненкова, I, 75 и 79.

4. Въ книгѣ: Поэмы и Повѣсти А. Пушкина 1835, III 201—226 и т. VII, стр. 68. — 5. Посм. изданіе, II, 179—181: — 6. Изд. 1855, III, 201—220 и отрывокъ, т. VII, стр. 68.

По поводу полемики, возбужденной появленіемъ «Бахчисарайскаго фонтана» и предисловія къ нему Кн. Вяземскаго (см. Мате-

ріалы П. В. Анненкова, стр. 106 и слѣд.), Пушкинъ напечаталъ въ Сынѣ Отечества, ч. 93 (1824 года, № XVIII), стр. 181, слѣдующее письмо (Матеріалы, стр. 108):

«Въ теченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ мнѣ случалось быть предметомъ журнальных замѣчаній. Часто несправедливыя, часто непристойныя, инныя не заслуживали никакого вниманія; на другія издали отвѣчать было невозможно. Оправданія оскорбленнаго Авторскаго самолюбія не могли быть занимательны для публики; я молча предполагалъ исправить въ новомъ изданіи недостатки, указанные мнѣ какимъ-бы то ни было образомъ, и съ живѣйшею благодарностью читалъ изрѣдка лестныя похвалы и одобренія, чувствуя, что не одно довольно слабое достоинство моихъ стихотвореній давало поводъ благородному изъявленію снисходительности и дружелюбія.

«Нынѣ нахожусь въ необходимости прервать молчаніе. Князь П. А. Вяземскій, предпринявъ, изъ дружбы ко мнѣ, изданіе Бахчисарайскаго Фонтана, присоединилъ къ оному Разговоръ между Издателемъ и Антиромантикомъ. — разговоръ, вѣроятно, вымышленный: по крайней мѣрѣ, если между нашими печатными Классиками многіе силою своихъ сужденій сходятся съ Классикомъ Выборгской стороны, то, кажется, ни одинъ изъ нихъ не выражается съ его остротой и свѣтской вѣжливостью.

«Сей разговоръ не понравился одному изъ судей нашей словесности. Онъ напечаталъ въ 5-мъ № Вѣстника Европы второй разговоръ между Издателемъ и Классикомъ, гдѣ, между прочимъ, прочелъ я слѣдующее:

«Издатель. И такъ разговоръ мой вамъ не нравится?

«Классикъ. Признаюсь, жаль, что вы напечатали его при прекрасномъ стихотвореніи Пушкина? Думаю и самъ авторъ объ этомъ пожалѣетъ »

«Авторъ очень радъ, что имѣетъ случай благодарить Князя Вяземскаго за прекрасный его подарокъ. *Разговоръ между Издателемъ и Классикомъ съ Выборгской стороны или съ Васильевскаго Острова*, писанъ болѣе для Европы вообще, чѣмъ исключительно для Россіи, гдѣ противники романтизма слишкомъ слабы и незамѣтны, и не стоятъ столь блистательнаго отраженія.

«Не хочу или не имѣю права, жаловаться по другому отношенію, и съ искреннимъ смиреніемъ принимаю похвалы извѣстнаго критика.»

Александръ Пушкинъ.

Одесса.

ПЕРЕВОДЫ.

1. *Der Trauerquell (Бахчисарайскій Фонтанъ)*, verfasst von Alexander Pusckin. Aus dem Russischen übersetzt von Alexander Wulffert. St. Petersburg. 1826, въ 12 д. л., 48 стр.

Переводъ стихами, довольно тяжелый. Въ предисловіи переводчикъ объясняетъ трудности, предстоявшія ему при передачѣ благозвучныхъ русскихъ стиховъ. Въ концѣ переданъ «Разговоръ издателя съ критикомъ» (Князя Вяземскаго) и отрывокъ путешествія Муравьева.

2. Лучшій нѣмецкій переводъ Бахчисарайскаго Фонтана *Bodenstedta*, въ стихахъ, въ книгѣ: *Dichterkönige von Johann Scherr*, Leipzig, 1855, и въ его собраніи переводовъ изъ Пушкина.

3. *Fontana w Baczyszeraiu. Przeklad z rossyjskiego*. Вильна 1826, въ 8 д. л., XVIII и 27 стр.

Другой польскій переводъ Дашковского, также какъ и этотъ—въ стихахъ, будетъ указанъ послѣ

4. *Alexandra Puskina Bachciserajsky Fontan*. Чешскій переводъ Бендла. V Praze. 1854, въ 12 д. л., 30 стр. (Изъ *Casopis Ceského Musea* 1854 года).

5. *La fontaine des pleurs, poëme de M. Alexandre Pouschkine, traduit librement du russe par J. M. Chopin. Orné de trois figures lithographiées*. Paris. 1826, въ 8 д. л., 40 стр.

Переводъ въ стихахъ. Приложенъ отрывокъ изъ путешествія Муравьева, музыка татарской пѣсни и три литографированные рисунка. Рецензія *Herbeau* (жившаго въ Россіи и знавшаго русскій языкъ) въ *Revue Encyclopédique* 1826, іюль; переведена въ Московскомъ Телеграфѣ, т. XI (1826 г., № 19), стр. 74 и слѣд.

6. Переводъ Бахчисарайскаго Фонтана въ прозѣ, *par Chopin*, въ *Revue Indépendante* 1843, т. VIII, стр. 227—228.

7. *La fontaine de Bakhtchesserai. Poëme de Mr. A. Pouschkine. Traduit du russe, par L. Repey*, M. 1830. Imprim. de A. Semen, въ 12 д. л., 49 стр.

Послѣ хорошаго перевода Шопена появился этотъ плохой: нескладный и невѣрный.

8. *La fontaine de Baghtsché-Serai (Бахчисарайскій Фонтанъ), Poëme russe d'Alexandre Pouschkine. Traduit en vers libres par*

le prince Nicolas Boris. Galitzin, traducteur du Pénitent Noir (Чернецъ). M. De l'impr. d'Aug. Semen. 1838, въ 12 д. л., 30 стр.

Поэма переведена александрийскими стихами.

Этотъ переводъ перепечатанъ во второмъ изданіи книги: *Essais poétiques, par le prince N. B. Galitzin. St. Pétersb. 1849, въ 8 д. л., стр. 23—44.*

9. *Les Drames intimes, contes russes, par Marmier. Paris, 1857, въ 12 д. л.*

Здѣсь въ концѣ переводъ въ прозѣ Бахчисарайскаго Фонтана.

10. *The Bakhchisarayan Fountain. By Alexander Pooshkien. And other poems, by various authors, translated from the original Russian, by William D. Lewis. Philadelphia. C. Sherman, printer 1849, въ 12 д. л., 72 стр.*

11. и 12. Итальянскіе переводы: въ стихахъ — Бочеллы и въ прозѣ — Делатра, указаны ниже, въ концѣ примѣчаній ко второму тому.

IV. БРАТЯ - РАЗБОЙНИКИ, 1822 г. (стр. 131).

1. *Братья-разбойники. А. Пушкина. М. съ тип. А. Семена. 1827, въ 8 д. л., 15 стр.*

2. *Второе изданіе. Того же года и точно такое же.*

Прежде было нанечатано въ Полярной Звѣздѣ 1825 года. Поэмы и Повѣсти, 1835.—Посм. изд. II, 193—202 съ прибавленіемъ конца отъ стиха: «Умолѣй, и буйной головой».—Изд. 1855. II, 227—235.

ПЕРЕВОДЫ.

1. *Les frères brigands. Trad. en prose. Bulletin du Nord, de Delàveau, т. III, (М. 1829), стр. 119—125.*

2. *Голландскій переводъ Братевъ-разбойниковъ—въ журналѣ: Daphné, 1852* Это указаніе находимъ въ голланд переводѣ «Капитанской Дочки», стр. 228.

3. Итальянскій въ бѣлыхъ стихахъ, маркиза Бочелли, въ книгѣ:
I quattro poeti maggiori di A. Pouschkine, Pisa, 1841.

V. ОТРЫВКИ ИЗЪ НОВГОРОДСКОЙ ПОВѢСТИ: „ВАДИМЪ“, 1822 г. (стр. 138).

Первый отрывокъ былъ помѣщенъ въ Моск. Вѣстникѣ, т. V, (1827 г. № 17), стр. 3. подъ заглавіемъ: «Отрывокъ изъ неоконченной поэмы *Писано въ 1822 году*»; перепечатанъ въ изданіи 1829 г., стр. 158, безъ заглавія; въ посм. изд., т. IV, стр. 274, названъ: *Два путника* и также въ изд. 1855, II, 317

Второй отрывокъ вмѣстѣ съ стихами изъ перваго отрывка отъ стиха: «Проходитъ ночь, огонь погасъ», до стиха: «Которыхъ уже въ мірѣ нѣтъ», за которыми онъ слѣдовалъ, напечатанъ, съ незначительными измѣненіями въ нѣсколькихъ словахъ, указанныхъ здѣсь, ниже, помѣщенъ былъ въ альманахѣ Памятникъ Отеч. Музъ 1827, подъ заглавіемъ *Сонъ*; этотъ отрывокъ потомъ вошелъ въ посмертное изданіе (IX, 386) и въ изданіе 1855, II, 321. — Въ примѣчаніи П. В. Анненкова (стр. 337) сообщена черновая программа поэмы изъ рукописей Пушкина

Третій отрывокъ въ изд. П. В. Анненкова, т. VII, стр. 66.

Въ Памятникѣ Музъ въ 8-мъ стихѣ снизу, стр. 140 вмѣсто *чернымъ* напечатано *горнымъ* и въ 6-мъ вмѣсто *изступленныхъ* — *вдохновенныхъ*; на стр. 141 въ стихѣ 9-мъ вмѣсто *костровъ* — *пировъ*.

VI. ЦЫГАНЫ, 1824 г. (стр. 144).

Цыганы. (Писано въ 1824 году). М. Въ тип. А. Савана. 1827, въ 12 д. л., 46 стр. (безъ имени автора).

Отрывки были въ Полярной Звѣздѣ 1825, (начало); въ Сѣв. Пвѣтахъ 1826; въ Моск. Телеграфѣ, ч. VI, (1825, № 21), стр. 69, (Пѣсня Земфиры съ пѣтами «дикаго напѣва сей пѣсни, слышаннаго

поэтомъ въ Бессарабіи*). — Поэмы и Повѣсти Пушкина, 1835. — Посм. изд., II, 205—239. — Изданіе 1855, III, 237—260 и т. VII, 69. — Въ Примѣчаніи (стр. 544) сообщены слѣдующія строки Пушкина, относящіяся къ поэмѣ и найденныя въ его рукописяхъ:

«Долго не знали въ Европѣ происхожденія Цыгановъ и считали ихъ выходцами изъ Египта. Довнынъ въ нѣкоторыхъ земляхъ и называютъ ихъ Египтянами. Англіійскіе путешественники разрѣшили, кажется, всѣ недоумѣнія. Доказано, что Цыгане принадлежатъ отъверженной кастѣ Индѣйцевъ, называемыхъ *Naria*. Языкъ и то, что можно назвать ихъ вѣрою, даже черты лица и образъ жизни — вѣрныя тому свидѣтельства. Ихъ привязанность къ дикой вольности, обезнеченной бѣдностью — вездѣ утомила мѣры, принятія для преобразованія праздної жизни сихъ бродягъ. Они кочуютъ въ Россіи, какъ и въ Англіи; мужчины занимаются ремеслами, необходимыми для первыхъ потребностей, торгуютъ лошадьми, водятъ медвѣдей, обманываютъ и крадутъ; женщины промышляютъ ворожбой, пѣснями и плясками.»

Изъ эпилога поэмы Пушкинъ выкинулъ слѣдующіе стихи, сохранившіеся въ его рукописяхъ и переданные П. В. Анпенковымъ:

За ихъ лѣнливыми толпами
Въ пустыняхъ, праздный, я бродилъ,
Простую пищу ихъ дѣлилъ,
И засыпалъ предъ ихъ огнями....
Въ походахъ медленныхъ любилъ
Ихъ пѣсней радостные гулы,
И долго милой Маріулы
Я имя нѣжное твердилъ.

Варианты изъ «Сѣверныхъ Цвѣтовъ 1886».

Стр. 150, стихъ 19-й: *Не оскорбляя никого* и стихъ 29-й къ печалямъ вмѣсто «къ заботамъ».

Стр. 151, въ стихѣ 13-мъ *дивная*, вмѣсто «громкая» и стихъ 16-мъ *минутный* вмѣсто «могильный».

*) Дословный переводъ ея съ молдаванскаго сообщенъ въ Библиографическихкихъ Запискахъ, т. II, стр. 273.

ПЕРЕВОДЫ.

1. *Bohémiens*. Traduction en prose. Bulletin du Nord, de Delaëau, t. III, (Moscou, 1828), стр. 262—269.

Прочіе переводы: пять нѣмецкихъ Липперта, Боденштедта, Эльснера, Минцлофа *) и французскіе Дюпона и Жюльвекура (отрывокъ) — указаны при исчисленіи сборниковъ переводовъ.

Есть еще французскій переводъ, въ прозѣ, въ книгѣ: *Nouvelles de Mérimés*, Paris, 1852 года, и нѣмецкій переводъ Шмидта (H. L. Schmidt), въ стихахъ, — въ петербургскомъ журналѣ: *Magazin angenehmer Unterhaltung*, 1840, № 73 и 74.

— Итальянскіе переводы первый, въ стихахъ, Маркиза Бочелла (1841) и другой, въ прозѣ, Делатра (1850). Объ нихъ см ниже, въ указаніи сборниковъ переведенныхъ поэмъ (стр. XLIV).

— Балашскій переводъ въ стихахъ А. Донича. Отрывки помѣщены въ Молдо-Балашской хрестоматіи Гинкулова, гдѣ есть также оригиналъ молдавской пѣсни, заимствованной Пушкинымъ.

— *Cyganu poemat Alexandra Puszkina przetlumaczyl Leon Janiszewski. Oddruck z Biblioteki Warszawskiej. Warszawa. W drukarni Juliana Kaszanowskiego*, въ 8 д. л., 40 стр (Польскій переводъ въ стихахъ). Другой польскій переводъ указанъ на стр. 46.

VII. ГРАФЪ НУЛИНЪ, 1825 г. (стр. 166).

Графъ Нулинъ. Спб. Въ тип. Мин. Нар. Просв. 1827, въ 12 д. л., 32 стр

Тоже изданіе вышло въ томъ-же году вмѣстѣ съ поэмою Е. Баратынскаго: «Балъ».

Прежде помѣщено было въ Сѣв. Цвѣтахъ на 1828 г. и отрывокъ въ Моск. Вѣстникѣ ч. I, (1827, № 4), стр. 251. — Въ книгѣ: *Поэмы и повѣсти Пушкина* 1835, ч II. — Посм. изд. II, 243—257. — Изд. 1855, III, 261—273

*) Послѣдній нѣмецкій переводъ Опитца и чешскій — Бендия, указаны выше.

Въ Моск. Вѣстникѣ, стр. 166, 4-й стихъ: И гончія визжать па сворахъ.

ПЕРЕВОДЪ.

Le Comte, Noulne. Trad. en vers, въ Bulletin du Nord, de Delaveau, 1829, t. I, № 2, стр. 166—182

Италіянскій, въ прозѣ, Дслатра, и чешскій Бендля, въ стихахъ. см ниже, въ концѣ примѣчаній къ поэмамъ (стр. XLIV и XLV).

VIII. ПОЛТАВА, 1828 г. (стр. 178).

Полтава, поэма Александра Пушкина. Спб. Въ тип. Деп. Нар. Просв. 1829, въ 8 д. л. VII и 91 стр. Съ слѣдующимъ эпиграфомъ:

•The power and glory of the war,
Faithless, as their vain votaries, men,
Had pass'd to the 'triumphant Czar',

и съ предисловіемъ:

•Полтавская битва есть одно изъ самыхъ важныхъ и самыхъ счастливыхъ происшествій Царствованія Петра Великаго. Она избавила его отъ опаснѣйшаго врага; утвердила Русское владичество на Югѣ, обезпечила новыя заведенія на Сѣверѣ и доказала Государству успѣхъ и необходимость преобразованія, совершаемаго Царемъ.

•Ошибка Шведскаго Короля вошла въ пословицу. Его упрекаютъ въ неосторожности, находятъ его походъ въ Украйну безразсуднымъ. На критиковъ не угодишь, особенно послѣ неудачи. Карлъ однажды симъ походомъ избѣгнулъ славной ошибки Наполеона: онъ не пошелъ на Москву. И могъ-ли онъ ожидать, что Малороссія...., безпокойная, не будетъ увлечена примѣромъ своего Гетмана и не возмутится противу недавняго владычества Петра, что Левенгауптъ три дня сряду будетъ разбитъ, что наконецъ 25,000 Шведовъ, предводительствуемыхъ своимъ Королемъ, побѣгутъ передъ Нарвскими бѣглецами? Самъ Петръ долго колебался, избѣгая главнаго сраженія, *яко зело опаснаго дѣла*. Въ семъ походѣ Карлъ XII менѣе, нежели—когда нибудь вѣтрялся своему счастью: оно уступило гевію Петра.

• Мазепа есть одно изъ самыхъ замѣчательныхъ лицъ той эпохи: Нѣкоторые писатели хотѣли сдѣлать изъ него героя свободы, по-ваго Богдана Хмельницкаго. Исторія представляетъ его честолюб-цемъ, закоренѣлымъ въ коварствахъ и злодѣянiяхъ, клеветникомъ Самойловича, — своего благодѣтеля, губителемъ отца несчастной своей любовницы, измѣнникомъ Пистра передъ его побѣдою, преда-телемъ Карла послѣ его пораженiя: память его, преданная Церко-вию анаемѣ, не можетъ избѣгнуть и проклятiя человѣчества.

Нѣкто въ романтической повѣсти изобразилъ Мазепу старымъ трусомъ, блѣднѣющимъ предъ вооруженной женщиной, изобрѣтаю-щимъ утонченные ужасы, годные во Французской мелодрамѣ и проч. Лучше было-бы развить и объяснить настоящiй характеръ мятежнаго Гетмана, не искажая своевольно историческаго лица. •

31 Января 1829.

— Поэмы и повѣсти 1835. — Посм. изд. II, 259—330. — Изд. 1855, III, 275—331. — Въ примѣчанiи (стр. 547). П. В. Аннен-ковъ сообщаетъ слѣдующiя хронологическiя помѣтки поэмы: подъ первую пѣсню: 5 Октября 1828; подъ вторую 9 Октября, подъ послѣднюю 16 Окт. 1828; посвященiе—29 Окт. 1828. Два отрывка изъ поэмы, выброшенные Пушкинымъ, сообщены въ Материалахъ П. В. Анненкова, стр. 206 и 207 Вотъ они:

1.

(изъ первой пѣсни, о Базакѣ.)

Убитый ею, къ ней одной
Стремилъ онъ страстные желанья,
И горькой ропотъ и мечтанья
Души кипящей и больной.

Еще хотъ разъ ее увидѣть
Безумной жаждой онъ горѣлъ;
Ни презирать, ни ненавидѣть
Ее не могъ и не хотѣлъ.

2.

(изъ третьей пѣсни, монологъ Марцѣ.)

... Съ горестью глубокой
Любовникъ ей внималъ жестокой,
Но вихрю мыслей предана....
Ей-Богу, говоритъ она,

Старуха лжетъ. Сѣдой проказникъ,
Тамъ въ башнѣ спрятался. Пойдемъ.
Не будемъ горевать о немъ,
Пойдемъ.... Какой сегодня праздникъ?
Народъ бѣжитъ, народъ поетъ —
Пойду за ними; я на волѣ,
Меня никто не стережетъ . .
Алтарь готовъ; въ веселомъ полѣ
Не кровь .. О нѣтъ, вино течетъ!
Сегодня праздникъ. Разрѣшили ..
Женихъ не крестный мой отецъ,
Отецъ и мать меня простили:
Идетъ невѣста подъ вѣнецъ!*

Но вдругъ, потупя взоръ безумный,
Видѣнья страшнаго иолва:
Однако-жъ, говоритъ она....

ПРИМѢЧАНІЯ ПУШКИНА КЪ ПОЛТАВѢ.

Пѣснь I стр. 178, стихъ 1-й Богаты и славенъ Кочубей.

1. Василій Леонтьевичъ Кочубей, Генеральный судія, одинъ изъ предковъ Графовъ Кочубеевъ, нынѣшнихъ Князей.

Стр. 179, стихъ 1-й: Кругомъ Полтавы хутора.

2. *Хуторъ* — загородный домъ.

Стр. 179, стихъ 11-й:

Прекрасной дочерью своею
Гордится старый Кочубей.

3. У Кочубея — было нѣсколько дочерей: одна изъ. нихъ была замужемъ за Обидовскимъ, племянникомъ Мазепы. Та, о которой здѣсь упоминается, называлась Матреной.

Стр. 180, стихъ 2-й: За ней самъ Гетманъ сватовъ шлетъ.

4. Мазепа, въ самомъ дѣлѣ, сваталъ свою крестницу, но ему отказали.

Стр. 182, стихъ 20-й: Тѣ пѣсни, кою онъ слагалъ.

5. Преданіе приписываетъ Мазепѣ нѣсколько пѣсенъ, до нынѣ сохранившихся въ памяти народной, Кочубей въ своемъ доносѣ также упоминаетъ о патріотической думѣ, будто-бы сочиненной Мазепою. Она замѣчательна не въ одномъ историческомъ отношеніи.

Стр. 182, стихъ 27-й:

Предъ бунчукомъ и булавой.

Малороссійскаго владыки.

6. Бунчукъ и булава — знаки Гетманскаго достоинства.

Стр. 183, стихъ 23:

Когда паденіемъ ославилъ.

Мужъ рока свой попятный шагъ.

7. Смотр. Мазепу Байрона.

Стр. 184, стихъ 18-й. Когда-бы старый Дорошенко.

8. Дорошенко, одинъ изъ героевъ древней Малороссіи не примиримый врагъ Русскаго владычества.

Стр. 184, стихъ 19-й.

9. Григорій Самойловичъ, сынъ Гетмана, сосланнаго въ Сибирь въ началъ царствованіе Петра.

Стр. 184, стихъ 20-й.

10. Симеонъ Палѣй, Хвостовскій полковникъ славный наѣздникъ. За своевольные набѣги сосланъ былъ въ Енисейскъ, по жалобамъ Мазепы. Когда сей послѣдній оказался измѣнникомъ, то и Палѣй, какъ закорѣнный врагъ его былъ возвращенъ изъ ссылки и находился въ Полтавскомъ сраженіи

Стр. 184, стихъ 20-й.

11. Костя Гордѣенко Кошевой Атаманъ Запорожскихъ Казаковъ. Впослѣдствіи переданъ Карлу XII. Взятъ въ плѣнъ и казненъ въ 1708 г.

Стр. 184, стихъ 24-й:

И Малороссіи печальной

Освобождались ужъ поля.

12. 20.000 казаковъ было послано въ Лифляндію.

Стр. 187, стихъ 2-й съ низу: «Во всемъ открылся онъ женѣ».

13. Мазепа въ одномъ письмѣ упрекаетъ Кочубея въ томъ, что имъ управляетъ жена его, *гордая и высокоумная*.

Стр. 188, стихъ 12-й: Безстрашный Искра....

14. Искра, Полтавскій Полковникъ, товарищъ Кочубея, раздѣлившій съ нимъ его умыселъ и участь.

Стр. 190, стихъ 10-й: «Съ нимъ полномощный езуитъ».

15. Иезуитъ Зеленскій, Княгиня Дульская и какой-то Болгарскій Архіепископъ, изгнанный изъ своего отечества были главными агентами Мазепиною измѣны. Послѣдній въ видѣ нищаго ходилъ изъ Польши въ Украйну и обратно.

Стр. 190, стихъ 16-й:

«Слагають цифрь Универсаловъ».

16. Такъ назывались манифесты Гетмановъ.

Стр. 190, стихъ 21-й: «И Орликъ, Гетмановъ дѣлецъ».

17. Филиппъ Орликъ, Генеральный Писарь, наперсникъ Мазепы, послѣ смерти (въ 1710) сего послѣдняго, получилъ отъ Карла XII пустой титулъ Малороссійскаго Гетмана. Впослѣдствіи принялъ Магометанскую вѣру, и умеръ въ Бспдерахъ около 1726 года.

Стр. 190, стихъ 26-й: Они съ Булавиннымъ мутять.

18. Булавинъ, Донской казакъ, бунтовавшій сколо того времени.

Стр. 191, стихъ 14-й: Вельможы русскіе послали

19 Тайный Секретарь Шафировъ и Гр. Головкинъ, друзья и покровители Мазепы; на нихъ по справедливости долженъ лежать ужасъ суда и казни доносителей.

Стр. 192, стихъ 2 й: Не онъ-ли помощь Стапиславу.

20 Въ 1703 году. Смотр примѣчанія къ Псторіи Малороссіи, Б. — Каменскаго.

Стр. 192, стихъ 7-й: «Не онъ-ли наущеньямъ Хана....»

21. Во время неудачнаго похода въ Крымъ, Казы-Гирей предлагалъ ему соединиться съ нимъ и вмѣстѣ напасть на Русское войско.

Стр. 192, стихъ 19-й: Ихъ казни требуетъ злодѣй.

22. Въ своихъ письмахъ онъ жаловался, что доносителей пытали слишкомъ легко, неотступно требовалъ ихъ казни, сравнивая себя съ Сусанною неповинно оклеветанною беззаконными старцами, а Графа Головкина съ Пророкомъ Даніиломъ.

Стр. 202, строка 15, въ Дпканькѣ ...

23. Деревня Кочубей.

Стр. 203, стихъ 2-й снизу: Молчишь? — Ну въ пытку. Гей, палачъ!

24. Уже осужденный на смерть Кочубей былъ пытанъ въ войскѣ Гетмана. По отвѣтамъ несчастнаго видно что его допрашивали о сокровищахъ имъ утаенныхъ.

Стр. 208, стихъ 2-й снизу: Скачутъ Сердюки ...

25. Войско, состоявшее на собственномъ изживеніи Гетмановъ.

Стр. 213, стихъ 21-й: Кто опишетъ—Негодованье, гнѣвъ Царя?

26. Сильные мѣры, принятыя Петромъ съ обыкновенной Его быстротой и энергіей, удержали Украйну въ повиновеніи. «1780 г. Ноября 7-го числа, по Указу Государеву, казаки, по обычаю своему, вольными голосами выбрали въ Гетманы Полковника Стародубскаго Ив. Скоропадскаго» — «8-го числа пріѣхали въ Глуховъ Кіевскій, Черниговскій и Переяславскій Архіепископы».

«А 9-го дня предали клятѣ Мазепу оныя Архіереи публично; того-же дня и персону (куклу) онаго измѣнника Мазепы вынесли, и снявъ кавалерію, (которая на ту персону была надѣта съ бантомъ). оную персону бросили въ палачевскіи руки, которую палачъ, взявъ и прицѣпя за веревку, тащилъ по улицѣ и по площади даже до висѣльницъ, и потомъ повѣсили»

«Въ Глуховѣ-же, 10-го дня, казнили Чечеля и прочихъ измѣнниковъ...» (Журналъ Петра Великаго)

Стр. 213, стихъ 24-й: Мазепы ликъ терзаетъ *капъ*

27. Малороссійское слово. По-Русски палачъ.

Стр. 214, стихъ 2-й: На плахѣ гибнѣтъ Чечель смѣлый

28. Чечель отчаянно защищалъ Батуринъ противъ войскъ Кн Меншикова.

Стр. 215, стихъ 3-й: Къ врагу на ужниѣ прискакать.

29 Въ Дрезденѣ къ Королю Августу. Смотр. Voltaire Hist. de Charles XII.

Стр. 215, стихъ 4-й: Отвѣтствовать на бомбу смѣхомъ.

30. Ахъ, В. В!... бомба!...—«Что есть общаго между бомбою и письмомъ, которое тебѣ диктую? пиши.» Это случилось гораздо послѣ.

Стр. 215, стихъ 8-й: И обмѣнять на рану, рану

31. Ночью, Карлъ, самъ осматривая нашъ лагерь, наѣхалъ на казаковъ, сидѣвшихъ у огня. Онъ поскакалъ прямо къ нимъ и одного изъ нихъ застрѣлилъ изъ собственныхъ рукъ. Казаки дали по немъ три выстрѣла и жестоко ранили его въ ногу.

Стр. 221, стихъ 4-й: Еще напоръ — и врагъ бѣжить.

32. Благодаря прекраснымъ распоряженіямъ и дѣйствіямъ Кн Меншикова, участь главнаго сраженія была рѣшена заранѣе. Дѣло не продолжалось и двухъ часовъ.« Ибо (сказано въ Жур. Петра Вел.) непобѣдимые господа Шведы скоро хребетъ свой показали, и отъ нашихъ войскъ вся непріятельская армія весьма опрокинута». Петръ въпослѣдствіи времени многое прощалъ Данилычу за услуги, оказанныя въ сей день Генераломъ Кн. Меншиковымъ.

Стр. 221, стихъ 25-й: Зачѣмъ измѣнникъ не на плахѣ.

33. L'Empereur Moscovite pénétré d'une joie qu'il ne se met-
tait pas en peine de dissimuler (было о чемъ и радоваться), recevait
sur le champ de bataille les prisonniers qu'on lui amenait en foule
et demandait à tout moment: où est donc mon frère Charles 2. ..
Alors prenant un verre de vin: a la santé dit-il, de mes maîtres

dans l'art de la guerre! — Renschild lui demanda: qui étaient ceux qu'il honorait d'un si beau titre. Vous, Messieurs, les généraux suédois, reprit le Czar. Votre Majesté est donc bien ingrate, reprit le comte, d'avoir tant maltraité ses maîtres.

Стр 226, стихъ 8-й: Ихъ мирно церковь приютила.

34. Обезглавленные тѣла Искры и Кочубея были отданы родственникамъ и похоронены въ Кіевской Лаврѣ; надъ ихъ гробомъ высѣчена слѣдующая надпись:

Кто еси мимо грядый о насъ невѣдущій,
Елицы здѣ естесмо положены сущи,
Понеже намъ страсть и смерть повелѣ молчати,
Сей камень возопіетъ о насъ ти вѣщати,
И за правду и вѣрность къ Монарху нашу,
Страданія и смерти испиймо чашу,
Злуданьемъ Мазелы, всевѣчно правы,
Посѣченны заставше топоромъ во главы;
Почиваемъ въ семъ мѣстѣ Матери Владычнѣ
Подаящая всѣмъ своимъ рабомъ животъ вѣчный.

Року 1708, мѣсяца Іюля 15 дня, посѣчены средь обозу войсковаго, за Бѣлою Церковію на Борщаговцѣ и Ковшевомъ благородный Василій Кочубей, Судія Генеральный; Іоанъ Искра, Полковникъ Полтавскій, Привезены-же тѣла ихъ Іюля 17 въ Кіевъ и тогожъ дня въ обители святой Печерской на семъ мѣстѣ погребены.»

ПЕРЕВОДЫ.

1. Малороссійскій, Гребенки, въ стихахъ (см. Библиографическія Записки 1858 г., № 5, столбецъ 145).

2 Чешскій, Бендля, въ стихахъ, въ *Časopis Českého Musea*, т. 30 и 31, (Прага, 1856 и 1857) См. ниже стр. XLV.

3. Французскіе: 1) Въ прозѣ, въ журналѣ *Bulletin du Nord*, Moscou, 1829, Т. II, (№ 5, 6 и 7). — 2) Dupont, *Oeuvres de Pouchkine*, Т. II.

4) Польскій переводъ, въ прозѣ, въ книгѣ: *Pisma Ludwika Juściewicza*. Wilno, 1834, въ 12 д. л., стр. 1—56.

5. Нѣмецкіе: 1) Липперта въ его собраніи переводовъ изъ Пушкина, 2) Эльснера и 3) Боденштедта. (См. Сборники переводовъ).

6. Итальянскій Делатра, въ прозѣ (См. ниже, указаніе Сборниковъ переведенныхъ поэмъ).

IX. ДОМИКЪ ВЪ КОЛОМНѢ, 1829 г. (стр. 227).

Въ альманахѣ *Новоселье*, ч. I (1833 г.). — Поэмы и повѣсти, 1833 г. — Посм. изд. II, 331—346 — Изданіе 1853, III, 333—345 и дополнительные строфы, I, 470.

Французскій переводъ въ *Oeuvres choisies de Pouchkine*, par Dupont, т. II.

X. ГАЛУБЪ, 1829 г. (стр. 239).

Современникъ т. VII, (1837 г.). — Посм. изд. IX, 107. — Изд. 1855, III, 347—357. — Точное время написанія всей піесы неизвѣстно, но по замѣчанію П. В. Анненкова, начало ея встрѣчается въ тетрадяхъ поэта 1829 г Нѣмецкій переводъ указанъ на стр. XLV.

Въ рукописи 10 и 11 стихи стр. 248:

Мнѣ трудъ легокъ. Я удалю
Отъ нашей сакли тощій голодъ.

XI. РОДОСЛОВНАЯ МОЕГО ГЕРОЯ, 1833 г. (стр. 249).

Современникъ т. III, (1836), 152—157, безъ имени автора. — Изд. посм IV, 320. — Изд. 1855, III, 359—363 и дополненіе изъ рукописи, т. I, 381—85 и т. VII, 70.

Изъ объясненій П. В. Анненкова (см. Матеріалы, стр. 381) видно, что *Родословная моего героя* и *Младный Всадникъ* должны

были, по первоначальной мысли Пушкина, составлять одно цѣлое. Впослѣдствіи Пушкинъ обратилъ большее вниманіе на вторую половину, и она явилась въ томъ видѣ, какъ мы ее имѣемъ подъ именемъ Мѣднаго Всадника. Въ рукописяхъ сохранились два начатка *Родословной*, впослѣдствіи передѣланные и послужившіе вступленіемъ Мѣдному Всаднику. Вотъ они:

1.

Надъ омраченнымъ Петроградомъ
Осенній вѣтеръ тучи гналъ.
Дышало небо влажнымъ хладомъ;
Нева шумѣла; бился валъ
О пристань набережной стройной,
Какъ челобитчикъ безпокойный
Объ дверь судейской. Дождь въ окно
Стучалъ печально. Ужъ темно
Все становилось. Въ это время
Иванъ Езерскій, мой сосѣдь,
Вошелъ въ свой тѣсный кабинетъ.
Однако-жъ родъ его и племя,
И чинъ, и службу, и года
Вамъ знать не худо, господа!
Начнемъ ab ovo. Мой Езерскій и проч.

2.

Надъ Петербургомъ омраченнымъ
Осенній вѣтеръ тучи гналъ,
Нева въ теченіи возмущенномъ,
Шумя неслась. Угрюмый валъ,
Какъ-бы проситель безпокойный
Плескалъ въ гранитъ ограды стройной
Ея широкихъ береговъ.
Среди бѣгущихъ облаковъ
Вечернихъ звѣздъ не видно было
Огонь свѣтился въ фонаряхъ;
На улицахъ взвивался прахъ,
И буйный вихоръ вылъ уныло,
Клубя сапоты дѣвъ ночныхъ
И заглушая часовыхъ.
Порой той поздней и печальной
Въ томъ домѣ, гдѣ стоялъ и я,

Неся огарокъ свѣчи сальной
Въ канурку пятого жилья
Вошелъ одинъ чиновникъ бѣдной,
Задумчивой, худой и блѣдной,
Вздохнувъ, свой осматрѣлъ чулашъ,
Постелю, пыльный чемоданъ,
И столъ бумагами покрытый,
И шкапъ со всѣмъ его добромъ;
Нашелъ въ порядкѣ все — потомъ,
Дымкомъ своей сигарки сытый
Раздѣлся самъ и легъ въ постель
Подъ заслуженную шинель.

Въ Матеріалахъ (стр. 382—385) и въ дополнительномъ VII томѣ изданія П. В. Анпенкова сообщены еще слѣдующіе отрывки *Родословной*, выкинутые Пушкинымъ:

1.

Могучихъ предковъ правнукъ бѣдной,
Люблю встрѣчать ихъ имена
Въ двухъ-трехъ строкахъ Карамзина,
Отъ этой слабости безвредной
Какъ ни старался — видитъ Богъ —
Отвыкнуть я никакъ не могъ.

2

Какой вы строгій литераторъ!
Вы говорите, критикъ мой,
Что ужъ Коллежскій Регистраторъ
Никакъ не долженъ быть герой,
Что выборъ мой всегда ничтоженъ,
Что въ немъ я страхъ неостороженъ,
Что долженъ брать себѣ поэтъ
Всегда всвышенный предметъ,
Что въ спискахъ цѣлаго Парнаса
Героя нѣтъ такого класса....
Вы правы!.. Но божиться радъ
И я совсѣмъ не виновать.

Скажите. *экой вздоръ!* иль bravo!
Иль не скажите ничего —

Я въ томъ стою: имѣлъ я право
Избрать сосѣда моего
Въ герои повѣсти смиренной,
Хоть малой онъ обыкновенной,
Не второклассный Донъ-Жуанъ,
Не Демонъ, даже не цыганъ,
А просто гражданинъ столичной,
Какихъ встрѣчаемъ всюду тму,
Ни по лицу, ни по уму,
Отъ нашей братьи не отличной.

3.

Во время смуты безначальной,
Когда то Ляхъ, то гордый Шведъ
Одолѣвалъ пашъ край печальной,
И гнила Русь отъ разныхъ бѣдъ,
Когда въ Москвѣ сидѣли воры,
А съ Крулемъ велъ переговоры
Предатель хитрый Салтыковъ,
И средь озлобленныхъ враговъ
Посольство Русское гладало,
И за отчизну сталъ одинъ
Нижегородскій мѣщанинъ,
Въ тѣ дни Езерскій....

4.

Онъ былъ затѣйливъ, не богатъ,
Собою бѣлокуръ, немпого рязоватъ,
А впрочемъ гражданинъ столичный и проч.

5.

Какъ всѣ онъ велъ себя не строго,
Какъ всѣ о деньгахъ думалъ много —
И жуковскій курилъ табакъ,
Какъ всѣ носилъ мундирный фракъ.

6.

Онъ одѣвался нерадиво:
На немъ сидѣло все не такъ;

Всегда бывалъ застегнуть криво
Его зеленый, узкій фракъ.

7.

Къ тому-же — это подражанье
Поэту Байрону! Нашъ лордъ,
(Какъ говорить о немъ преданье),
. былъ ... отменно гордъ —
Не только даромъ пѣснопѣнья
Но и рожденья;
. Ламартинъ
Я слышалъ тоже дворянинъ;
Гюго не знаю.. .

ПРИМѢЧАНІЯ ПУШКИНА.

Стр. 250, стихъ 11-й: На воеводствѣ и въ отвѣтѣ.

Примѣч. «Въ посольствѣ».

Тамъ-же къ стиху 19-му: И умеръ Сицкихъ *переселъ*.

Примѣч. *Переселъ* кого, старинное выраженіе, значитъ занять мѣсто выше.

Стр. 251, стихъ 19 Ходаковский. — Извѣстный любитель древности, умершій нѣсколько лѣтъ назадъ.

XII. МѢДНЫЙ ВСАДНИКЪ, 1833 г. (стр. 253).

Современникъ т. V, (1837), гдѣ названъ «Петербургскою повѣстью». — Изд. посм. IX, 3—26. — Изд. 1855, III, 365—381 и дополненіе, VII, 72. — Это дополненіе вставлено въ наше изданіи въ текстъ на стр. 317, вмѣсто нѣсколькихъ стиховъ прежнихъ изданій, не принадлежащихъ Пушкину. Отрывокъ подъ названіемъ *Петербургъ* былъ напечатанъ въ Библіотекѣ для Чтенія, т. VII. (1834, № 12), I, 117. — Въ примѣчаніи П. В. Анненкова сообщены изъ рукописи стихи, измѣненные Пушкинымъ въ другой рукописи, съ которой поэма печаталась и которая имъ исправлена

Кромѣ того сохранилась черновая рукопись, о которой говорится въ Матеріалахъ, стр. 381—385, заключающая въ себѣ начатки поэмы. П. В. Анненковъ еще замѣчаетъ, что въ печати включены слѣдующіе стихи, не принадлежащіе Пушкину:

1. И съ распростертою рукой
Какъ будто градомъ любовался.
2. Предъ дивнымъ русскимъ Великаномъ
И персть свой на него поднимъ,
Задумался.

Въ рукописи, переписанной писцомъ и съ которой поэма печаталась, есть еще поправки Пушкина. Передаемъ ихъ изъ примѣчанія П. В. Анненкова (т. III, стр. 550 и слѣд.).

<i>Текстъ поэмы, писанный на- чисто самимъ Пушкинымъ.</i>	<i>Копія писца съ новыми по- правками Пушкина.</i>
1 Мое перо къ тому-же дружно	1. Мое перо ужъ какъ-то дружно стр. 257).
2. нашъ герой Живетъ въ чуданѣ...	2. нашъ герой Живетъ въ Коломнѣ. (стр. 257).
3. Ни о почіющей роднѣ.	3. Ни о покойницѣ-роднѣ (стр. 257).
4. Что врядъ еще черезъ два года Онъ чинъ получитъ; что рѣка Все прибывала, что погода Не упималась, что едва-ль Мостовъ не съымутъ, что, ко- нечно, Парашѣ будетъ очень жаль.... Тутъ онъ разнѣжился сердечно И размечтался какъ поэтъ. Жениться? Чтожъ? Зачѣмъ- же нѣтъ? И въ самомъ дѣлѣ? Я устрою Себѣ смиренный уголокъ, И въ немъ Парашу успокою. Кровать, два стула, шей гор- шокъ Да самъ большой.... чего мнѣ болѣ?	4. Что служитъ онъ всего два года (и т. д. 8 стиховъ, стр. 257).

Не будемъ прихотей мы знать,
По Воскресеньямъ лѣтомъ,
 въ полѣ
Съ Парашей буду я гулять;
Мѣстечко выпрошу; Парашѣ
Препоручу хозяйство наше
И воспитаніе ребятъ ...
И станемъ жить и такъ до
 гроба
Рука съ рукой дойдемъ мы
 оба
И внуки насъ похоронятъ»
Такъ онъ мечталъ.

5 И пуще, пуще свирѣпѣла,
Приподымалась и ревѣла.
Котъ омъ клокоча и клубясь
И наконецъ остервенясь
На городъ бинулась ..

6 волны вдругъ
Вломились въ улицы, въ под-
 валы,
Съ Невой слились ся каналы
И всплылъ Петрополь....

7. Мосты, снесенные грозой
.....
.....
Пожитки бѣдныхъ, рухлядь ихъ
Колеса дрожеѣ городскихъ,
Гроба съ размытаго кладбища.

8. Его стегали, потому
Что было все ему дорогой
И дворъ, и улица, но онъ
Не примѣчалъ. Онъ оглушенъ
Былъ чудной, внутренней тре-
 вогой.

3 Погода пуще свирѣпѣла,
Нева вздувалась и ревѣла
Котломъ клокоча и клубясь
И вдругъ какъ звѣрь остервѣ-
 нясь
На городъ бинулась....

6. воды вдругъ
Втекли въ подземные подвалы;
Къ рѣшеткамъ хлынули каналы
И всплылъ Петрополь...

7. Сади подъ мокрой пеленой
.....
.....
Пожитки бѣдной нищеты.
Грозой снесенные мосты,
Гроба съ размытаго кладбища.

8. Его стегали, потому
Что онъ не разбиралъ дороги
Ужъ никогда; казалось онъ
Не примѣчалъ. Онъ оглушенъ
Былъ шумомъ внутренней тре-
 воги. (стр. 264).

ПРИМѢЧАНІЯ ПУШКИНА.

Стр. 254, стихъ 2-й: «Въ Европу прорубить окно.»

Альгаротти гдѣ-то сказалъ: *Petersbourg est la fenêtre, par laquelle la Russie regarde en Europe.*

Стр. 254, стихъ 5-й снизу: Люблю тебя Петра творенье.

См. стихи К. Вяземскаго къ Графинѣ 3***.

Стр. 258, стихъ 8-й Нева всю ночь...

Мицкевичъ прекрасными стихами описалъ день, предшествовавшій Петербургскому наводненію (въ одномъ изъ лучшихъ своихъ стихотвореній *Oleszkiewicz*). Жаль только что описаніе его не точно: снѣгу не было. Нева не была покрыта льдомъ. Наше описаніе вѣрнѣе, хотя въ немъ нѣтъ яркихъ красокъ польскаго поэта.

Стр. 259, стихъ 25-й. Его пустились генералы.

Графъ Милородовичъ и генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ.

Стр. 265, стихъ 14-й:

Гигантъ съ простертою рукою. .

Сидѣлъ на бронзовомъ конѣ.

См. описаніе памятника Мицкевича. Опо заимствовано изъ Рубана—какъ замѣчаетъ самъ Мицкевичъ.

Польскій переводъ Мѣднаго Всадника въ Денницѣ, т. II, изд. Дубровскимъ въ Варшавѣ, въ 1842 г.

ХІІІ. АНДЖЕЛО, 1833 г. (стр. 268).

П. В. Анненковъ говоритъ (III, 553), что «эта передѣлка Шекспировой поэмы: *Млрѹ за млрѹ*, находится въ тетрадяхъ поэта, принадлежащихъ къ 1833 году.»—Она напечатана была въ альманахѣ Повоселье на 1834 годъ; въ изданіи Псэмъ и Повѣстей, т. II; въ посм. изданіи, II, 347 и въ изданіи 1855, III, 383—406.

ПРОСТОНАРОДНЫЯ СКАЗКИ.

1. Жвннхъ, 1825 г. (стр. 292).

Моск. Вѣстникъ, т. IV, (1827, № 13), стр. 3.—Изд. 1829, стр. 44.—Посм. изд. IV, 17.—Изд. 1855, III, 407—414.

2. СКАЗКА О ЦАРѢ САЛТАНѢ, 1831 г. стр. 298).

Изд 1832.—Посм. изд. IV, 47.—Изд. 1855, III, 415.

3. СКАЗКА О КУПЦѢ КУЗЬМѢ ОСТОЛОПѢ И РАБОТНИКѢ ЕГО БАЛДѢ, 1831 г. (стр. 327).

Сынъ Отеч. 1840, т. II, № 5.—Посм. изд. IX, 225.—Изд. 1855, III, 448.

4. СКАЗКА О ЗОЛОТОМЪ ПЪТУШЕѢ, 1833 г. (стр. 333).

Библиотека для Чтенія, т. IX, (1835, № 16), отд. I, 411.—Изд 1835, IV, 61.—Посм. изд. IV, 113.—Изд. 1855, III, 445.

Французскій переводъ, въ стихахъ въ книгѣ: *Histoire intellectuelle de l'Empire de Russie, par Tardif de Mello*. Paris, 1854.

5 СКАЗКА О МЕРТВОЙ ЦАРЕВНѢ И О СЕМИ БОГАТЫРЯХЪ. (стр. 340).

Библиотека для Чтенія, т. II, (1834, № 2), I, 1.—Стихотв 1835, ч. IV, 13.—Посм. изд. IV, 89.—Изд. 1855, III, 463.

6. СКАЗКА О РЫБАКѢ И РЫБКѢ, 1833 г. (стр. 356).

Библиотека для Чтенія, т. X, (1835, № 17), I, 5.—Изд. 1835, IV, 75.—Посм. изд IV, 125.—Изд. 1855, III, 483.

Французскій переводъ г. Сазонова въ *Athenaeum français*, 1855 г. № 52, стр. 686

Отдѣльно изданныя съ картинами:

Сказка о рыбацѣ и рыбкѣ. 6-е изд. 1869 г.

Сказка о царѣ Салтанѣ. 3-е изд. 1869 г.

Сказка о мертвой царевнѣ. 3-е изд.

ЭПИЧЕСКІЕ ОТРЫВКИ.

1. АЛѢФОНСЪ. Начало поэмы (стр. 363).

Посм. изд. IX, 205.—Изд. 1855, II, 196.

2. БОВА (стр. 364).

Посм. изд. IX, 205.—Изд. 1855, II, 196.

3. НАЧАЛО СКАЗКИ: «Царь Никита жилъ когда — то....» (стр. 372).

Этотъ отрывокъ, сохраненный памятью Льва Сергѣевича Пушкина, былъ напечатанъ въ Библиографическихъ Запискахъ 1858, № 4, въ примѣчаніи къ письму Пушкина отъ 15 марта 1825 г., въ которомъ онъ упоминаетъ о своей сказкѣ. Еще отрывокъ находится въ берлинскомъ изданіи стихотвореній Пушкина 1861 г.

4 и 5. Два отрывка простонародныхъ разсказовъ (стр. 373 и 375)

VI, VII, и VIII отрывки, перенесены изъ I тома прежняго изданія; при нихъ по недосмотру опущены указанія годовъ: первые два относятся къ 1828, а 8-й къ 1832 году.

ПѢСНИ ЗАПАДНЫХЪ СЛАВЯНЪ, 1832—1833 г. (стр. 381).

Библіотска для Чтенія, т. IX, (1835, № 15) и т. VIII, (1835, № 14), Сербская пѣсня: Конь (стр. 487).—Стихотворенія 1835, ч. IV, 115—177, гдѣ присоединено предисловіе и примѣчанія, которыхъ не было въ Библіотекѣ для Чтенія.—Посм. изд. IV, 139—195 и Сербская пѣсня, III, 115.—Изд. 1855, III, 491—533.

17-я пѣсня (отрывокъ, стр. 412) взята изъ Матеріаловъ П. В. Анненкова (стр. 380).

ПРИМѢЧАНІЯ ПУШКИНА.

Видѣніе Короля. стр. 383.

1. Ома былъ тайно умерщвленъ своими двумя сыновьями, Стефаномъ и Радивоемъ въ 1460 году. Стефанъ ему наслѣдовалъ. Радивой, негодуя на брата за похищеніе власти, разгласилъ ужасную тайну и бѣжалъ въ Турцію къ Магомету II. Стефанъ, по внушенію Папскаго легата, рѣшился воевать съ Турками. Онъ былъ побѣжденъ и бѣжалъ въ Ключъ-городъ, гдѣ Магометъ осадилъ его. Захваченный въ плѣнъ, онъ не согласился принять Магометанскую вѣру, и съ него содрали кожу.

Стр. 384, къ стиху 15-му.

2. Щиколodka, по Московскому нарѣчію щиколка.

Стр. 384, стихъ 17-й. Богумилы.

3. Такъ называютъ себя нѣкоторые Иллирійскіе раскольники.
Стр. 385, стихъ 3-й.

4. Фалавга, палочные удары по пятамъ.

Стр. 385, стихъ 8-й. Беглербей.

5. Радивой вѣкогда не имѣлъ этого сана, и всѣ члены королевскаго семейства истреблены были Султаномъ.

Стр. 385, стихъ 12-й

6. Кафтаны, обыкновенный подарокъ Султановъ.

Стр. 386, стихъ 2-й: «Вдругъ взвилась изъ-за города бомба.»

7. Примѣч. «Анахронизмъ.»

Стр. 386, стихъ 15 й. Въ церкви Спаса они братовались.

8. Трогательный обычай *братованія* у Сербовъ и другихъ западныхъ Славянъ, освящается духовными обрядами.

Стр. 388, заглавіе: Битва у Зеницы—великой.

9. Неизвѣстно къ какому происшествію относится эта пѣсня

Стр. 388, стихъ 8-й. И сказали: «Возьмите насъ съ собою.»

10. Потеря сраженія приписывается Далматамъ, ненавистнымъ для Влаховъ.

Стр. 388, стихъ 17-й снизу: «А жидовъ на деревьяхъ вѣшать.»

11. Жиды въ Турецкихъ областяхъ суть вѣчные предметы гоненія и ненависти. Во время войны имъ доставалось отъ мусульманъ и христіанъ. Участь ихъ, замѣчаетъ В. Скоттъ, походить на участь летучей рыбы, Меряме.

Стр. 388, стихъ 16-й.

12. Банялуки, прежняя столица Боснійскаго Пашалыка.

Стр. 389, стихъ 1-й.

13. Семихтаръ, меченосецъ.

Стр. 390, стихъ 7-й

14. Всѣ народы почитали жабу ядовитымъ животнымъ.

Стр. 392. Влахъ въ Венеціи.

15. Мицкевичъ перевелъ и украсилъ эту пѣсню.

Стр. 393, Гайдукъ Хривичъ.

16. Гайдукъ, глава, начальникъ. Гайдуки не имѣютъ прища и живутъ разбоями.

Стр. 394, стихъ 24-й: Кровь сосать нашихъ недруговъ спящихъ

17. Западные Славяне вѣрятъ существованію *упырей* (vampire) См. пѣсню о *Маркѣ Якубовичѣ*.

Стр. 395. Похоронная пѣсня Іакинѣа Маглановича.

Въ Библ. для Чт., т. IX, стр. 16 первая строфа и послѣдняя:

• Съ Богомъ, въ дальнюю дорогу!
Съ Богомъ, нынѣ въ честь твою
Помолясь усердно Богу,
Кубокъ я прощальный пью. •

Мериме помѣстилъ, въ началѣ своей *Guzla*, извѣстiе о старомъ гуслярѣ Іакимѣ Маглановичѣ; неизвѣстно, существовалъ-ли онъ когда-нибудь, но статья его біографа имѣетъ необыкновенную прелесть оригинальности и правдоподобія. Книга Мериме рѣдка, и читатели, думаю, съ удовольствіемъ найдутъ здѣсь жизнеописаніе Славянина-поэта.

NOTICE SUR HYACINTHE MAGLANOVICH.

Hyacinthe Maglanovich est le seul joueur de *Guzla* que j'ai vu, qui fût aussi poète; car la plupart ne font que répéter d'anciennes chansons, ou tout au plus ne composent que des pastiches, en prenant vingt vers d'une ballade, autant d'une autre, et liant le tout au moyen de mauvais vers de leur façon.

Notre poète est né à Zuonigrad, comme il le dit lui-même dans sa ballade intitulée: *l'Aubépine de Veliko*. Il était fils d'un cordonnier, et ses parens ne semblent pas s'être donné beaucoup de mal pour son éducation, car il ne sait ni lire ni écrire. A l'âge de huit ans il fut enlevé par des *Tchingénehs* ou Bohémiens. Ces gens le menèrent en Bosnie, où ils lui apprirent leurs tours et le convertirent sans peine à l'islamisme, qu'ils professent pour la plupart *). Un *ayan* ou maire de Livno le tira de leurs mains et le prit à son service, où il passa quelques années.

Il avait quinze ans, quand un moine catholique rêvait à le convertir au christianisme, au risque de se faire empaler s'il était découvert; car les Turcs n'encouragent point les travaux des missionnaires. Le jeune Hyacinthe n'eut pas de peine à se décider à quitter un maître assez dur, comme sont la plupart des Bosniaques; mais, en se sauvant de sa maison, il voulut tirer vengeance de ses mauvais traitemens. Profitant d'une nuit orageuse, il sortit de Livno, emportant une pelisse et le sabre de son

*) Tous ces détails m'ont été donnés en 1817 par Maglanovich lui-même.

maître, avec quelques sequins qu'il put dérober. Le moine qui l'avait rebaptisé l'accompagna dans sa fuite, que peut-être il avait conseillée.

De Livno à Scign en Dalmatie il n'y a qu'une douzaine de lieues. Les fugitifs s'y trouvèrent bientôt sous la protection du gouvernement vénitien et à l'abri des poursuites de l'ayan. Ce fut dans cette ville que Maglanovich fit sa première chanson: il célébra sa fuite dans une ballade qui trouva quelques admirateurs et qui commença sa réputation **).

Mais il était sans ressources d'ailleurs pour subsister, et la nature lui avait donné peu de goût pour le travail. Grâce à l'hospitalité morlaque, il vécut quelque temps de la charité des habitans des campagnes, payant son écot en chantant sur la guzla quelque vieille romance qu'il savait par cœur. Bientôt il en composa lui-même pour des mariages et des enterremens, et sut si bien se rendre nécessaire, qu'il n'y avait pas de bonne fête si Maglanovich et sa guzla n'en étaient pas.

Il vivait ainsi dans les environs du Scign, se souciant fort peu de ses parens, dont il ignore encore le destin, car il n'a jamais été à Zuonigrad depuis son enlèvement.

A vingt-cinq ans c'était un beau jeune homme, fort, adroite bon chasseur, et de plus, poète et musicien célèbre; il était bien vu de tout le monde, et surtout des jeunes filles. Celle qu'il préférait, se nommait Marie et était fille d'un riche Morlaque, nommé Iarinovich. Il gagna facilement son affection et, suivant la coutume, il l'enleva. Il avait pour rival une espèce de seigneur du pays, nommé Uglian, lequel eut connaissance de l'enlèvement projeté. Dans les mœurs illyriennes, l'amarant dédaigné se console facilement et n'en fait pas plus mauvaise mine à son rival heureux; mais cet Uglian s'avisa d'être jaloux et voulut mettre obstacle au bonheur de Maglanovich. La nuit de l'enlèvement il parut, accompagné de deux de ses domestiques, au moment où Marie était déjà montée sur un cheval et prête à suivre son amarant. Uglian leur cria de s'arrêter d'une voix menaçante. Les deux rivaux étaient armés suivant l'usage. Maglanovich tira le premier et tua le seigneur Uglian. S'il avait eu une famille, elle aurait épousé sa querelle, et il n'aurait pas quitté le pays pour si peu

**) J'ai fait des vains efforts pour me la procurer. Maglanovich lui-même l'avait oubliée, ou peut-être eut-il honte de me réciter son premier essai dans la poésie.

de chose; mais il était sans parens pour l'aider, et il restait seul exposé à la vengeance de toute la famille du mort. Il prit son parti promptement et s'enfuit avec sa femme dans les montagnes, où il s'associa avec des Heyduques *).

Il vécut longtemps avec eux, et même il fut blessé au visage dans une escarmouche avec les Pandours **). Enfin, ayant gagné quelque argent d'une manière assez peu honnête, je crois, il quitta les montagnes, acheta des bestiaux et vint s'établir dans le Kotar avec sa femme et quelques enfans. Sa maison est près de Smocovich, sur le bord d'une petite rivière ou d'un torrent qui se jette dans le lac de Vrana. Sa femme et ses enfans s'occupent de leurs vaches et de leur petite ferme; mais lui est toujours en voyage; souvent il va voir ses anciens amis les Heyduques, sans toutefois prendre part à leur dangereux métier.

Je l'ai vu à Zara pour la première fois en 1816. Je parlais alors très-facilement l'illyrique, et je désirais beaucoup entendre un poète en réputation. Mon ami, l'estimable voivode Nicola, avait rencontré à Biograd, où il demeure, Hyacinthe Maglanovich, qu'il connaissait déjà, et sachant qu'il allait à Zara, il lui donna une lettre pour moi. Il me disait que, si je voulais tirer quelque chose du joueur de guzla, il fallait lui faire boire; car il ne se sentait inspiré que lorsqu'il était à peu près ivre.

Hyacinthe avait alors près de soixante ans. C'est un grand homme, vert et robuste pour son âge, les épaules larges et le cou remarquablement gros; sa figure est prodigieusement basanée; ses yeux sont petits et un peu relevés du coin; son nez aquilin, assez enflammé par l'usage des liqueurs fortes, sa longue moustache blanche et ses gros sourcils noirs forment un ensemble que l'on oublie difficilement quand on l'a vu une fois. Ajoutez à cela une longue cicatrice qu'il porte sur le sourcil et sur une partie de la joue. Il est très-extraordinaire qu'il n'ait pas perdu l'œil en recevant cette blessure. Sa tête était rasée, suivant l'usage presque général, et il portait un bonnet d'agneau noir: ses vêtemens étaient assez vieux, mais encore très-propres.

En entrant dans ma chambre, il me donna la lettre du voivode et s'assit sans cérémonie. Quand j'eus fini de lire: vous parlez donc l'illyrique, me dit-il d'un air de doute assez méprisant. Je lui répondis sur-le-champ dans cette langue que je l'entendais

*) Espèce de bandits.

**) Soldats de la police.

assez bien pour pouvoir apprécier ses chansons qui m'avaient été extrêmement vantées. Bien, bien, dit-il; mais j'ai faim et soif: je chanterai quand je serai rassasié. Nous dînâmes ensemble. Il me semblait qu'il avait jeûné quatre jours au moins, tant il mangeait avec avidité. Suivant l'avis du voivode, j'eus soin de le faire boire. et mes amis, qui étaient venus nous tenir compagnie sur le bruit de son arrivée, remplissaient son verre à chaque instant. Nous espérions que quand cette faim et cette soif si extraordinaires seraient apaisées, notre homme voudrait bien nous faire entendre quelques-uns de ses chants. Mais notre attente fut bien trompée. Tout d'un coup il se leva de table, et se laissant tomber sur un tapis près du feu (nous étions en Décembre), il s'endormit en moins de cinq minutes, sans qu'il y eut moyen de le réveiller.

Je fus plus heureux une autre fois: j'eus soin de le faire boire seulement assez pour l'animer, et alors il nous chanta plusieurs des ballades que l'on trouvera dans ce recueil.

Sa voix a dû être fort belle; mais alors elle était un peu cassée. Quand il chantait sur sa guzla, ses yeux s'animaient et sa figure prenait une expression de beauté sauvage, qu'un peintre aimerait à exprimer sur la toile.

Il me quitta d'une façon étrange: il demeurait depuis cinq jours chez moi, quand un matin il sortit, et je l'attendis inutilement jusqu'au soir, J'appris qu'il avait quitté Zara pour retourner chez lui; mais en même temps je m'aperçus qu'il me manquait une paire de pistolets anglais qui, avant son départ précipité, étaient pendus dans ma chambre. Je dois dire à sa louange qu'il aurait pu emporter également ma bourse et une montre d'or qui valaient dix fois plus que les pistolets qu'il m'avait pris.

En 1817 je passai deux jours dans sa maison, où il me reçut avec toutes les marques de la joie la plus vive. Sa femme et tous ses enfans et petits-enfans me sautèrent au cou, et quand je le quittai, son fils aîné me servit de guide dans les montagnes pendant plusieurs jours, sans qu'il me fût possible de lui faire accepter quelque récompense.

Стр. 397, стихъ 19-й: Видишь ты кровавую ранку?

Это зубъ Вурдалака, повѣрь мнѣ.

19. Вурдалаки, Вудкодаки, Упыри, мертвецы, выходящіе изъ своихъ могилъ и сосущіе кровь живыхъ людей.

Стр. 398, стихъ 4-й: Калуерь могильною землею

Ребенка больного всего вытеръ.

20. Лекарствомъ отъ укушенія Упыря служить земля, взятая зъ его могилы.

Стр. 403, стихъ 7-й. И заснулъ на Бѣлградской дорогѣ.

21. По другому преданію Георгій сказалъ товарищамъ: старикъ мой умеръ: возьмите его съ дороги.

Стр. 405. Сестра и братья.

22. Прекрасная эта поэма взята мною изъ собранія Сербскихъ пѣсенъ Вука Стефановича.

Стр. 408. Янышъ-Королевичъ.

23. Пѣсня о Янышѣ-Королевичѣ въ подлинникѣ очень длинна и раздѣляется на нѣсколько частей. Я перевелъ первую и то не всю.

СОБРАНІЯ ПЕРЕВОДОВЪ ПОЭМЪ *).

1. *I quattro poemî maggiori di Alessandro Pouschkine, tradotti da Cesare Bocella. Pisa, co'carrattieri di Didot. 1841, въ 16 д. л., XXII и 134 стр.*

Это едва-ли не лучший итальянскій переводъ изъ сочиненій Пушкина—извѣстнаго итальянскаго писателя Бочелла: онъ передалъ поэмы бѣлыми стихами, слѣдуя буквальному переводу, сдѣланному для него, какъ для незнакомаго съ русскимъ языкомъ. Содержаніе книги: предисловіе, очеркъ жизни Пушкина и его поэмы—Бахчисарайскій Фонтанъ, Пльнникъ, Цыганы и Братья-разбойники.

2. *Racconti poetici di Alessandro Puschkin, poeta russo, tradotti da Luigi Delatre. Firenze. Felice Le Monnier, 1856, въ 12 д. л., XXXII и 242 стр.*

Въ посвященіи своей книги (Князю Л. Чернышеву) переводчикъ говоритъ, что его трудъ исполненъ по мысли и при содѣйствіи Князя Вяземскаго, во время пребыванія Делатра въ Петербургѣ въ 1842 году. Въ предисловіи читаемъ краткую, но довольно удовлетворительную біографію поэта. Въ ней есть выписки изъ его писемъ и статьи Жуковскаго о смерти Пушкина. Переводчикъ зналъ о стихотворныхъ переводахъ Кавказскаго Пльнника и Бахчисарайскаго Фонтана Маркиза Boccella, но не могъ ихъ достать. Объ итальянскомъ переводѣ *Кавказскаго Пльнника*, вышедшемъ въ Одессѣ въ 1837 г., онъ, по-видимому, не имѣлъ свѣдѣній.

*.) Отдѣльно вышедшіе переводы поэмъ уже указаны: здѣсь исчислены книги, въ которыхъ нахо-дятся переводы нѣсколькихъ поэмъ вмѣстѣ.

Переводъ въ прозѣ и возможно-близкій. Переведены поэмы: Кавказскій Плѣнникъ, Графъ Нулинъ, Цыганы, Бахчисарайскій Фонтанъ, Полтава и Евгений Онегинъ. Встрѣчаются примѣчанія переводчика и объясненія.

3. *Niezapominajki Ukrainca, E. F. Daszkowskiego. Zawierajace proz oczy oryginalnych poezij autora, przeklady calkowitych poematow Aleksandra Puszkina. Wydanie ozdobione winjetami i litografia do poematu Puszkina.* St. Pét. 1844, въ 8 д. л., 120 стр.

Здѣсь помѣщены польскіе переводы, въ стихахъ, Цыганъ и Бахчисарайскаго Фонтана.

4. *Dichtungen von A. Puschkin und M. Lermontow. Deutsch von Theodor Opitz. Berlin. Hoffmann.* 1859, въ 12 д. л.

Здѣсь переводы въ стихахъ Кавказскаго Плѣнника, Цыганъ и Галуба и 24-хъ лирическихъ піесъ Пушкина.

5. *Vybor básni Alexandra Puskina. Vidává V. C. Bendl. Srazek I. Básne rozpravné. V Pisku,* 1859, въ 12 д. л., 272 стр.

Чешскій переводъ въ стихахъ поэмъ: Бахчисарайскаго Фонтана Братъевъ-разбойниковъ, Цыганъ, Плѣнника, Графа Нулина, Полтавы и Бориса Годунова.

6. *Poltawa, dua brata razbojnika i Cigani, prvod i Ruskagu—Sptro Dim. Kotarinin Zagreb,* 1860, въ 12 д. л. (Русскій переводъ).

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРАГО ТОМА.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ПОЭМЫ, СКАЗКИ, ЭПИЧЕСКІЕ ОТРЫВКИ И ПѢСНИ ЗАПАДНЫХЪ СЛАВЯНЪ.

Поэмы.

	СТР.
I. Русланъ и Людмила	3
II. Кавказскій Плѣнникъ	88
(Первая мысль Кавказскаго Плѣнника. Приписка къ Кавказскому Плѣннику.)	
III. Бахчисарайскій Фонтанъ	112
Отрывокъ изъ письма А. С. Пушкина къ барону Дельвигу.	
IV. Братья Разбойники	130
V. Отрывки изъ Новгородской повѣсти «Вадимъ» . . .	138
VI. Цыганы	144
Пропущенное мѣсто въ поэмѣ «Цыганы».	
VII. Графъ Нулинъ	166
VIII. Полтава	178
IX. Домикъ въ Коломнѣ	227
Дополнительныя октавы къ повѣсти «Домикъ въ Коломнѣ».	
X. Галубъ	239
XI. Родословная моего Героя	249
XII. Мѣдный Всадникъ	253
XIII. Анджело	268

Простонародныя сказки.

I. Женихъ	292
II. Сказка о царѣ Салтанѣ, о сынѣ его, славномъ и могучемъ богатырѣ князѣ Гвидонѣ Салтановичѣ и о прекрасной царевнѣ Лебеди	298
III. Сказка о купцѣ Кузьмѣ Остолопѣ и работникѣ его Балдѣ	327

	стр.
IV. Сказка о Золотомъ пѣтушкѣ	333
V. Сказка о Мертвой царевнѣ и о семи богатыряхъ . . .	340
VI. Сказка о рыбацѣ и рыбкѣ	356

Эпическіе отрывки.

(Неизвѣстныхъ годовъ).

I. Альфонсъ	363
II. Бова	364
III. Начало сказки	372
IV. Какъ весенней теплою порой	373
V. Сватъ Иванъ, какъ пить мы станемъ	375
VI. Огрызокъ изъ поэмы «Конрадъ Валленродъ», Мицкевича .	376
VII. Кромѣшникъ	378
VIII. Начало повѣсти	379

Пѣсни западныхъ славянъ.

Предисловіе	381
I. Видѣніе короля	383
II. Яко Марнавичъ	386
III. Битва у Зеницы-Великой	388
IV. Феодоръ и Елена	389
V. Влакъ въ Венеціи	392
VI. Гайдукъ Хризичъ	393
VII. Похоронная пѣсня Іакинѣа Маглановича	395
VIII. Марко Якубовичъ	396
IX. Бовалартъ и Червогорцы	399
X. Соловей	401
XI. Пѣсня о Георгіи Черномъ	401
XII. Воевода Милошъ	403
XIII. Вурдалакъ	404
XIV. Сестра и Братъ	405
XV. Янышъ Королевичъ	408
XVI. Конь	411
XVII. (Отрывокъ)	412
Примѣчанія	I—XLVI